

Эвелина Пиженко

**Когда осенние
печали
Часть вторая**

Со дня описываемых в первой части событий прошло пятнадцать лет. Непростые девяностые не обходят стороной и наших героев. Александр увольняется из армии и вместе с Анной возвращается в город, где прошли годы их учёбы. У Виталия с Олегом — общий бизнес и одна на двоих любимая женщина. Судьбы героев вновь соприкасаются, но почувствуют ли сами герои это соприкосновение и как будут развиваться события на этом этапе их жизни, читатели узнают, прочитав вторую часть романа.

Эвелина Пиженко.

КОГДА ОСЕННИЕ ПЕЧАЛИ. Роман. Часть 2.

Глава 1.

— Ну, что... бывай... — мужчина лет тридцати пяти, чуть выше среднего роста, худощавый, с довольно крупным для удлинённого, узкого лица, носом, протянул руку другому мужчине, своему ровеснику, сидевшему в кожаном кресле за столом большого кабинета, — Прилечу — созвонимся.

— Да, конечно, — его собеседник встал и, ответив на рукопожатие, вышел из-за стола, — бывай, Олежек. Удачной поездки.

— Да, чуть не забыл... — уже дойдя до двери, тот вдруг снова обернулся, — что там у нас по нашему объекту? Мне отчётность так и не поступила.

— Послушай, Олег, — хозяин кабинета неожиданно нахмурился, — мы уже договаривались, здесь, в этом кабинете, о т е х делах разговор не заводить. Пять лет одно и то же говорю, и все пять лет ты игнорируешь мои просьбы...

— Виталя, по-моему, ты заигрался в конспирацию, — усмехнулся Олег, — ты что, жучков до сих пор боишься? Так Лёха проверял недавно... нету у тебя тут прослушки, да и некому уже её ставить. И вообще, пора из тени выходить, задолбало всего бояться, ну, честно!

— Нам ещё долго всего бояться, — засунув руки в карманы брюк, Виталий остановился напротив товарища, — думаешь, мне не надоело? Не время пока, и не мне тебе об этом говорить.

— Виталик, проснись! — Олег шутливо пощёлкал пальцами перед глазами Виталия, — Слава Богу, не девяносто третий, и уж не девяносто пятый! Девяносто восьмой на дворе!

— Тебе хорошо говорить, ты всего лишь учредитель, а я и учредитель, и директор, и все проблемы решать только мне. Я зарплату рабочим начал только месяц назад выдавать, представляешь, за все годы сколько накопилось?

— Я предлагал... надо было им продукцией выдавать, — хмыкнул Олег, — выдают же гвоздями, туалетной бумагой... так почему не водкой?

— Шутки шутками, а я в прокуратуре уже прописался. Меня там как родного уже принимают, сколько бабла на одни взятки ушло, а жалобы всё пишут и пишут...

— Так это же класс, Виталя! — мужчина хлопнул Виталия по плечу, — Мы теперь и в прокуратуре свои, и в СЭС — свои, и в администрации — свои... а с рэкетом в стране уже почти покончено!

— Так государство и есть — самый главный рэкетир. Ты, кстати, ещё налоговую забыл упомянуть.

— А вот про налоговую лучше помолчи, — Олег сделал упреждающий жест рукой, —

моя Танька всегда на страже наших интересов.

— Ну, да... — повернувшись к окну, Виталий задумчиво заложил за спину руки, — Твоя Татьяна молодец... не то, что...

— Ты про Альку? — Олег бросил на собеседника настороженный взгляд, — Кстати, почему ты её не хочешь взять сюда на работу? И отец интересуется...

— Послушай, Олег, — Виталий наморщил лицо, — давай, без этих родственных протекций, ладно?

— Да что ты её дома всё время держишь?!

— Ты не хуже меня знаешь, что её дома держит. Лучше бы мне посочувствовал, а не ей.

— Она мне всё-таки сестра как-никак... и жалуется постоянно, что ты не даёшь ей себя реализовать.

— Плохому танцору всегда что-то мешает. Пусть реализует, — Виталий пожал плечами, — кто не даёт? Она переводчик, вот, пусть и идёт в переводчики... А здесь, на ликёро-водочном заводе, ей делать нечего. Сам всё прекрасно знаешь.

Распрощавшись с Олегом, Виталий снова уселся в своё кресло. Постукивая по столу карандашом, чуть поджал красивой формы губы, задумчиво уставился куда-то вниз. Акции ловко подведённого под банкротство ликёро-водочного завода несколько лет назад были удачно выкуплены им и его шурином Олегом Дзюбой на равных паях. С тех пор завод несколько раз менял своё название, уходя от налогов, но его новые учредители оставались неизменными.

Помимо учредительства, Виталий Мясников исполнял обязанности директора завода, всё больше и больше лоя себя на мысли, что эта должность ему порядком поднадоела — в ней не было творческого начала, к которому стремилась его артистическая душа... и, лишь открыв ещё один, но уже подпольный цех по производству алкогольной продукции, он почувствовал удовлетворение — не только от материального достатка, но и от риска, который всегда подпитывал его натуру. На фоне всеобщего хаоса и накатившей на страну поголовной нищеты криминальный бизнес процветал и приносил огромный доход.

Когда-то, стремясь сделать партийную карьеру, Мясников мечтал о власти, которая могла дать абсолютно всё. Времена изменились круто и внезапно.

Партийной карьеры не получилось... Компартия больше не была рулевым, да и страна уже была другой. Кто успел — схватил кусок, кому повезло — схватил кусок пожирнее... Надеяться больше было не на кого — отец Виталия вместе с должностью потерял все свои полномочия и привилегии, мать утратила звание прима областного драматического театра, и, оставшись не у дел, вскоре скончалась от внезапной болезни.

Совершенно новые знакомства и деловые отношения, заменившие привычный «блат», вошли в жизнь всех предприимчивых людей, заставляя «крутиться» и «выкручиваться», беря на себя ответственность безо всяких личностных и социальных гарантий. Приходилось заводить совершенно новый круг общения, обеспечивающий материальные блага и защиту этих самых благ от других, ещё более предприимчивых граждан совершенно новой страны.

Всё поменялось местами. Формула «власть — деньги — власть» превратилась в формулу «деньги — власть — деньги».

Из старых, «нужных» связей оставался лишь тесть, Семён Ильич, который был уже на пенсии, но в силу бывшей должности и авторитета, имел остатки некоторого влияния в своём милицейском кругу. Виталий был этому и рад, и не рад. Рад, потому, что знакомства в правоохранительных органах сейчас были как нельзя кстати. Не рад — потому, что именно

по этой причине он до сих пор жил со своей женой Александрой. Несмотря на то, что компромата на него у тестя давно уже не было, Виталий так и не решился уйти из семьи. Этому способствовало и деловое партнёрство с братом жены Олегом, от которого Виталий был готов избавиться при первом удобном случае... На это у него была не одна причина.

— Виталий Иванович, вам жена звонит, — голос секретарши Светланы прозвучал из недр селектора, — вас соединить?

— Нет... — чуть замявшись, Виталий придумывал на ходу, что ответить супруге, — Скажи, что я уехал.

— Куда уехали? Домой? — решила уточнить Светлана.

— Нет. Скажи, что на деловую встречу, и буду поздно.

— Хорошо... — многозначительно ответила секретарша и отключилась.

«Чёрт бы её побрал...» — подумав о жене, Виталий недовольно поморщился. Тёплые отношения никогда не связывали их с супругой. Когда-то вспыхнувшая юношеская влюблённость быстро прошла, уступив место более серьёзному чувству к другой девушке... но судьба распорядилась по-своему — брак с Александрой состоялся, вопреки его, Виталия, желанию. С тех пор прошло уже больше пятнадцати лет, срок немалый для того, чтобы окончательно разобраться в своих чувствах и решиться на какой-то поступок... поступок, который оказался не по силам в далёкой юности, когда в жертву обстоятельствам пришлось принести самое светлое чувство, посланное судьбой... Так ему казалось теперь.

— Виталий Иванович, — в открывшейся двери показалась Светлана, — вам что-нибудь нужно?

— Нет, хотя... — окинув заинтересованным взглядом длинноногую, в короткой юбке и блузке, открывающей пышные женские «прелести», девушку, мужчина слегка замялся, но потом, как будто вспомнив о чём-то, отрицательно покачал головой, — Нет, сегодня ты мне больше не нужна.

— А я чайник согрела... — Света смотрела так призывно, чуть улыбаясь уголками губ, что Виталий снова задержался с ответом.

— Пожалуй, от чашки кофе не откажусь, — он, наконец, усилием воли отвёл глаза от глубокого выреза на её аппетитной груди, — только без сахара.

Вернувшись с чашкой кофе, та ловким движением закрыла дверь на ключ изнутри. Поставив кофе перед своим начальником, Светлана обошла его стол и встала сзади, положила ладони на крепкие мужские плечи.

— Небольшой массаж... — проворковала она, чуть сжимая и разжимая пальцы, — Может, скинете пиджак?

— Нет... — Виталий отпил глоток и поставил чашку на стол, — Я должен ехать. Спасибо, Света.

— Жаль... — девушка многозначительно проехала ладошками по его груди, — Между прочим, все уже разошлись...

— Тем более. Значит, и нам пора, — мужчина резко поднялся с кресла и прошёл к встроенному шкафу, — у меня сегодня ещё есть дела.

— Ну, да... — девушка насмешливо наблюдала, как он одевается, — У вас же ещё совещание...

— Не дерзи, — усмехнувшись, он взглянул на неё исподлобья, — а то отшлёпаю.

— Вы только грозитесь... — облокотившись на стол, девушка грациозно отставила чуть в сторону длинную, стройную ногу и игриво улыбнулась.

— Отшлёпаю, отшлёпаю... — застегнув дублёнку, Виталий взял в руки кейс с документами, — Только завтра...

Выйдя, наконец, из офиса завода, он направился на стоянку. Его белый «мерседес» стоял в гордом одиночестве, дожидаясь хозяина. Виталий с удовольствием бы поменял уже совсем не новый автомобиль на другой, с конвейера, но природная осторожность не давала ему сделать это именно сейчас. Ещё не стоит выставлять наружу все свои истинные возможности. Нужно чуть-чуть подождать... Он долго шёл к своему сегодняшнему благосостоянию. В своё время он от многого отказался... Он много потерял, ему и сегодня есть, что терять, но этого не должно произойти... Он вытерпит, переждёт... он терпеливый...

Проехав в один из новых микрорайонов, он оставил машину на одной из стоянок, а сам прошёл пешком почти целый квартал. Поднявшись на третий этаж многоэтажного дома новомодной планировки, позвонил в металлическую дверь.

— Привет, — открывшая ему женщина улыбнулась и чуть посторонилась, пропуская гостя, — проходи скорее.

— Привет, — переступив порог, Виталий сразу заключил её в объятия, — я так соскучился...

— Я тоже, — шепнула женщина, отвечая на его горячие поцелуи, — еле дождалась, когда Олег улетит...

— Три дня — наши с тобой... — его губы уткнулись в тёплую женскую шею, — Танька... я, правда, ужасно соскучился...

— Ты сразу в ванную?.. Или сначала тебя покормить? — Татьяна выскользнула из крепких объятий и потянула его за руку из прихожей, — Ну, идём...

— Пожалуй, в ванную, — сняв верхнюю одежду, Виталий привычно шагнул вслед за любовницей.

— Значит, не голодный?.. — она с шутливым подозрением прищурила карие, почти чёрные глаза, — Уж не Светочка ли тебя накормила?..

— Перестань... — мужчина на ходу прижал её к себе за плечи, — Ты знаешь, что всё это несерьёзно, и вообще...

— Я ревную тебя... ужасно ревную... — Татьяна снова повернулась к нему лицом, — Ко всем ревную... сижу там у себя в налоговой, и ревную... представляешь?!

— Это я должен ревновать...

Виталий отвёл рукой рассыпавшиеся по женскому лицу густые, крашеные в рубиновый цвет, волосы. Татьяна была красивой женщиной — высокой, стройной, с утончёнными чертами чуть продолговатого лица. Он любил красивых женщин... у него всегда были красивые женщины, и пройти мимо такой, как Татьяна, он не мог...

Увидев её впервые двенадцать лет назад, в обществе своего шурина Олега, Виталий подумал, что они совсем не пара — Олег никогда не был красавцем, и явно не смотрелся рядом с такой шикарной спутницей. Их решение пожениться ещё больше озадачило тогда ещё молодого Виталия... но потом, решив, что это — повод лишний раз видаться с понравившейся ему девушкой, он смирился с этим фактом. Аня, его любовь, исчезла из его жизни — она уехала вместе со своим мужем в неизвестном направлении. Искать её не было смысла... а жизнь продолжалась.

Любовниками с Татьяной они стали лишь спустя почти десять лет... Все эти годы молодая женщина хранила верность своему мужу, родив ему сразу двоих сыновей-близнецов.

Окончив юридический факультет университета, Олег работал адвокатом. После перестройки он параллельно основной деятельности переключился и на бизнес, вложив средства вместе с бывшим приятелем, а теперь родственником Виталием Мясниковым в акции местного ликёро-водочного завода. Таня работала в налоговой инспекции, а заодно исполняла обязанности бухгалтера «теневой» стороны семейного бизнеса. Приехав однажды в отсутствие шурина и детей к ним домой по каким-то финансовым делам, Виталий остался до утра...

С тех пор их связь с Татьяной не прерывалась. Удивительно, но казалось, что никто, даже Олег и Александра не догадывались о том, что связывает их супругов... Встречаться приходилось тайно, урывками, но участвовавшие в последнее время командировки Олега сыграли на руку любовникам. Его мать, Вероника Григорьевна, с радостью брала ночевать любимых внуков, даже не задумываясь, почему невестка «подкидывает» их именно в отсутствие мужа.

На собственную жену Виталию давно было наплевать... Да и сама Александра теперь не устраивала ему скандалов из ревности... Тринадцать лет назад у них с Виталием родился второй сын, но роды были неудачными, перед врачами стоял выбор — мать или ребёнок... Спасли Александру, которая после тяжёлой операции и смерти ребёнка навсегда утратила способность рожать... Перенесённый стресс превратился в затяжную депрессию, и молодая женщина ушла в себя. Она с трудом окончила институт, и даже работа переводчиком не могла спасти её от тяжёлых воспоминаний. У них с Виталием уже был сын, Миша, но ситуация ухудшалась тем, что отец совершенно не любил старшего ребёнка...

Потеряв несколько лет назад работу, теперь Александра сидела дома. То ли от постоянного психологического напряжения, то ли по каким другим причинам, она располнела, и в силу своего небольшого роста выглядела не очень презентабельно по сравнению с другими женщинами, появляющимися то и дело в жизни её мужа. Она совершенно не стремилась похудеть и незаметно пристрастилась к алкоголю... После того, как, благодаря бизнесу, в их семье появились хорошие деньги, Александра стала постоянной посетительницей новомодных бутиков и фирменных магазинов. Она покупала себе наряды, совершенно не заботясь о вкусе, часто не подходящие ей по стилю, за что получала упрёки от собственной матери — Вероника Григорьевна всегда была большой модницей. Та никак не могла понять, что же случилось с её любимой младшей дочерью, ведь в молодости Аля всегда любила одеваться ярко и модно. Молодая женщина как будто потерялась во времени и пространстве...

Вспоминая о жене, Виталий не чувствовал ничего, кроме неприязни. Они с Александрой давно не жили, как супруги, и спали в разных комнатах. Сын Михаил, которому вскоре должно было исполниться пятнадцать лет, мог бы радовать отца своими успехами в учёбе и хорошим поведением, если бы не одно обстоятельство: Виталий был твёрдо убеждён, что Миша — не его сын... И это убеждение напрочь вытесняло все остальные чувства к мальчику из отцовского сердца. Сам же ребёнок, напротив, тянулся к отцу, но постоянно натывался на непонятную ему стену отчуждения. Открыто Виталий его не обижал, но и близости между ними никогда не было.

Нуждаясь в мужском воспитании, Миша искал общения с дедушками, но отец Виталия, Иван Михайлович, после смерти жены женился на своей бывшей домработнице Фаине, и та практически свела на нет общение деда с внуком, а заодно и с собственным сыном — сам Виталий всё реже посещал отца. Отец Александры, Семён Ильич, Мишу очень любил, и из

общение было настоящей и единственной отдушиной для мальчика.

...Упав после принятой вместе ванны в мягкую постель, Виталий уже в который раз прижал к себе стройное, изящное тело женщины. Его друг, родственник и партнёр по бизнесу улетел в трёхдневную командировку, и теперь можно было расслабиться в объятиях его красавицы жены... Виталию казалось, что после многих лет душевных мытарств и постоянных поисков, он, наконец, нашёл ту единственную, которая могла удовлетворить все его потребности, и духовные в том числе. Таня была изысканной женщиной...

Такой же могла стать и Анечка... Аня... Даже созвучие их имён сыграло свою роль.

— Ты останешься?.. — после очередного поцелуя Татьяна подняла на мужчину вопросительный взгляд, — Останься?.. Я детей пристроила до завтрашнего вечера.

— Нет, Танюш... — он виновато отвёл глаза, — К сожалению, нет... Мне сегодня нужно быть дома до двадцати трёх, будут звонить.

— Новые партнёры? — Таня едва заметно усмехнулась, — Или старые?

— Старые, — он ответил как-то нехотя, чуть нахмурив брови, — и не партнёры... скорее, наоборот.

— Конкуренты? — рассмеялась Татьяна, любуясь мужским лицом. Виталий, действительно, был красивым мужчиной — годы только сыграли на его внешность. Высокий, широкоплечий, с пышной, густой шевелюрой русых волос, он производил впечатление настоящего сердцеда, способного свести с ума любую женщину...

— Ты угадала, — не в пример ей, Виталий усмехнулся совсем невесело, — конкуренты, мать их...

— Проблемы? — она удивилась его тону, — Олег ничего не говорил...

— Он ещё не в курсе.

— Я могу чем-то помочь?

— Пока нет... но, возможно, мне будет нужна твоя консультация.

— Ты же знаешь... — женская ладонь проехала по мягким волосам, — В любое время.

— Знаю... — перехватив руку, Виталий прижал её к губам, — Если бы ты знала, как я тебе благодарен...

— Надеюсь, ты не только поэтому со мной? — улыбка женщины была игривой, но взгляд выдавал внутреннее напряжение в ожидании ответа, хотя ответ был предопределён заранее.

— О чём ты?.. — перевернувшись, он наклонился к её лицу и начал целовать, — Танюшка... не говори так больше никогда... ты знаешь, что я тебя люблю...

— Я так хочу быть с тобой... быть всегда... — сквозь его поцелуи бормотала Татьяна, — Господи... как я хочу этого!..

— И я хочу... — внезапно оторвавшись от неё, Виталий вновь повалился на спину и уставился в потолок, — Но, ты же знаешь... пока это невозможно... Бизнес... на кон поставлено абсолютно всё... Если сейчас пойти на конфликт с Олегом, неизвестно, чем всё закончится. Он грамотный юрист, вся документация у него на контроле... если честно, иногда я сам боюсь, что он кинет меня, как партнёра... я же просто производственник... на мне производство, поставки... я решаю текущие проблемы, ругаюсь с персоналом, кручусь, как белка в колесе... Но вся финансовая документация проходит через его руки, все договора разрабатывает и заключает он... я даже не удивлюсь, если окажется, что я многого не знаю... Если бы ты могла взять на себя эту сторону дела, я был бы спокоен.

— Я знаю... — положив голову ему на грудь, Татьяна прикрыла глаза, — Только как я скажу Олегу? Дай мне ваши договора, я хочу их проверить?

— Зачем? Ты сама возьми, и проверь...

— Они в сейфе, в его адвокатской конторе... он ключ даже дома не оставляет. Почему ты сам не потребуешь у него все бумаги? Вы же равноправные партнёры!

— Бумаги я потребовать могу... но в этом нет необходимости — у меня есть свои экземпляры. Я имею в виду те документы, о которых я могу вообще не знать...

— Как это? — Таня открыла глаза и чуть приподняла голову, — С чего ты это взял?

— Есть некоторые подозрения... — Виталий чуть сжал губы, — Только проверить их я не могу.

— Да ну... — женщина недоверчиво нахмурилась, — Олег, конечно, не подарок... но я не думаю, что он способен на предательство.

— Ты плохо знаешь эту семейку... — Виталий скептически усмехнулся и прижал тыльную сторону ладони к подбородку, — Мне они уже во где сидят...

— Вероника Григорьевна хорошая женщина, мы с ней не ссоримся... — Таня пожалала обнажёнными плечами, — свёкор, правда, бывает грубоват, но это скорее касается Олега, не меня...

— Старая ментовская шусера... — почему-то Виталия разозлило упоминание о тесте, — Привык, чтобы ему ботинки лизали...

— Я не знаю, как тебе помочь, Виталик... — Татьяна озабоченно посмотрела на своего любовника, — Документы в сейфе, сейф в конторе, ключи у Олега...

— Можно сделать слепок с ключа... — притянув её к себе, Виталий задумчиво гладил подушечками пальцев шёлковую кожу женской спины, — Тогда все остальные нюансы я мог бы взять на себя...

— Не знаю... — неуверенно проговорила женщина, — Я попробую... только не знаю, получится ли...

— Попробуй, Танюша... от этого может зависеть наша с тобой судьба... ты же знаешь, какие сейчас времена... любой тебя может кинуть, в том числе и друг, и брат... Бизнес — вещь беспощадная...

— Бизнес... — горько усмехнувшись, Татьяна вновь прикрыла глаза, — Будь он проклят, этот бизнес...

Вздогнув, Виталий вдруг вспомнил похожие слова, сказанные когда-то другой женщиной...

«Будь проклята эта партия...»

...Его любимые женщины проклинали поставленные им цели... его выбор... Видимо, это — его судьба.

...Вернувшись домой около одиннадцати вечера, Виталий сразу прошёл в свою комнату.

— Привет, пап, — сын неожиданно заглянул в дверь, — тебе звонили.

— Привет, — сняв костюм, отец надевал махровый халат, — кто звонил?

— Дядя Олег.

— Олег?! — Виталий удивлённо уставился на Мишу, — Когда?

— Давно, часов в восемь.

— Ну, ладно... если не перезвонил, значит, не срочно. Мать спит?

— Спит.

— Опять пьяная?

— Нет... — мальчик прикрыл за собой дверь и прошёл в комнату, — Пап... я хочу спросить...

— Ну, чего? — Виталий нетерпеливо кивнул сыну, — Спрашивай.

— Ты маму совсем не любишь?

Вопрос был настолько неожиданным, что мужчина несколько растерялся. Понимая, что парень уже довольно взрослый, и вполне может задавать подобные вопросы, он тщательно обдумывал ответ. Хотелось привычно отмахнуться, но вместо этого отец поднял на сына серьёзный взгляд.

— Не люблю, Мишка... Такое бывает... Повзрослеешь — сам всё поймёшь.

— Я так и думал... — мальчик едва заметно кивнул, — Спасибо тебе.

— За что?! — отец удивлённо округлил глаза.

— За честность.

— Стараюсь... Ладно, Мишка, я — спать... устал, как собака.

— Пап... — уже в дверях мальчик снова обернулся, — У меня к тебе только одна просьба...

— Ну, какая?

— Ты только маму не бросай... ладно? — голубые глаза сына смотрели как никогда серьёзно.

— С чего ты взял, что я собираюсь её бросать? — чувствуя, что в его тоне не хватает искренности, Виталий невольно отвёл взгляд.

— Я ничего не думаю... просто... Она без тебя пропадёт... совсем пропадёт...

Глава 3.

— Всем до свидания! — взявшись за ручку двери учительской, Анна кивнула на прощание своим коллегам, — До понедельника!

— До свидания, Анна Сергеевна, — шурша рукавом модного «адидаса», физрук сделал прощальный жест и чуть выпятил вперёд сжатые губы, имитируя поцелуй, — приятных выходных!

Едва улыбнувшись уголком рта, молодая женщина бросила на него чуть насмешливый взгляд. Тридцатисемилетний учитель физкультуры был неисправимым любителем женского пола, и не мог не отметить новую преподавательницу английского, поступившую на работу в их школу сразу после новогодних аникул. Ухаживания спортсмена-ловеласа Анна восприняла спокойно, не удостоив его чести своего женского внимания, но физрук своих попыток не оставлял, и то и дело напоминал о своих неразделённых чувствах.

Закрыв за собой дверь, Анна бодро простучала каблучками новых сапожек по школьному коридору. Настроение было отличное, и физрук только лишний раз напомнил ей о том, что она молодая, красивая, тридцатидвухлетняя женщина, на которую обращают внимание мужчины. А новое пальто модного в этом сезоне фасона и новые, купленные буквально вчера, сапоги только подчёркивают её яркую внешность.

Радоваться, действительно, было чему! Новый, а, вернее, «старый», город, новая школа, первый аванс! Наконец-то учителям начали регулярно выдавать зарплату, и можно было вздохнуть свободнее, не беспокоясь о завтрашнем дне. К тому же, Саша получил все причитающиеся ему после увольнения выплаты, и после нескольких лет самой настоящей нужды можно было позволить себе пусть и не дорогие, но всё-таки обновки. Да, и пальто, и сапоги куплены не в фирменном бутике, а на городском рынке, у местных челноков, но она смогла себе это позволить... В прошлые выходные они с мужем и сыном, наконец-то,

выбрались на этот самый рынок. Саше — новые брюки и рубашку... ему теперь нужна гражданская одежда, ведь он недавно уволился из армии. Диме — новую модную куртку, мальчику уже двенадцать лет, и он быстро вырастает из одежды. К тому же, помимо обычной школы, он будет ходить в музыкальное училище, его нужно одевать не хуже других детей, ведь то, что годится для провинции, будет выглядеть, по меньшей мере, смешно здесь, в этом огромном городе...

...Себе — новый брючный костюм и, конечно, это пальто, она давно уже хотела себе именно такое, как в рекламном буклете итальянской швейной фирмы... И пусть оно не итальянского производства, но изготовлено по фирменным лекалам — Анна всё досконально проверила, каждый шов, каждый стежок, каждую пуговицу... Сапоги найти не удалось — так, чтобы подошли и фасон, и размер, поэтому их покупку пришлось отложить до очередного «привоза», но вот вчера сбылась и эта мечта! После нескольких лет почти нищенского существования их семье удалось сделать вот такие «грандиозные» покупки! Они с Сашей, наконец-то, получили всю задолженность по зарплате... от его службы им осталась хорошая квартира, правда, её пришлось обменять на другую, поменьше, но зато в областном городе, и, вообще, хорошо, что его товарищ, Лёня Лапин, уговорил друга на этот обмен и переезд.

...И что Саша попал под сокращение — тоже, в конце концов, неплохо. Офицерское жалованье — насмешка над военным человеком, на него невозможно достойно содержать семью, а то, что творится сейчас в армии, и вовсе не поддаётся никакой логике...

...Три недели назад они вернулись в город, где когда-то прошло их студенчество. Больше двенадцати лет в военно-полевых условиях, в гарнизонных общежитиях, и совсем чуть-чуть в собственной квартире остались позади... Строительство военного объекта, которым занимался майор Александр Морозов, как и многие другие, неожиданно «заморозили», и Саша часто шутил по этому поводу. Он всегда шутил, стараясь разрядить любую напряжённую обстановку, не в пример своей жене — Анна ко всему относилась слишком серьёзно, с большой ответственностью и тревогой за будущее. Все эти годы она работала учителем — там, куда закидывала их судьба. Иногда в классах гарнизонных школ было всего по несколько учеников, и, пользуясь этим обстоятельством, Анна Сергеевна занималась с каждым индивидуально.

После рождения сына ей пришлось перевестись на заочное отделение института, и сначала Анечка очень переживала, что это повлияет на её дальнейшую судьбу. Она была готова остаться у матери, в своём родном городе, но Елена Ивановна уговорила дочь ехать вслед за мужем, пообещав помочь с внуком, когда Ане нужно будет уезжать на сессии. Сашка тоже был рад, что его любимые Аня и Димка будут рядом. Уехав вместе с ним к новому месту службы, Аня недолго просидела дома — в местной школе не хватало преподавателей, и студентке-заочнице сразу предложили должность учителя. Преподавать пришлось не только иностранный язык, а ещё и русский, заодно и русскую литературу. Способная быстро перестраиваться и запоминать новый материал Анечка с блеском справлялась со своими обязанностями, отдав чуть подросшего Димку в гарнизонные ясли.

Дважды в год она уезжала на сессии, забирая с собой ребёнка — Елена Ивановна приезжала в тот же город, чтобы сидеть с внуком, пока его мама сдаёт зачёты и экзамены. Сдавала их Аня по привычке, экстерном, поэтому сессии для неё были недолгими. Жить приходилось на съёмных квартирах, иногда в недорогих гостиницах, но это не беспокоило Анечку. Каждый раз, приезжая в этот город, она боялась только одного: встречи с

человеком, навсегда оставившим в её памяти неизгладимый след... Человеком, которого она хотела бы вычеркнуть из своей жизни... хотела, но не могла.

К её счастью, за все годы заочной учёбы ей не пришлось встретиться ни с Виталием, ни с Александрой. Связь с Нелли тоже оборвалась — во время приездов Аня была слишком занята, и после последнего экзамена всегда тут же спешила на вокзал, чтобы уехать домой, поэтому времени на посещение подруг у неё не было совершенно.

Получив, наконец, диплом, она вздохнула с облегчением — больше сюда ей ездить незачем, а, значит, можно окончательно выбросить из памяти всё, что связано с прошлым. Теперь у неё есть высшее образование, есть работа, есть семья — любящий муж и самый любимый на свете сын!

...Надежды на светлое будущее стали угасать как-то слишком стремительно... Развалилась крепкая страна, на её обломках кто-то пытался построить новое государство, новую, «свободную», жизнь... Быстрое обогащение одних обернулось ещё более быстрым обнищанием других. Менялись названия городов, предприятий, не раз менялись денежные купюры, а завтрашний день становился всё более тревожным. Зарплата учителя вызывала грустный смех, зарплата военного — слёзы... Когда вместо ожидаемых сумм граждане «свободной» страны стали получать лишь их половину, затем — треть, а затем — обещания подождать до лучших времён, самые предприимчивые начали уходить в бизнес, как правило — теневой. Аня с грустью прощалась с коллегами, бросавшими школу и отправляющимися в самостоятельное, «челночное» плавание... Елена Ивановна в своих письмах к дочери то и дело рассказывала о своих знакомых, специалистах высшего уровня, попавших под сокращение и сменивших работу над научными трудами на швабру и тряпку с ведром — работа уборщицы становилась всё престижнее, и попасть на неё можно было теперь лишь по великому благу.

В роли торговки с клетчатой сумкой Аня себя не видела ни с какого ракурса, поэтому брала себе лишние часы, чтобы заработать побольше, но даже этот заработок шёл «на бумажку» — задержки зарплаты стали обычным делом, и длились месяцами. Та же картина была и у Саши... Иногда их семейный рацион включал в себя лишь отваренные и обжаренные на растительном масле с луком макароны или пустую кашу, сдобренную ложкой маргарина. Тяжелее всего было обеспечить необходимым питанием ребёнка — даже элементарных витаминов купить было не на что.

Помогали Сашины родители — с каждой пенсии они присылали небольшой перевод, а то и посылку с домашними деликатесами в виде сала и упакованного в полиэтиленовые пакеты варенья. Они часто звали сына с семьёй к себе, но тот неизменно отказывался — не для того он учился на военного, чтобы бросить армию в трудные дни... Звала к себе и Елена Ивановна, и Аня несколько раз уже была готова всё бросить и уехать в свой городок, под мамино крыло... Но каждый раз Сашке удавалось её остановить. Они не ссорились, но Аня становилась всё молчаливее, сдерживая в себе все тревоги и переживания. Саша был заботливым отцом и мужем, сдувая пылинки со своей ненаглядной Аняты... Но и изменить своему долгу он тоже не мог. Замечая, как жена всё чаще задумчиво молчит, он пытался её подбадривать, но, в то же самое время, прекрасно понимал, что её терпение не безгранично, и что может прийти день, когда всё, о чём молчит Аня, взорвётся и выльется в непредсказуемые последствия.

...Всё решилось после трагического случая. Вернувшись вечером домой, Саша был настолько подавлен, что долго не мог рассказать о причине своего состояния. После того,

как ему удалось немного прийти в себя, он рассказал Ане, что их сосед по дому, его сослуживец, только что застрелился из пистолета... В оставленной предсмертной записке совсем ещё молодой офицер просил прощения у семьи за то, что не может накормить ни жену, ни детей. Это происшествие настолько потрясло тогда ещё капитана Александра Морозова, что сразу после похорон он решил подать рапорт на увольнение. В тот раз увольнение не состоялось — часть очень быстро расформировали, но Морозову несказанно повезло. Его направили в один из городов, где вскоре он получил квартиру и звание майора. Приехав в очередной отпуск к родителям, Саша встретился со своим школьным товарищем Лёнью Лапиным.

Лёнька тоже прибыл навестить родные места, и, увидев Морозова, обрадовался старому другу. Когда-то Лапин приезжал на Сашкину свадьбу, и даже был свидетелем жениха. Огромный областной город ему очень понравился, и через пару лет он перебрался туда совсем, вместе со своей женой Людмилой и дочерью Кристиной. Теперь же, встретившись со старым другом, Лёнька от души уговаривал того бросать это «невыгодное военное дело» и возвращаться туда, где прошли молодые курсантские годы.

«Сашка, большой город — большие возможности! Ты видишь, как я упакован? — Лёнька оттопыривал на себе модную футболку, потом отводил в сторону указательный палец — А Милка?! А Кристина?! Скажи ей, что тряпка не из бутика, а с рынка, такую морду скорчит, мама не горюй! Мне тоже непросто было — сколько лет в поисках, но ведь нашёл свою нишу! А тебе все карты в руки! Ты же строитель, сейчас строительный бум начнётся, вот увидишь, откроешь свою фирму, не пожалеешь! Хватит уже на ту родину пахать, она вон как о нас «позаботилась!»

«Я — военный строитель, — улыбаясь, уточнял Саша, — тем более, квартиру нам дали... Ну, как я теперь уволюсь, сам подумай?»

«Дурак ты, Сашка... — Лёнька махал рукой и опрокидывал стопку дорогого коньяка, — Это от вас откупаются этими квартирами... Вам государство в тыщу раз больше должно, чем эта ср. ная квартира...»

Аня слушала разговоры друзей и чуть улыбалась уголками губ. Она знала своего Сашу... Человек чести и совести... Он мог сидеть голодным, отдавая последний кусок ей и сыну, но при этом говорить о своём долге и любви к родине.

Вернувшись после отпуска на службу, Морозов узнал, что в вооружённых силах ожидаются очередные сокращения...

«Сашка, ну, ты решил что-нибудь? — школьный товарищ позвонил незадолго до его увольнения, — Давай, думай, тут вариант есть с квартирой... Знакомый мужик хочет в ваш город переехать, у него там свои интересы... Обмен идеальный, у тебя трёшка, у него однушка, зато тебе без доплаты обойдётся!»

...Аню не так заботила однокомнатная квартира, на которую предлагалось обменять их «трёшку», как тот факт, что ей придётся переехать в город, который она в своё время покинула с душевным облегчением. Но их город был небольшим, неперспективным, работы для Саши не предвиделось, а там, куда звал их Лёнька, действительно, открывались многие возможности. К тому же, всё изменилось, и теперь ей вряд ли может грозить встреча с Олегом Дзюбой или самой Александрой. А Виталий... воспоминания о нём давно осели на дне души, и, кажется, прочно приросли к этому самому дну... Да и шансов встретиться в миллионном городе слишком мало.

У них обоих давно своя жизнь... семьи, дети... Возможно, они даже не узнают друг

друга.

...Переезд обошёлся совсем недорого. У Морозовых не было ни гарнитуров, ни дорогих сервизов... Саша вообще был готов уехать, взяв в охапку лишь свою любимую жену и любимого сына, но багаж всё же отправить пришлось... Им не удалось встретить новый, 1998 год на новом месте жительства, но в первых числах января семья Морозовых уже выходила из поезда на уже знакомой с молодости железнодорожной станции. Огромный вокзал встретил их всё тем же привычным шумом, и даже номера троллейбусов и трамваев соответствовали старым, привычным маршрутам...

— Анна Сергеевна! — голос физрука заставил Анну вздрогнуть и обернуться, — Подождите...

— Что, Виктор Константинович? — удовольствия от общения с мужчиной она не испытывала, но ответить всё же пришлось.

— Я тут хотел спросить насчёт вашего сына...

— Насчёт Димы? — Анна удивлённо приподняла брови, — Он что-то натворил?!

— Нет, — физрук замотал головой, — но... я приглашаю его в волейбольную секцию... у него хороший рост, и хорошие данные...

— И?..

— А он... — Виктор развёл руками для пущей убедительности, — Он ни в какую...

— А от меня вы что хотите? — Анна чуть насмешливо сдвинула уголок губ, — Чтобы я вместо него пришла к вам на секцию?

— Вообще-то это был бы идеальный вариант... — делая вид, что по достоинству оценил её шутку, физрук многозначительно усмехнулся.

— Не могу вам этого пообещать... — во взгляде женщины промелькнула снисходительность, — Ростом я точно не вышла.

— Ну... — мужчина окинул фигурку Анны заинтересованным взглядом, — Это, глядя с какой стороны посмотреть...

— Это все ваши предложения?

— Вообще-то, можно и на ты. Если заметили, в нашем коллективе всё по простому, по-семейному.

— Я заметила. Но не считаю для себя возможным после двух недель работы фамилльяричить с коллегами.

— В вас течёт аристократическая кровь?

— Возможно. С вашего позволения я пойду...

— Так как насчёт Димы? — заметив, что женщина собирается уйти, физрук повторил свой вопрос, — Ему нужно заниматься спортом, однозначно!

— Дима выбрал музыку, — Анна не оставляла снисходительной, чуть насмешливой полуулыбки, — боюсь, на спорт его уже не хватит.

— Жаль... — вытянув в трубочку губы, Виктор с сожалением качнул головой, — А я хотел через вас на него повлиять...

— В следующий раз можете влиять прямо в учительской, не обязательно догонять меня в коридоре, — понимая, что разговор о сыне всего лишь предлог завести с ней приватный разговор, Анна посмотрела на собеседника своим обычным, исполненным внутреннего достоинства взглядом, — До свидания, Виктор Константинович.

— До свидания... — тот ещё какое-то время задумчиво смотрел вслед удаляющейся по коридору женщине, — До свидания, Анна... Сергеевна...

— Милочка, ну, побудьте ещё немного у нас! — провожая гостью вместе с дочерью, Анна выражала искреннее сожаление по поводу их раннего ухода, — Потом вместе с Лёней и уедете... Они с Сашей давно не общались, пусть ещё поболтают!

— Да пусть болтают! — Людмила Лапина махнула рукой в сторону кухни квартиры Морозовых, где её супруг беседовал с хозяином за бутылкой коньяка, — Просто у меня сегодня был очень тяжёлый день, столько детей больных, ужас... очередная эпидемия... Устала очень, а ещё нужно Кристинке на завтра наряд приготовить, на конкурс.

— А что за конкурс? — Анна перевела взгляд на тринадцатилетнюю девочку, судя по всему, недовольную тем, что мать слишком рано уводит её из гостей.

— Конкурс поэзии, — девочка говорила, слегка жеманясь, — я стихи пишу...

— Какая умница! — Анна улыбнулась своей юной гостье, — Принеси мне почитать, хорошо?

— Хорошо... — опустив глаза, Кристина едва заметно кивнула.

— Дима! — Анна позвала сына, — Иди, попрощайся с Кристиной! Дима!..

— Мы уже попрощались, — двенадцатилетний, довольно высокий для своего возраста мальчик с удивительно синими глазами заглянул в прихожую, — до свидания.

— Пока... — девочка бросила на него едва заметный взгляд, не поворачивая головы.

— До свидания, Дима, — Людмила улыбнулась мальчику, потом посмотрела на Анну, — до чего он похож на тебя, это просто чудо какое-то! Ну, ничего не взял от Саши!

— Все так говорят, — Анна улыбнулась в ответ, — а вот Кристина похожа и на Лёню, и на тебя...

— Жаль, что характер не мой, — шутливо проворчав, Мила приобняла Кристину и поцеловала в щёку, — вся в папулю!

— Недаром он так её любит...

Попрощавшись с Милой и Кристиной, Анна не спешила вернуться на кухню, где за накрытым по случаю прихода гостей столом оставались сидеть Александр и Леонид. Встав напротив трюмо, женщина внимательно оглядела своё отражение.

С годами Анна стала ещё красивее, о чём прекрасно знала сама... об этом говорили и страстные взгляды мужчин, знакомых и незнакомых... Вот и Леонид... Его интерес она заметила ещё тогда, тринадцать лет назад, когда впервые встретилась с ним на родине Александра... Вот и теперь он то и дело скользит по ней недвусмысленным взглядом... Этот взгляд незаметен для окружающих, но сама Анна чувствует его... этот взгляд и смущает, и нравится одновременно... ей кажется, что впервые за много лет она попала в настоящую цивилизацию, вырвавшись из заточения гарнизонных городков... где мужчины одеты в одинаковую форму, а женщины стараются перещегоолять друг друга нарядами, которые, по сути, больше и некому показывать...

— Аня! — из кухни послышался голос мужа, — Иди к нам!

Вернувшись к мужчинам, Анна застала Александра уже довольно под хмельком. Он что-то эмоционально рассказывал Леониду, при этом жестикулируя руками.

— Что, Саша? — Анна остановилась в дверях.

— Вот, Лёнька! — поднявшись, Александр обхватил жену одной рукой и горячо прижал к себе, — Вот!.. Вот самое дорогое в жизни, понимаешь?! Анютка! И Димка! А дороже и не никого, понимаешь?.. И плевать на те чины, на те деньги, на всё плевать!.. И на этих, которые сейчас у власти... на них тоже — плевать!

— Ты на всех-то не плюй, — Лёнька тоже был чуть навеселе, но казался намного трезвее хозяина, — а особенно на власть... При этой власти жить можно... сами воруют, и нам дают...

— А я не хочу воровать! — усевшись на своё место, Александр усадил рядом жену, — Я — солдат! Меня учили родину защищать... Только не эту... а — ту!

— Той родины больше нет, Сашка... нет, и надо с этим смириться, — Лапин нахмурился и, положив на стол локти, чуть подался вперёд, — Смириться, и жить по-новому. Ты правильно сделал, что сюда переехал, и семью перевёз. Посмотри на меня! Я тут уже десять лет. Смотри, чего добился! Квартиру сам купил... ресторан сам открыл... ну, не сразу, конечно! Пришлось в мешках попрыгать пару лет... зато потом пошёл по нарастающей... а почему?.. А потому, что возможности открылись! Ну, кем бы я был при совке?! Культорг! А кто я теперь?! Бизнесмен!

— Неправильно это, Лёнька... — Александр энергично помотал головой, — Неправильно... Человек должен жить, а не выживать... не выкручиваться... своим делом должен заниматься, а не тем, что больше денег приносит! Раньше я жил в своей стране... А теперь?! Мне тридцать четыре, а я уже не нужен! Уволили к чертям собачьим...

— Сашка, плюнь ты на это! Что ни делается, всё к лучшему! Я сказал, с бабками помогу... фирму свою откроешь, будешь заниматься тем, чему тебя родина твоя научила, да ещё и деньги будешь зарабатывать... А страна... нормальная сейчас страна... и жизнь — нормальная...

— Была страна... — Саша нахмурился и тяжело вздохнул, — Да мы её прос...ли...

...Супруг явно перебрал в этот вечер — то ли от радости, что встретился со своим школьным другом, то ли от обиды, что жизнь повернула не в то русло. Анне пришлось увести его в комнату и уложить спать. Квартира, доставшаяся им по обмену, была однокомнатной, и Димке пришлось выключить телевизор, чтобы не мешать спать отцу, и самому улечься в постель — тут же, рядом с родительским диваном.

Вернувшись в кухню, Аня из вежливости снова присела за стол рядом с Леонидом, который не торопился покидать квартиру друга.

— Ты извини Сашу, — она немного смутилась от того, что ей пришлось остаться наедине с мужчиной, — он, вообще-то пьёт мало...

— Да брось ты Аня, — тот махнул рукой, — всё нормально! И ты не переживай... Вы правильно сделали... вот ещё заживёте, увидишь...

— Вообще я тебе очень благодарна... — Анна подняла на него свои синие глаза, — Если бы не ты, мы никогда бы сюда не вернулись... Да что там... я тоже сначала сомневалась... А теперь рада... Работу сразу нашла, Диму в ту же школу взяли, в музыкальную пошёл, хоть и середина года... ну, а квартира... маленькая, конечно, но ничего, как-нибудь... Да нам и ставить-то в неё нечего...

— Аня... — пристально глядя в глаза, Лапин положил ладонь на руку Анны, — Всё у вас будет... я тебе обещаю... И квартиру другую купите... и бизнес у Сашки будет свой... и вообще... заживёте шикарно!

— Господи, Лёня... — Анна усмехнулась и смущённо опустила взгляд, — Мы столько лет жили на коробках и чемоданах... Нам и сейчас за счастье... было бы что на стол поставить да надеть...

— Эх, Анечка... — Леонид чуть сжал женскую тёплую кисть, — Как-нибудь я покажу вам, как люди живут... вы такого не видели, верю... но увидишь, и сама захочешь такой

жизни. Тем более... тем более, такая женщина, как ты, не должна прозябать...

— Ну, какая я женщина, Лёня... — Анна вытянула руку из руки Лапина и, покосившись на дверь, приглушила голос, — Обыкновенная, такая же, как и все.

— Ты?.. — глядя на неё чуть исподлобья, он усмехнулся, — Ты — необыкновенная женщина, Аня...

— Не надо меня смущать... — рассмеявшись, Анна почувствовала, как лицо заливается краской, — У тебя своя жена — необыкновенная...

— Милка?.. — он произнёс имя жены как-то отстранённо, — Милка хорошая... но — обыкновенная... А ты — нет... Тебе нужна другая жизнь...

— Какая же? — Анна уже не рада была, что поддержала этот разговор, но всё равно спросила по инерции.

— Я покажу... — Лапин многозначительно улыбнулся, — Как-нибудь я покажу тебе... и ты сама всё поймёшь...

— Знаешь, Лёня... — нахмурившись, Аня уже было собралась выпроводить гостя, но тот и сам всё понял.

— Всё! — подняв вверх обе руки, Леонид поднялся из-за стола, — Анечка, ухожу!

— Мила сказала, чтобы я вызвала тебе такси...

— Зачем?! Я на машине...

— Но ты же выпил! Она сказала, чтобы ты оставил машину у нас под окном...

— Анютка... — он шутливо обнял женщину за плечи, — Я же сказал... ты увидишь другую жизнь... в которой даже гаишники будут отдавать тебе честь, даже пьяному!

Уже провожая его в прихожей, Анна ещё раз предложила вызвать такси, но Лапин стоял на своём — он поедет на своей машине.

— Мила меня отругает... — она растерянно смотрела, как гость застёгивает меховую куртку, — Лёнь, ну, давай, на такси?

— С Милкой я сам разберусь... — окончательно одевшись, он встал напротив Анны и, чуть прищурившись, пристально взглянул ей в глаза, — Я вот о другом сейчас думаю...

— О чём?.. — Анна смотрела на него с обычным для неё достоинством, чуть приподняв подбородок.

— И почему я тебя раньше не встретил?..

Глава 4.

Проводив гостя, Анна вернулась на кухню. Пустая бутылка из-под марочного коньяка перекочевала в мусорное ведро, другая — выпитая на две трети, отправилась в холодильник. Убирая со стола, Анна всё время возвращалась в мыслях к последним словам гостя.

«И почему я тебя раньше не встретил?»

Эти слова и смущали, и нравились одновременно. Выйдя замуж без любви, по одной лишь «симпатии», Аня так и не прониклась к мужу пылкими чувствами. Саша был надёжным, верным, заботливым, и все эти годы она была окружена его любовью, которая, казалось, компенсировала недостаток её собственных чувств. Они никогда не ссорились, жили дружно. Казалось, что молодая женщина достойно переносит все трудности жизни офицерской жены. Аня оказалась хорошей хозяйкой, умела уютно устраивать их с Сашей нехитрый быт. Он во всём слушался жену, помогал по дому и всё свободное от службы время проводил с ней и Димкой.

Со стороны могло показаться, что Аня вполне довольна своей жизнью... Она никогда не упрекала мужа, а, если была в чём-то с ним не согласна, умела находить такие слова,

которые убеждали Сашу в его неправоте с одного раза.

Они часто ходили в офицерский клуб на концерты и танцы, принимали у себя дома гостей — Сашиных сослуживцев, и тогда ещё совсем молодая Аня часто ловила на себе недвусмысленные взгляды мужчин. Но за все эти годы она ни разу не дала повода упрекнуть себя в неверности... Жена лейтенанта, а потом и капитана Морозова всегда оставалась исполненной холодного достоинства, которое мужчины расценивали как неприступность, а женщины — как гордыню. Красивая, стройная, сдержанная Анечка была настоящим бельмом на глазу у многих офицерских жён. Она держала дистанцию не только с Сашиными сослуживцами — Анна не заводила близкой дружбы ни с кем, даже со своими ровесницами, соседками по дому.

В первые годы одевалась она недорого, как позволял их с Сашей доход, но даже скромные наряды выглядели на ней изысканно — простое штапельное платье Аня умела носить так, будто это царская одежда. Трепетное отношение к ней супруга было вообще предметом женской зависти — Саше было нетрудно после службы помочь жене со стиркой, а потом развесить во дворе гарнизонного общежития выстиранное бельё, отвести в садик сына или сходить в магазин.

Впрочем, Анна не злоупотребляла готовностью мужа нести домашние обязанности наравне с ней. Весь их семейный уклад строился на добровольных началах — кто свободен, тот и занимается бытом. Единственное, к чему не был допущен Саша — это кухня. Готовила Аня всегда только сама.

Сдержанность жены в интимных отношениях, казалось, не мешала Александру чувствовать себя счастливым. Отсутствие откровенной страсти со стороны Анюты он принимал за её природную скромность...

В то же самое время, он всегда знал, что дома его ждут любимая женщина и маленький сын, который стал смыслом жизни обоих родителей. Аня была хорошей матерью, направляя всю свою нерастраченную любовь на маленького Димку.

...Сама Анна была бы рада отвечать мужу искренней взаимностью. Ей было хорошо и спокойно рядом с ним... Но душа молодой женщины как будто застыла. Окружающий мир казался ей картинкой за стеклом — цветной, красочной... но всего лишь картинкой, за которую цепляется только взгляд, а сердце не чувствует тепла... Ей казалось, что мир закрылся за стеклянными ставнями тогда — после ночи, проведённой с Виталием... в результате постигшего её наутро жестокого разочарования...

...На что она надеялась, подчиняясь его словам и ласкам накануне свадьбы с другим?.. Ведь всё можно было понять намного раньше, когда он предпочёл их взаимной любви женитьбу на Сандре... И все последующие их встречи говорили только об одном: он не зовёт Аню к себе... не кладёт под ноги весь мир... он всего лишь хочет убедиться, что она носит его ребёнка, удовлетворить своё эго, при этом заведомо соглашаясь, что этого ребёнка будет воспитывать другой отец...

...Виталия нужно было возненавидеть... его необходимо было возненавидеть, чтобы раз и навсегда избавиться от этого мучительного чувства...

...Возненавидеть, чтобы полюбить другого человека — преданного по-настоящему, любящего по-настоящему...

...Но у неё не получалось ни того, ни другого. Ненависть так и не поселилась в её сердце, так же, как и любовь к мужу — не завершив решающего удара, сердце застыло в пограничном состоянии... превратилось в льдинку... И только улыбка сына отзывалась в

нём оживающими звуками...

...Улыбался Димка часто — он рос добрым мальчиком. В то же самое время он унаследовал от матери природный аристократизм, сдержанность и чувство собственного достоинства, которые проявлялись во всём — в осанке, движениях, жестах, выражении лица и взгляде синих-пресиних глаз... Внешне он был похож на Анну, и лишь улыбка издали напоминала улыбку Александра.

Все, кто видели мальчика впервые, поражались такому сходству матери и сына, и первое время Аня гордилась, что Дима — её копия. Первые сомнения начали поселяться в её душе, когда ребёнку исполнилось четыре года. Однажды Димка нарисовал на тетрадном развёрнутом листке чёрно-белые клавиши, при чём, сделал это с поразительной точностью — рояль он видел лишь по телевизору, когда во время концертов оператор захватывал объективом телекамеры руки пианиста. Сам себе напевая известные мелодии, Дима пытался брать «аккорды» на бумаге, совершенно правильно распределяя маленькие пальчики на нарисованных клавишах. Александра эта картина восхитила, а Анну встревожила... Она была уверена, что Димка — сын Саши, ведь у него отцовская обаятельная улыбка и родовое «морозовское» пятно... И пусть оно не на груди, как у Александра, а на затылке, но оно — есть!

Но, с другой стороны, откуда у него такие артистические «замашки»? В роду Саши артистов не было, в её — тоже... Во всяком случае, со стороны Елены Ивановны. Отец Анны был родом из блокадного Ленинграда, сирота, и воспитывался в детском доме. О его семье не было известно ничего, хотя он ещё при жизни посылал различные запросы, пытаясь отыскать след своих родных или какие-либо сведения о своих родителях. Ответов он так и не дождался... Сам он очень хорошо играл на гитаре, но мало ли людей любит осваивать этот инструмент?..

...Но больше всего Анна встревожилась, когда Дима начал каждый вечер усаживать их с Александром на диван, заменяющий в его воображении зрительские места, и начинал «давать концерт». Он торжественно выходил на середину комнаты, объявлял свой «номел», и, усевшись за воображаемое фортепиано, начинал «игру». Звуки Димка воспроизводил самостоятельно, голосом, при этом мелодии были незнакомыми, ребёнок сочинял их сам, на ходу.

Чуть позже ему стало не хватать маминых и папиных аплодисментов, и он уговаривал Анну пригласить к ним соседей, или самим пойти по соседским квартирам — «на гасглоли»! Александр ухохатывался, рассказывая своим сослуживцам, какие неожиданные способности открываются у его сына, но Анне было не до смеха. Она теперь всё больше и больше вглядывалась в лицо ребёнка, которое и так знала до мельчайшей чёрточки, пытаясь найти в нём хоть малейшее сходство с мужем. В то же самое время она ужасно боялась найти в нём совсем другие черты...

К счастью, Дима ничем не напоминал Виталия, и это немного успокаивало Анюту. Вместе с тем открывающиеся таланты ребёнка не давали покоя — мать Виталия была актрисой, очень хорошо пела и играла на музыкальных инструментах.

А, вдруг, Димкин отец вовсе не Саша?.. Да, у него отцовская улыбка, и это пятно... Но кто знает?! Когда-то Виталий привлёк внимание Анюты тем, что чем-то напоминал её собственного отца, а, значит, в общих с ней чертах могут прятаться и черты Виталия...

«Нет... это невозможно... Дима — Сашин сын, сомнений быть не может».

И, всё-таки, за убеждённости нет-нет, да проскальзывали сомнения... сомнения и

страх, что всё это может оказаться правдой.

Иногда эти сомнения оседали на дно души, иногда накатывали волной... Аня гнала их от себя, глядя, как сын и муж улыбаются ей одинаково... Но сомнения всё равно возвращались, принося с собой мучительные воспоминания.

— Мама, ты ещё не ложишься? — сын заглянул в кухню.

— Сейчас, помою посуду, и лягу. А что? Ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — усевшись за столом, Дима положил перед собой локти и поднял на мать синий взгляд, — я хотел спросить...

— Спрашивай, — отвернувшись от раковины, Анна улыбнулась сыну.

— Мы всегда будем жить в одной комнате?

— Пока не знаю... — женщина слегка замялась, — Но надеюсь, что нет. А что?

— Да так... ничего... просто я хотел попросить, чтобы вы подарили мне на день рождения пианино.

— Пианино? — Анна задумчиво вытерла руки кухонным полотенцем, — ты знаешь, я уже думала об этом...

Пианино было давней мечтой сына, но исполнить её за все годы так и не удалось — сначала Дима был слишком маленьким, а потом у его родителей элементарно не было денег на такую серьёзную покупку.

Единственное, что они могли сделать для развивающегося музыкального таланта сына, это договариваться о частных уроках с преподавателями музыки в тех школах, где до этого работала Анна. И лишь на предыдущем месте жительства Димка, наконец-то, поступил в настоящую музыкальную школу. Теперь же обучение должно было продолжиться здесь, в новом городе, и инструмент, действительно, был необходим. Все его преподаватели в один голос твердили, что у мальчика уникальные музыкальные способности, абсолютный слух и хорошие вокальные данные. И, если с вокалом пока приходилось подождать — по причине ломки голоса, то с остальными талантами нужно было серьёзно развивать уже сейчас.

— Но здесь его будет некуда поставить... Да?.. — сын смотрел вопросительно, но с надеждой на отрицательный ответ.

— Ничего, — кивнула Анна, — куда-нибудь поставим. Завтра я поговорю с папой, мы посмотрим по деньгам... Возможно, что не будем ждать твоего дня рождения.

— Правда?! — глаза сына засветились радостью, — Мам, спасибо!..

— Пока не за что, — Аня обняла сидящего на стуле мальчика и поцеловала в тёмно-русую макушку, — главное, чтобы ты не забросил потом занятия.

— Ты что, мама! — Димка аж вытаращил глаза, — Я не брошу! У меня же... подожди, я сейчас...

Выскочив из кухни, сын тут же вернулся со школьным ранцем в руках. Поставив его на стол, достал из недр нотную тетрадь, открыл и положил перед матерью.

— Что это? — Анна удивлённо рассматривала испещрённый знаками нотный стан, — Баллада...

— Да, это баллада... — Дима торопливо листал тетрадь, каждая страница которой была исписана нотами, — И вот — ещё... и ещё... Это мои баллады...

— Подожди... — удивление сменилось на откровенное изумление, — Это что... твои баллады?!

— Да, — сын с готовностью кивнул, — мои.

— Когда ты успел... А, главное, где?!

— Я ещё там... в прежней музыкалке... Вообще я давно их сочинил, но репетировать стал недавно, и ноты записал недавно. Павел Николаевич посмотрел, сказал, что талантливо...

— Павел Николаевич... — от изумления Анна сразу не могла вспомнить, кто такой Павел Николаевич, — Ах, да... это твой преподаватель...

— Да, — Дима снова охотно кивнул, — ты его видела... Я ему сыграл, он послушал, сказал, что хорошо, и ещё не мог поверить, что я раньше сам изучал музыку... Я вам пока ничего не говорил... Хотел сыграть на новом пианино... ну, если бы вы мне его купили...

— Мы купим... — Анна прижала к груди голову сына, — Мы обязательно купим!

— Папа согласится? Я слышал, что ему сейчас деньги будут нужны...

— Согласится... — Анна в знак согласия прикрыла и вновь открыла веки, — Обязательно согласится!

— А ничего, что у нас одна комната? — по тому, как загорелись его глаза, можно было догадаться, что этот вопрос Дима задал скорее из вежливости, заранее зная, каким будет ответ.

— Ничего... — Анна снова прижалась губами к его макушке, — Главное — твой талант. А мы — твои первые слушатели...

Международный женский день было решено отмечать в ресторане, принадлежащем Леониду Лапину. Стол для своих друзей Леонид распорядился накрыть в небольшом банкетном зале. Из присутствующих были лишь Морозовы всем семейством и сам Лапин с Милой и Кристиной.

Как ни старалась Анна, собираясь на торжество, но перещеголять Людмилу Лапину оказалось делом невозможным. Мила была женщиной скромной, тихой, но бриллианты в ушах и на пальцах так играли в свете хрустальных бра, что полностью компенсировали излишнюю скромность своей хозяйки. Одета Мила была по последнему слову европейской моды, так, что Аня в своём, считавшемся дорогим, костюме всё с того же вещевого рынка, почувствовала себя не в своей тарелке. Точно так же она чувствовала себя днём раньше, присутствуя на праздничном учительском банкете, сравнив, увы, не в свою пользу, выходные наряды женского преподавательского состава.

Анна впервые в жизни испытала недовольство своим внешним видом, когда увидела, какие украшения имеются у её новых коллег... теперь же, оказавшись в узком дружеском кругу, она вновь ощутила смущение... Бриллиантов у неё никогда не было, а единственная золотая цепочка с кулоном на фоне дорожущего ожерелья Людмилы казалась ей теперь дешёвой бижутерией...

Муж не обращал внимания на смущение Ани, но, не в пример ему, Лапин понял всё сразу. Он весь вечер бросал на неё недвусмысленные взгляды, окончательно вгоняя в краску. Казалось, что он не обращает внимания ни на собственную супругу, ни на дочь, ни на Александра с Димой.

Пригласив Анну на танец, Лапин неожиданно наклонился к её уху.

— Я не устаю тобой любоваться...

— Странные речи в присутствии жены... — чувствуя, как лицо заливается краской, Аня попыталась отшутиться.

— В них нет ничего предосудительного, — тихо рассмеялся Леонид, — разве плохо любоваться женской красотой? Тем более, со стороны...

— Скажешь тоже... — Анна едва прятала довольную улыбку, — Восьмого марта все женщины красивые.

— Восьмого — возможно... но вот в остальные дни настоящих, красивых, уже меньше... Я теперь знаю ещё одну...

— Кого же?... — решив подыграть, Анна лукаво улыбнулась.

— Угадай...

...Она даже не заметила, как сама начала отвечать на его игру... Леонид был импозантным молодым мужчиной. Видной внешности, выше среднего роста, он смотрел довольно дерзким, серым взглядом, будоражащим женские инстинкты... Он как-то незаметно вошёл в жизнь Морозовых, то и дело помогая советами, делами, сопереживаниями... Казалось, он готов был решить все их проблемы, возникающие после переезда на новое место жительства.

Александр был искренне благодарен школьному товарищу, полностью доверяя ему свои планы. Он даже не обращал внимания на то, как Лёнька поедает глазами его любимую Анюту...

...Анна опомнилась, когда стихла музыка. Ей вдруг стало неловко, что она так раскокетничалась с чужим мужем, и, усевшись вновь за стол, бросила осторожный взгляд на Милу. К счастью, та была занята разговором с Александром, и, казалось, совершенно не смотрела ни на мужа, ни на Анюту...

— Дядя Лёня, а можно я сыграю?.. — Дима, который весь вечер не сводил глаз со стоявшего в углу пианино, наконец, набрался смелости задать вопрос.

— А ты можешь?.. — Лапин удивлённо уставился на мальчика, — А ну, давай... сбацай чего-нибудь!

Торопливо пройдя к инструменту, Димка уселся на стул и открыл крышку... Немного пробежавшись по клавишам, на несколько мгновений затих, потом взял первый аккорд...

— Какая мелодия красивая... — Мила слушала, улыбаясь, — Никогда такую не слышала...

— Это Димка сам сочиняет! — Александр с гордостью смотрел на сына.

— Серьёзно?! — женщина удивилась ещё больше, — какой молодец!

— Мы и сами не знали, — Анна тоже любовалась сыном, — представляешь, он сочинял, сам записывал, хотел сделать нам с Сашей сюрприз.

— Композитором будет! — Леонид встал с места и, подойдя к мальчику, приобнял того за плечи, — А Кристинка стихи пишет... Вот и будете песни сочинять, а?..

— Не знаю, — Дима смущённо пожал плечами, — я как-то не думал... Я просто музыку пишу.

— А будут песни! Кристинка! — мужчина обернулся к дочери, — Нужно стишок написать вот под эту музыку... Сможешь?..

— Ну... — девочка жеманно опустила глазки, — Не зна-а-а-ю...

— Лёнь, ну, что ты болтаешь... — Мила укоризненно посмотрела на мужа, — Какой стишок?.. Это музыкальная пьеса... всё серьёзно, да, Дима?

— Вообще-то, да, — тот согласно кивнул головой, — я ещё не думал о песнях... но я подумаю!

— И в кого он у вас такой? — решив пошутить, Лапин снова отошёл к столу и чуть толкнул локтем Александра, — А, Сашка?..

— Сам не пойму! — Морозов подхватил шутку, не обращая внимания на то, как при

словах Леонида побледнела Анна. Музыкантов в соседях, вроде, не было! А Анютка не признаётся!

— Кстати, с песнями — хорошая идея! — захмелевший Леонид сквозь общий смех снова повернулся к Анюте, — Смотри... смотри... Кристинка сочиняет стишки... Димка пишет музыку... я даю своим музыкантам, они исполняют... Нет!.. Пусть Димка сам и поёт... А что?.. Потом вырастут с Кристинкой, мы их поженим... А, Саня?! Милка?. Нормальная идея?..

— Ну, болтун... — всегда серьёзная Мила чуть качнула укоризненно головой, — Пусть вырастут сначала...

— Да куда они денутся?! — Морозов тоже включился в весёлый разговор, — Вырастут! Пусть женятся, я уже согласен!

— Саша, что ты болтаешь?! — Анна тоже попыталась увещевать своего мужа, — Они ещё дети, а ты такое говоришь...

— Ну, и что?! — тот весело приобнял жену, — Дети-то вырастают... Кристинка дочкой будет! Ты же не хочешь дочку родить...

— Ну, что ты?! — Анюта сердито дёрнула Александра за рукав, — Саша!.. Больше не пей! Уже чепуху нести начинаешь...

— Аня, не ругайся! — Лапин разливал по стопкам коньяк, — Всё правильно! Раньше как делали?.. Детей женили, партию подбирали... чтобы потом жизнь была лёгкой. А мы с Сашкой друг друга с детства знаем... У меня бизнес, у него тоже будет бизнес... Чужим его, что ли, отдавать?! Так что давайте, за наше будущее родство!

— У Саши пока никакого бизнеса, — Анна отобрала из рук мужа недопитую стопку, — Деньги нужны на бизнес... при чём, огромные.

— Пусть пока работает в этой фирме, — Лапин опрокинул в себя очередную порцию коньяка, — строительство — это по его части... Главное, что работа нашлась. А бизнес будет, это я вам обещаю...

— По-моему, им обоим уже хватит... — чуть пригубив, Мила махнула рукой на своего мужа, — Уже начинаются обещания и сватовство...

— А что ты имеешь против сватовства?! — Лапин всё больше входил в раж, — Смотри, какой зять у тебя будет?! И композитор, и пианист, и певец... да, Димка?

— Насчёт певца не знаю, — Дима отвечал вполне серьёзно, — это как голос поменяется...

— Нормально всё будет! — Леонид похлопал мальчика по плечу, — Главное, чтобы было кому помочь по жизни!.. Без посторонней помощи счастья не будет.

— Главное — любовь, — Людмила подняла на мужа чуть насмешливый взгляд, — не будет любви, и счастья не будет...

— Главное — связи! — тот невозмутимо подцепил вилкой закуску, — А любовь... любовь придёт... Будут деньги — будет счастье... Ты думаешь, зря все эти бывшие партийные бонзы своих детей друг на дружке женили?.. Тогда ещё!.. А теперь им их детки спасибо говорят, потому, что любовь проходит, а связи остаются.

— От тех, советских, связей, уж, наверное, ничего не осталось, — Александр скептически махнул рукой, — и бонзы эти... давно уже не у дел...

— Не скажи, Сашка, не скажи!.. — жуя дольку лимона, Леонид поднял вверх указательный палец, — Живы ещё, и власть кое-какую имеют... Вот я алкоголь беру на ресторан, прямо с завода... так вот, директор — типичный представитель партийно-

комсомольского эшелона. В своё время удачно женился на дочери главного мента... потом с его сыном так же удачно прихватизировали наш местный ЛВЗ, так вот, теперь держат и этот завод, и ещё парочку нелегальных цехов... И, главное, все об этом знают, и органы в том числе, и — тишина!.. Никто его не трогает, даже рэкет в своё время стороной обходил. Понял?.. А тестюха-то уже да-а-а-вно на пенсии. А связи до сих пор работают... Такие вот дела, Сашка!..

...Услышав про дочь «главного мента», Анюта почувствовала, как внутри разливается волна холода. Если Леонид имел в виду Александру Дзюбу, то, выходит, Виталий сейчас — директор ликёро-водочного завода?.. И это его коньяк сейчас стоит на этом самом столе?..

...Ей очень хотелось уточнить фамилию женщины, о которой говорил Лапин, но, посмотрев на мужа, она решила не спрашивать... Ведь это именно с ней первой познакомился Саша тогда, в сельском клубе, почти пятнадцать лет назад... А, если он захочет её вспомнить?..

И, кто знает, может, Леонид имеет в виду вовсе не её, не Сандру... мало ли, кто был «главным ментом» после Дзюбы?..

Ведь прошло уже столько лет...

Глава 5.

Сидя за столом своего неброско обставленного кабинета, Виталий задумчиво смотрел на открывающуюся за окном панораму. Ликёро-водочный завод был расположен в одном из окраинных микрорайонов, но «директорские» окна на третьем этаже центрального офиса смотрели в сторону центра и обзором захватывали небольшую часть городской территории.

Постукивая подушечками пальцев по столу, мужчина смотрел из-под насупленных бровей, плотно сжав красивые губы. Озабоченность, отразившаяся на его лице, была с примесью тревоги. Какие-то странные события, происходящие в последнее время вокруг его предприятия, настораживали и заставляли задумываться о вещах, совершенно не укладывающихся в его планы.

На первый взгляд, всё было относительно спокойно — завод работал, продукция шла на ура, в том числе, и «неучтёнка». Стали появляться кое-какие средства, позволяющие вовремя отдавать кредиты и выплачивать зарплату сотрудникам. Стабильность упрямо маячила на горизонте, обещая дальнейшую всё возрастающую прибыль и безбедное существование...

Фирменные магазины, принадлежащие заводу, работали круглосуточно, в городе и за его пределами. Фуры оптовиков без конца въезжали и выезжали за ворота территории, а подъездные железнодорожные пути никогда не пустовали — вагоны, загруженные тысячами декалитров алкогольной продукции, каждый день уходили в направлении других городов и весей...

...Удивительное дело, но именно эта наступающая стабильность всё больше тревожила генерального директора Виталия Мясникова. Вернее, заставляла более подозрительно относиться ко всему происходящему. Наделённый острым умом, Виталий прекрасно понимал, что его завод — лакомый кусок для любых дельцов, и, если несколько лет назад было достаточно отстёгивать «кому надо», чтобы оставаться живым и на плаву, то теперь времена менялись кардинальным образом. Вся «мафия», занимавшаяся рэкетом, вышла из подполья и легализовалась, превратившись в различные околосударственные структуры, захватывающие всё и вся на вполне законных основаниях. Теперь просто отстёгивать было мало... Нужно было «ложиться»... то есть, сливаться с каким-нибудь, создаваемых специально для этих целей, холдингом. В противном случае предстояло ждать огромных

неприятностей.

...И эти новые партнёры... почему-то они не внушали доверия... Выгодный оптовый покупатель, которого около полугода назад «нашёл» Олег, оказался как нельзя кстати — закупив приличную партию водки, владелец склада алкогольной продукции из другого города рассчитался наличными, что позволило не проводить отгрузку по документам полностью — товар частично ушёл «леваком». Уже через пару недель тот же покупатель вновь пригнал несколько фур, в простонародье называемых «алками», и так же рассчитался налом. Несмотря на явное нарушение финансовой политики предприятия, такая форма расчёта была выгодна — часть суммы не проводилась через банк и была неподотчётна. Однако, от природы осторожный Виталий вскоре настоял на том, чтобы все платежи были легальными. Олег выразил недовольство, и это впервые насторожило Мясникова. Его деловой партнёр, грамотный юрист, как никто другой должен был представлять весь риск таких «неуставных» отношений с незнакомым, по сути, партнёром, но Олег почему-то проявил нехарактерную для него беспечность.

«Виталя, не пойму, чего ты паришься?! — Дзюба пришёл в настоящее бешенство, узнав, что его знакомого заставляют заключить долгосрочный договор на поставку, и все деньги проводят по банковским документам, — Это идеальный вариант для нас с тобой! Товар уходит за пределы области, документы на отгрузку в порядке, часть бабла и так идёт через банк... То, что мимо — наше с тобой... это лучше, чем пропускать «левак» у себя под боком!»

«Нет, — Мясников выглядел серьёзным и говорил твёрдым голосом, — почему-то мне это не нравится... Вот не нравится, и всё!»

«Да почему?!»

«Фамилия мне его не нравится, — Виталий угрюмо усмехнулся, — Кобелев... кобелиная какая-то фамилия...»

«Да ладно, Виталя... говори открыто — почему?»

«Потому, что у них там свой завод есть, и покрупнее нашего. А он отсюда алкоголь таскает, за сотни километров. Тебя не настораживает?»

«Меня — нет, — Олег пожал плечами, — нас это каким боком касается? Может, у него свои, личные, отношения с местными не заладились?»

«Ерунда... не нравится мне это. И точка».

Олегу пришлось уступить. Все его уговоры и аргументы действия не имели — Виталий стоял на своём.

С тех пор прошло полгода, и Кобелев всё так же являлся постоянным покупателем продукции завода. По словам Олега, он расширил свой бизнес, и теперь часть товара брал на реализацию. Оплату производил вовремя, и собирался увеличивать закупки. Именно к нему летал Олег в январе — для оценки его деятельности. Контракт предполагал отгрузку продукции без предоплаты, более того — с отсрочкой оплаты, и Виталий сам послал своего родственника в эту командировку, хотя проверками должен был заниматься непосредственно отдел безопасности. Официальной, оговоренной вслух причиной личного контроля был всё тот же «левак» — Олег снова уговаривал Мясникова пропускать «левую» водку именно через Кобелева, ссылаясь на то, что знает его давно, и уверен в нём, как в себе. Другой же, тайной причиной того, что Виталий отправил Дзюбу за сотни километров от родного дома, была жена Олега Татьяна...

Вернувшись, Дзюба клятвенно заверил, что бизнес Кобелева процветает, и «не стоит

беспокоиться». Он в очередной раз рассказывал о надёжности партнёра... но, чем краше становились его речи, тем больше настораживался Виталий. Открыто Мясников ничего не сказал, более того, дал согласие на заключение этого обоюдновыгодного контракта...

Но решил быть начеку.

В поведении Олега ему с недавних пор виделась какая-то неуловимая угроза... Природная интуиция никогда не обманывала Виталия, поэтому он ещё зимой попросил Таню сделать слепок с ключа Олега от его рабочего сейфа. Слепок она сделала, и дубликат был уже готов... Но подобраться к самому сейфу было почти нереально — он находился в адвокатской конторе, принадлежащей Дзюбе, в его кабинете. Приехать в отсутствие хозяин, чтобы открыть сейф и порыться в документах не представлялось возможным — помимо обыкновенного, сейф был снабжён кодовым замком. Правда, в течение рабочего дня кодовый замок был отключен, и теоретически можно было открыть тайник с помощью дубликата во время обеденного перерыва, но для этого нужно было как-то попасть в кабинет... Версия с ночным проникновением тоже отпадала по известным причинам... А, между тем, Виталий чуть ли не кожей чувствовал, что тучи за его спиной сгущаются.

— Юленька, добрый вечер, — стремительно войдя в приёмную адвокатской конторы, Виталий обаятельно улыбнулся секретарше, — шеф ещё у себя?

— Н-не-е-е-т... — почему-то смутившись при его появлении, протянула девушка, — Олег Семёнович уже уехал... он же вам звонил, кажется...

— Вот чёрт! — Виталий с досадой хлопнул себя ладонью по бедру, — Я и забыл... совсем замотался... Выходит, зря сделал такой крюк.

— Так вы сами позвоните ему, он уже дома, наверное... — собрав лежащие на столе документы в папку, Юля подошла к огромному, в человеческий рост, сейфу в углу приёмной и открыла металлическую дверцу. Убрав папку внутрь, набрала код и закрыла сейф.

— Да, придётся... — потянувшись к телефону, Виталий снял трубку и покрутил диск, — Олег, я тут к тебе заехал... да, совсем забыл, что ты предупреждал, что рано уедешь... да... нет, документы оставлять не буду, завтра с кем-нибудь пришлю... Всё, до встречи. Привет семье.

Положив трубку, он не торопился уходить. Рабочее время подошло к концу, и Юлия перед зеркалом застёгивала короткую кожаную курточку. Как будто оттягивая время, Мясников снова набрал номер — теперь уже своей собственной квартиры. Пока он слушал длинные гудки, девушка успела полностью одеться и терпеливо стояла в дверях. На звонок никто не ответил, и мужчина положил трубку.

— Прошу прощения, — Виталий обаятельно улыбнулся, — заставил ждать такую очаровательную девушку...

— Ничего страшного, — Юля, напротив, была серьёзна, — я всё равно никуда не тороплюсь.

— Не торопитесь? — Мясников продолжал игру, не сводя взгляда с секретарши, — А на свидание?

— Я на свидания не хожу, — дождавшись, пока он выйдет, девушка закрыла кабинет и застучала по коридору каблучками.

Мясников шёл следом, опытным взглядом оценивая её фигуру. Юля была небольшого роста, худощавого телосложения, но с довольно стройными ногами. Впрочем, встретить он её в толпе — никогда не обратил бы внимания: внешность Юлии была обыкновенной, ничем не выделяющейся, ну, разве что огромными синими глазами на худом, продолговатом лице.

Да, его партнёр не заморачивался с красотой секретарш... Впрочем, он даже не пользовался их сексуальными услугами...

«Эх, Олежек, Олежек... а когда-то не пропускал мимо себя ни одну девочку...»

— Вас подвезти, Юленька? — неожиданно для самого себя Виталий широко распахнул дверцу своего «мерса», — Садитесь!

— Я... я не знаю... — для самой девушки предложение тоже оказалось неожиданным, и она в нерешительности остановилась у машины, — Как-то неловко...

— Неловко по потолку ходить, штаны сваливаются, — рассмеялся мужчина, кивком головы снова приглашая Юлию в салон, — а на машине ездить очень даже удобно... тем более, что вот-вот начнётся дождь.

— Спасибо... — она почему-то смутилась ещё больше и покрылась румянцем, — Только, если нам по пути...

...Дождь, действительно, хлынул, едва за девушкой захлопнулась дверца автомобиля. Включив дворники, Виталий ещё несколько минут прогрел остывший двигатель, затем, плавно тронувшись, отъехал от здания конторы.

Май в этом году не баловал теплом, и был похож, скорее, на поздний март, только без остатков снега.

— Ну, вот, приехали, — притормозив у обыкновенной «хрущёвки», на которую указала Юля, Мясников бросил на девушку пронизательный взгляд, — а ты не хотела... Сейчас бы промокла, мама бы переживала...

— Я живу одна, без родителей, — открывая дверь, девушка посмотрела на Виталия с нескрываемой благодарностью, — спасибо вам большое, Виталий Иванович!

— Совсем одна живёшь? — он торопился задать вопрос, пока она не закрыла за собой дверь, и, видимо, поэтому он прозвучал как-то слишком заинтересованно.

— Да, одна, — Юля улыбнулась на прощание какой-то грустной улыбкой, — я снимаю квартиру...

— Значит, можно будет зайти в гости?.. — деланно пошутил Мясников, — Если да, то ловлю на слове!

— А вы, правда, зайдёте?.. — застыв, она смотрела на него каким-то странным взглядом, в котором были и недоверие, и надежда, и едва заметный страх.

— А почему бы и нет?..

— Я живу на первом этаже... второй подъезд, первая налево квартира...

...Заходя через полчаса в подъезд своего дома, Мясников всё ещё прогонял в мыслях сегодняшний день и начало вечера — в том числе и визит к Олегу, и внезапный интерес к его неброской секретарше. В том, что это был именно интерес, а не жест вежливости, Виталий уже не сомневался. Как всегда, понимание ситуации пришло на подсознательном уровне... Ещё не составив для себя какого-то плана, он в глубине души уже заранее знал, что ему нужно поступить именно так — предложить Юле подвезти её домой...

Зачем?.. Ответ на этот вопрос должен был прийти позже... но он обязательно должен был прийти... И даже то, что он сегодня был не на служебной, а на личной машине, тоже оказалось кстати, и вовсе неспроста...

— Мать дома? — раздеваясь в прихожей, Виталий бросил взгляд на вышедшего ему навстречу сына, — Как дела?

— Нормально, — Миша пожал плечами, — а мамы нет.

— Где она? — сняв куртку и туфли, Мясников прошёл сразу в гостиную, уселся на

мягкий, грязно-рыжего модного цвета, кожаный диван и устало откинулся на спинку, — Не знаешь?..

— Не знаю... — юноша двинулся вслед за отцом, — Бабушка с дедушкой приезжали... они поссорились, и мама куда-то ушла.

— Чего опять случилось? — Виталий недовольно наморщил лоб, — Давно ушла? Она хоть трезвая?

— Давно... и трезвая... но она плакала.

— Как они все меня уже достали...

Прикрыв глаза, мужчина на какое-то время затих. Казалось, что он задремал — так, сидя, вытянув ноги и положив левую руку на подлокотник. Миша какое-то время стоял молча, прислонившись к дверному наличнику. Со стороны было заметно, что он хочет о чём-то спросить отца, но никак не решается.

...Уже меньше, чем через месяц Мише Мясникову должно было исполниться пятнадцать лет. Довольно рослый, крепкий мальчик выглядел настоящим юношей, и вызывал неподдельный интерес у своих одноклассниц и юных соседок по дому. Интерес этот был вызван не только симпатичной внешностью — Миша был голубоглазым, с густой русой шевелюрой и обаятельной, доброй улыбкой парнем — но и бизнесом его отца. Родители Мишу очень хорошо одевали, у него всегда были карманные деньги, на которые он с удовольствием угощал девочек мороженым и конфетами. Внешне Мишка не был похож ни на мать, ни на отца, и единственное отдалённое сходство с близкими родственниками, которое наблюдалось в его облике, было с дедом по матери — Семёном Ильичом. Когда Миша хмурился, он точно так же, как и дед, сдвигал брови и чуть выпячивал вперёд нижнюю челюсть.

Учился парень хорошо, в лицее с уклоном на изучение иностранных языков — в этом он решил пойти по стопам матери, и был вполне самостоятельным молодым человеком. Характер у Мишки был открытый, добрый и очень отзывчивый, и это было ещё одним отличием его от собственных родителей — и у Александры, и у Виталия все эти качества присутствовали в очень ограниченном количестве...

...«Безотцовщина»...

...Это слово всё чаще и чаще повторял дед... На это однажды намекнула мать в пьяном угаре, сказав непонятную для ребёнка фразу: «Плохо, что ты не Виталькин... трудно тебе придётся, Мишка... ой, трудна-а-а...»

Несколько раз Миша пытался уточнить у Александры, что она имела в виду, но мать в ответ бормотала что-то невнятное, упоминала какую-то баню, какую-то пуговицу... так, что сын, в конце концов, отстал от неё. Когда мать вышла из очередного запоя, он снова задал ей этот вопрос, но Александра отмахнулась, сказав, что он всё не так понял, и что ему, вообще, всё послышалось.

...Чем старше становился ребёнок, тем больше его беспокоил один-единственный вопрос... Слова же прабабки, произнесённые ею накануне смерти, только утвердили Мишу в его страшной догадке. Решив, что взрослые просто не хотят травмировать его, и поэтому не говорят правды, он решил выяснить всё сам... ведь он уже совсем взрослый.

— Папа... — присев напротив, Миша пристально посмотрел на отца, — Я хотел бы с тобой поговорить, пока мамы нет дома.

— Это срочно? — чуть приоткрыв глаза, Виталий скользнул по сыну вялым взглядом, — Если ты снова о матери, то...

— Нет, не о маме. Я хотел спросить о себе... вернее, о нас с тобой...

— О нас?.. — отец шире раскрыл глаза, — Интересно... ну, давай, поговорим о нас...

— Это правда, что ты мне не родной?

Услышав вопрос, Виталий мгновенно подался вперёд... Положив локти на расставленные колени, он сцепил пальцы и уставился на сына. Взгляд из вялого превратился в пронзительный, буравящий насквозь...

— С чего ты это взял?

— Папа, я уже взрослый... только ты не думай, я всё пойму... ты всё равно для меня — родной...

— С чего ты э т о взял?.. Говори!

Тон, которым Виталий повторил свой вопрос, не показался Мише ни удивлённым, ни возмущённым. Отец спрашивал жёстко, как на допросе, как будто давно ждал нужного ответа.

— Не знаю... — реакция отца напугала мальчика, и он сразу пожалел, что решил завести этот разговор, — Мне иногда кажется, что...

— Что тебе кажется?! — вскочив на ноги, Виталий стремительно шагнул к окну, затем резко развернулся всем корпусом, — Что?! Что я не люблю мать?! Но такое бывает, и многие так живут!.. Ты же взрослый!.. Значит, понимаешь, о чём я говорю!.. Что мать вбила тебе в голову, что я не люблю тебя?! Или что там ей чудится спьяну?! Или она говорила что-то ещё?! Рассказывай абсолютно всё!

— Нет... — опустив глаза, Миша поджал губы, — Она ничего не говорила... я просто не так понял... извини.

— Нет, она что-то тебе говорила... ну, скажи, говорила ведь?!

...Виталий понимал, что грубостью только отталкивает сейчас сына, заставляя того замолчать... но ничего не мог с собой поделать. Сам того не подозревая, Миша озвучил вопрос, мучивший его отца все последние пятнадцать лет...

Виталий не сдержался и сорвался на крик... Ребёнок тут же замкнулся в себе... А ведь неспроста он спросил...

Неспроста...

— Извини, пап... — окончательно смутившись, Миша тоже поднялся и направился к двери, — Я не хотел тебя обидеть... наоборот...

— Подожди... — с трудом подавляя в себе вспышку злости, Виталий махнул рукой, приглашая сына снова присесть, — Сядь...

Послушно вернувшись на место, мальчик угрюмо уставился куда-то вниз. Судя по выражению его лица, он глубоко сожалел о том, что завёл этот опасный разговор... Он ожидал чего угодно — изумления, оправдания, объяснения, отрицания... но только не этой ярости... Ему даже показалось, что отец совсем не удивился его вопросу...

— Просто ты всегда так занят... я подумал, что ты совсем не хочешь со мной общаться... Я подумал, что...

— Мишка, не обманывай... — снова присев напротив, Виталий перешёл на более спокойный тон, — Ты спросил не просто так... Тебе что-то сказала мать?.. Или бабушка?..

— Нет... — Миша не совсем уверенно покачал головой, — Просто... просто, я подумал, что ты боишься, что я узнаю и буду плохо к тебе относиться... но это не так... ты всё равно для меня — отец...

— Но ты же с чего-то это взял?.. Послушай... — теперь Виталий постарался придать

своему голосу проникновенное выражение, — Ты же сам хотел поговорить откровенно... Так?..

— Ну... так...

— Вот и давай... поговорим... Ты должен мне сказать, с чего ты взял, что я тебе не родной отец. Тебе сказала мама?

— Нет... — Мишка медленно покачал головой, как будто раздумывая, говорить всю правду или нет, — Просто... просто, когда сегодня мама поругалась с бабушкой, та сказала, что заберёт меня к себе... потому, что я никому не нужен — ни ей, ни тебе... А дед... дед сказал, что я всё равно безотцовщина.

— И это всё?..

— Да... так это неправда?.. Пап?.. Неправда?..

— Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь... Мишка, говори всё, не бойся...

— Но ты же всё равно мой настоящий отец?.. Пап... ты просто скажи... я ничего не подумаю!

— Хорошо... — голос Виталия стал глухим, он опустил глаза и чуть поджал губы, — Тогда давай откровенность за откровенность... Я отвечу на твой вопрос... но сначала ты ответишь на мой. Идёт?

— Идёт... — мальчик нерешительно пожал плечами.

— Тогда скажи мне... только честно... с чего ты взял, что я тебе неродной отец? Версию, что дед называет тебя безотцовщиной, я не принимаю... это он от злости, что у меня мало времени на семью... Тебе ведь кто-то сказал что-то конкретное... да?.. Отвечай, не бойся... а потом я отвечу на твой вопрос.

— Ну... хорошо... — Миша осторожно поднял на Виталия взгляд, — Так сказала баба Инга перед смертью...

— Что она сказала?

— Она сказала, что ты мне не отец... А потом сказала маме и бабушке, что они должны мне что-то рассказать... что я должен знать правду. Я тогда спрашивал маму, но она сказала, что у бабы Инги бред. Бабушка Вера тоже... Я и подумал, что ты мне неродной, и все от меня это скрывают... А в последнее время мама с бабушкой всё время ссорятся... я подумал, что это как-то связано...

— Понятно... — Виталий слушал сына с изменившимся лицом. Хоть он и догадывался о том, что Миша — не его сын, но то, что рассказал ему мальчик, потрясло по-настоящему. Его догадки оправдались...

«Чёрт!.. Чёрт... чёрт!..»

Пятнадцать лет его, как мальчишку, водили за нос... Ну, да... он женился на Сандре, выбирая худшее из зол... у него не было другого выхода... Но она!.. Воспользовалась тем, что он попал в сложную ситуацию, чтобы оправдать свою беременность!.. Она просто купила его... Да, он знал об этом почти наверняка...

И всё равно...

...То, что он узнал сейчас от сына...

...Чьего сына?!

...То, что он узнал от сына, окатило ледяной волной, как будто он узнал об этом впервые...

— Папа... — мальчик смотрел на него с тревогой, — Папа... ты обещал мне ответить...

— Ответить?.. — погружённый в свои мысли Виталий не сразу сообразил, что хочет от

него Миша, — Ну, да... ответить...

— Ты обещал...

— У тебя есть свидетельство о рождении?

— Есть...

— Вот открой его и прочти... там и мать, и отец прописаны.

— Там написано, что ты — мой отец...

— Ну, и что тебе ещё нужно?

...Разговаривать с Мишей больше не было ни охоты, ни моральных сил. Ребёнок был, конечно, ни в чём не виноват, но и сказать ему было нечего...

Пройдя в свою комнату, Виталий с ходу плюхнулся на кровать. Он лежал минут десять — в дорогом костюме, даже не раздевшись, закрыв глаза и раскинув по обе стороны руки. Острое желание забыться в чьих-то объятиях, хотя бы на какое-то время, возникло внезапно... Оно было таким сильным, что Виталий даже не попытался его подавить.

Встретиться с Татьяной не представлялось возможным — она уже была дома, в семейном кругу... К тому же, ей пришлось бы всё объяснять, а у него сейчас нет на это никакого желания. Эту давнюю боль, вспыхнувшую сегодня с новой силой, нужно было как-то притушить... к ней нужно было привыкнуть, вжиться в неё... принять какое-то решение... А на это нужно время.

...Нет, Татьяна сразу всё поймёт и будет вытягивать из него информацию... Сейчас необходимо просто забыться...

...Алкоголь отпадает... ему нужен трезвый, расчётливый ум...

...Оставив машину в соседнем дворе, Виталий пешком прошёл под уже знакомой аркой и направился ко второму подъезду пятиэтажной «хрущёвки»...

— Добрый вечер, Юленька... — он обаятельно улыбнулся открывшей ему девушке, — Я же обещал, что зайду...

Глава 6.

Виталий совершенно не ожидал, что визит к секретарше Олега закончится именно так... Конечно, он знал, что нравится женщинам, и редкая из них могла устоять против его обаяния... но он даже не предполагал, что скромная, серьёзная Юля, с которой он лишь время от времени виделся в приёмной Дзюбы, и на чьё быстрое расположение совсем не рассчитывал, не просто будет рада визиту такой персоны, как бизнесмен Мясников, а выдаст ему неожиданное признание.

«Я вас люблю... и уже давно... — девушка была и смущена, и серьёзна одновременно, — Только вы ничего не подумайте...»

«Я ничего и не думаю...»

Глядя на Юлию, Виталий не мог сдержать улыбки. Она как будто знала, что он вернётся именно в этот вечер, потому, что, открыв дверь на звонок, вовсе не удивилась его приходу. Девушка была в домашнем ситцевом платье, с распущенными, заколотыми у висков «невидимками» тёмно-каштановыми волосами. Приталенное, с чуть расклешённой юбкой и лифом на пуговицах, платье плотно обхватывало её талию, отчего та казалась ещё тоньше. Юля была похожа, скорее, на девочку-подростка, чем на двадцатичетырёхлетнюю девушку. Ярко-синие васильки на платье были одного цвета с её глазами... кажется, в его жизни уже были т а к и е глаза...

...Сначала они сидели на небольшой, в шесть квадратных метров, скромно

обставленной кухне и пили чай... Юля призналась ему в своих чувствах почти сразу... Он даже подумал, что она имеет какие-то свои собственные цели, ведь это невозможно, вот так взять, и признаться в любви, сидя за кухонным столом, человеку, стоящему выше на добрую сотню ступеней социальной лестницы... и то, что он сам приехал к ней, не служит оправданием её порыва, а — напротив... Значит, ей самой от него что-то нужно! Но что?!

«Может, это уловки Олежека?..»

Впрочем, эту мысль он отмёл сразу — в конце концов, Юля не знала, что он заедет к ним в бюро именно сегодня, и именно, когда Дзюбы не будет на месте. И, уж тем более, не она сама напросилась к нему в машину...

Нет... тут что-то другое...

Не верящий в искренность чужих чувств, Мясников теперь прокручивал в голове различные варианты причин такого поведения девушки, но так и не остановился ни на одном из них.

«Неужели она не хитрит?..»

В какой-то момент ему показалось, что он не сможет воспользоваться её молчаливым согласием, граничащим с призывом, на близкие отношения... Он даже испытал подобие гордости за своё благородство и был почти готов оставить квартиру Юли после того, как выпил с ней чай... Но...

...Он уже вторую неделю не встречался с Татьяной... Светлана ушла в отпуск... Жена — не в счёт... А ему необходимо было как-то снять накопившийся стресс...

Можно было, конечно, вызвать проститутку в гостиничный номер, но это было бы так банально.

Его благородный порыв погас так же неожиданно, как и вспыхнул. В последний момент Виталию ужасно захотелось остаться здесь, у этой девушки, признавшейся ему в любви так внезапно и откровенно...

«Вы только ничего не подумайте... — тая в его опытных руках, прошептала Юля, — Я не такая... я просто вас люблю...»

...Домой Мясников вернулся около трёх часов ночи, в досадном настроении. Пыл угас, а проблемы никуда не ушли... И решать их нужно было немедленно. Бизнес был на первом месте, по этой причине домашние дела отходили на последний план. Сначала нужно было разобраться со своим партнёром... вернее, вывести его на чистую воду...

А в том, что Олега есть, за что выводить на чистую воду, Виталий теперь не сомневался. Что ж, это обычное дело... Рано или поздно, партнёры начинают подставлять друг друга, чтобы завладеть бизнесом единолично... тут главное — опередить, не поддаваясь эмоциям.

Тут и чужая секретарша пригодится...

Александра не пила уже третью неделю. В последнее время периоды трезвости между запоями стали сокращаться... Сначала это были два месяца, потом полтора... а в последний раз перерыв составил всего двадцать восемь дней.

Она и сама уже устала от такой жизни. Теперь ей стоило огромных трудов приводить себя в соответствующий вид, и, если бы не деньги мужа, вряд ли она смогла бы посещать все эти новомодные салоны красоты, солярий, тренажёрные залы... Правда, стоило лишь немного посветлеть коже, а глазам и волосам приобрести прежний блеск, случался новый срыв. И снова — потемневшее, опухшее лицо, трясущиеся руки, на которых даже колечко с бриллиантом казалось тусклым и невзрачным, неуверенная походка, вымученный, полный

абстинентного страдания, взгляд...

...А ведь ей всего лишь тридцать три года...

И ссоры с родителями участились в последнее время. Они требуют, чтобы она развелась с мужем, который её ни во что не ставит, и прошла курс лечения от алкоголизма.

Господи... неужели они не понимают, что она не хочет разводиться!.. Да, Виталий не любит её... он ей изменяет, он вообще — кобель... Но он полностью обеспечивает её и сына... Она уже вряд ли когда-нибудь сможет выйти на работу, поэтому материальная сторона волнует её сейчас больше всего. Она не участвует в бизнесе мужа, а алименты на сына, которые она будет получать в случае развода, её вовсе не устраивают, и делить совместно нажитое имущество она тоже не хочет... Тем более, что кооперативную квартиру, в которой они живут уже много лет, построили родители Виталия, оформив документы так, что она не имеет на неё никаких прав.

...Да, ей хочется быть и любимой, и желанной... у неё даже было несколько романов на стороне... но все они были короткими, несерьёзными... и без любви.

...Одноразовые романы.

...Вот если бы она могла полюбить по-настоящему, со взаимностью... Но в последние три года мужчины вообще не обращают на неё никакого внимания, да и она нигде не появляется — Виталий давно уже не берёт её ни на какие мероприятия...

Впрочем, она давно не ждёт от него проявлений чувств, собственно, их никогда и не было. Она и сама больше не испытывает к нему любви, но это неважно. Главное, что он её не бросает...

Разводиться она не хочет... она не хочет остаться совсем одна.

...Ей нужно завязать с алкоголем. Совсем. Она справится... не нужны ей никакие клиники... Она сама сможет остановиться, когда захочет...

— Мне нужно с тобой поговорить, — в начале июня, накануне пятнадцатилетия сына Виталий неожиданно вошёл в комнату жены, — это важно, и, в первую очередь, для тебя.

— Поговорить?.. — от нечего делать Александра перед зеркалом примеряла свои драгоценности. Услышав слова мужа, искренне удивилась. — О чём?..

— В основном о тебе, — поджав губы, тот уселся на кровать и посмотрел на её отражение, — выслушай меня и отнесись серьёзно к тому, что я тебе скажу.

— Говори... — сделав равнодушным лицо, Александра пожала плечами.

— Прекрати покупать в ларьке эту дрянь.

— Ты заботишься о моём здоровье? — усмехнувшись, жена ответила ему недоверчивым взглядом.

— Я забочусь о своей репутации. Хочешь бухать — бухай, но прекрати меня позорить.

— Ты перешёл на жаргон... поздравляю...

— Я называю вещи своими именами. То, что делаешь ты, именно так и называется.

— Интересно... — взяв в руки жемчужное кольцо, Александра приложила его к шее, — Как тогда будет называться то, что делаешь ты с чужими бабами?

— Ты меня хоть с одной чужой бабой застукала? А я тебя регулярно вижу — пьяную.

— Да ты меня вообще больше никакую не видишь! — женщина неожиданно отшвырнула бусы в сторону и, поставив локти на поверхность трельяжа, уронила лицо в ладони, — Даже если я вообще брошу пить, ты меня всё равно не увидишь... не заметишь... ты даже не заметил, что я уже которую неделю не пью вообще!

— Я заметил! Это тебе предупреждение на завтрашний день рождения Мишки! Кстати,

я заказал ему с одноклассниками кафе.

— А нам? Мы что, дома будем сидеть, как быдло? — Александра исподлобья посмотрела на мужа через зеркало, — Я хочу в ресторан!

— Ресторан?.. — он усмехнулся уголком губ, — Чтобы ты там напилась у всех на виду? С меня и нового года хватило...

— Ну, конечно... — в голосе Александры послышался сарказм, — Если бы с какой-нибудь длинноногой шлюхой... А я даже не чувствую, что я — жена бизнесмена... меня, видите ли, бояться показать обществу!

— А ты сама себя видишь?! — вскочив на ноги, Виталий заложил руки в карманы брюк, — В кого ты превратилась?! Ты же... ты же — спилась! Обабилась!.. Тебе уже ничего не помогает, ни дорогие шмотки, ни косметика, ни брюлики!.. ты — чучело, понимаешь?! Хоть килограмм золота на себя повесь, ты — чу-че-ло!

— А ты... ты — сволочь...

— Короче, я тебя предупредил... — решив не продолжать перебранку, Виталий тяжело шагнул к двери, — Если ещё раз мне скажут, что ты бегаешь в ларёк, я переселю тебя в другую квартиру. И делай там, что хочешь!

Виталий говорил отрывисто, зло, пристально глядя на супругу. Он и раньше выказывал своё недовольство тем, что она покупает дешёвое вино в соседнем с домом ларьке. Он даже привозил ей хорошее вино с завода, чтобы она не бегала за выпивкой среди ночи, но Александре всё равно «не хватало», и она, в конце концов, снова оказывалась у заветного ларька. Все жильцы их элитного дома знали о пагубном пристрастии жены Мясникова, и уже перестали удивляться и обсуждать её поведение. Кто-то осуждал Виталия, что он не может принять меры и вылечить жену, кто-то — жалел... но, в любом случае, все знакомые удивлялись его позиции — со стороны было очевидным, что он равнодушно относится к тому, что его жена — алкоголичка.

...Если бы его спросили, почему так происходит, ему пришлось бы долго объяснять... потому, что в глубине души Виталий осознавал, что «дурная привычка» Сандры ему, скорее, на руку... Она пьёт и не лезет к нему ни с упрёками, ни с любовью... Напротив, в дни запоев она уходит в себя... она даже не скандалит, и старается не попадаться на глаза ни ему, ни сыну. Виталий свободен в своих поступках, он может приходить домой, когда угодно... он может вообще не приходить ночевать, твёрдо зная, что никто не спросит, где он был. У них с Сандрой давно своя жизнь — у каждого... А сын... сын растёт на удивление самостоятельным... тем более, что он часто гостит у родителей Сандры, и за него можно не беспокоиться.

— Можешь не переживать... — услышав последние слова мужа, Александра тоже сделала над собой усилие и изобразила оскорблённое достоинство. Встав с банкетки, она демонстративно открыла большой зеркальный шкаф и начала перебирать висящие там дорогие наряды. — Я не собираюсь больше пить. И, вообще... Я хочу на море.

— На море?.. — усмехнувшись, он скользнул взглядом по располневшей фигуре жены, — Одной тебе ехать однозначно нельзя. Если только с Мишкой... и с родителями.

— А с тобой? — резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, Аля чуть прищурила глаза, — ты даже не рассматриваешь такой вариант?

— У меня бизнес. И именно сейчас я не могу никуда ехать.

— И это вся причина?..

— Этого мало?

— Тогда почему Олег может ехать, а ты — нет?

— Олег?.. — Виталий удивлённо приподнял брови, — Он что, собрался в отпуск?

— Да, они с Татьяной улетают на днях в Египет. Хочешь сказать, что ты не в курсе?..

— Нет, я не в курсе...

Новость о том, что Олег с Таней улетают на заграничный курорт, оказалась неожиданной. Ни сам Дзюба, ни его жена ничего не говорили о своём отъезде, хотя с ними обоими Мясников виделся не далее, чем вчера.

И, ладно, Олег... он человек скрытный, себе на уме... Но Татьяна!..

— Так как насчёт моря? — из последних сил подавляя в себе истерику, Александра несколько раз глубоко вздохнула.

— Пока никак. Если хочешь, поезжай на дачу. Хоть займёшься чем-нибудь полезным.

Пятнадцатый день рождения сына Александра решила отметить на трезвую голову. Она даже съездила с Вероникой Григорьевной на рынок за свежими продуктами, и весь день помогала той на кухне. Александра давно просила мужа нанять домработницу, но Виталий отвечал отказом. Ему не жаль было денег, но он не хотел, чтобы кто-то посторонний был свидетелем того, что происходит в его доме.

Сидя за накрытым столом в окружении родных, Александра демонстративно пила безалкогольные напитки. Посидев с друзьями в кафе, Миша тоже присоединился к праздничному семейному столу и радостно принимал поздравления от родителей, бабушки с дедом, своего дяди Олега и его жены Татьяны, двоюродных братьев, а так же от своего второго дедушки — Ивана Мясникова, который приехал по этому случаю в гости к сыну и внуку.

За столом было шумно и весело, что было редкостью для семьи Виталия. Впрочем, сам он не мог похвастаться праздничным настроением. Рискуя выдать свои чувства, он то и дело бросал многозначительные взгляды на Татьяну, но она, казалось, нарочно отводила глаза. Весь вечер молодая женщина громко смеялась, шутила и танцевала только со своим мужем.

Чувствуя, как внутри закипает злость, Виталий дождался, когда Таня вышла за чем-то на кухню и решительно двинулся следом.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — стремительно закрыв за собой дверь, он схватил женщину за плечи и прижал к стене.

— Я?! — она казалась искренне удивлённой, — О чём?!

— Ну, хотя бы о том, что ты собралась в Египет со своим муженьком...

— Что в этом плохого?.. — Татьяна смотрела на него дерзко-насмешливо. Было видно, что внутри неё самой бушует ураган, и она изо всех сил сдерживается, чтобы не сорваться на крик.

— Ты мне ничего не сказала...

— Почему я должна отчитываться перед тобой о своих отношениях с мужем?! Мы с тобой друг другу — никто...

— С каких это пор? — он едва сдерживался, чтобы не впиться ей в губы, не сорвать с её плеч тонкие лямки вечернего платья...

— С тех самых... — Татьяна попыталась оттолкнуть мужчину, но на это у неё не хватило сил. — С тех самых, как ты связался с секретаршей Олега...

— С чего ты взяла?! — он постарался придать голосу как можно более возмущённый тон.

— Нет ничего тайного, что когда-нибудь не стало бы явным... — Татьяна отвечала каким-то зловещим полушёпотом, — Я знаю всё...

— Ничего ты не знаешь...

— Перестань... как ты мог?! — в её глазах неожиданно блеснули слёзы, — Ты?! Ты клялся мне в любви... Ну, ладно, твоя Светка... я могла мириться с этим длинноногим недоразумением... Но Юля!.. Как?! Как ты мог?! Её даже мой муж не трогал...

— Послушай, Таня... — он приблизил к ней лицо, жарко задышал куда-то в ухо, — Мне никто не нужен, кроме тебя... правда... давай, завтра встретимся, обо всём поговорим... хорошо?..

— Встречайся с кем хочешь! — почувствовав, что он ослабил объятия, она всё же выскользнула из его рук, — Между нами всё кончено!.. И вообще... пора за стол... Я не хочу, чтобы нас с тобой застукали здесь...

— Постой!.. — успев схватить за плечо, он силой повернул её к себе и крепко прижал к груди, — Танька... Я не могу без тебя... не могу...

...Александра держалась уже третий час... Глядя на алкогольное изобилие стола, она всё больше ловила себя на мысли, что ей ужасно хочется выпить... Но пить при всех за столом она сегодня не решилась, из боязни нотаций матери и испепеляющих взглядов отца. Зная, что в холодильнике стоит и вино, и коньяк, она отчаянно боролась с желанием пойти на кухню и тайком от всех налить себе немного алкоголя. Отец со свёкром о чём-то беседовали, откинувшись на спинки кресел, мать угощала внуков, брат курил на лоджии — она видела полосатый рукав его рубашки в дверной проём...

Она не заметила, когда из гостиной вышли Виталий и Татьяна, и, решив, что муж составляет компанию Олегу, а невестка вышла в туалет, Александра выскользнула из комнаты. Дверь в кухню оказалась почему-то закрытой, хотя они почти никогда её не закрывали...

С ходу дёрнув на себя ручку, Александра шагнула в помещение... То, что предстало её взору, было полной, какой-то нелепой неожиданностью...

— Ничего себе... — увидев в горячих объятиях мужа свою золовку, Аля мгновенно застыла на месте. Несмотря на то, что их с Виталием давно ничего не связывало, она почувствовала, как внутри прокатывается ледяная волна.

...Оторвавшись от губ любовницы, Мясников медленно, как бы нехотя, разжал руки. Его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций... Не в пример ему, Татьяна выглядела растерянной. Высвободившись из рук Виталия, она торопливо поправила съехавшие с плеч лямки платья. Казалось, что она не знала, что делать — то ли сбежать, то ли остаться, чтобы как-то урегулировать ситуацию.

— Аля... — начала было она, но Виталий остановил её движением руки.

— Сандра, послушай, — он сделал шаг в сторону жены, — Татьяна тут ни при чём. Давай, не будем поднимать шума...

— Я неправильно всё поняла?.. — у Александры хватило сил на усмешку; пристально глядя на Виталия, она медленно покачала головой — Я ожидала от тебя всякого... но такого...

— Да, ты неправильно всё поняла, — Виталий хорошо держал себя в руках. Оглянувшись на Татьяну, он кивнул на дверь, — Таня, ты иди... всё будет хорошо...

Побледневшая, как мел, та немедленно вышла из кухни, оставив супругов вдвоём.

— Только не надо говорить, что это у вас впервые... — Александра не сводила с мужа

полного презрения взгляда, — Только не надо врать...

— Я не собираюсь тебе врать, — он снова прикрыл дверь и за локоть оттащил её в глубь кухни, — да, я люблю Татьяну. Но она здесь ни при чём. Это я к ней полез... поняла?..

— А мне плевать... — вырывая руку, Аля повысила голос чуть ли не до крика, — Мне плевать, понял?! Кобель!.. А она... она — сучка!..

— Заткнись... — схватив одной рукой жену за шею, другой он зажал ей рот, — Заткнись, дура... не порть сыну день рождения... И слушай меня внимательно... Если ты сейчас хоть слово скажешь Олегу... или родителям... я с тобой разведусь, поняла?!

— Да разводишься!.. — Александре удалось оттолкнуть его руку, — Думаешь, я боюсь?! Сволочь!.. Тварь!..

— Я сказал, заткнись... — побелев от злости, Виталий схватил её за плечи и чувствительно потрянул, — И послушай меня... Если ты сейчас скажешь хоть слово... я проведу экспертизу на установление отцовства... И... ты сама знаешь, что будет... Учти, что я в курсе, что Мишка — не мой сын. Но пока ещё он — мой наследник... Поняла?! П о к а а...

— Какая же ты мразь... — едва удержавшись, чтобы не плюнуть ему в лицо, она сжала дрожащие губы, — Какая же ты...

...После ухода Виталия Аля ещё какое-то время стояла посреди кухни в оцепенении. Затем, медленно подошла к холодильнику, достала оттуда бутылку коньяка. Налив себе полный стакан, выпила его неторопливо, с каким-то зловещим наслаждением...

— Мама, бабушка сказала, чтобы ты поставила чайник, — довольное лицо сына заглянуло в дверной проём, — пора торт есть!

— Да, сейчас... — сделав вид, что она моет под краном стакан, Александра кивнула Мише, — Ты иди... я сейчас...

...Слёз не было. Не было и обиды. Была только жалость к себе. А ещё — ненависть... Ненависть к человеку, с которым она прожила уже больше пятнадцати лет... но без которого дальнейшей жизни она себе просто не представляла.

...Возвращаться в гостиную не хотелось. Судя по доносившимся звукам музыки и весёлым голосам, за столом царило праздничное настроение.

Аля не представляла себе, как она сейчас вернётся туда и, как ни в чём не бывало, усядется за стол. Она должна будет делать вид, что ничего не произошло...

«Сволочь... Знает, в какую точку бить...»

Наполнив чайник водой, она поставила его на зажжённую конфорку. Тихо ступая, вышла в прихожую, обулась... схватила сумочку и, бесшумно открыв дверь, шагнула через порог.

...Бар, в который приехала на такси Александра, был полон посетителей. Летние субботние вечера и ночи располагали к весёлому времяпрепровождению, и молодые, и не только, люди в это время суток спешили в подобные заведения.

Усевшись у барной стойки, Аля заказала себе коньяк... Да, она решила завязать с алкоголем, но сегодня у неё уважительная причина — день рождения сына... А ещё... ещё — измена мужа... подлая, до извращения подлая измена... И, пусть это не первая и не последняя его измена... но, в конце концов, она — женщина... и у неё ранимая женская душа... душа, которая кричит от боли вот уже пятнадцать лет...

...Она была уже прилично навеселе, когда заметила возле себя троих молодых парней лет по восемнадцать- двадцать. Грохот музыки и сигаретный дым только усиливали

действие алкоголя, и Александре вдруг ужасно захотелось танцевать.

Не обращая ни на кого внимания, она вышла в центр зала и начала двигаться под ритмичную музыку... Ей казалось, что она очень красиво танцует... Зеркальные стены отражали её фигуру в отблесках цветомузыки, и, поглядывая на своё отражение, она подумала, что выглядит не так уж плохо.

Вернувшись к стойке, Аля заказала ещё коньяк... потом — ещё...

Глядя, как полноватая, хорошо одетая и увешанная драгоценностями дамочка глотает одну за другой рюмки с дорогим напитком, парни весело переговаривались между собой, смеясь и кивая на соседку.

— Ну... чего смотрите?.. — повернувшись к ним, Александра пьяно усмехнулась, — Выпить хотите?..

— А вы что, угощаете? — один из парней, высокий, с красивыми, утончёнными чертами лица, облокотился рядом на стойку.

— Тебя — угощаю... — женщина щёлкнула пальцем бармену, — Ещё коньяк... вот этому... и тем двум... я плачу...

...Они показались ей очень интересными ребятами... Але захотелось почувствовать себя совсем молодой девушкой... особенно с этим красавчиком... как его там... Ромой!..

— Ромка, ты классный парень! — обняв одной рукой парня за шею, другой Александра подняла очередную порцию коньяка, — Почти как мой Мишка!.. Знаешь, кто такой Мишка?..

— Не знаю... — Роман смотрел на неё каким-то странным взглядом, в котором были и насмешка, и какой-то определённый интерес, — А кто у нас Мишка?

— Мишка — это мой сын! — Александра с гордостью прицокнула заплетающимся языком, — Ему сегодня исполнилось пятнадцать лет... Представляешь?!

— Так за это надо выпить! — парень взял свой стакан и, подняв чуть вверх, посмотрел сквозь него на софит, — Тю... только хотел выпить за Мишку... а там — ничего нет...

— Нет проблем... — Александра снова жестом подозвала бармена, — Всем ещё по сто... нет! По сто пятьдесят!..

— А ты красивая... — рука Романа недвусмысленно скользнула по спине Александры, — И не скажешь, что у тебя такой взрослый сын...

— Ой-ой-ой... — скривив лицо, она попыталась кокетничать, — Лъстец...

— Нет, правда... — его карие, какие-то шальные глаза были так близко, что, пытаясь сфокусировать на них зрение, Аля почувствовала, как у неё закружилась голова.

— Ты знаешь, сколько мне лет?.. — она вновь пьяно усмехнулась, — И вообще... ты знаешь, кто я?..

— А кто ты?.. — несмотря на выпитое, он казался трезвым и смотрел на неё с насмешливым интересом, — Наверное, Золушка... которая пришла на бал?..

— Ой, насмешил!.. — Аля громко расхохоталась, — Золушка... хотя... Наверное, ты прав... И ровно в двенадцать часов я превращусь... Знаешь, в кого я превращусь?!

— В кого?..

— В жену одного крупного бизнесмена... — откинутая назад голова и чуть прищуренный взгляд должны были изображать превосходство, во всяком случае, Аля представляла всё именно так, — Не веришь?!

— Не верю!.. — парень явно её дразнил, — Докажи!..

— Дурак ты... — Аля скривила губы, — Зачем мне доказывать... Я только скажу фамилию, и ты сам всё поймёшь...

— Ну, скажи... скажи...

— Мясников... — она многозначительно приподняла брови, — Знаешь такого?..

— Нет... — пожав плечами, парень покачал головой, — Не знаю... А кто это?

— Ты что?! — Александра возмущённо нахмурилась, — Не знаешь, кто такой Мясников?! Это — владелец ликёро-водочного завода!.. мой муж... А кто такой Семён Дзюба — знаешь?..

— Нет...

— Что ты вообще знаешь?.. Хотя... — она махнула рукой, — Правильно делаешь, что не знаешь... Это такой козёл...

— Кто? Семён Дзюба?

— Мясников... Ой...

Почувствовав внезапное головокружение, Аля сползла с высокого стула и схватилась руками за стойку. Ей захотелось выйти из этого душного помещения на свежий воздух, но она не смогла сделать и шага.

...Она из последних сил попыталась сохранить равновесие, но пол вдруг стал мягким, а горящие вокруг софиты закрутились, собираясь в один световой пучок... потолок поплыл в сторону... Последнее, что она запомнила, были чьи-то руки, подхватившие её и потянувшие в сторону выхода...

Проснувшись Александра от дикой жажды. Казалось, что если она сейчас не сделает хотя бы одного глотка воды, то умрёт от внутреннего жара. С трудом пошевелившись, она еле открыла глаза.

...Потолок был явно чужим... на нём не было её итальянской трёхрожковой люстры — вместо неё висела обыкновенная лампочка, даже не прикрытая плафоном. Да и сам потолок не отличался белизной — он был грязно-серым, давно не видевшим побелки.

Услышав сбоку чьё-то дыхание, Александра с ужасом повернула голову — рядом с ней, на соседней подушке спал какой-то парень... Откинув простыню, заменяющую одеяло, она захотела немедленно встать, но, опустив глаза, тут же торопливо прикрылась — одежды на ней не было...

Совсем не было...

...Платье и бельё валялись тут же, на полу, и, кое-как дотянувшись до них, она с трудом оделась. Судя по тому, что за окном было довольно шумно, утро наступило уже давно... Обводя взглядом комнату, она содрогнулась — грязные, кое-где оборванные обои, какие-то плакаты на стене, старый, жёлтого цвета, плательный шкаф, стол, три стула... и кровать — с панцирной сеткой...

Сумочка валялась тут же, на давно не крашенном голом полу. Открыв её, Аля проверила кошелёк — от вчерашней суммы оставалось совсем немного, но на такси должно было хватить.

Ещё раз посмотрев на своего неожиданного знакомого, она в очередной раз пришла в тихий ужас... Парень был совсем молодой, почти мальчишка...

...Сквозь головную боль напрягая память, Аля вспоминала подробности вчерашнего вечера...

Этот парень... да, она встретила его в баре... Сначала их было трое... Потом остался только один... Кажется, его зовут Романом...

Чёрт... Сколько же она вчера выпила?! А, самое главное, где она сейчас находится?!

Судя по пейзажу за окном, это какая-то окраина... комната находится примерно на втором этаже...

— Эй... — Александра потрясла парня за плечо, — Слышишь?.. Как тебя там... Проснись!..

...Разбудить его удалось, наверное, с десятой попытки. Проснувшись, Роман не сразу смог сообразить, что за женщина трясёт его за плечо. Когда он, наконец, пришёл в себя, Аля с ужасом для себя узнала, что сейчас они находятся в студенческом общежитии, в его комнате... И что живёт он здесь один, и сейчас у него сессия... и что вчера они с друзьями отправились в бар, чтобы отметить очередной экзамен...

— Боже... — присев рядом, она сдавила пальцами виски, — Только этого мне не хватало...

То, что она переспала с мальчишкой, не шло ни в какое сравнение с тем скандалом, который разразится дома, когда она вернётся... Ведь вчера она исчезла так внезапно, никому ничего не сказав...

...Господи... отец, наверное, поднял на ноги уже всю областную милицию...

...И что она скажет сыну?..

Ведь это был его день рождения...

— Ты куда?.. — увидев, что Александра собирается уходить, Роман схватил её за руку и снова потянул к кровати, — Останься ещё ненадолго... Ты мне понравилась...

Глава 7.

Часы на кухонной стене показывали без четверти пять. Июньский тёплый вечер лёгким ветерком врывается в полуоткрытое окно сквозь розовый, в белый цветочек, тюль и наполнял помещение летним теплом и уютом.

Сидя за столом, Виталий мрачно смотрел на хрустальную рюмку, почти по края наполненную прозрачной жидкостью. Сколько таких рюмок он опрокинул за последние пару часов?.. Судя по опустошённой более чем наполовину литровой бутылке водки, не одну и не две... и даже не три...

Он никогда не напивался вусмерть, даже вчера, на дне рождения сына был относительно в форме... А вот сегодня что-то захотелось. И не потому, что вчера Александра случайно застала его и Татьяну на кухне... и не потому, что она потом так внезапно исчезла... хоть бы она вообще больше не появлялась!..

Нет, всё это неприятно, но не смертельно. Другие причины заставили достать из собственного тайника заветную бутылку и опустошать её — рюмка за рюмкой, без закуски, несмотря на то, что после вчерашнего застолья холодильник ломится от разносолов.

...Половина жизни прожита... Прожита рядом с нелюбимой женщиной, с неродным сыном... без близких и преданных по-настоящему людей... Даже родной отец отдалился от него, связав свою жизнь с бывшей домработницей. Но и это можно было бы пережить, если бы впереди было бы хоть что-то светлое... Но даже Татьяна, женщина, которая его искренне любила, и к которой у него были настоящие, как он считал, чувства, оттолкнула его, сказав, что больше не хочет с ним встречаться. Как ни крути, а он одинок... И почему-то именно сейчас это одиночество чувствуется особенно остро...

Вчера, после того, как исчезла Сандра, все присутствующие за праздничным столом ещё какое-то время ждали, что она вот-вот вернётся. Сандра никогда не уходила из дома вот так — вечером, и надолго. Пила она всегда дома, в своей комнате, и, даже если ей не хотелось делать этого в присутствии гостей, она могла просто дождаться, когда все уйдут, чтобы

принять дозу алкоголя. Но она исчезла внезапно, просто уйдя из квартиры. Если в первые полтора-два часа все родственники делали вид, что всё нормально и не поднимали шума, то ближе к полуночи тревога охватила всех присутствующих.

Виталий и Олег несколько раз выходили на улицу, осматривали соседние дворы, заглядывали в находившийся неподалёку парк, но Александра как сквозь землю провалилась. Близких друзей у неё не было, но Вероника Григорьевна на всякий случай обзвонила нескольких своих знакомых, к которым каким-то чудом могла забрести её непутёвая дочь. Но на все её вопросы знакомые на том конце лишь удивлённо разводили руками.

Наконец, отчаявшись найти хозяйку, все снова собрались за столом, который уже не выглядел таким праздничным, как в начале вечера. Хорошее настроение улетучилось, сменившись на тревожное ожидание.

Особенно это было видно по Татьяне — кусая губы, она смотрела куда-то в одну точку, предаваясь одной ей известным мыслям.

Впрочем, Виталий прекрасно знал, что это за мысли. Только он и Татьяна могли догадываться об истинных причинах того, что Александра бросила именинника сына и ушла из дома в неизвестном направлении. Естественно, рассказать об этом они не могли, и с каждой минутой это мучило Таню всё больше. В какой-то момент Виталию показалось, что она готова всё рассказать... признаться в их связи и в скандале с Сандрой... признаться прямо здесь, при всех.

Впрочем, он сразу отмёл эту мысль, но, в то же самое время старался не выходить из комнаты, и держать ситуацию под контролем.

Нет, такие скандалы ему сейчас совершенно не нужны. Перед тем, как уйти, Сандра выпила — об этом красноречиво говорила начатая бутылка коньяка в холодильнике. Кроме неё открыть её было некому. Значит, выпила и ушла...

На вопросы Вероники Григорьевны, куда могла уйти Аля, Виталий только нервно разводил руками. Семён Ильич тяжело ходил по комнате, время от времени выглядывая на лоджию, как будто пытаясь оттуда высмотреть пропавшую дочь. Видимо, не желая участвовать в надвигающихся «разборках», Иван Михайлович, в конце концов, попрощался и уехал к себе домой, оставив сына наедине с неожиданно возникшей проблемой.

Следующими удалились Олег и Татьяна — наблюдая за тем, как Таня прощается со свекровью и свёкром, Виталий изо всех сил боролся с желанием оттащить её куда-нибудь в соседнюю комнату и предупредить, чтобы она не вздумала ни в чём признаваться своему мужу...

Оставшись в обществе тёщи и тестя, он снова напрягся, но уже по другому поводу — Виталий чувствовал, что Семён Ильич хочет сказать ему что-то нелицеприятное, и не хотел, чтобы при этом были лишние свидетели. Мясников оказался прав: как только за сыном, невесткой и внуками закрылась дверь, Дзюба повернулся к нему. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

«Где Аля? — Семён Ильич смотрел тяжело, исподлобья, сдвинув брови, — Куда она ушла?»

«Понятия не имею, — поджав губы, Виталий изображал справедливую обиду, — она передо мной давно уже не отчитывается».

«Ты — муж, и не знаешь, куда могла уйти твоя жена?!» — тесть возмущённо застыл перед ним, невольно сжав в кулаки кисти рук.

«Не знаю!» — коротко ответил Виталий.

«Тебе наплевать на неё! Я давно это заметил!»

«Это ей наплевать на меня... — Виталий гневно выбросил руку в сторону сына, — И на меня, и на Мишку! Ей на всех наплевать! Вот взяла, и ушла!»

«Значит, на это были причины!»

«Да у неё одна причина — выпивка!»

Виталия искренне возмутил тон тестя, он разозлился не на шутку. Этот старый ментяра решил повесить на него всех собак?!

«Это ты виноват! — Семён Ильич буравил зятя пронзительным взглядом, — Ты! Это из-за тебя она стала алкоголичкой!»

«Я?! — в ответ зять тоже вытаращил на него глаза, — Не надо переваливать с больной головы на здоровую!»

«Это у тебя-то больная голова?! Хорошо пристроился! Да ты всю жизнь ей изломал!»

«Сеня, успокойся... — бледная Вероника Григорьевна пыталась успокоить мужа, — Лучше позвони... её нужно искать... мне кажется, что-то случилось...»

«Уже позвонил! — супруг резко повернулся в её сторону, — Ты знаешь, почему она ушла?!»

«Нет... — пожав плечами, Вероника печально покачала головой, — Она ведь не пила сегодня... я ничего не понимаю...»

«А я понимаю! — Дзюба снова перевёл взгляд на Виталия, — Она исчезла после того, как вы поссорились на кухне! Я слышал, как Аля кричала на тебя! Признавайся, что у вас произошло?!»

«Ничего! — Виталий заложил руки в карманы брюк и резко шагнул на лоджию, — Вам показалось!»

«Нет, не показалось! — глядя ему вслед, Семён изо всех сил стукнул кулаком по накрытому столу, — Рассказывай всё! Думаешь, я не знаю о твоих шашнях?! И о том, что ты спаиваешь собственную жену — тоже, думаешь, не знаю?!»

«Шашни?! — Виталий снова показался в дверях гостиной, — Какие ещё шашни?!»

«Я всё знаю! — тесть говорил тоном следователя, сопровождая свои слова испепеляющими взглядами, — Ты, наверное, забыл, с кем имеешь дело?!»

«Что вы знаете?!» — при этих словах тестя Виталий заметно побледнел. Он вдруг испугался, что Семён всё узнал про их с Татьяной отношения.

«Ты что, хочешь сказать, что не спишь с чужими бабами?! — от возмущения Дзюба чуть не поперхнулся, — Ты кому хочешь лапшу на уши повесить?!»

Облегчённо вздохнув про себя, Виталий, тем не менее, не собирался ослаблять оборону. Напротив, он разозлился не на шутку... Вместо того, чтобы посмотреть на свою дочь трезвым взглядом, этот старый мусор решил всю вину перевалить на него, Виталия! И это вместо благодарности за то, что он шестнадцатый год живёт с его дочерью под одной крышей, терпя её дурные привычки, её лень и капризы! Он, который вполне мог найти себе подходящую партию, женщину, с которой не было бы стыдно показаться в любом обществе, вместо этого делит кров с законченной алкоголичкой, да ещё воспитывает чужого по крови ребёнка!

«А ты меня хоть с одной бабой застукал?! — встав напротив тестя, Виталий неожиданно для самого себя перешёл на ты, — Ты хоть знаешь, во сколько я прихожу домой?! Ты хоть знаешь, что я буквально живу на работе, и лишь только для того, чтобы твоя

дочь ни в чём не нуждалась?! Тебе показать её шмотки?! А цапки?! Она сама всё это заработала?!»

«Да ей не цапки твои нужны!.. — побелев от гнева, Семён Ильич едва сдержался, чтобы не схватить зятя за грудки, — И не шмотки!.. Ей муж нужен... надёжное плечо!.. А не равнодушный сожитель!»

«Сеня!..» — показав глазами на внука, который в это время с угрюмым видом сидел на своём месте именинника, Вероника Григорьевна в отчаянии сдвинула брови и приложила ко рту ладонь, но муж не заметил её предупреждения. Не обращая внимания на состояние внука, он, казалось, потерял контроль над своими эмоциями, и продолжал поносить зятя, на чём свет стоит, обвиняя его в несчастной судьбе своей дочери.

Решив, что Мише не нужно слушать, о чём ругаются дед и отец, Вероника решительно подошла к мальчику и, что-то сказав на ухо, потянула его за руку из-за стола. Поджимая губы, тот невольно подчинился, но по выражению его лица можно было понять, что делает он это неохотно. От праздничного настроения давно не осталось и следа, и он тяжёлой походкой вышел вслед за бабушкой в свою комнату.

Оставшись вдвоём с зятем, Семён Ильич подошёл к тому почти вплотную.

«Что у вас произошло?» — уже в который раз за вечер сквозь зубы процедил он, не сводя с Виталия полного ненависти взгляда.

«Ничего! — Виталий тоже не скрывал крайней степени возбуждения, подкреплённого несколькими рюмками коньяка, которые он одну за другой выпил в последние полчаса, — Ничего не произошло, кроме того, что ей снова захотелось выпиться! Она пришла на кухню и хотела выпить коньяк, а я ей не давал... Вот и весь скандал! В чём моя вина?!»

«И всё?..»

«Всё!»

«А мне кажется, не всё... — тесть подозрительно прищурился, — Учти, если с ней что-то случится...»

«Послушайте, Семён Ильич, — снова перейдя на вы, Виталий чеканил слова чуть ли не по слогам, — а вам не кажется, что вы не по адресу?! Заметьте, что это не я испортил день рождения вашему внуку... не я решил выпиться и уйти из дома... не я приползу ночью или под утро пьяным в стельку...»

«Вашему... внуку... — в этот раз Дзюбе нечего было возразить зятю — тот был абсолютно прав, поэтому мужчина решил прицепиться к этим словам, — Вот именно!.. Миша мне внук, и я этому рад!.. А ты... ты относишься к нему так, будто он тебе вовсе не сын!..»

«А что... — зять усмехнулся уголком губ, — Скажете — сын?!»

«То есть?.. — от неожиданности Семён Ильич застыл на месте, — Что ты имеешь в виду?..»

«Скажете — вы не в курсе?.. — Виталий чуть приглушил голос, — Что?.. Думали, я не догадаюсь?..»

«О чём ты?.. — удивление, написанное на лице тестя, казалось искренним, — Что мы думали?..»

«Что я не узнаю, что Миша — не мой сын... А я знаю... Я давно это знаю... с самого первого дня...»

«Что-о-о-о?! — брови поползли вверх, одновременно смыкаясь над переносицей, — Что ты сказал, щенок?! А ну, повтори!..»

«И повторю!.. — окончательно потеряв над собой контроль, Виталий перешёл на крик, — Что смотришь?! Не ожидал услышать правду?! Думаешь, ты меня тогда, шестнадцать лет назад, купил этим протоколом?!»

«Заткнись!.. — побелевшие губы тестя тряслись, глаза были готовы выскочить из орбит от справедливого возмущения, — Заткнись, щенок!.. Если бы не я, хлебал бы ты баланду у параша!.. Ах ты...»

«Да это ты заткнись!.. Это не ты меня, это я тебя спас... Тебя и твою дочь!.. Это вы мной воспользовались!.. Скажешь — нет?!»

«Чем же это мы воспользовались?!»

«Скажешь, ты не знал, что твоя дочь нагуляла ребёнка?..»

«Да как ты смеешь?! — Семён никак не мог подобрать нужных слов, и открыл рот, судорожно вдыхая воздух. Наконец, собравшись с силами, с трудом выдохнул, — Ты!.. Ты... как ты смеешь?! Да она... она из дома не выходила... Это же из-за тебя... из-за тебя Аля родила мёртвого ребёнка!.. Из-за тебя!..»

«Да это мой ребёнок родился мёртвым!.. — Виталий ударил себя кулаком в грудь, — Мо-о-о-й!.. Мой сын умер!.. Это Мишка... Мишка — не мой сын!..»

Показывая пальцем на дверь, Виталий машинально оглянулся... Стоя в проходе, Миша смотрел на него с нескрываемой болью... Вдруг, переведя взгляд на деда, мальчик изменился в лице...

«Дедушка!..» — бросившись к Семёну Ильичу, внук попытался поддержать оседающего на пол старика...

«Вера... — держась рукой за сердце, тот уже не кричал, а хрипел, — Ве-ра...»

...Приехавшая через двадцать минут скорая увезла и Семёна Ильича, и Веронику Григорьевну. Оставшись дома вдвоём с сыном, Виталий старался не смотреть на Мишу. Судя по выражению лица, тот слышал абсолютно всё, о чём говорили, а, вернее, кричали отец и дед. Отсутствие матери только усугубляло обстановку, и Виталий, не говоря ни слова, ушёл в свою комнату.

«Значит, это правда?.. — зайдя через несколько минут к отцу, Миша прислонился к дверному наличнику, — Я всё слышал».

«Ну, что... что ты слышал?.. — почему-то сегодня слова сына особенно раздражали Виталия, — Твоё дело — вон, подарки разбирать, а не разговоры взрослых подслушивать!»

«Я не подслушивал. Вы так кричали, что всё было слышно через стенку».

«И — что?! Что от этого изменилось?! — вскочив с кровати, на которую он только что улёгся, Виталий подошёл к Мише, — Что?! Тебе-то что?! Твоей матери — что?! Вас что-то не устраивает?! Это же не вы думаете, как заработать деньги! Не вы крутитесь целыми днями!.. Живёте в своё удовольствие!..»

«А я думал, что это неправда...»

«А, если бы и было неправдой?! Тебе стало бы легче?!»

«Нет... — мальчик медленно покачал головой, — Ты меня не понял... мне неважно, родной ты мне или нет... ты всё равно для меня — отец...»

«Тогда зачем ты спрашивал?!»

«Не знаю... просто я хотел знать...»

«Ты хотел знать, кто твой настоящий отец?! — в глубине души Виталий понимал, что ни за что обижает ребёнка, но остановиться уже не мог, — Так вот я понятия не имею!.. Спроси лучше у своей матери, когда вернётся!.. Если она, конечно, будет в состоянии

ответить тебе на этот вопрос!..»

Виталий со злостью пнул попавшийся на пути пуфик и, громко топая, выскочил из комнаты. Миша больше не подходил — видимо, он ушёл спать.

Сам Виталий уснул с огромным трудом. Несмотря на опьянение, спал он совсем недолго, и проснулся рано утром. Вспомнив события вчерашнего вечера, ощутил чувство вины... но потом, приняв душ и выпив кофе, решил, что это уже лишнее... В конце концов, вчера он сделал всё, что зависело от него, как от главы семьи — обеспечил хороший стол, купил имениннику подарки, был дома весь вечер...

То, что Сандра ушла в неизвестном направлении — не его вина. Это она виновата перед ним... виновата с самого первого дня. А он... он, скорее — жертва...

Да, именно так. Он — жертва. И такие вещи, как связь с посторонней женщиной, с его стороны вовсе не грех... Это — утешение в его положении. И он имеет на это право.

Хотя... Татьяна вовсе не посторонняя женщина. И ему обязательно нужно её увидеть, именно сегодня.

«Интересно... Откуда она узнала про Юлию?.. Неужели эта дура сама растрепалась?..»

Под предлогом узнать о здоровье тестя, к которому Олег и Таня должны были поехать с самого утра, Виталий набрал номер их квартиры после обеда. Александры всё ещё не было дома, но его этот факт волновал меньше всего...

«Олега нет, — сняв трубку, Татьяна говорила сухо, — он сейчас в больнице, у отца».

«А ты... не поехала?.. — её тон сбил с толку, но Виталий постарался не подать виду, — Ты сейчас одна?»

«Я с детьми, — она помолчала и добавила как бы нехотя, — их некуда девать. Вероника Григорьевна тоже в больнице».

«Ты... ничего не сказала Олегу?..»

«А что тебя тревожит больше всего? — она усмехнулась в трубку, — Что я расскажу мужу о наших отношениях, и он набьёт тебе морду? Или то, что разорвёт ваш бизнес?»

«Таня, мне сейчас не до шуток... — покосившись на дверь в комнату Миши, Виталий приглушил голос, — Мне просто необходимо увидеть тебя... мне очень нужно с тобой поговорить...»

«Что случилось? — она не оставляла насмешливого тона, — Сандра вернулась?»

«Нет... — он заговорил торопливо, как будто боялся, что она бросит трубку, — Она не вернулась... Я поругался с тестем, его увезли на скорой... меня сейчас все сделают виноватым, я знаю... Но даже не это главное. Мне необходимо увидеть тебя... это касается того дела, о котором мы с тобой говорили...»

«Ты можешь рассказать мне всё сейчас, — она пожала плечами, — встречаться не обязательно».

«Это не телефонный разговор...»

...Она так и не согласилась на встречу, ещё раз напомнив ему, что решила закончить их отношения.

Чувствуя, как всё внутри закипает, Виталий достал из потаённого уголка бутылку водки. Он никогда не похмелялся, но сегодня решил нарушить это правило, тем более, что уже приближался вечер. На душе было мерзко, и не только из-за вчерашнего неудавшегося дня рождения сына. Дело, которое ему нужно было обсудить с Таней, не терпело отлагательств... Оно было связано с его бизнесом, сулило хорошую прибыль... И, в то же самое время, многое в этом деле настораживало.

Если бы увидеть содержимое сейфа Олега... Много бы он отдал сейчас за то, чтобы покопаться в хранимых там документах. Много... слишком много признаков, указывающих на то, что его партнёр по бизнесу хочет устранить его, Виталия... оставить ни с чем...

Не вовремя эта ссора с Татьяной... ох, не вовремя...

...Он наливал себе очередную стопку, когда услышал звонок в дверь.

«Мама!..» — судя по громкому оклику сына, это была Александра.

Опрокинув стопку, Виталий вышел в прихожую. Не обращая на него внимания, Сандра пыталась снять босоножки. Её платье было измято, а всклокоченные волосы беспорядочными прядями падали на лишённое макияжа лицо, когда она пыталась наклониться. Весь её вид показывал отрешённость, из чего можно было сделать вывод, что женщина абсолютно пьяна.

«Или к себе... — кивнув сыну на дверь, Виталий дождался, пока мальчик выйдет из прихожей и подошёл вплотную к жене, — Ну, и где ты была?»

«Н-не твоё дело... — Сандра не оставляла попыток вытащить узкий ремешок из пряжки и, наклонившись в очередной раз, потеряла равновесие, — Твою мать!..»

Глядя на растянувшуюся на полу супругу, Виталий испытал настоящее отвращение. Он не раз видел Сандру пьяной, и уже привык к этому её состоянию... Но сегодня в её облике было что-то такое, что говорило о недвусмысленно проведённом времени... Он ещё не понял, что это, но уже был уверен: эту ночь Сандра провела не одна. Как будто в подтверждение этих мыслей женщина начала подниматься — нечаянно задравшийся подол платья обнажил бедро слишком высоко — там, где должно было проглядываться нижнее бельё. Но, судя по всему, никакого белья под платьем не было.

С трудом подавив желание пнуть ногой жену, Виталий схватил её за плечо и резко рванул вверх — Сандра кое-как встала на обе ноги.

«Отвал-ли... — она пьяно попыталась вырваться, — Да п-шёл ты...»

...Виталий никогда не поднимал на неё руку... но сейчас он не смог сдержаться... Отлетев к противоположной стене, Александра грузно рухнула на пол.

«Где ты была?.. — он навис над ней, в очередной раз сжимая кулак, — Где ты была, тварь?!»

...Он бил её, вкладывая в каждый удар всю ненависть, накопившуюся за эти годы... всю злость — на неё, на тестя, на Олега... Она даже не могла сопротивляться, только мычала что-то нечленораздельное, пытаясь ладонями закрыть лицо.

«Прекрати!.. — вылетевший из своей комнаты сын сам кинулся на него с кулаками, — Что ты сделал?! Ты... ты... Ты мне, действительно, не отец!»

Отвечать Мише Виталий не стал. Тяжело дыша, он с трудом остановился, глядя на жену, квазнёй растёкшуюся по полу, размазывающую по опухшему лицу пьяные слёзы...

Резко развернувшись, он прошёл назад на кухню и, достав из шкафа чистый двухсотграммовый стакан, налил его до краёв и жадно выпил.

Немного посидев, вышел из кухни... проходя мимо комнаты жены, прислушался — судя по приглушённому рыданию, Сандра не спала...

Одевшись, посмотрел на себя в зеркало... вышел из квартиры и прошёл на стоянку. Завёл машину, немного прогрел двигатель... затем выжал сцепление...

Прятаться в этот раз он не стал — то ли сказалось опьянение, то ли просто надоело... но машину он поставил прямо во дворе, где жила Юля. Захлопнул дверцу, прихватив купленные по пути бутылку шампанского и букет цветов и не совсем твёрдо поднялся на её

этаж.

— Ой... — увидев его в дверях своей квартиры, девушка смущённо улыбнулась, — А я не ждала...

— Может, ты не рада?.. — Виталий, как мог в своём состоянии, эффектно облокотился на наличник, — Мне уйти?..

— Нет!.. — она всплеснула руками, — Что вы!.. Я рада!..

— У меня к тебе серьёзный разговор, — протянув цветы, он другой рукой притянул Юлю к себе, обдав её запахом алкоголя вперемешку с дорогим парфюмом, — вернее, предложение... Ты как, на сегодня свободна?..

— Я?! — слегка покраснев, девушка смотрела на него во все глаза, — Да! Я свободна... Для вас я всегда — свободна...

Глава 8.

Первый поток восторженных ощущений от произошедших перемен в жизни Анны и Александра прошёл. Они обустроивались на новом месте, и новые трудности и проблемы тоже не заставили себя ждать.

Заняться бизнесом у Саша сразу не получилось — для этого нужны были очень большие деньги, которых у Морозовых, естественно, не было. Ему удалось устроиться в небольшую строительную фирму, занимающуюся отделкой квартир и домов, но через некоторое время стало понятно, что фирма дышит на ладан, и близка к банкротству. Тем не менее, друг Александра, Леонид, не советовал пока менять эту работу.

«Бабки небольшие, но пока ведь платят, — услышав от товарища, что тот хочет уволиться, Лёнька решил высказать своё мнение на этот счёт, — не суетись раньше времени. Сейчас все пока в пролёте... Не факт, что на новом месте будет лучше. В твоей фирме хоть расчёты без бартера, клиентура платит только наличными. А знаешь, как другие до сих пор работают? За мешок муки! Сдашь объект — там посмотришь... Тем более... тем более, что, судя по всему, скоро что-то произойдёт с деньгами...»

«Откуда ты знаешь? — далёкий от финансовых анализов Саша недоверчиво усмехнулся, — И какая тут связь?»

«Сразу видно — солдафон, — беззлобно пошутил Лапин, — Сашка, мне по статусу положено всем интересоваться, я же бизнесмен. А связь может быть самая прямая. У тебя ещё деньги остались? В смысле — в заначке?»

«Ну, есть немного, — Морозов пожал плечами, — думаем, что лучше — мебель купить, или машину».

«Новую же ты сейчас не потянешь?» — Леонид чуть прищурил проницательный взгляд.

«Машину? Нет, конечно. Подержанную «Волгу» хотя бы. А что?»

«Сашка, купи лучше доллары. И положи подальше. Всё остальное подождёт».

«Доллары?! — Александр снова усмехнулся, — А смысл?! Много я всё равно не куплю».

«Ты меня послушай, — не унимался Лёнька, — купи! Я тебе даже ещё в долг дам, рублями, конечно. Не прогадаешь!»

«Да зачем мне в долг?! — никак не мог понять тактики товарища Морозов, — А, если, доллары подешевеют? Что я потом с ними делать буду?!»

«А, если, подорожают?»

«Ты уверен?»

«Почти. Можешь мне не верить... но, Сашка, сделай так, как я говорю. В пролёте не будешь! А машина подождёт. И с работы пока не уходи».

Александру и самому не очень хотелось покидать эту должность — пусть и не велика фирма, но существует уже давно, и техническая база, и материальная — полный комплект. И коллектив неплохой... Он как-то сразу сработался с подчинёнными, влился в общее дело...

Он до сих пор чувствует неловкость перед Аней за нужду, которую им пришлось пережить, хоть и понимает, всему своё время... Но ему хочется, чтобы его семья как можно скорее обрела финансовое благополучие.

«Не знаю, Лёнь, — Саша неопределённо пожал плечами, — надо с Аней посоветоваться. Она у меня по жизни и командир, и казначей».

«А я сам с ней поговорю. Думаю, до неё скорее дойдёт, чем до тебя, — Лапин многозначительно постучал по лбу сначала друга, потом себя. — Надеюсь, что твоя Аня сразу поймёт, что новая иномарка гораздо приятнее, чем подержанное ведро с болтами».

«Что за ведро с болтами?» — Морозов непонимающе нахмурился.

«Да «Волгу» так зовут! Ведро с болтами! Ты что, не слышал?»

«Нет...»

«Дремучий ты, Сашка... Ох, и дремучий!»

Передав жене разговор с Лапиным, Александр ожидал от Анны любого отрицательного ответа. Но, услышав о покупке долларов, Аня призадумалась. Оказывается, совсем недавно, в учительской, она была свидетелем, как завуч, обеспеченная дама, чей муж занимал довольно высокий пост в областной администрации, приватно рассуждала на тему «доллар подорожает» с другими, не менее обеспеченными членами педагогического коллектива.

Конечно, Аня мечтала и о новом кухонном гарнитуре, и о мягкой мебели, да и пианино Димке было обещано ещё зимой... Но, поразмыслив, она дала добро на покупку долларов.

«Обойдёмся как-нибудь пока без новой мебели...» — она произнесла эти слова с видимым сожалением, однако, на следующий же день сама поехала в обменный пункт, обменяв на валюту все имеющиеся у них наличные деньги, включая и полученную недавно зарплату.

Разговор же с Леонидом только укрепил её в своём решении.

В рацион Морозовых снова вошли макароны и овсянка. Правда, теперь уже не на маргарине. Всё лето Анна навещала обменный пункт — с их с Сашей авансов и зарплат, оставляя небольшую сумму на продукты, коммунальные платежи и общественный транспорт — «впритык».

Она никогда не была скупой, просто умела точно рассчитывать бюджет, но, если раньше, в гарнизонах, это не стоило ей нравственных мучений, то теперь она ощутила их сполна — лето подходило к концу, а её гардероб оставлял желать лучшего. Купленный ещё зимой брючный костюм так и остался единственной обновкой, и, помня, в каких одеждах щеголяли её коллеги на выпускном, Аня с тоской представляла себя на первосентябрьском звонке — всё в том же костюме, в той же единственной золотой цепочке, в единственных праздничных туфлях, среди разнаряженных преподавателей, и эта картинка оптимизма, естественно, не прибавляла. А ведь именно с первого сентября школе, в которой она теперь работала, окончательно присваивали статус лицея! И по этому поводу ожидалось особые торжества...

В то же самое время, она продолжала методично нести в обменный пункт каждую копейку — как советовал Сашин товарищ Лёня Лапин.

Со времени приезда Морозовых в этот огромный город между Анной и Леонидом очень быстро установились доверительные отношения. В глазах молодой женщины Леонид

представлял чуть ли не волшебником. Он с абсолютной искренностью давал Морозовым свои практические советы по каждому поводу — будь то работа для Саши, или покупка мебели.

«Аня, поспите и на старом диване! — весело кивая на оставшийся после прежнего хозяина диван, Лёнька многозначительно подмигивал ей серыми глазами, — Лучше сейчас немного ужаться, зато потом развернётесь! Это я вам обещаю! И вообще, если что — обращай сразу ко мне, а то, я смотрю, этот дремучий солдафон ничего в гражданской жизни не понимает!»

Анне нравилось его внимание и готовность прийти на помощь в любой ситуации. Судя по всему, Лапин делал это искренне, в его действиях не угадывалось никакой корысти, да и какая корысть может быть между старыми друзьями?

Правда, иногда в глазах Леонида проскальзывала непривычная жёсткость, но Аня списывала это на его коммерческие дела — бизнесмен, он всегда думает о своём бизнесе, и мало ли какие проблемы крутятся у него в голове, даже тогда, когда он находится в кругу близких друзей.

Лапин казался ей очень интересным мужчиной — рядом с ним её Саша выглядел слишком просто, и даже где-то скучно. Нет, она не собиралась сравнивать своего мужа с чужим — это ей и не пришло бы в голову... Но общение с Леонидом доставляло молодой женщине неоспоримое удовольствие и даже где-то скрашивало её новую жизнь...

К тому же, Леонид умел ухаживать — ненавязчиво, галантно, в пределах допустимого, так, что ни у Морозова, ни у Милы не возникало никакого мотива для ревности. Но сама Анна в глубине души чувствовала, что интерес Леонида незаметно подбирается к некоей грани, разделяющей чисто дружеские отношения и влечение к ней, как к женщине.

Она боялась признаться самой себе, что ей очень нравится этот интерес... Конечно, она даже и в мыслях не допускала чего-то большего... но впервые после первой неудачной любви Анна почувствовала, как внутри неё что-то просыпается... что-то, что она так и не сумела ощутить сполна — тогда, пятнадцать лет назад, и что застыло в ней на долгие годы... Это чувство ещё не проснулось, но уже подавало признаки жизни — лёгким внутренним волнением, охватывающим её при встрече с Леонидом, едва заметным румянцем от его пристальных взглядов, а так же желанием выглядеть как можно привлекательнее при его появлении.

Конечно, её чувства к Виталию давно угасли... во всяком случае, ей уже давно так казалось. Они ушли, растворились в прошлом, освободив место для настоящего. Но, несмотря на свою, казалось бы, счастливую семейную жизнь, за эти тринадцать с лишним лет Анна не ощутила и десятой доли тех чувств, которые она испытывала в те два недолгих месяца, что встречалась с Виталием... Их единственная проведённая вместе ночь осталась в памяти навсегда...

С Сашей не было ничего подобного. Их отношения носили спокойный, уравновешенный характер, во всяком случае, со стороны Анечки. Молодой муж обрушивал на неё всю свою пылкость, но взаимностью Аня ответить так и не смогла.

Ложась в постель, она, действительно, исполняла супружеский долг — по-другому её роль назвать было бы сложно. Она старалась не отталкивать супруга, но сама никогда не проявляла инициативы в любовных ласках.

Впрочем, Саша был счастлив уже тем, что его любимая Анюта — рядом, что она ждёт его каждый вечер дома, растит его сына и, по-прежнему, остаётся ему настоящим другом и советчиком. Найти себе на стороне любовницу, которая бы могла удовлетворить самые

горячие сексуальные желания, ему и в голову не приходило — Александр был однолюбом во всех смыслах.

Переехав в однокомнатную квартиру, Анна даже почувствовала некое облегчение — рядом теперь спал взрослый сын, и это служило оправданием несчастным супружеским отношениям.

В то же самое время, что-то новое, неиспытанное ранее, неумолимо просыпалось в ней... просыпалось впервые за много лет. Она наслаждалась этим чувством, и боялась его одновременно — к Саше оно не имело никакого отношения.

...Утром, восемнадцатого августа, Александра разбудил ранний звонок. Сонно потянувшись к тумбочке, на которой стоял телефонный аппарат, он снял трубку.

— Ну, что я тебе говорил, а?! — голос на том конце провода принадлежал Леониду и бы не просто радостным, а крайне воодушевлённым.

— Привет, Лёнь... — протерев глаза, Морозов сел на постели, — Что случилось?..

— Ну, конечно, ты ещё не в курсе... — громко рассмеялся Лапин, — Олигарх, блин!

— Да я ещё не проснулся...

— Ты что, телевизор вчера не смотрел?! Радио не слушал?! — товарищ продолжал потешаться, — Такой праздник, а ты...

— Да слушал краем уха... — Морозов окончательно проснулся и покосился на Анну — та тоже открыла глаза и прислушивалась к разговору мужа и Лапина, — Ты вообще — о чём?

— Я вообще о дефолте.

— А... про это... — теперь уже усмехнулся Александр, — Нашёл праздник... скорее, траур.

— Это пусть у лохов будет траур. А у меня — праздник. Я весной одному челу десять тысяч долларов одолжил, ещё по шесть рублей. А вчера доллар до тридцатника скаканул... Прикинь, сколько он мне теперь бабла должен?

— А если не отдаст? — Александр с сомнением покачал головой, — Если по шесть не смог сразу отдать, так уж по тридцать и подавно... По-моему, это твои денежки плакали, Лёнчик.

— Ошибаешься. Договор займа был оформлен нотариально. И срок возврата — первое сентября. Улавливаешь смысл?

— Нет...

— Хорошо, тогда маленькая подсказка... у чела этого тоже ресторан. Только он дела вести не умеет. Поэтому в долги и влез. Теперь придётся весь бизнес отдавать.

— Весь бизнес?! За десять тысяч долларов?!

— А он по любому сейчас дороже не продаст свою забегаловку. Вчера многие влетели, Сашка. Если бы ты только знал, сколько народу влетело вчера... А теперь скажи мне — правильно я тебе посоветовал деньги в долларах держать?! Только попробуй скажи, что неправильно!

Леонид оказался прав: дефолт, обрушившийся на финансовую систему страны, в считанные часы сделал кого-то в несколько раз богаче, а кого-то вогнал в жуткие, невозвратные долги.

— Лёнь, ну, и что нам теперь делать? — чуть позже сама Анна позвонила Лапину, — Менять доллары назад, на рубли? Или ещё подождать?

— Пока ничего не меняйте, — деловито ответил тот, — и не покупайте на них ничего. Если что, советуйтесь со мной.

Ответ Лапина несколько огорчил Анну. До первого сентября оставалось совсем мало времени, ей ужасно хотелось обновить гардероб, но наличных денег было очень мало, к тому же цены в магазинах резко поползли вверх.

Буквально через несколько дней Александр принёс домой совсем не радостную весть: фирма, в которой он работал, окончательно разорилась. Предыдущие объекты были сданы, а от новых договоров заказчики отказывались один за другим — по причине всё того же дефолта. Средств едва хватило, чтобы рассчитаться с рабочими.

Учитывая все эти обстоятельства, а так же то, что у хозяина фирмы остались непогашенные долги, ситуация казалась безвыходной.

На помощь уже привычно пришёл всё тот же Лапин: узнав о том, что Александр собирается искать новую работу, он посоветовал не «гнать лошадей», а поговорить с разорившимся предпринимателем и узнать, какие на самом деле у него финансовые проблемы. Оказалось, что, помимо потерянных заказов, мужчина попал в «долларовые тиски», и теперь собирается распродавать имущество фирмы за бесценок.

...На оформление документов и регистрацию предпринимательства ушло несколько дней. Набирать персонал не пришлось — все рабочие из разорившейся фирмы просто перешли в новую фирму Александра Морозова. Ему не пришлось менять профиль предприятия — всё осталось по старому, только учредителем теперь был он сам. В обмен на определённую сумму в валюте бывший хозяин передал Морозову имущество фирмы в виде двух транспортных средств и имеющихся в наличии стройматериалов. От офиса Александр пока решил отказаться — он собирался проводить рабочие дни на объектах, помогая рабочим.

Буквально через несколько дней новоиспечённый бизнесмен подписывал первые договора на отделку нескольких коттеджных домов, а ещё через день на расчётный счёт новой фирмы поступила первая авансовая сумма.

Заказчиков «подогнал» Лапин, и Анна уже в который раз удивилась «всемогушествву» Сашиного друга.

— Слушай, Лёнь... — в очередной визит Леонида, она подняла на него восхищённый взгляд, — Ну, как... откуда ты мог знать, что всё это — вот так произойдёт?! Это же был риск... Саша никогда не занимался бизнесом, и, если бы не ты, он никогда в жизни бы не рискнул вот так открыть свою фирму на месте разорившейся!

— Аня, ты забыла, кто я? — Лапин многозначительно приподнял брови, — Я — владелец ресторана, вернее, уже не одного ресторана, а ещё — небольшой, но очень уютной сауны. Ко мне приходят люди, не совсем простые. Все дела, Анечка, решаются, не за столом в кабинете, а за накрытым столом в уютной комнатке, под плеск воды в бассейне...

Анна понимала, что им, действительно, удачно, просто сказочно удачно удалось вложить деньги. Саша теперь — владелец пусть небольшой, но всё же настоящей строительной фирмы. И, пусть после всех финансовых катаклизмов понадобится много времени, чтобы окончательно встать на ноги, но овчинка, действительно, стоила выделки... И нужно ещё какое-то время потерпеть, затянув пояс потуже, чтобы потом зажить по-человечески...

Душой она всё это понимала и принимала как данность. Но первое сентября в том же брючном костюме и всё тех же туфлях теперь занозой сидели в сердце молодой, привлекательной, женщины. Её коллеги, родители учеников, среди которых было много

высокопоставленных персон, даже старшеклассницы — все они выглядели как с обложки глянцевого журнала: в шикарных нарядах, дорогой бижутерии... Во всяком случае, Анне показалось именно так. Каждый брошенный на неё взгляд она расценивала как насмешку, ей казалось, что все только и делают, что обсуждают непрезентабельный вид преподавательницы английского языка.

...В середине сентября Леонид пригласил Морозовых в свой ресторан — отметить Сашин неожиданный статус бизнесмена и подписание его первых договоров.

Анне очень хотелось быть как можно привлекательнее, но единственное, что было ей сейчас подвластно — это как можно тщательнее уложить волосы и сделать вечерний макияж. Блистающего наряда у неё, увы, не нашлось, а имеющаяся бижутерия была слишком дешёвой, чтобы надевать её в ресторан.

Увидев Милу Лапину в шикарном тёмно-вишнёвом платье, с ниткой натурального жемчуга на шее и жемчужными серьгами в ушах, Анюта смутилась. Ей показалось, что она выглядит как простушка рядом с принцессой в своём костюме-тройке из голубого трикотина, купленном три года назад на рынке.

— Ты сегодня обалденно выглядишь... — пригласив на танец, Леонид незаметно прошептал ей на ухо, — Мне вообще кажется, что ты с каждым разом становишься всё красивее и красивее...

— Издеваешься? — невесело усмехнулась Аня, отводя взгляд от его серых, пронизательных глаз.

— Нисколько. Повезло же Сашке...

— А тебе?.. — она снова бросила на него молниеносный взгляд, — Разве тебе не повезло с Милой?

— Конечно, повезло... — он явно сдерживал улыбку, — В том плане, что она совсем не ревнива... Иначе бы мне не сдобровать.

— Ты так часто даёшь ей повод для ревности? — Анна тоже едва улыбнулась уголком губ.

— Нет, но... если бы она могла заглянуть в мои мысли...

— И что же там такого, в твоих мыслях, кроме бизнеса?

— Зря ты так обо мне...

— Я не хотела тебя обидеть. Но ты, действительно, одержимый.

— В наше время по-другому нельзя, Аня. Только зазевайся — затопчут, — с ходу перейдя на другую тему разговора, Лапин резко посерьёзnel.

— Не знаю, как Саша справится... — Анна тоже слегка нахмурилась, — Он совсем другого склада.

— Справится. Если что — меня зови... Помогу.

Вернувшись за стол, Анна с удовлетворением отметила, что внимание обоих мужчин направлено именно на неё, а не на увешанную жемчугами Людмилу.

Дома она ещё долго вспоминала прошедший вечер. Ничего особенного не произошло — они весело провели время, потанцевали, под конец она даже перестала испытывать чувство неловкости...

И, всё же, лёжа в постели, Анюта ещё долго мысленно перебирала все подробности их разговора с Леонидом — его интонации, его слова, недвусмысленные комплименты, от которых сердце начинало учащённо биться, а щёки заливал лёгкий, девичий румянец...

На следующий день она с удивлением увидела Лапина во дворе своего лица — тот как

будто знал, приехал именно к тому времени, когда у неё закончились уроки.

— Привет... — выйдя из массивных дверей, Анна удивлённо уставилась на Леонида, — А ты что здесь делаешь?

— А я за тобой, — заложив руки в карманы плаща, тот улыбался ей по дружески, — еду к Сашке на объект, подумал, вдруг, ты соскучилась...

— По кому?..

— По мужу, конечно. Ну, так что, едешь?

— Не знаю, — Аня растерянно пожала плечами, — я даже не собиралась... И Дима не в курсе, будет ждать...

— А мы заедем, скажем...

— Не знаю... нужно ли.

— Тебе не хочется посмотреть, чем занимается твой муж?

— Ну, хорошо... — Анна всё ещё сомневалась, — А что я ему скажу?

— Разве нужно что-то говорить? Всё просто — ты соскучилась... он — соскучился...

В какой-то момент Ане показалось, что Леонид её дразнит. Тем не менее, она всё же согласилась поехать с ним за город — в один из коттеджных посёлков, где сейчас находился Александр — «на объекте». Заехав домой, она предупредила сына, что уезжает по делам, и вернётся вместе с отцом.

На самом деле Анна не могла бы сейчас объяснить, зачем она согласилась на эту поездку. С Сашей они виделись утром, и вечером он обычно приезжал вовремя... дома у неё были неотложные дела... особой необходимости ехать за несколько десятков километров, чтобы просто посмотреть на работу супруга, не было.

И, всё-таки, она села в машину Леонида.

...Дорога заняла около тридцати минут. Объект, на котором трудились люди Морозова, оказался фешенебельным трёхэтажным особняком. Аня даже побоялась проходить во двор — вдруг, нельзя? Но Леонид тут же успокоил её, что пока хозяева сюда не переехали, особого режима пропуска нет, и можно даже зайти внутрь и посмотреть на новорусские апартаменты.

...Увидев жену, Александр обрадовался, ему даже не понадобились объяснения — зачем она приехала сюда. Для него было главным, что Аня захотела его увидеть... заинтересовалась делом, которым он теперь занимается.

Он с удовольствием показывал ей дом, чертежи и макеты, по которым должна была производиться отделка внутренних помещений. Анна с искренним интересом осматривала огромные комнаты, холл, лестницу, представляя, как роскошно будет выглядеть всё это после окончания работ. Она собиралась остаться с мужем до конца его рабочего дня, но Александр настоял, чтобы она ехала вместе с Леонидом — как оказалось, тот приезжал навестить своего приятеля, живущего в этом же посёлке. Уладив все свои дела, он уже собирался вернуться домой.

— Ты устанешь, лучше езжай, отдохни, — Саша на ходу поцеловал жену и слегка прижал её за плечи, — мне так будет спокойнее.

Усевшись в салон автомобиля Леонида, Аня помахала из окна рукой мужу — тот улыбнулся в ответ и тоже сделал прощальный жест.

— Ну, как тебе особнячок? — вырвав на трассу, Лапин бросил на спутницу пыливый взгляд.

— Действительно, особнячок... — Анна качнула головой, — Я такие только в кино

видела. Думала, в жизни таких не бывает.

— Бывает, Аня... бывает... — Леонид уверенно вёл машину, — И ещё круче бывает.

— Наверное, это — другое измерение.

— Ничего подобного. Всё в нашей власти.

— Не в моей — точно... — Анна негромко рассмеялась, — Для меня такая жизнь — как другая планета.

— Ты ещё не видела настоящей жизни...

— И не увижу.

— Зря ты так говоришь...

— Я реально смотрю на вещи.

— Видела на Милке жемчужное кольцо? — вопрос Леонида застал Анну врасплох, она совершенно не ожидала, что он заговорит на тему украшений своей жены...

— Видела. — она постаралась ответить как можно равнодушнее.

— Дорогое, да?..

— Наверное, — Аня пожала плечами, — я не могу судить о таких вещах издалека.

— По сравнению с тем, что носят они, — Лёня головой кивнул в ту сторону, где остался особняк, — Милкины бусы — просто побрякушка. Ты даже не представляешь, Аня, какой бывает эта самая жизнь...

— Наверное, мне лучше не представлять. Всё равно это — не моя жизнь. И никогда не будет моей.

— Ты увидишь... — неожиданно съехав к обочине, Лапин остановил машину и повернулся к Аняте, — Ты многое увидишь... Я покажу тебе, что такое настоящая жизнь...

Глава 9.

Милу Лапину нельзя было назвать красавицей, но её внешний облик полностью соответствовал имени: она была, действительно, довольно мила. Среднего роста, темноволосая, она носила уложенную феном короткую модельную стрижку, которая очень удачно подходила к овальной формы миловидному лицу. Светло-карие глаза с едва уловимовосточным разрезом были средними по величине, их нельзя было назвать ни большими, ни маленькими, и обрамляющие их ресницы тоже были средней длины и не отличались особой пушистостью. Небольшой нос казался чуть приплюснутым, что придавало лицу женщины что-то азиатское, хотя никаких азиатов в её роду не наблюдалось, во всяком случае, Мила о них ничего не знала. Губы её тоже ничем особым не выделялись — не пухлые и не узкие, обыкновенные губы, без излишней чувственности... Всё в ней было среднее — даже фигура, не худая, не полная, без особого изящества — прямые плечи, почти сливающаяся с бёдрами талия и кажущийся плоским профиль — с едва заметными «выпуклостями»...

Однако, все эти ничем не примечательные черты в совокупности составляли довольно симпатичный облик аккуратной, ухоженной, молодой тридцатичетырёхлетней женщины. Мила была умна, не болтлива, умела внимательно слушать и никогда не перебивала собеседника. Она не была хохотушкой, но и излишне серьёзной её было трудно назвать. Она могла поддержать беседу, посмеяться удачной шутке, и, если нужно, промолчать. Не сплетница, не истеричка, не молчунья — даже черты её характера сохраняли заложенный природой психологический баланс. Она никогда не старалась быть в центре внимания, но и не оставалась незамеченной серой мышкой.

Пожалуй, самой отличительной чертой жены Леонида Лапина была исключительная аккуратность: казалось, даже юбки приучены к раз и навсегда заведённому «порядку», и

поэтому совершенно не мнутся на подоле, а обувь самостоятельно отталкивает уличную грязь, оставаясь в любую погоду абсолютно чистой.

Своего мужа Мила очень любила, и любовь эта была настолько сильна, что даже дочь получилась похожей на отца — как две капли воды. Единственным сходством с матерью были цвет и структура волос: тёмные, почти чёрные, они послушно ложились в любую причёску, в отличие от волос самого Леонида — жёстким, непослушным вихром пытавшихся «украсить» даже короткую стрижку.

Общаясь с Милой, Анна пыталась угадать, насколько Леонид привязан к своей супруге, но это оказалось довольно сложной задачей. При посторонних Лапин не афишировал своего отношения к жене, а сама Мила семейными секретами предпочитала не делиться. Впрочем, общаться часто не получалось: в будние дни все работали и были заняты собственными делами. Оставались выходные, и тут Леонид проявлял дружескую инициативу, приглашая Морозовых то в ресторан, то в собственную сауну, а то советовал супруге пригласить Анну сходить куда-нибудь вместе, если у мужчин были какие-то собственные планы на субботу или воскресенье.

Анна не могла назвать Милу своей близкой подругой, скорее приятельницей, и единственное, о чём обе женщины с искренним удовольствием поддерживали разговор, были дети. Анна с гордостью рассказывала об успехах сына, и с интересом слушала рассказы Милы про Кристину. Девочка нравилась Анне всё больше и больше — несмотря на то, что она была капризна и часто закатывала матери истерики, даже не стесняясь посторонних. Как правило, Леонид становился на сторону дочери, и, несмотря на своё педагогическое образование, Анна в душе полностью поддерживала любящего отца. Что служило причиной такому видимому противоречию с собственным здравомыслием — она и сама не знала, но почему-то позиция Милы не находила поддержки в её душе.

Кристину Анна всегда хвалила, ведь она была так похожа на Леонида... Слушая шутки Лапина на тему женитьбы их детей, она в глубине души ловила себя на мысли, что была бы совершенно не против в будущем породниться с семьёй Леонида... вернее, с ним самим...

А Кристина... ну, какая девочка в её возрасте не капризна? Тем более, такая красивая, совсем не похожая на свою мать...

...Приглашение Милы вместе сходить в салон красоты на стрижку и маникюр Анна приняла с внутренним содроганием — лишних денег не было, а до её зарплаты оставалось ещё более недели. Однако она согласилась, решив, что лишь поправит волосы, а маникюр пока подождёт.

Мастер, к которому села Аня, быстро справилась со своей задачей: лишь поправив волосы, она нанесла гель и уложила их в стильную причёску. Аняте ничего не оставалось, как, вооружившись модным журналом, ожидать свою приятельницу, пока той делали модельную стрижку и маникюр. Слушая, как Лапина привычно-приветливо разговаривает с работниками салона, Анна сделала вывод, что она здесь — постоянная клиентка. Как будто пытаясь компенсировать долгое ожидание, Мила уговорила Анну зайти на обратном пути в кафе и выпить по чашке кофе.

— А я так и не могу решиться на короткую стрижку, — разглядывая новую причёску Людмилы, Анна невольно провела рукой по своим волосам — чуть укороченные мастером, они мягкими, прямыми прядями струились по плечам, — Саша говорит, что мне идут длинные волосы.

— Аня, ты сама про себя всё знаешь... — улыбнувшись уголком губ, Мила бросила на

собеседницу короткий взгляд, — Ты — красивая женщина, и тебе пойдёт абсолютно любая причёска. Но... твой Саша прав: длинные волосы украшают женщину.

— Но вот тебя украшает и короткая стрижка, — из вежливости Анна была вынуждена сделать комплимент, — и, наверное, нравится Лёне?

— Лёне?.. — Мила как-то загадочно усмехнулась и опустила глаза, — Если честно, он никогда не говорил мне, что ему нравится. Я сама выбираю свой стиль, а он... он молчит.

— Значит, ему всё нравится.

— Надеюсь... А, вообще, он больше озабочен тем, как выглядит Кристина, а вовсе не я. Представляешь, он сам возит её по магазинам, и покупает всё, на что она показывает пальцем.

— Я заметила, что он её очень любит.

— Не то слово... Понимаешь, он её балует, при чём, без меры. Бросается решать её проблемы, хотя я считаю, что она должна сама привыкать к самостоятельности.

— Он поступает, как настоящий отец, — Аня не смогла не заступиться за Леонида, хотя в душе понимала, что Мила абсолютно права, — девочка всегда должна знать, что у неё есть надёжное отцовское плечо.

— Ты сейчас сказала совсем, как Лёнька, — рассмеялась Мила, — прямо слово в слово!

— Вот видишь! — Аняте было приятно слышать эти слова, — Значит, он прав!

...Расплачивалась Мила сама, несмотря на протесты Анны — она просто положила деньги на стол и утатила свою спутницу за руку.

— Аня, успокойся, — отвечая на возражения, Лапина взяла ту под руку и направилась к выходу, — в следующий раз ты меня угостишь. А, вообще, это такие мелочи...

— Всё равно, мне неловко... — Анна качнула головой, — Я как-то не привыкла... Ну, правда, Мил, я чувствую дискомфорт, когда кто-то платит за меня, я потом спать не могу!

— Господи, Аня, какая ты смешная! — Мила бросила на подругу весёлый взгляд, — Да если бы ты знала, как я благодарна вам с Сашей!

— Нам?! — Анна изумлённо приподняла красивой формы брови, — За что?!

— За то, что Лёня сейчас почти всё свободное время проводит с вами. Ты даже представить не можешь, что это для меня значит...

— Почему?..

Оставив вопрос без ответа, Мила неожиданно замолчала. Они неторопливо шли по улице, усыпанной опавшей листвой, которую ещё не успели собрать дворники, и их шаги были почти беззвучны. Переспрашивать Анна не стала — глядя, как её спутница задумчиво смотрит себе под ноги, она тоже замолчала. Ей показалось, что Мила не хочет говорить, и даже жалеет о том, что завела этот разговор, но пройдя молча несколько минут, та неожиданно решила всё объяснить.

— Я, конечно, понимаю, что бизнес обязывает... и Лёнька должен поддерживать связи со многими нужными людьми. Но, знаешь, Аня, среди этих людей есть такие, которых я не хотела бы видеть в числе наших друзей. А они не просто в числе друзей... они ему стали как родственники. Он такой... ему нужно постоянно с кем-то общаться... кому-то помогать... вернее, брать шефство. Да-да, не удивляйся. Есть у него такая черта. А вот сейчас я более-менее спокойна. Он полностью переключился на Сашу, и его встречи с теми людьми носят теперь чисто деловой характер.

От этого признания Милы Анна невольно смутилась. Она была уверена, что объектом интереса Лапина является не столько её муж, сколько она сама.

И что интерес этот — взаимен... она с ужасом для себя убеждается в этом с каждым днём всё больше и больше.

Вернувшись домой, Анна застала сына, лежащего на кровати. Дима был бледным, и руками держался за живот. На вопрос матери, что случилось, он пожаловался на боль в животе и тошноту. Испуганная Анна тут же набрала номер квартиры Лапиных — Мила была детским врачом, и могла дать нужную консультацию.

Расспросив в подробностях, что ел ребёнок, и есть ли у него температура, она посоветовала Анне сходить в аптеку и купить некоторые лекарства.

— Скорее всего, это отравление, — Мила разговаривала из прихожей, одновременно снимая обувь, — Аня, ты не паникуй, дай ему сейчас уголь и купи то, что я тебе продиктовала. Проверь живот на болезненность... и следи за температурой. Если что, сразу вызывай скорую...

— Спасибо, Мила... — Анна не сводила тревожного взгляда с сына, — Я сейчас сбегаю в аптеку...

— Да, и угля дай не меньше четырёх таблеток! — как будто вспомнив о чём-то, воскликнула Лапина, — Ой, Аня, подожди... кто-то пришёл... я сейчас...

Анне было слышно в трубку, как хлопнула входная дверь квартиры Лапиных. Почти сразу же раздался громкий голос Леонида.

— Слушай, почему я должен искать тебя по всему городу?! — вместо приветствия Лапин обрушил на супругу гневную тираду, — Ты что, забыла, что Кристинку нужно встречать от подруги?!

— Мне кажется, это ты забыл, — несмотря на грубый тон мужа, Мила отвечала совершенно невозмутимо, лишь чуть приглушив голос, — а, вообще, здравствуй.

— Что я забыл?! — Лапин и не подумал ответить на приветствие, — Ты же знала, что она пошла к девчонкам! Если не получилось у тебя, могла просто мне позвонить, я бы сразу поехал за ней.

— А где она сейчас?

— Её уже везут! Сидоренко сам везёт... позвонил мне! А я ни сном, ни духом, на тебя надеюсь!

— Лёня, ты, наверное, забыл, что я сегодня собиралась в салон?

— Мне больше делать нечего, только помнить про твои походы в салоны!

— Мы вчера с тобой разговаривали, ты ещё сам сказал мне, чтобы я обязательно позвала с собой Аню!

— А, ну да... — Лапин резко сбавил тон, — Действительно... ну, и как? Сходили?..

— А ты не замечаешь?.. — судя по тону, каким Мила задала этот вопрос, она сейчас демонстрировала мужу новую причёску.

— Вроде бы то же самое... или нет?.. — видимо, при этих словах Лапин пожал плечами.

— Нет, не то же самое, — теперь голос Лапиной звучал несколько обиженно, — впрочем, ты прав... Всё то же самое.

...Анне было неловко слушать разговор супругов — судя по всему, Мила совсем забыла, что попросила её подождать и просто отложила трубку. К тому же, нужно было срочно идти в аптеку, но она не могла заставить себя нажать на отбой. Слова Людмилы о том, что Леонид сам посоветовал ей позвать её, Анну, в салон красоты, привели в замешательство. Что это было — простая вежливость, или она, действительно, так ужасно выглядит, что

посторонний мужчина считает, что ей необходим поход к парикмахеру?!

...Но, судя по реплике его жены, он вовсе не обращает внимания на женские причёски... Или это касается только причёски самой Милы?..

...Пересилив любопытство, Анна всё-таки поставила трубку на базу. Всю дорогу до аптеки, которая находилась в соседнем доме, она чувствовала, как её щёки не просто горят — они буквально полыхают! Мало того, что ей пришлось лишних полтора часа просто ждать, пока увешанной драгоценностями Миле сделают модельную стрижку, а потом — дорогой маникюр, так, оказывается, всё это было с подачи Леонида! Но он прекрасно знает, что у них с Сашей сейчас финансовый напряг... Саша только вчера говорил с ним по телефону на эту тему.

И ещё этот кофе, за который заплатила Лапина...

Почему-то сейчас Анне казалось, что она выглядит жалкой, бедной родственницей... она успокаивала сама себя, что ничего страшного не произошло, ну, мало ли, предложил и предложил... Ну, заплатила Милка за кофе — невелики деньги... Она и сама бы так сделала в другой ситуации.

Но чувство неловкости не оставляло её до позднего вечера, и даже вернувшийся с работы Александр заметил волнение жены. На его вопрос, что случилось, Анна ответила уклончиво. В душе ей очень хотелось всё рассказать мужу... но она не знала, как передать ему подслушанный разговор, а, самое главное, как объяснить собственную реакцию на слова Лапина. Ответив что-то невнятное, она уселась возле больного сына и принялась поить его лекарствами.

— А это что такое?.. — поправляя длинную прядь волос, Анна заметила на Димкином лбу, рядом с виском, небольшую, но глубокую ссадину, окружённую явным синяком, — Дима, откуда у тебя эта царапина?

— Я нечаянно об угол ударился, — судя по тому, как сын отвёл глаза, он говорил не совсем правду, — да ерунда, мам. Завтра заживёт.

— Расскажи, как это было, — заподозрив неладное, Анна внимательно следила за выражением лица Димы, — как можно удариться об угол так, чтобы рассадить висок?

— Ой, мам, я уже не помню... — мальчик нарочно закрыл глаза, притворяясь, что хочет уснуть, — Не обращай внимания.

— Дима, ты хоть понимаешь, что это — висок?! — осторожно трогая подушечками пальцев травмированную кожу, Анна строго нахмурила брови, — А, если бы ударили чуть правее?

— Не ударили же... — нечаянно проговорившись, сын тут же попытался исправиться, — Вернее, никакого удара не было. Просто я не вписался в поворот.

— Не ври. Ты подрался?

— Мама, — Дима снова открыл глаза, — я ни с кем не дрался. Если бы я подрался, тебя бы вызвали к директору.

— Я всё равно узнаю правду. И не забывай, что обманывать родителей — нельзя.

— Я не обманываю...

Анна волновалась не зря. Несколько дней назад, ведя урок в одном из старших классов, она была вынуждена наказать одного очень дерзкого ученика — тот демонстративно расхаживал по классу во время урока, громко разговаривал и на замечания Анны не реагировал. На её требование дать дневник, ученик, которого звали Максим Казаков, только насмешливо скривил губы и ответил, что забыл его дома. Понимая, что парень врёт, Анна

пообещала позвонить его родителям, но Казаков только рассмеялся.

«Можешь смеяться сколько угодно, но завтра же я вызову в школу твоего отца», — Анна старалась не повышать тона, но удавалось ей это с трудом.

«А у нас дома засекреченный телефон», — парень явно издевался над преподавательницей, красуясь перед девчонками.

«Ничего, я узнаю, где работают твои родители, и позвоню им на работу».

«Я тоже узнаю, где вы живёте...»

«И — что?»

«Ничего. Это же ваш сын учится в седьмом «в»?»

Услышав о Димке, Анна буквально задохнулась от возмущения. Этот юный отпрыск богатенького папаши явно намекал ей на то, что может учинить расправу над её сыном, если она нажалуется на него родителям. Она сразу не нашлась, что ответить, только едва побледнела и поджала губы.

После уроков она всё же позвонила Казаковым и вызвала в школу отца. Сославшись на занятость, тот ответил, что сможет прийти лишь в субботу. Суббота была уже завтра, и Анна теперь не сомневалась, что эта ссадина на Димкином лбу — ничто иное, как месть Максима Казакова.

Напоив сына лекарствами, она укрыла его тёплым одеялом и выключила свет. Александр на кухне разговаривал по телефону с Лапиным, и, дождавшись, когда он положит трубку, Анна рассказала ему обо всём — и об инциденте с учеником, и о его угрозах, и о ссадине.

— Аня, не драматизируй события, — Александр, как всегда, рассуждал по-военному, — не дело в пацанячьи разборки влезать. Пусть Димка учится стоять за себя сам. Не сказал тебе правду — молодец! Если дал сдачи — молодец вдвойне!

— Саша, о чём ты?! — Анна с возмущением посмотрела на супруга, — Какие пацанячьи разборки?! Ты бы видел этого «пацана» — ему шестнадцать лет, выпускной класс!.. Да он с тебя ростом, Дима против него — ребёнок!

— Не такой он и ребёнок, — Морозов невозмутимо пожал плечами, — тринадцать лет, слава Богу, и ростом вышел... Тебя уже перегнал, вот-вот меня догонит! Да он на свои года не выглядит, зря ты его всё в ребёнках держишь! Парень взрослый, я даже не знаю, в кого он у нас такой крепкий...

— В тебя, в кого ещё... — услышав слова мужа, Анна почувствовала, как давно забытая холодная волна прокатывается внутри неё. Не время сейчас вспоминать про Виталия и вытаскивать наружу свои сомнения... но, всё-таки, она не смогла удержаться.

...После рождения Димы она была уверена, что он — сын Саши. Об этом говорило и родимое пятно, и Сашина открытая улыбка... Но со временем сомнения стали возвращаться... Творческие наклонности, музыкальность, а ещё — стремительное взросление, высокий рост, крепкое телосложение наводили на мысль, что вероятность того, что Дима — сын Виталия Мясникова, всё же — есть...

«Да что же оно сегодня всё так навалилось?!»

Ни до чего не договорившись с мужем, она в смятённых чувствах ушла спать.

На следующий день Александр уехал рано, и, пользуясь этим, Анна запретила сыну идти в школу — объяснив это тем, что он ещё не совсем поправился, но главной причиной такого решения была боязнь расправы. Она надеялась, что разговор с родителем Казакова принесёт свои положительные плоды, и тот сумеет урезонить сына. Заручившись Димкиным

обещанием, что сегодня он из дому — ни ногой, Анна отправилась на работу.

Десятый класс, в котором учился Максим Казаков, был выпускным, и в прошлом учебном году его вела другая преподавательница английского языка, которая теперь ушла на пенсию. За те два месяца, которые Анна проработала с этим классом, она немного изучила всех учеников. Казаков был общепризнанным лидером — видный парень, неглупый, с явными способностями, он был крайне дерзок, и не подчинялся общепринятым правилам. Большинство учителей старались закрывать на это глаза — отец Казакова занимал высокий пост в городской администрации и имел огромные связи во всех сферах.

Окончив последний урок, Анна отпустила учеников, а сама осталась в классе — именно сюда она пригласила Казакова-старшего. Она прождала около получаса, но мужчина так и не пришёл. Она уже собиралась уйти, как в открывшуюся дверь заглянула одноклассница Максима.

— Анна Сергеевна, бегите скорее к директору, — девушка сделала испуганные глаза, — вас там ждут, ждут...

— Меня?.. — Анна удивлённо приподняла брови, — Кто меня ждёт?..

— Как кто?.. Директор. Меня послали за вами.

Недоумённо пожав плечами, Морозова вышла из класса. Кабинет директора находился в другом крыле, ей понадобилось около пяти минут, чтобы попасть в приёмную.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ну, где вы ходите, Анна Сергеевна?! — секретарь смотрела на неё почему-то возмущённо, — Идите скорее, Ираида Генриховна уже нервничает.

— Ничего не понимаю... — решив не обращать внимания на тон секретарши, Анна одёрнула блузку и решительно потянула на себя отделанную инкрустацией тёмно-вишнёвую директорскую дверь.

Картина, представшая перед её глазами, удивила, если не сказать больше: директор лица, сорокапятiletняя строгая дама, сидела в довольно фривольно расстёгнутом пиджаке, закинув ногу на ногу, одной рукой облокотившись на стол, другую откинув на спинку кресла. Весь её вид говорил о том, что разговор идёт довольно приватный, и приятный, во всяком случае, для неё: щёки женщины покрывал лёгкий румянец, а губы расплывались в полуулыбке. Сидевший напротив неё мужчина лет пятидесяти, полноватый, с откровенной лысиной на круглой голове, в дорогом костюме и дорогих часах, выглядывающих из-под правого рукава, по свойски навалился на стол, положив перед собой сложенные локти и что-то увлечённо рассказывал.

Судя по обстановке, эти двое были очень хорошо знакомы.

— Добрый день, — войдя в помещение, Анна вопросительно уставилась на директрису, — Ираида Генриховна, вы меня вызывали?

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — едва кивнув, та подняла на Анну ставший строгим взгляд, — это не я вас вызывала, это же, кажется, вы вызывали Евгения Максимовича?

— Да, я вызывала, — догадавшись, что перед ней никто иной, как отец Максима Казакова, Анна посмотрела на мужчину, — я ждала вас в своём классе...

— Анна Сергеевна, — вставая с места, Ираида на ходу застёгивала пиджак, — вы, наверное, не в курсе, но на будущее, вы должны знать, что все вопросы с Евгением Максимовичем решаются только в моём кабинете.

— Я не знала, — едва заметно усмехнувшись, Анна приподняла подбородок, — меня никто не предупредил.

— Ну, что ж, я вас оставляю, — директриса прошла к двери и, взявшись за ручку, обернулась к Казакову, — я не прощаюсь...

Дождавшись, пока за ней закроется дверь, Аня снова посмотрела на мужчину. Она не знала, что делать — присесть в кабинете директора без приглашения было, вроде бы, неловко, но, с другой стороны, мужчина сидел, и стоять перед ним, как провинившаяся школьница, Аня считала ниже своего достоинства. Поэтому она решительно отодвинула один из стульев и уселась за стол напротив гостя.

С той минуты, как она вошла в этот кабинет, мужчина не проронил ни звука, и Анна немного оробела. Тут же заставив взять себя в руки, она незаметно вздохнула и подняла на него глаза.

— Меня зовут Анна Сергеевна, — она постаралась придать голосу как можно больше твёрдости, — я преподаю английский язык в классе, где учится ваш сын.

...Рассказ учительницы о поведении своего сына Казаков слушал так же молча, с бесстрастным выражением лица, так, что под конец своей речи Анна засомневалась — слышал он её — вообще?!

— Это всё? — он всё-таки выдавил из себя два слова.

— Нет не всё! — Аню охватило справедливое возмущение, и она решила этого не скрывать, — После того, как я сделала замечание Максиму и сказала, что вызову в школу вас, он намекнул мне, что знает моего сына...

— И — что? — вопреки её ожиданиям, на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Как — что?! Разве непонятно, что он имел в виду?!

— Мне — непонятно.

— Он намекнул, что отомстит!

— Конкретнее.

— Что... — Анна всё же стушевалась, — Что — конкретнее? Разве непонятно?

— Вы можете привести его угрозы — дословно?

— Он не сказал, но...

— Тогда какое право вы имеете обвинять Максима в угрозах и шантаже?

— Вчера мой сын пришёл домой с синяком и ссадиной, почти у виска.

— И — что?

— Послушайте... — понимая, что достучаться будет очень сложно, Анна устало вздохнула и чуть сбавила тон, — Евгений Максимович... я сейчас говорю с вами не как учитель... а как мать... неужели вы не понимаете, что поведение Максима не уместается ни в какие рамки? Я понимаю, что вы очень заняты, но, может, мама сможет как-то убедить его...

— У Максима нет мамы, — небольшие, светло-серые глаза смотрели холодно, не выражая никаких эмоций, — у него — мачеха.

— Извините... я не знала... Но, может, тогда ваша... жена... может, она...

— Она не сможет.

— Странный у нас с вами разговор получается.

— У вас есть ещё какие-то претензии к моему сыну? — бросив взгляд на часы, мужчина откинулся на спинку стула, давая понять, что его время закончилось.

— Нет, — Анна покачала головой, — других претензий нет.

— Я поговорю с ним. А насчёт угроз вашему сыну... Не вижу никакой конкретики, кроме ваших истеричных домыслов. Если у вас всё, можете идти.

— И зачем я пошла в эту школу?.. — вечером того же дня, приехав по приглашению Леонида в его сауну вместе с мужем, Анна рассказала друзьям о сегодняшней встрече с высокопоставленным родителем, — И зачем меня туда взяли... ведь это была случайность... оказывается, туда было очень сложно устроиться, а мне просто повезло...

— Не расстраивайся, Аня, — выслушав приятельницу, Мила решила её поддержать, — это же обычное дело.

— Я никогда в жизни не сталкивалась с такими учениками, а уж с родителями!.. — расстроенная Анна укоризненно покачала головой, — А, главное, как мне теперь там работать?! Меня наша Ираида потом, как первоклассницу читала!

— Серьёзно?.. — Александр, которому Анна не успела дома рассказать всё в подробностях, нахмурился, — Может, мне сходить, поговорить с ними со всеми, как у нас в армии...

— Ой, Саша... — Аня махнула на мужа рукой, — Только этого не хватало! Я лучше уволюсь по-хорошему...

— Да что вы заладили... — Леонид, который всё это время только внимательно слушал, решил подать голос, — Сашка, куда не надо ходить... Аня, и ты успокойся. Примите всё как данность. Сейчас время такое, понимаете?! Вы до сих пор живёте в прошлом измерении, а жизнь не стоит на месте! Она меняется, ребята... И с этим ничего не поделаешь.

— А как жить, Лёнь? — Анна усмехнулась и бросила на мужчину быстрый взгляд, — Если мальчишка, который мне чуть ли не в сыновья годится, ставит мне свои условия, а я вынуждена их принимать... Как с этим бороться?!

— Надо не бороться, — по-хозяйски разлив пиво по огромным стеклянным бокалам с брендовыми наклейками, Леонид поднял свой, приглашая всех последовать его примеру, — а менять тактику.

— Как же её поменять?.. — грустно улыбнувшись, Анна тоже взяла в руки бокал, — Может, посоветуешь?

— Конечно, посоветую, — кивнув, Лапин чокнулся со всеми по очереди. — Просто нужно подстроиться под ситуацию. Проще говоря — принять условия новой жизни... и стать в ней — своим!

— Своим?.. — Александр недоверчиво усмехнулся, — Вот с этим Казаковым?..

— Это самый лучший вариант, Сашка.

— Да я ему лучше морду набью.

Глава 10.

Всё воскресенье Анна вспоминала предыдущий вечер в сауне. Она уже как-то стала привыкать к тому, что теперь они с Сашей интересно проводят выходные дни, пользуясь гостеприимством Лапина. Тот, действительно, постоянно приглашал Морозовых то в собственную сауну, «погреть старые косточки», как говорил он сам, то в свой ресторан — на семейный, дружеский ужин, и никогда не позволял платить — по его словам, всё было «за счёт заведения». Несмотря на то, что в действиях Леонида не угадывалось никакой корысти, и ему это, собственно, ничего не стоило, Анну эта щедрость напрягала. Она чувствовала себя обязанной, понимая, что никогда не сможет отплатить сполна той же монетой — во всяком случае, в ближайшее время. В отличие от неё, Александр воспринимал происходящее вполне нормально, и на все сомнения жены отвечал однозначно: «Аня, мы с Лёнью сами разберёмся. Мы же — друзья».

Анна хотела верить мужу, но, учитывая то, что его бизнес пока не набирал нужных оборотов, всё же чувствовала нравственный дискомфорт. Обычно он наступал на следующий после весело проведённого времени день...

Но в этот раз её воспоминания носили совсем другой характер...

«Девчонки, пардон... — одетый лишь в купальные плавки Леонид неожиданно заглянул в дверь парной и обвёл взглядом обеих находившихся там женщин, — Тут телефона моего случайно нет?»

«Нет, — раскрасневшаяся от сухого жара, обёрнутая в простыню Людмила на всякий случай встала и оглядела помещение, — не вижу... Может, ты его в бассейне на полу оставил?»

«Может... — пока жена искала глазами телефон, Лапин не сводил взгляда с сидевшей на низкой деревянной скамеечке Анюты, — Пойду, там поищу...»

Неожиданный визит смутил Анну настолько, что она ещё какое-то время не могла прийти в себя, унимая охватившую её дрожь. Собственно, ничего не произошло — ну, заглянул Лёнька к ним с Милкой в одних плавках. Подумаешь, на то и сауна — не ходить же от бассейна к парилке, нацепив джинсы и рубашку. Тем более, в бассейне и Лапины, и Морозовы плескались все вместе, и одетая в обычный купальник Анюта не испытывала никакого неудобства. Единственное, чего она не могла себе позволить — это прийти в таком виде к накрытому в комнате отдыха столу. Обычно, выйдя из бассейна, она накидывала на себя тонкий ситцевый халатик, и лишь тогда появлялась перед остальными. Мила на этот счёт никаких комплексов не имела, но, глядя на приятельницу, тоже стала брать с собой халат — если так можно было назвать короткое пляжное одеяние, лишь слегка прикрывающее нижнюю часть купальника. Глядя на ярко-жёлтую, в крупный чёрный горох, стильную «одежку» на трёх пуговках, Анюта испытывала ещё большее смущение от своего «домашнего» вида, но ничего поделать с собой не могла — сидеть за столом в бюстгальтере и плавках не позволял внутренний кодекс, а другого, более изящного одеяния у неё, увы, не было.

...Большое махровое полотенце, которым Аня обмотала своё разгорячённое тело, скрывало его от подмышек до середины бедра, не оставляя на виду ничего запретного. И, всё же, взгляд мужчины, скользнувший и по обнажённым плечам, и по стройным ногам, которые она, расслабившись, вытянула вперёд, был красноречивее всяких слов. Анне показалось, что серые, пронзительные глаза Лапина смотрели на неё с нескрываемой страстью, вспыхнувшей на несколько секунд и погасшей, как только он отвёл взгляд в сторону.

Она не могла сразу сообразить, что смутило её больше всего — внезапность появления Леонида, или ощущение собственной наготы, едва прикрытой полотенцем, в его присутствии.

«Пойду, помогу искать, — немного поколебавшись, Мила тоже шагнула к двери, — Ань, ты пока посиди, хорошо? А то он с этим телефоном как с писаной торбой носится. Купил игрушку за бешеные деньги, а сам везде её теряет...»

Оставшись одна, Анна с облегчением вздохнула — её внезапное волнение осталось незамеченным. Посидев ещё с минуту, она тоже решила надеть купальник и пойти в бассейн.

«Ага... вот ты где... О-го!...»

...Она только успела снять с себя полотенце... Вздвогнув от раздавшегося рядом голоса, испуганно обернулась... Неслышно открыв дверь, Александр заглянул в парную и, увидев

обнажённую жену, в два шага оказался рядом.

...Его прохладные на ощупь руки показались такими приятными, что Анна невольно прижалась к мужу всем телом. Уже через несколько секунд, чувствуя, что его намерения идут намного дальше простых объятий, она бросила взгляд на дверь и слабо попыталась выбраться из ручного плена, очень быстро ставшего горячим.

«Саш... ну что ты... сейчас Милка вернётся...» — старательно хмуря брови, Анна невольно запрокинула голову, но строгого взгляда не получилось — кажется, впервые в жизни от прикосновений мужа внутри что-то сладко защемило...

«Да они там телефон ищут... — руки Александра лихорадочно блуждали по телу жены, губы целовали всё, что попадалось на их пути... — Анютка, я по тебе так соскучился...»

«Да неудобно же... — стараясь говорить, как можно тише, Аня с удивлением прислушивалась к собственным ощущениям... то ли от высокой температуры воздуха, то ли от непрошедшего до конца смущения, непривычная томительная волна медленно раскатывалась внутри её тела, — Саш... вдруг, войдут...»

«А мы — вот так... — ловко повернув замок, тот запер дверь изнутри, — Теперь никто не войдёт...»

«Саша... — испугавшись самой себя, Анна беспомощно подняла на мужа глаза, — Может, лучше дома... Нехорошо как-то...»

«Дома — Димка...»

«Здесь жарко...» — последний отчаянный аргумент, произнесённый горячим шёпотом, звучал не очень убедительно.

«А здесь?..» — подхватив её, как ребёнка, Александр шагнул в просторную душевую кабину, находящуюся здесь же, в парной, затем, поставив на пол, открыл воду — едва тёплая, она казалась сейчас спасительной влагой, остужающей тело, но не желание...

«Всё равно как-то нехорошо...»

...Страх быть застуканными на месте прошёл, но его сменило чувство неловкости — оно невольно перебивало эти, не знакомые ранее, томительные приливы... Чувствуя себя маленькой, хрупкой девочкой в страстных и одновременно нежных объятиях супруга, Анна закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на сладко-щемящей волне, но получалось плохо — сладкое ощущение куда-то ускользало, уступая место тревожному ожиданию, что кто-то постучится в дверь... и это начинало напрягать... Аня уже была готова оттолкнуть мужа и поскорее выйти отсюда, чтобы их ни в чём не заподозрили...

...Внезапно всплывший в памяти образ Леонида в одно мгновение заслони собой все тревоги... Томительная волна вернулась... она больше никуда не ушла, разлилась внутри... а исходящие от мужского тела импульсы заставили женщину содрогнуться...

Анне показалось, что сознание оставляет её, и нет ни этой жары, ни звука падающих на пол прохладных струй, ни горячего дыхания мужа, ни его напряжённого тела... и единственное, что всё ещё связывает её с ускользающей реальностью — стоящая перед глазами фигура Леонида.

...Громкий, однократный стук в дверь выполнил функцию будильника.

«Аня, ты здесь?.. — голос Людмилы, раздавшийся снаружи, моментально отрезвил Анну, вернул с небес на землю, — А-ань! С тобой всё в порядке?..»

«Да!.. Я сейчас... — срывающимся, чуть хриловатым голосом ответив Лапиной, Анна попыталась выскользнуть из горячих объятий Александра, — Саш... Милка пришла...»

«Ну, и что... — он, напротив, не собирался прерывать пылкие ласки, и только крепче

прижал её к выложенной затейливой плиткой стене своим телом, — Подождут...»

...Исчезнувшие внезапно чувства больше не вернулись. Она снова пыталась представить себе Леонида, но что-то не срабатывало... Мысленно подгоняя мужа, Анна едва дождалась, когда всё закончится — реальность в виде неловкости, стыда, и ещё чёрт знает каких ощущений дискомфорта моментально отрезвила сознание...

...Анна не могла себе представить, как сейчас появится перед Лапиными. Несмотря на то, что всё произошло с законным супругом, Анюта испытывала жуткий стыд. Она сердилась и на себя, и на Сашу, в то же самое время понимая, что его страстный порыв — результат мужской длительной неудовлетворённости, основанной на строгом ограничении доступа к её желанному женскому телу. После того, как они поселились в однокомнатной квартире, их супружеские отношения почти сошли на нет. Диван, на котором спал Дима, стоял чуть ли не вплотную к их кровати, и, естественно, ни о чём «таким» рядом с тринадцатилетним сыном можно было даже не мечтать.

Впрочем, Анна и не мечтала. Но Александр... он был, всё-таки, мужчиной, и она понимала, чего стоят ему вынужденные воздержания — возможности уединиться в своей квартире у них почти не было. Саша приезжал с работы поздно, когда сын был уже дома, и всё, что ему оставалось — ловить редкие моменты в выходные дни, когда Анна посылала Димку в магазин...

К сожалению, магазин находился в их же доме, на первом этаже, и по этой причине времени на любовные утехи было в обрез.

«Я же говорил тебе, что они там вдвоём... — обращаясь к жене, Лапин кивнул на наконец-то вернувшихся в комнату отдыха Морозовых и нарочито громко рассмеялся, — Это мы с тобой в сауне только телефоны вдвоём ищем... А нормальные люди любовью занимаются!»

И так румяная после жарких объятий в горячей парной Анна покраснела ещё больше. От неё не укрылось, что, несмотря на шутливый тон, в глазах Леонида не было даже намёка на веселье. Напротив, в них промелькнуло что-то жёсткое — она уже не раз замечала такие метаморфозы, когда тот был чем-то рассержен.

Видимо, Людмила тоже была смущена ситуацией, но уже со своей колокольни. Догадавшись, что помешала «свиданию», она предпочла промолчать, а только тактично улыбнулась.

«Ты же свою «мотороллу» искал, — усаживаясь за стол, Александр шутливо развёл руками, — я и пошёл в парилку, чего время зря терять».

«Да ладно, можешь не оправдываться! — Лапин бросил на друга пронзительный взгляд, в котором Анна снова усмотрела вспышку молнии, — Дело, как говорится, молодое...»

«Лёнь!..» — не выдержав, Мила многозначительно посмотрела на мужа.

«Что?! — тот как-то слишком нервно изобразил на лице невинное удивление, — Что я такого сказал?! Всё естественно... Мы же не маленькие, всё понимаем... Дома — одна комната, никакой сексуальной свободы...»

Всё — и колючий взгляд, и слишком громкая речь говорили о том, что Лапин находится в крайнем возбуждении...

Аня могла догадаться, чем вызвано это нервное возбуждение... Могла... она почти догадывалась... Но упрямо отметала свою догадку.

Благодаря шуткам Александра всеобщее смятение прошло, и Лапин прощался вполне сердечно... Но что-то заставляло её не верить ни этой сердечности, ни вновь накотившему

веселью... Одному только поверила Аня — его взгляду, обращённому на неё. В нём были и желание, и ревность... и что-то ещё такое, от чего ей захотелось глубоко вздохнуть... так глубоко, чтобы никто не заметил охватившего её смятения... так и не реализованное до конца там, в парилке, вспыхнувшее и пропавшее так внезапно желание — оно вернулось вновь, под взглядом этих серых, пронзительных глаз... вернулось на секунду и... осело на дно души, затаилось до поры, до времени...

Вечером в воскресенье на домашний телефон Морозовых поступил звонок. Звонили Александру — один из его заказчиков сообщил, что пока приостанавливает свой заказ на отделку загородного дома «до лучших времён». Расстроенный Александр тут же позвонил другому заказчику, к отделке чьего коттеджа бригада мастеров должна была приступить на днях. Сообщив, что его фирма может начать работу уже завтра, Морозов в ответ услышал, что клиент раздумал пользоваться его услугами, так как не дождался нужных рекомендаций. И поэтому расторгает заключенный ранее договор.

— Что-то случилось? — глядя, как муж с озабоченным лицом курит на лоджии, Анна встревоженно подошла и встала рядом.

— Двух клиентов сразу потерял, — тот не стал обманывать жену.

— И... что теперь будет?

— Всё будет нормально, Аня, — приобняв Анну на холодном ноябрьском ветру, Александр потянул её назад, в тепло квартиры, — буду искать других заказчиков.

— Ты знаешь, где их искать?

— Дам объявление...

— Это долго?.. — Аня не сводила с него пытливого взгляда, — Как думаешь?

— Честно?

— Ну, конечно.

— Скорее всего, долго. Мне и этих-то клиентов Лёнька подогнал. Если бы не он...

— Но вы же часть работ уже сделали!

— Да, и заказчик их оплатил. Я выдал ребятам аванс, на остальное закупил новые инструменты. Ты не переживай, Аня... Что-нибудь придумаю...

...В понедельник Анна шла на работу без настроения. Все планы рухнули в одночасье. Небольшой заказ, который сейчас доделывала бригада мужа, был уже оплачен, и деньги за него почти потрачены. Все надежды возлагались именно на те заказы, от которых вчера отказались клиенты. Будут ли новые — неизвестно... Леонид ещё в конце лета обещал, что поможет обеспечить работу на всю зиму — несколько его знакомых бизнесменов строили загородные дома, и Лапин говорил, что практически убедил их обратиться именно к Морозову. Но вот один уже «сошёл с дистанции». Где гарантия, что так же не поступят и другие?.. тем более, что разговор шёл о начале января... Ещё почти два месяца, и их надо как-то прожить. Не разбегутся ли рабочие?..

В отличие от многих женщин, Аня всегда очень переживала за дела мужа и даже пыталась их контролировать. Александр был надёжным во всех отношениях человеком, но вот что касалось деловой хватки — тут он явно проигрывал многим коллегам по новому для него ремеслу бизнесмена.

...Весь день прошёл в тревогах и раздумьях. Анне очень хотелось позвонить Лапину — вдруг, тот что-то посоветует? Ведь он всегда так болел за дела школьного товарища. Но она не знала, как отнесётся к её звонку Александр.

Решив, что сначала поговорит с мужем, Анна отправилась домой. Уже войдя в квартиру, она почувствовала что-то неладное. Новые ботинки сына, которые он надевал всего несколько раз, стояли сейчас в прихожей со сбитыми носами, покрытые неведь откуда взявшейся грязью. Взяв в руки один из них, Анна засунула внутрь ладонь — ботинок изнутри был абсолютно мокрым, как будто кто-то окунул его в воду. Димкиной куртки на вешалке не было, и сам он, вопреки обыкновению, не вышел встречать мать.

— Дима, ты дома?.. — в ожидании ответа Анна замерла на месте, невольно прислушиваясь к происходящему в квартире.

— Дома!.. — голос сына прозвучал почему-то из-за двери ванной, — Я сейчас, мам!

— Что ты там делаешь? — дёрнув за ручку, Анюта с удивлением обнаружила, что сын зачем-то закрылся изнутри, — Дима, зачем ты закрылся?

— Я моюсь...

— А где твоя куртка?.. — догадываясь, что сын вовсе не принимает ванну, Анна снова попыталась открыть дверь, — Дима, сейчас же открой! Что произошло?!

— Мам, всё нормально... — после характерного щелчка дверь в ванную открылась, и Димка выглянул наружу, — Я сейчас...

— Что — сейчас?! — не дожидаясь, пока сын снова закроется, женщина решительно шагнула вперёд, — Господи... где ты так куртку испачкал?! А что у тебя с лицом?!

Картина, открывшаяся перед Морозовой, привела её буквально в шок. Её примерный сын, за которого она всегда была спокойна, стоял сейчас перед ней со взлохмаченной шевелюрой, падающей на лицо — видимо, Димка нарочно зачесал волосы именно так, чтобы скрыть огромный синяк под левым глазом. Его школьные брюки были испачканы грязью до колен, а их низ и носки — абсолютно мокрыми. Судя по всему, парень застирывал свою куртку — она лежала на краю ванны. Несмотря на то, что ткань потемнела от воды, на ней явно проступали тёмные пятна, которые Дима пытался замыть с помощью щётки и хозяйственного мыла. Стекающая вода грязно-розового цвета не оставляла сомнений, что пятна были кровяными.

...Допрос с пристрастием ничего не дал. На все вопросы матери Димка упрямо повторял, что случайно упал и ударился лицом... Приехавший с работы отец подключился к расследованию, но сын стоял на своём — упал, а кровь пошла из носа.

— Поскользнулся, упал, потерял сознание... очнулся — гипс... — услышав в очередной раз заученный ответ, Александр усмехнулся, затем чуть повысил голос, обращаясь к супруге, — Я даже не знаю, чем его шантажировать... музыкальной школой, что ли?..

— У нас не школа, а училище, — хмуро уставившись в учебник, Димка поправил отца, — пап, а шантажировать это вообще не педагогично.

— Учти, что я всё равно всё узнаю, — на ходу вытирая мокрые руки полотенцем, Анна вошла в комнату из кухни, где она мыла посуду, — и, если это опять Казаков...

— Ну, если это опять Казаков... — Александр перебил жену, — Тогда разбираться буду уже я.

— Не надо уже ни с кем разбираться... — пробурчав это как бы про себя, сын поджал губы и ещё ниже опустил голову, буквально уткнувшись носом в открытую страницу.

— Уже?.. — нахмурившись, Анна подошла ближе — Дима, ты, действительно, подрался с Казаковым? Это он тебя избил? Ты всё равно проговорился, так что отвечай!

— Ну, если честно... — парень как бы нарочно замялся, потом демонстративно вздохнул, — Это я его избил. Так что ждите... вас скоро вызовут.

Слова сына Анна расценила как шутку, но расспрашивать больше не стала — был уже поздний вечер, и всем нужно было отдыхать. Она решила оставить разговор на завтра, заодно проследить, в каком виде придёт в школу предполагаемый противник — ученик одиннадцатого класса Максим Казаков.

Придя на следующий день на работу, она уже собиралась отправиться из учительской в свой кабинет иностранного языка, как раздался телефонный звонок.

— Анна Сергеевна, а вас — к директору... — снявший трубку физрук состроил ехидную гримасу, — С родителями...

— Спасибо, Виктор Константинович, — Анна подняла на него насмешливый взгляд, — теперь если только с детьми...

Её шутка оказалась совсем не далёкой от истины. Войдя в кабинет директрисы лица, Морозова с удивлением уставилась на уже знакомого ей Евгения Максимовича Казакова. Как и в предыдущий раз, тот по-свойски сидел за столом и даже не кивнул ей в знак приветствия.

— Сейчас подождём ещё одного родителя, вернее, родительницу... я уже вызвала... — Ираида Генриховна строго поджала и без того узкие губы, но, услышав стук в дверь, тут же усмехнулась, — А, уже пришли... Входите!

— Здравствуйте, — женщина лет сорока, невысокого роста, полная, с завязанными в узел на затылке волосами, растерянно шагнула в кабинет, — Мне позвонили, сказали прийти...

— Да, я вызывала вас... — директриса сдержанно кивнула, потом обвела присутствующих взглядом, — Ну, раз все в сборе, то сразу начну с неприятного для всех нас происшествия... Дело в том, что вчера, уже после занятий, двое наших учеников избили сына Евгения Максимовича, — женщина показала ладонью на Казакова, — при чём, избили так, что Максим сегодня не смог прийти в лицей. Хулиганами оказались ученики седьмого класса Морозов, — Ираида метнула на Анну строгий взгляд, затем перевела его на другую гостью, — и Говоров. Вы в курсе событий?

— Лишь отчасти, — почему-то слова директрисы не вызвали у Анны должного испуга, на который, судя по всему, рассчитывала Ираида, а, напротив, привели в возмущение, — и очень хорошо, что Евгений Максимович сам поднял этот вопрос. Только, мне кажется, смешно говорить, что семиклассники справились с выпускником.

— Евгений Максимович обманывать не будет! — директриса для пущей убедительности постучала по столу карандашом, — Тем более, что семиклассников было двое, и они уже довольно взрослые парни! И, заметьте, что он не обратился в милицию, а пришёл к нам, чтобы мы могли разобраться в, так сказать, семейной обстановке!

— А я-то думаю, чего это Сашка вчера пришёл с вот таким вот фонарём... — мать Говорова собранной в пригоршню пятернёй, поднесённой к скуле, изобразила, с каким «фонарём» заявился вчера её сын, — И ведь не признался, паразит! Ну, я ему сегодня задам...

— Подождите, сначала нужно, действительно, разобраться... — остановив Говорову жестом, Анна обернулась к Казакову, — Евгений Максимович, вчера мой сын тоже пришёл с огромным синяком и весь в крови... Вы уверены, что это Дима избил Максима, а не наоборот?

— Уверен, — Казаков посмотрел на неё исподлобья, — я верю своему сыну.

— Я тоже верю своему сыну, — Анна смотрела на мужчину с достоинством, приподняв

подбородок, — правда, в отличие от вашего, он не нажаловался ни мне, ни отцу.

— Анна Сергеевна! — Ираида сердито сдвинула брови, — Вам, как педагогу, не к лицу так разговаривать с родителем вашего ученика! А как матери вам следует помнить, что заступничество — плохой метод воспитания!

— По-моему, это Евгений Максимович занимается заступничеством! — Морозова снова повернула голову к Казакову, — Если Максим, действительно, тяжело избит, почему вы вчера не сообщили об этом мне и моему мужу? Тем более, что драка, насколько я понимаю, произошла не в лицее, а совсем в другом месте... и пока по неясным для нас причинам!

— Анна Сергеевна!.. — директриса от возмущения повысила тон, — Вы забыли, что поведение наших учеников — полностью на нашей с вами совести, даже во внеурочное время! А, уж, если этот ученик — ваш сын, то ответственность только удваивается!

— Ираида Генриховна, — едва сдерживаясь, чтобы не закричать в ответ, Анна невольно сжала пальцы, — мне кажется, что весь этот разговор, в отсутствие участников происшествия — не имеет смысла! Мы обсуждаем то, чего не видели сами, хотя в первую очередь должны выслушать самих ребят!

— А они сейчас придут... — Ираида кивнула и, усевшись в кресло, демонстративно сложила руки на груди, — Их я тоже вызвала.

Появившиеся через несколько минут Димка и его одноклассник Сашка Говоров, выглядели практически одинаково — оба с синяками и ссадинами на лице. На все вопросы мальчишки отвечали коротко и без подробностей: «да», «нет», «без понятия». В результате вмешательства матери Саши удалось выяснить, что, действительно, драка произошла вчера после уроков, когда оба мальчика шли на занятия в музыкальное училище — оказывается, Сашка тоже занимался музыкой. Драку с встретившимся на пути Максимом Казаковым Говоров описал в трёх словах: «Да так, помахались немного...»

Ни о причинах драки, ни о том, кто начал первым, Сашка так и не сказал — даже угрозы матери не подействовали на упрямого подростка. Выдав минимум информации, и он, и Дима окончательно замолчали.

Пообещав всем присутствующим скорые и очень серьёзные неприятности, Казаков грозно покинул кабинет. Вслед за ним отпустили и ребят — как ни крути, а инцидент произошёл за стенами учебного заведения, куда полномочия директора и педагогического коллектива, увы, не распространялись, а, значит, и наказывать парней не было никаких оснований. Однако, оставив на приватный разговор Морозову, Ираида Генриховна высказала Анне много неприятных слов... Судя по всему, Казаков принимал большое участие в финансировании лицея, и теперь, после того, как его сыну были нанесены травмы, а извинений не последовало, директриса «очень сомневалась, что Евгений Максимович ещё когда-нибудь что-то сделает для наших с вами детей».

...И что виной всему — именно Анна Сергеевна Морозова, которая не смогла воспитать своего сына порядочным и примерным ребёнком, вырастила из него настоящего бандита, действующего в стоворе с таким же, как он, бандитом... И, что она порочит звание учителя, и, в связи с возникшими сомнениями в её педагогической квалификации, её пребывание в данном лицее теперь — под вопросом, и, если её придётся уволить, то пусть винит она только себя... ведь вместо того, чтобы падать перед Казаковым на колени, она ещё и посмела повысить на него голос!..

Вернувшись вечером домой, Аня всё рассказала мужу. О том, что она собиралась позвонить Лапину, она уже забыла... Неприятности сыпались одна за другой, и её уже не

удивил бы даже вызов в детскую комнату милиции...

— Аня, перестань! — Саша, как мог, успокаивал жену, — Это — блеф! Какое право они имеют уволить тебя лишь за то, что Димка с кем-то там подрался...

— Не с кем-то, — Аня глубоко вздохнула, — а с сыном самого Казакова. Да ещё и не один...

— А мне кажется, что правильно они сделали — Димка и этот... дружок его...

— Саша Говоров.

— Ну, да, он... Навалили этому...

— Саша, да это он им навалил! Ты видел Димину куртку?! Да она вся в крови была! А Казаков в школу так и не явился, я даже не могу посмотреть на него... и, почему-то, уверена, что у него — ни царапинки! Просто, он теперь мне вот таким способом мстит. А Дима... Дима не сознаётся.

— Ладно, — Александр успокаивающе пожал ладонь жены, — ты иди, ложись... а я с ним ещё раз поговорю...

Отправив сына на кухню к отцу, Анна легла на кровать и невольно прислушалась к их разговору.

— Ну, мне-то ты можешь сказать, что у вас произошло с этим Казаковым? — слегка приглушив голос, Александр спрашивал у сына.

— Ну, подрались...

— Это уже во второй раз?

— Угу. Только в первый раз возле школы... он первый начал...

— А сейчас?

— А сейчас — возле музыкалки... Но ты не думай, я не собирался... Он сам меня там подждал.

— А начал кто?.. Он?..

— Я.

— Не понял... А по какой причине?

— Да неважно... я ему врезал, он — мне... Сашка подключился... Пап, он сам нарвался.

— Хм... — судя по тону, отец вовсе не сердился, а, напротив, хмыкнул довольно, — Но навалил-то он вам обоим... мама сказала, у друга твоего тоже физиономия вся расписана...

— У Казакова тоже... расписана... — Димка усмехнулся, — глаз за глаз...

— Надеюсь, сотрясения нет?

— Да нет у него никакого сотрясения. Он нарочно в школу не пошёл, чтобы перед девчонками не светиться.

— Ну, а драка-то за что была?.. Может, тоже за девчонок?..

— Ну, в общем... да. За девочку.

— Он что, кого-то оскорбил? Обидел?..

— Типа того...

— А ты, значит, заступился... да?

— Да.

— Хм... немногословно... Ну, а девочка-то хоть красивая?..

— Очень.

— А зовут как?..

— Аня. Анна Сергеевна...

Глава 11.

О том, что главные неприятности ещё впереди, Анна начала догадываться уже на следующий день. Вызвав её к себе в директорскую, Ираида вновь начала разговор о злополучной драке.

— Анна Сергеевна, я настоятельно рекомендую вам извиниться перед Евгением Максимовичем, — директриса была настроена уже не так воинственно, в её тоне скользила скорее тревога, но она произнесла свою просьбу очень твёрдо, — вы даже не представляете, насколько этот человек важен для нашего лица.

— Помилуйте, Ираида Генриховна, — Анна смотрела на свою собеседницу непонимающе, — за что же я должна извиняться перед господином Казаковым?! Ну, подрались мальчишки... но мы не видели ничего собственными глазами, всё преподано лишь со слов Максима... Да и к нашему лицу этот случай не имеет никакого отношения!

— К сожалению имеет... — лицо Ираиды выражало искреннюю озабоченность, — Максим Казаков — наш ученик... а, заодно, сын влиятельного человека, принимающего участие в судьбе нашего с вами учебного заведения. Вы же прекрасно понимаете, что сейчас уже не советские времена... финансирование крайне ограничено, и вся надежда только на спонсоров и влиятельных людей. Учитывая то, что мы только сейчас получили статус лица, таких «высокопоставленных» детей у нас пока очень мало, и пройдёт несколько лет, прежде чем состав учеников поменяется. Мы только с этого года начали качественный отбор при поступлении... и на сегодняшний день большинство наших учащихся — такие вот... как Говоров...

— Вы хотели сказать — Морозов?.. — Анна невольно улыбнулась уголком губ.

— Нет, как раз — нет, — директриса заложила руки за спину и внимательно посмотрела на свою гостью, — ваш сын полностью отвечает новым требованиям. Он — успевающий ученик, талантливый мальчик, хорошо воспитан...

— Совсем недавно вы называли его бандитом...

— Анна Сергеевна, — делая вид, что не расслышала последних слов Морозовой, Ираида сделала задумчивое лицо, — вы ведь не можете отрицать, что жизнь сейчас немного другая... И она часто заставляет нас с вами играть не по нашим правилам. И, как ни крути, Казаков избит вашим сыном...

— Ему самому не стыдно в этом признаваться? Красивый, здоровый парень... а пожаловался, как девчонка...

— Это всё лирические отступления. Можно сколько угодно упрекать Максима в том, что он повёл себя не по-мужски... Но от этого ничего не изменится. Факты — вещь суровая.

— Да, но, в конце концов, мой сын тоже избит. А как быть с Говоровым?! У того вообще гематома не только на лице, а и на голове! Но перед ними никто извиняться не собирается!

— Драку начал ваш сын, во всяком случае, он не стал этого отрицать. Значит, и он, и Говоров — обвиняемая сторона.

— Я вообще не понимаю, что мы с вами здесь обсуждаем, — Анна с достоинством приподняла подбородок и тряхнула волосами — те пушистыми тёмными прядями рассыпались по плечам, — из пальца высосанная история. Мальчишки каждый день дерутся...

— Не всё так просто, Анна Сергеевна... — Ираида Генриховна поджала губы и уставилась вниз, — Где-то я вас понимаю... И, как видите, я не собираюсь больше разбираться с самими мальчиками. Формально не имею на это права — драка была за

пределами лица... даже на другой улице. Но вы, именно вы, как родительница и как учительница должны погасить остатки конфликта. Извинитесь, я очень вас прошу. Это в ваших же интересах.

— И не подумая.

Вернувшись в учительскую, Анна никак не могла настроиться на урок. Весь день она пребывала в тревожном состоянии, к которому примешивались обида и возмущение. Видимо, история достигла посторонних ушей, потому, что на следующий день, дождавшись, когда в учительской не останется никого, кроме них двоих, физрук завёл с Анютой неожиданный разговор.

— Ань, я тут кое-что слышал краем уха... — между ними с некоторых пор установились довольно дружеские отношения, и мужчина обращался к Анне на ты, — Можно дать тебе дружеский совет?

— Ты о чём? — едва улыбнувшись, Анна бросила на Виктора короткий взгляд.

— Я про Казакова. Не связывайся. Сделай так, как они хотят...

— Спасибо... — Анюта грустно усмехнулась, — Очень дружеский совет. Только бесполезный.

— Вот именно, дружеский, — на этот раз физрук был как никогда серьёзен, — я здесь работаю дольше тебя, и знаю, о чём говорю.

— Витя... — глядя ему в глаза, Аня проговорила, делая ударение на каждом слове, — Я не буду извиняться перед Казаковым.

— Тебя выживут.

— Кто и как? И, главное — за что?!

— За неповиновение. А как — ты и сама знаешь. Жалоба в РОНО, ошибка в отчёте... низкая успеваемость учеников... квалификационная комиссия...

— Вить, ты в своём уме?! За какую-то мальчишескую драку — такие сложности?!

— Ты задела самолюбие. При чём, очень «высокое» самолюбие, а этого делать нельзя.

— А моё самолюбие — не в счёт?!

— Аня, не в обиду... — Виктор присел к столу Анны и, облокотившись, подался вперёд, — Кто ты... вернее, мы... И кто такой — Казаков. Думаешь, ты первая, кто хотел бы торжества справедливости?

— Не знаю. Я вообще не понимаю, как это терпят остальные... Знаешь, я работала в гарнизонных школах, там такого безобразия точно не было. Нет, конечно, всякие бывали ученики... но чтобы в открытую плевать в лицо учителю... Да сам командир части, где служил мой муж, мог заставить своего сына извиниться при всём классе перед девочкой, которую он обидел. Что говорить об учителях... Это было — делом чести!

— Аня... — физрук смотрел на неё с нескрываемой жалостью, — Ну, какая честь?! Это у военных, может, ещё остались и честь, и совесть... А здесь — неужели ты сама не видишь?! Да оно и раньше так было! Поэтому... извинись ты перед этим уродом, пока на тебя травлю не организовали! Недолго осталось — у Казакова выпускной класс... уйдёт, и забудем как страшный сон! Он же не только у тебя на уроках так себя ведёт. Терпят же другие...

— Вот потому он так себя и ведёт. От безнаказанности. А я терпеть не буду, и плевать мне, что он помогает лицу. Если совесть есть, будет и дальше помогать... Тем более, он не один тут такой... влиятельный...

— Не один, конечно. С этого года у нас приём на конкурсной основе... так что

богатеньких буратино прибавилось. Но они пока в начальной стадии привыкания, и, в основном, бизнесмены... то есть, деньги у них свои. И их ещё нужно приучать с ними расставаться... А такие монстры, как Казаков, уже набившие мозоль в бескорыстной помощи, пока в единичных экземплярах. Тем более, что помощь эту он организует не за свой счёт, а за бюджетный — просто пробивает нужные нам идеи у нужных людей. И таким образом набирает себе очки для будущего депутатства.

— Тем более, ему не к лицу становиться в позу.

— Ещё как к лицу... — физрук усмехнулся и тяжело вздохнул, — Эх, Анна Сергеевна... наивная ты душа... да ты даже не представляешь, как сейчас перед ним будут заискивать... да за его «позу» сынку золотую медаль вручат, и он возьмёт, не подавится...

— Золотую медаль?! — Анна рассмеялась, — Пусть другие стелются, а от меня он не то, что пятёрки... тройки просто так не получит!

— Ты что, с Луны прилетела?! — Виктор в ответ снисходительно улыбнулся, — Тебе объявят войну, и ты проиграешь.

— Нет, я с Марса. И поэтому буду воевать.

...Виктор Константинович оказался прав. Появившийся на следующий день на занятиях Максим Казаков весь урок английского демонстративно проговорил со своей соседкой по парте. Сначала Анна решила не обращать на него внимания, но парень говорил настолько громко, что заглушал её собственный голос. Морозовой пришлось сделать ему замечание, на которое он никак не отреагировал. Рассердившись не на шутку, Анна решила вызвать директора. Вернувшись в класс вместе с Ираидой Генриховной, она застала всех учеников, примерно сидящих за партами со сложенными руками. На вопрос директрисы, что происходит, ни один их одиннадцатиклассников не дал вразумительного ответа. Как будто сговорившись, парни и девчонки только удивлённо пожимали плечами и невинно переглядывались. Усевшись за заднюю парту, Ираида пробыла до конца урока, любуясь на абсолютно примерный одиннадцатый «а».

— Анна Сергеевна, — после звонка она неторопливо вышла вместе с Морозовой из класса, — мне кажется, вы теперь сгущаете краски. Я не отрицаю, что Казаков мог вести себя не совсем спокойно... но я не увидела ничего из ряда вон выходящего... Напротив...

— Естественно, — Анна усмехнулась в ответ, — при вас он вёл себя, как примерный ученик. Кстати, если вы заметили, Ираида Генриховна, у Максима на лице ни одной царапинки. А его отец утверждал, что он избит...

— Это не меняет дела, — тон директрисы стал железным, — и моя просьба к вам — в силе. Вернее, не просьба, а настоятельная рекомендация.

Вечером, дома, Аня всё рассказала мужу... Озабоченный своими собственными проблемами, Александр, тем не менее, как мог, успокаивал жену, полностью поддерживая её позицию.

— Боюсь, что Виктор окажется прав... — уже перед тем, как ложиться спать, Анна печально вынесла вердикт сегодняшним событиям, — И в этой войне я проиграю.

— Ну, как ты можешь проиграть? — приобняв её за плечи, Александр ободряюще улыбнулся, — ты — очень хороший педагог, ответственный человек, в конце концов, тебя дети уважают... Ну, что они могут тебе предъявить?

— А я не этого боюсь...

— А чего?

— Я боюсь, что не справлюсь с собой. Ведь этот Казаков... он так и будет вести себя на

моих уроках. Понимаешь, Саша, я даже не могу придумать, как положить конец этому безобразию. Директор, по сути, на его стороне. Остальные преподаватели просто молчат... считают дни до выпускного... И я уверена, что меня никто не поддержит!

— Не переживай... — чуть прищурившись, Александр задумчиво посмотрел куда-то вперёд, — Всё будет хорошо. Вот увидишь...

Через день, переступив порог одиннадцатого «а», Анна была уже готова к новым выходкам Максима. Но, на удивление, парень сидел спокойно, лишь сжатые губы и злой взгляд из-под чуть прищуренных век выдавали внутреннее напряжение. Можно было догадаться, что он сдерживает какие-то негативные эмоции, готовые вот-вот прорваться наружу. Анна старательно обходила стороной проблемного ученика, решив не вызывать того к доске во избежание конфликта, но в середине урока Казаков сам неожиданно поднял руку.

— Listening to you, Максим (слушаю тебя, Максим), — она ответила не очень охотно, чувствуя какой-то подвох.

— У меня вопрос... — не сводя с учительницы прищуренного взгляда, парень нервно крутил в руках карандаш.

— Well, only in English (хорошо, только по-английски).

— Why have you not called me today to the Board (почему вы меня сегодня не вызываете к доске)?

— Do you want to answer the Board? (Ты хочешь отвечать у доски?) — Анна удивлённо приподняла брови — Казаков был способным учеником, но такое желание проявлял впервые.

— Yes.

— Well (хорошо). — Анна жестом показала на доску, затем протянула Казакову раскрытое пособие с заранее выделенным текстом, — Translate this text into English and write on the Board. And translate... — она обвела взглядом класс и остановилась на миловидной, но слегка полноватой, рыжеволосой девушке в очках, — Лиза Коростылёва. (Переведи этот текст на английский и запиши на доске. А нам переведёт Лиза Коростылёва).

Пока Казаков переводил текст, Анна общалась с другими учениками. Она не могла не отметить, что те всё пристальнее вглядываются в происходящее за её спиной... Заметив, что уже весь класс, раскрыв рты на вытянутых от изумления лицах не сводит глаз с исписанной доски, Анна, наконец, обернулась.

...Предложения, записанные Казаковым, были составлены абсолютно грамотно, видимо, он подготовился заранее... Пробежав глазами по тексту, Анна почувствовала, как лицо заливают жаром.

«The son of my English teacher is nothing like her husband. They have different facial features, voice, gait and body type. Any similarities. Perhaps she bore from her lover».

Судя по тому, как изумление учеников сменилось на недвусмысленные ухмылки, весь одиннадцатый «а» довольно правильно перевёл написанное обратно — на русский язык...

«Сын моей учительницы английского языка совсем не похож на её мужа. У них разные черты лица, голос, походка, телосложение. Ни одного сходства. Наверное, она родила его от любовника»...

— Мне... переводить?.. — Лиза Коростылёва перевела удивлённо-вопросительный взгляд с доски на Анну.

— Нет, — та смогла выдавить из себя одно единственное слово.

Анна была в замешательстве. С одной стороны, реагировать на подобную наглость

нужно было очень быстро, чтобы не показать своего истинного состояния. С другой стороны, она совершенно не знала, как должна поступить в этой ситуации. Ей почему-то было стыдно звать в очередной раз директора и демонстрировать это «сочинение»... Она вообще не могла обсуждать эту тему...

Казаков невольно, сам того не зная, затронул глубоко запрятанную в её душе занозу. Изображать праведный гнев не хватало ни сил, ни мужества. К тому же, Анна прекрасно понимала, что, начни она сейчас разбирательства, вся школа узнает об этом инциденте, и, даже учитывая, что это — обыкновенная месть со стороны ученика, шёпота за спиной и рассуждений на тему «и, правда, не похожи!» ей просто не избежать.

«А Дима?! Чем обернётся ему вся эта возня?!»

— Анна, Сергеевна, так мы будем разбирать этот текст? — Казаков, как ни в чём не бывало, положил мел и отряхнул руки, — Я что, зря переводил?

— Ты неправильно перевёл, Максим, — отвернувшись от доски, Анна положила на стол сложенные локти и постаралась придать лицу непринуждённое выражение, — сотри то, что ты написал, и переведи правильно.

— Почему неправильно? — парень, в свою очередь, изобразил искреннее удивление, — Докажите!

— Текст, который ты написал на доске, не имеет отношения к тому, что написан в учебнике.

— Ну, вы докажите! — Казаков возмущённо махнул рукой в сторону доски, — Я считаю, что я написал правильно! Если у вас другое мнение, давайте разбираться!

— Ты написал ересь.

— Да почему — ересь?! Пусть Коростылёва прочтёт и переведёт! — видимо, интуитивно почуяв, что преподавательница ни за что не позволит произнести перевод вслух, парень заметно приободрился и пошёл в явное наступление.

— Немедленно сотри... — чувствуя, как предательский жар расплзается по всему её телу, оставляя пунцовые пятна на щеках, шее, и даже ключице, Анна сжала в руках указку — косточки пальцев побелели от напряжения.

— Подождите... Я что, зря старался?! Вы мне оценку поставите?

— Нет, не поставлю.

— А почему?! Вы не имеете права...

— Я имею право не ставить тебе оценку. Так что, садись.

— Тогда объясните, в чём я не прав.

— Хорошо, я объясню после урока. Останешься, поговорим.

— Я не могу после урока... мне нужно в больницу, на перевязку. Вы сейчас объясните. Пусть другие послушают... Всем же интересно.

— Тогда поговорим в следующий раз.

— В следующий раз?.. — Максим разочарованно вытянул смазливое лицо, — Мне что, снова всё это писать на доске?.. Или вы стирать не будете?

— Вот это... — Анна жестом показала на доску, — Ты сейчас сотрёшь.

— Я не дежурный... — парень ехидно прищурился, — Что, Анна Сергеевна, правда глаза колет?

— Пошёл вон... — сжав побелевшие губы, Аня не удостоила его взглядом.

— Это... мне?!

— Тебе. Немедленно покинь класс.

— Как скажете... — многозначительно улыбаясь, Максим прошёл к своему месту и, открыв сумку, вытащил оттуда фотоаппарат. Очень быстро наведя объектив на доску, сделал несколько снимков, затем, положив фотоаппарат назад, взял сумку и направился к выходу. Уже взявшись за ручку, обернулся и громко воскликнул, — Читайте школьную стенгазету!

...Стирая с доски злополучный текст, Аня вдруг вспомнила события шестнадцатилетней давности... Тогда ей пришлось замывать в бане чужую кровь... Но чувства брезгливости и унижения, возникшие тогда, в далёкой юности, вернулись сейчас, здесь, в этом классе...

Вечером, вернувшись домой, она еле дождалась мужа с работы.

— Вот и всё... — устало присев у кухонного стола, Александр невесело усмехнулся, — Мы закончили последний объект... На завтра работы — нет...

— Саша... — как будто не слыша, о чём он говорит, Анна исподлобья смотрела в залитое вечерним светом окно, — Скажи, только честно... ты встречался с Казаковым?

— С чего ты взяла... — он хотел было сказать «нет», но, увидев непривычно тяжёлый взгляд жены, тут же осёкся.

— Я ещё раз спрашиваю... ты с ним встречался?

— Ну, встретился... — муж пожал плечами, — Предупредил по-хорошему, чтобы тебя больше не доставал...

— Никогда... — она произнесла это каким-то зловещим тоном, — Слышишь?.. Никогда больше никого и ни о чём не предупреждай!.. Слышишь?! Ни-ко-гда!

...Такой Анну он не видел ещё никогда. Её нельзя было назвать рассерженной... это слово совершенно не подходило к тому состоянию, в котором сейчас пребывала его жена. Казалось, что внутри неё kloкочут сотни, или даже тысячи вулканов, готовых извергнуть грозную, всё пожирающую лаву...

Оставив мужа наедине с его виноватым изумлением, Аня ушла в комнату. Она больше не проронила ни слова, и, видя, в каком она состоянии, Александр не посмел выяснять какие-либо подробности. Ему было ясно одно: его разговор с Максимом Казаковым, которым он хотел положить конец издевательствам над женой, принёс совершенно другие результаты. Произошло что-то из ряда вон выходящее, что привело Анну в невиданный доселе гнев...

...Он даже забыл о собственных неприятностях, и, вопреки обыкновению, сам разогрел себе ужин, а после молча отправился спать.

Проснувшись на следующий день, Аня испытала чувство вины перед Сашей, но виду решила не подавать. Конечно, он хотел её защитить, и, не спросив совета и разрешения, сам отправился «на разговор» с проблемным учеником. Видимо, допустимых границ Александр не переходил, и, не имея повода обвинить его в «превышении полномочий», Максим решил отыгаться другим способом...

Конечно, он знал, что за выходку с текстом ему ничего не будет, и Анна Сергеевна Морозова станет объектом насмешек и разговоров... Но он даже не мог предположить, насколько его «шутка» сможет вывести её из душевного равновесия.

В этот раз Аня не могла пожаловаться ни мужу, ни своим коллегам. Первому — потому, что не могла озвучить щекотливую тему, а вторым — потому, что не знала, как объяснить собственное нежелание выносить сор из избы — в этот раз. Вроде, так отчаянно боролась с этим хамом Казаковым... а тут — смолчала... только из класса его выгнала.

Так и не обмолвившись словом с Сашей, она ушла на работу. Вызов к директору восприняла привычно и обречённо...

— Анна Сергеевна... — Ираида смотрела на неё с нескрываемым осуждением, — Ну что там опять у вас с Казаковым произошло?!

— Ничего страшного, — Анна невозмутимо пожала плечами, — вчера я выгнала его из класса.

— За что?

— Он не справился с заданием.

— И — всё?! За это вы выгнали его из класса?!

— Он мне нахамил.

— Конкретнее можете сказать?

— Могу, но не хочу.

— Вы не совсем понимаете... Евгений Максимович собирается написать на вас жалобу.

— На тему?..

— Вы не справляетесь с обязанностями преподавателя. Вместо того, чтобы разбирать непонятый учеником материал, вы выгоняете его с урока. Разве было не так?

— Нет, не так.

— Вы понимаете, чем всё может закончиться для вас?

— Я не понимаю, какие конкретно претензии может предъявить мне господин Казаков.

— Претензии предъявят ученики. Под жалобой подпишутся их родители...

— Не поняла...

— Поймёте, когда прочтёте. А, ведь, я вам говорила...

...День прошёл, как в тумане. Анна старалась делать вид, что ничего не происходит, вела уроки, даже шутила с коллегами, но на душе было черно. Слова директрисы о том, что под жалобой подпишутся все родители одиннадцатого «а», не укладывались у неё в голове... Она не могла понять, как можно убедить два с лишним десятка вполне адекватных взрослых людей подписать явную ложь... А что ещё, кроме лжи, мог предоставить на неё в качестве компромата Казаков?

И, самое, главное — что будет потом? Всё происходящее походит на самую настоящую травлю... и цель этой травли — её увольнение...

Остаться без работы, вслед за мужем?.. Худшего сценария придумать было нельзя.

Как будто в подтверждение этих мыслей, после уроков к Анне подошла одноклассница Максима Казакова — всё та же Лиза... Несмотря на то, что она вела этот класс всего третий месяц, Анна успела заметить, что Лиза равнодушна к Максиму. На уроках девушка то и дело бросала на него грустные, влюблённые взгляды, но сам Максим был, похоже увлечён совсем другой — общепризнанной красавицей Светланой, с которой сидел за одной партой.

— Анна Сергеевна, — войдя после уроков в кабинет английского, Лиза робко подошла к учительнице, — мне нужно с вами поговорить.

— Поговорить? — Анна удивлённо посмотрела на девушку, потом жестом показала на стул, — Присаживайся. Я слушаю тебя...

...Говорила Лиза сбивчиво... Видимо, она долго сомневалась, перед тем, как прийти к Морозовой... и поэтому начала издалека. Её рассказ был о Максиме. Оказывается, никто не знает, какой он на самом деле... Все думают, что он дерзкий, эгоистичный... а он — совсем не такой. Просто он — поддающийся чужому влиянию... и поэтому часто совершает поступки, на которые сам бы никогда не решился.

— И чьему же влиянию подвержен Максим? — чтобы не обидеть девочку, Анна сдержала улыбку.

— На него Света влияет... — полноватая, с гладко зачёсанными назад рыжими волнистыми волосами, Лиза пальцем поправила на переносице очки, — Понимаете, это он ради неё так себя ведёт... а она... она его постоянно провоцирует...

— А как ты думаешь... — решив воспользоваться откровенностью Лизы, Анна придала голосу доверительный тон, — Почему Максим так подвержен влиянию Светы? Ведь она — девочка... мальчишкам свойственно показывать себя перед друзьями... Тем более, такому, как он — видный парень, умный... а поддаётся командам Светы?..

— А у него нет друзей, — Лиза пожала плечами, — я имею в виду настоящих друзей... Вокруг него всегда много народу, но они ему — не друзья. Он вообще по жизни — один... у него и матери нет.

— Зато есть отец... — Анна произнесла эти слова задумчиво, — Который за него готов и в огонь, и в воду...

— Ничего он не готов, — Лиза грустно покачала головой, — Макс ему не нужен. Он только делает вид... мне кажется, Макс жалуется ему только для того, чтобы папочка хоть как-то обратил на него своё внимание. Тот и старается — на публику... В школу приезжает, делает вид, что он такой — заботливый. А сам без конца со своей новой женой куда-нибудь уезжает... и Максима никогда с собой не берёт. Он — один, понимаете?.. У него всегда много денег, он может запросто весь класс повести в кафе, или в кино... Он так покупает себе друзей, и поэтому его никто и никогда не сдаст, даже если он не прав. Но на самом деле он очень одинокий...

— Откуда ты всё это знаешь?

— Мы с ним... с Максом... раньше дружили. До девятого класса...

— А потом?

— А потом... я заболела, у меня случился гормональный сбой. Я поправилась, упало зрение... я стала носить очки, и Макс меня... ну, в общем, мы стали меньше общаться. А потом он стал дружить со Светой.

— Понимаю... А что ты мне хотела сказать? Ведь ты не просто так завела этот разговор?..

— Я хотела сказать... — девушка слегка покраснела и опустила голову, — Я хотела сказать, чтобы вы Макса не винили... это не его идея насчёт жалобы... и то, что он вчера на доске написал — скорее всего, придумала Света...

— Насчёт какой жалобы? — Анна сделала вид, что слышит об этом впервые.

— Его отец хочет написать на вас жалобу... сегодня все только об этом и говорят.

— За что?..

— За то, что вы плохо учите нас...

— А я, действительно, плохо вас учу?..

— Нет, что вы... вы хорошо учите...

— Ну, значит, мне бояться нечего! — Анна весело посмотрела на Лизу, — Вы же за меня заступитесь?

— Вы только не обижайтесь... — Лиза ещё ниже опустила голову, — Но за вас никто не заступится.

Глава 12.

В душе Анна понимала, что не стоит верить словам девочки, у которой во всей этой, не

имеющей к ней никакого отношения, истории оказался неожиданный личный интерес. И, в то же самое время, она вполне допускала, что такой вариант вполне возможен: чтобы не попасть в список несогласных и не подвергать своих детей гонениям, их родители слепо подпишутся под любой жалобой, составленной «авторитетной» стороной.

Учитывая все обстоятельства, теперь она вполне допускала мысль об увольнении... С работой в городе, да и в стране было плохо, а светившая в трудовой книжке запись о несоответствии вообще не сулила никакого трудоустройства.

...В последующие несколько дней её никто не тревожил, но Аня догадывалась, что это затишье перед бурей.

Буря началась с неожиданного визита матери Сашки Говорова — Валентины Кирилловны. В один из дней та поджидала Анну после уроков в школьном коридоре. Морозовой ничего не оставалось, как вернуться и пригласить гостью в свой кабинет.

— Сашку хотят исключить из лица, — после недолгого вступления пожаловалась Валентина, — вся надежда на вас!

— Сашу?! — Анна удивлённо округлила глаза, — Я ничего об этом не знаю. А за что?

— Да стекло разбил... потом ещё унитаз в туалете своротил... не нарочно, конечно, с кем-то подрался опять...

— За это не исключают... — Анна растерянно пожала плечами, — Во всяком случае, в моей практике таких случаев не было. Самое большее — могут вызвать на педсовет. А кто вам такое сказал?

— Да классная руководительница Сашкина и сказала, Елена Юрьевна. Говорит, что сейчас особые требования к дисциплине, даже больше, чем к успеваемости. Он-то учится хорошо... а вот поведение — не очень.

— А чем я-то могу вам помочь? Я ведь даже иностранный язык в их классе не веду.

— Он с сыном вашим задружил... С Димой.

— Да, я в курсе. Они и в музыкальное училище вместе ходят.

— Вот-вот... — эти слова Говорова произнесла как-то осуждающе, — С этого-то всё и началось. В классе-то они вроде сначала и не очень общались... мне Елена Юрьевна рассказывала... А после того, как парня того избили, стали не разлей вода.

— И вы туда же... — Анна печально усмехнулась, — Да не избили они его, Валентина Кирилловна... На Казакове ни царапинки нет, не то, что у наших с вами мальчишек.

— Я не знаю... — Говорова упрямо поджала губы, — Сам он молчит, как рыба... А Елена Юрьевна говорит, что избили.

— Понятно, — вспомнив о том, что вышеупомянутая Елена Юрьевна — лучшая подруга директора лица, Аня снова усмехнулась, — ну, и в чём должна заключаться моя помощь?

— Вы поговорите с Димой, — лицо женщины приняло крайнюю озабоченность, — не нужно им с моим Сашкой дружить! Ну, какие из них друзья?!

— Это вам тоже Елена Юрьевна посоветовала?

— Они ж как небо и земля! — не отвечая на заданный Анной вопрос, Валентина решила привести собственный аргумент, — Дима ваш — усидчивый, серьёзный... Сашка говорит, вон, музыку сочиняет... А мой — оболтус... он даже и тут не как все! Нет бы на пианино, или на баяне учился... Так нет же, стучит на своих барабанах, как оглашенный!

— Валентина Кирилловна... — Анна внимательно посмотрела на гостью, — Я не очень поняла... Вы так за Диму переживаете, или за Сашу?

— Так... за Сашку... За кого же ещё?... Вашего-то Диму в любой школе с руками-ногами

оторвут! А выгонят моего дурня с такой характеристикой, потом — куда?..

Наводящие вопросы можно было не задавать — всё было ясно, как белый день. Травля, которую развернула против Морозовой директриса, теперь коснулась и её сына — разговор с Валентиной Говоровой был лишь первой ласточкой. Судя по всему, с женщиной поработала классная руководительница ребят, объяснив, что, если Саша не перестанет дружить с Морозовым, то ему припомнятся и разбитое стекло, и сломанный унитаз, и «зверское избиение» Казакова, в котором сама Валентина не была уверена, но ведь «Елена Юрьевна сказала»...

— Странно, — чуть улыбаясь, Анна качнула головой, — вы думаете, что, если Дима не будет дружить с Сашей, то Саша будет себя лучше вести?

— Да при чём тут... — нахмурившись, Говорова тяжело вздохнула, как бы собираясь с духом, прежде чем высказать то, зачем она сюда пришла, — Сашка-то он всегда такой был... его уж не переделать... Да только теперь он как бы с вашим сыном заодно... ещё и драка эта... Не простят ему. Вы же не захотели перед Казаковым извиниться! А всего-то было делов!.. Теперь вот и за вас взяли... жалобу, говорят, написали... потом и за Димку вашего возьмутся... А там — и до Сашки очередь дойдёт... а у него и так уже неудовольствие полный дневник! Так и пойдёт прицепом. Только вам-то что, вы в другую школу перейдёте, муж у вас, говорят, бизнесом занимается... А нам — что делать? Выдадут волчий билет, и вой потом на луну без образования!

— Хорошо вас Елена Юрьевна обработала, — Анна бросила осуждающий взгляд на собеседницу, — выходит, мой сын сейчас для вас как прокажённый? Да только вы поторопились, Валентина Кирилловна. Во-первых, пока никакой жалобы на себя я не видела. А, во-вторых, у нас власть всё-таки не феодальная. И, как бы не сложилась моя судьба, ни мой, ни ваш сын от этого не пострадают. Это — полный абсурд.

— Вам легко говорить, — Говорова обиженно поджала губы, — у вас, может быть, запасных вариантов — куча. А мне рисковать нельзя. Я и сама — не барыня, и муж у меня не коммерсант. Так что, Анна Сергеевна... вы уж как-нибудь с Димкой поговорите... А я Сашку буду отваживать.

...Разговор с матерью Говорова оставил на душе неизгладимый отпечаток. И, хотя Валентина Кирилловна была женщиной явно недалёкой и легко внушаемой, Анна была возмущена тем, с какой готовностью та была исполнять волю «всемогущих», к каким, судя по всему, относились директор лицея и классная руководительница их сыновей.

Вечером того же дня Анна решила поговорить с сыном. Она не могла не заметить грустного Димкиного взгляда.

— Ну, да... — на вопрос матери о том, правда ли, что Саше Говорову угрожают отчислением из лицея, Дима нехотя кивнул головой, — Сашка говорил, Елена Юрьевна его пугает... А ещё она поставила мне двойку, за то, что я забыл тетрадь.

— Что?! — Анна протянула руку к школьной сумке Димы, — А ну, дай дневник!

Дневник сына на этой неделе Анна ещё не видела, и, раскрыв его, была буквально огорошена: кроме сегодняшней двойки по английскому, в нём красовались две тройки по алгебре и геометрии. Для такого ученика, как Дима Морозов, подобные оценки были исключением из правила, и, судя по всему, кто-то упрямо это правило переписывал на свой лад.

— А это откуда?! — уже догадываясь, что выставленные оценки не имеют никакого отношения к истинным Димкиным познаниям в области математических дисциплин, Анна

кивнула сыну на «тройки».

— Математичка поставила... — тот сдержанно пожал плечами.

— За что?

— За ответ у доски.

— Ты что, неправильно ответил?

— Правильно.

— Тогда за что тройки?

— За несообразительность.

— Дима, ты можешь подробнее объяснить?! — не выдержав, Анна чуть повысила голос.

— А что подробнее... — опустив глаза, Димка угрюмо рассматривал носки домашних тапок, — Я задание выполнил, она говорит — неверно... Я стал переписывать, ну, и другую формулу применил, только уже неправильно... Она посмотрела, и говорит, снова неверно, а вот в первый раз было верно... но, раз ты стал переделывать, значит, был не уверен, то есть, не учил, а просто наобум решил... и поэтому выше тройки не заслужил.

— Что за ерунда?!

— Ну, вот... все так и сказали... А тройку она мне всё равно влепила.

— А с геометрией что?!

— Да почти то же самое. Была контрольная, я всё правильно решил, одна только ошибка была, на четвёрку... а математичка сказала, что видела, как я списывал, и поэтому снижает ещё на один балл.

— А ты точно не списывал?..

— Нет, конечно... — Дима пожал плечами и усмехнулся, — У кого мне списывать, у Сани, что ли?..

— Понятно... — слушая сына, Анна уже не сомневалась в том, что месть Казакова зашла за допустимые рамки — учительница математики была одной из свиты директрисы.

«Хотя... разве у мести бывают рамки?.. Тем более, допустимые...»

Доверительный разговор с физруком на следующий день только подтвердил её догадки.

— А я что тебе говорил... — сидя с Анной за одним столом в школьном буфете, Виктор усердно намазывал себе бутерброд, — Аня, ты даже сама не знаешь, с кем ты связалась.

— Но это же — низость, отыгрываться на детях! — Анна возмущённо посмотрела на своего собеседника, — Ну, ладно, они на меня взъелись... Но при чём тут мой сын?! А Говоров?! Он вообще — постороннее лицо, если не считать той драки... Но даже его сделали мишенью!

— Это не они на тебя взъелись...

— А кто?..

— Это Казаков на тебя взъелся. А Ираида и её прихлебатели просто выполняют команду «фас».

— Я одного не пойму... — Анна ещё больше приглушила голос, — Ну, уволюсь я... даже пусть меня уволят!.. Ему что, легче станет?! Или Максим станет другим?!

— Аня... — вопреки этикету физрук водрузил на стол сложенные локти и чуть подался вперёд, — Самое интересное в том, что ему совсем не нужно твоё увольнение. Он даже не заметит, если ты уволишься... и если не уволишься — тоже...

— Тогда чего ему надо?!

— Ему надо, чтобы ты унизилась перед ним. Встала на колени. Это — единственная его цель. Ты задела его самолюбие... ты обязана просить прощения.

— Ни за что и никогда!

— Значит, тебе грозит разбирательство по жалобе... твой сын скоро станет твёрдым троечником, а его друг будет отчислен за поведение, которое не идёт ни в какое сравнение с поведением Максима Казакова... и этот факт будет мучить тебя всю оставшуюся жизнь.

— Ну, спасибо... утешил.

— Хотя, есть ещё один выход.

— Какой?

— Уволиться самой, пока тебе не выдали волчий билет. Думаю, Ираида подпишет тебе по собственному...

— Мне сейчас нельзя увольняться... — Анна с тоской подумала о том, что у мужа так и не появились новые заказы, — Никак нельзя.

— Ну, тогда жди новых неприятностей.

...Вечером, дома, Анна не знала, как рассказать мужу о Димкиных оценках — сын принёс ещё одну, явно не заслуженную, тройку по английскому. Она понимала, что вступать сейчас в войну с другой учительницей иностранного языка чревато разговорами. Остальной преподавательский состав решит, что она просто придирается к коллеге из чувства соперничества, а заодно выгораживает своего сына, и, учитывая последние события, большинство учителей будет не на её стороне. Конфликт имел очень скользкие основания, и разрастался не по дням, а по часам. Действовать нужно было как-то по-другому... а вот как — она не знала.

Поделиться своими проблемами с Сашей Анна не могла — зная его характер, можно было предполагать, что он будет уговаривать её уволиться, или, ещё хуже — захочет заступиться за жену доступными ему способами...

Анне очень хотелось услышать ободряющие слова, но не от мужа... а от человека, который смог бы посоветовать что-то конкретное.

Она уже в который раз за эти дни вспомнила о Лапиных... но, как назло, уже третью неделю Леонид не давал о себе знать, не приглашал ни в ресторан, ни в сауну. Он даже ни разу не приехал за эти дни к Александру — просто пообщаться...

...Телефонный звонок нарушил вечернюю тишину.

— Аня, приглашаем вас с Сашей и Димой в субботу на день рождения Кристинки! — после обычных приветствий торжественно объявила Мила Лапина в трубку, — А лично тебя я прошу завтра поехать со мной. Поможешь мне выбрать ей подарок, заодно и поболтаем, а то давно не виделись, я уже соскучилась!

...Анна и раньше знала, что день рождения Кристины — в самом конце ноября, но за собственными проблемами совсем об этом забыла. К тому же, поход в гости предполагал не самый дешёвый подарок, а денег, увы, не было. Зная, как балуют свою единственную дочь Лапины, она могла догадываться, по каким дорогим бутикам и отделам придётся таскаться с Милкой, а ещё обсуждать её собственные предстоящие покупки, и настроения эта перспектива совсем не добавляла.

Однако отказаться Анна не могла, и в назначенный день отправилась вместе с приятельницей по магазинам.

— Даже не знаю, что и выбрать... ей ужасно трудно угодить... — перебирая на плечиках различные брендовые наряды, Мила озабоченно качала головой, — Лёнька-то ей уже купил от себя колечко... Ой, слушай... — она неожиданно бросила своё занятие и обернулась к Анюте, — Такое колечко классное... всё как будто сплетено из золотой нити,

но не как обыкновенные «сетки», а намного элегантнее, воздушнее... как раз для девочки... Впрочем, это бесполезно объяснять, это надо видеть! Вот придёте завтра, я всё покажу!

«Золотое колечко для девочки на четырнадцать лет... — грустно усмехнулась про себя Анюта, — И, наверное, уже не единственное».

Сопровождая Лапину, Анюта через силу кивала, поддакивала, цокала языком... Единственная мысль, которая крутилась в этот момент у неё в голове, была о том, что огромный плюшевый заяц, которого она присмотрела в отделе игрушек, и на которого должны были уйти все имеющиеся у них с Сашей деньги, будет выглядеть сиротливо перед теми дорогими подарками, которыми завалят Кристину её родители.

«А ещё нужно купить подарок от Димы...»

Вечером, вернувшись домой, она уже не могла скрыть своего состояния. Глядя на подавленную жену, Александр пытался выяснить причину её плохого настроения, заодно утешая по мере сил.

— Анютка, ну, что ты такая хмурая? — по обыкновению приобняв жену, супруг поцеловал её в висок, — Не переживай, всё будет хорошо... Плевать на ту фирму, не жили богато, нечего было и начинать... завтра же пойду, и закрою её к чертям собачьим. Устроюсь где-нибудь простым рабочим. Только не плачь, ладно?

— А как не плакать, Саша?! — она не смогла сдержаться и подняла на него полные слёз глаза, — Ну, почему у нас с тобой всё время — так?! Постоянно какая-то нужда... Я устала, Саша...

— Анечка... ну, всё будет хорошо...

— Да что хорошо, Саша?! Сегодня я истратила последние деньги на подарок Кристине, а что я такого купила?! Зайца этого несчастного?! И не купить не могла, потому, что без подарка не пойдёшь, и не пойти нельзя... И при этом я почти три часа помогала выбирать Милке дорожные наряды — для неё и для Кристинки... Нет, ты не подумай, я не позавидовала... но, Саша... я ведь ещё молодая женщина... и мне тоже хочется красиво одеться, обуться...

— Анютка, обещаю тебе, что к новому году я тебя и одену, и обую.

— Не смей меня, Саша... — горько усмехнувшись, Аня вытерла заплаканные глаза тыльной стороной ладони, — Новый год уже через месяц. Денег у нас с тобой нет, а те, что были, ты в своё предприятие вложил. Вся надежда на мою смешную зарплату. Впрочем... ты на меня не обижайся... это я так, просто перенервничала на работе.

...Ей пришлось рассказать мужу всё, что происходило у неё в лицее в последнее время. Слушая жену, тот мрачнел с каждым её словом, всё сильнее хмурия брови и сжимая кисти рук.

— Неужели такое возможно... Аня?.. Я даже предположить не мог, что так бывает — захотели, и съели человека...

— Оказывается, бывает.

— Завтра же пиши заявление на увольнение. Нечего тебе делать в таком волчьем коллективе.

— И как мы будем жить? Ты без работы... я — без работы... А Дима?.. Его тоже — в другую школу?..

— Я не знаю, Аня... но нужно же что-то делать!.. Или я сам пойду с ними разбираться.

— Вот это — исключено! — взгляд Анны стал стальным, — Об этом даже думать забудь! Иначе мне не избежать «несоответствия», а Димке — плохой характеристики.

— Но ведь должен же быть какой-то выход?!

— Должен... — встав со стула, Аня подошла к окну, — Как его только найти...

День рождения Кристины Лапины отмечали у себя дома. Из гостей были лишь Морозовы в полном составе. Ещё днём Кристина со своими одноклассниками повеселилась в ресторане отца, а затем специально нанятый Лапиным автобус развёз детей по домам. Димка тоже был среди приглашённых на «детскую» часть, но в ресторан не пошёл, а отправился к виновнице торжества лишь вечером, вместе с родителями.

...Сидя в узком, почти семейном кругу, Анна не узнавала себя... Впервые в жизни её раздражали и богато накрытый стол, и роскошная обстановка в квартире Лапиных, и их искреннее гостеприимство. Она с огромным трудом заставляла себя говорить какие-то поздравительные слова, улыбаться, обмениваться любезностями с Людмилой, делать комплименты Кристине.

На Леонида она старалась вовсе не смотреть. Она боялась, что он сможет прочесть по лицу всё, что творилось сейчас в её душе. Боялась, и в то же самое время, надеялась на это...

Сам же Леонид в этот вечер казался абсолютно довольным и счастливым. Он то и дело шутил, рассказывал анекдоты, а так же с удовольствием демонстрировал всё, что они с супругой подарили сегодня своей дочери — и золотое колечко, и новые наряды, и модный плеер с наушниками. Анна смотрела на эти подарки, еле сдерживая себя, чтобы не расплакаться прямо здесь, за праздничным столом. Она не могла понять, что с ней происходит — испытываемые ею чувства не были похожи на зависть, скорее на обиду, но, так или иначе, внутренний дискомфорт к концу вечера достиг наивысшего предела. В какой-то момент ей ужасно захотелось встать и убежать прямо из-за стола, не попрощавшись.

Про свой обычный наряд и простенькую бижутерию она уже не думала — на фоне других неразрешимых проблем, эта проблема казалась сейчас совершенно пустяковой.

Как будто решив подразнить и её, и Димку, Лапин в разгар веселья вытащил из другой комнаты ещё один подарок: на металлической подставке, сияя чёрно-белыми клавишами, лежал новый синтезатор. Анна не могла не заметить, как Дима весь оставшийся вечер не сводил глаз с инструмента. Купить ему пианино так и не получилось — сначала они с Александром решили все деньги вложить в доллары, потом — в его бизнес, а вот теперь не было ни денег, ни инструмента. Да и бизнеса, по сути, больше не было...

— Кристиночка, ты решила учиться играть? — пересилив себя, Анна улыбнулась имениннице, когда та без особого восторга нажимала пальцами на первые попавшиеся клавиши.

— Не зна-а-а-ю... — девочка жеманно повела плечиком, — Я папу не просила мне его покупать, это он сам...

— А что, пусть учится! — Леонид довольно развёл руками, — А не захочет — подарим кому-нибудь, да, Кристинка?

— Можно сыграть?.. — Дима всё-таки решился подойти к заветному инструменту.

— На, — Кристина равнодушно уступила место, — играй, мне не жалко.

Глядя, как сын бережно, почти любовно настраивает инструмент, Анна почувствовала, как сжимается её сердце.

Несмотря на искреннее радушие, с каким их встретил Леонид, её весь вечер не покидало чувство, что он дразнит и её, и Александра. Впрочем, в отличие от жены, Саша пребывал в хорошем расположении духа, казалось, что он напрочь забыл о собственных

неприятностях, и, вопреки намерениям, с которыми направлялся сегодня в гости, не собиравшись обсуждать эти самые неприятности со своим товарищем.

Он весело поднимал бокал, говорил тосты, танцевал с Милой и Анной, подшучивал над Димкой и Кристиной, а под конец с искренним удовольствием смотрел видеофильм, снятый Лапиным на морском курорте, куда тот возил отдыхать свою семью этим летом.

— А вот тут ещё несколько кадров... — вынув просмотренную кассету, Лапин вставил в видеомэгафон новую и защёлкал пультом, — Смотри, Сашка... Аня, ты тоже посмотри...

— Что это? — Анна уже была не в силах изображать радостное удивление, поэтому её вопрос прозвучал устало.

— Это — наш будущий дом... Ну, как вам фактура?

— Ничего себе, дворец ты решил отгрохать! — Александр изумлённо уставился на экран телевизора, где мелькали кадры строящегося трёхэтажного особняка, — Когда это ты успел?!

— Да буквально пару недель назад, я поэтому и не звонил, всё документы оформлял. Один знакомый начал стройку, да не потянул, отдавал недодел почти задаром. Грех было не воспользоваться... — Лапин нажал на «стоп» — изображение на экране застыло, — смотри, как думаешь, чем лучше крышу покрыть? Я вот хочу остановиться на итальянской черепице...

Остаток вечера Анна досидела как на иголках. Ей показалось, что сегодня она была не на празднике, а отбывала наказание.

Судя по тому, что ни Леонид, ни Мила не заметили её истинного настроения, роль весёлой гостьи ей сегодня всё же удалась... Хотя, возможно, они просто не захотели портить праздник дочери ненужными расспросами и разговорами.

«В конце концов, они собрались для веселья, а не для обсуждения чужих проблем...»

Вернувшись, наконец, домой, Аня уложила довольно подвыпившего супруга спать, пожелала спокойной ночи сыну и, закрывшись в ванной, долго плакала под шум льющейся воды. За весь вечер Леонид ни разу не спросил об их с Сашей делах, что было для него нетипично. Более того — хвастаясь новым, пока недостроенным домом, он даже не намекнул, что захочет поручить его отделку фирме Морозова.

...А ещё он ни разу не сделал ей ни одного, ставшего уже привычным, комплимента...

...Он даже не заметил, в каком она состоянии...

...А чего она, собственно, хотела?.. Что Лёнька так и будет вечно помогать им с Сашей? Он и так помог сверх всякой меры. И не его вина, что у Александра ничего не получилось.

А сейчас у них разные заботы.

...Саша не может найти заказы... Лёнька не знает, какой черепицей покрыть свой новый особняк.

...Они не могут купить своему талантливому сыну пианино... Лапин дарит своей дочери совершенно не нужный ей дорогуший синтезатор...

...По словам Милки, её хотят назначить главным врачом детской поликлиники... А ей, Анне, грозит увольнение за несоответствие занимаемой должности, а её сыну — искусственно организованная неуспеваемость. И всё только потому, что она не захотела попросить какого-то там прощения...

...Лёжа в наполненной ароматной пеной ванне, Анна закрыла глаза и представила себе всё, что ожидает её семью в недалёком будущем...

...Саша?.. На него, действительно, мало надежды. Он хороший, ответственный

руководитель, когда есть фронт работ — так было, когда он служил в армии. Но вот обеспечивать этот самый фронт самостоятельно, на гражданке, он, увы, не умеет. Во всяком случае, в ближайшее время ей придётся надеяться только на себя.

...Взойдя по мраморным ступенькам на крыльцо областной администрации, Анна потянула на себя тяжёлую, массивную дверь. Простучав каблучками по устеленной ковровой дорожкой лестнице, поднялась на третий этаж, прошла по длинному коридору, свернула в боковое крыло, остановилась у знакомой со вчерашнего дня двери.

— Здравствуйте, — войдя в приёмную, она кивнула секретарю, — я вчера записывалась на приём.

— На сколько?

— На четырнадцать тридцать.

— Секундочку... — вспорхнув со своего места, секретарша скрылась за крашеной под дуб дверью в «высокий» кабинет. Выйдя оттуда через полминуты, жестом пригласила Анну войти, — Проходите. Евгений Максимович примет вас.

Глава 13.

В отличие от многих коллег и знакомых, в свои тридцать три года Анюта Морозова ни разу не курила. Более того, желания попробовать на вкус сигаретный дым у неё не возникало даже в юности, когда соседки по общежитию настойчиво предлагали присоединиться к их курящей компании.

Но сейчас она ощутила непреодолимое желание купить пачку сигарет и сделать первую в своей жизни затяжку...

...Выйдя из здания областной администрации, Анна как во сне спустилась по мраморному крыльцу, даже не заботясь об осторожности: после сегодняшнего снегопада оно покрылось пушистым слоем снега, под которым коварно скрывались довольно скользкие ступеньки. Бледное лицо всё ещё сохраняло отрешённое выражение, руки слегка дрожали, на душе было гадко, настолько гадко, что Анне казалось, что даже во рту появился привкус чего-то мерзкого.

Пройдя торопливым шагом по недлинной аллее с редко высаженными по обеим сторонам голубыми елями, Анна чуть замедлила шаг, затем и вовсе остановилась. Всё, что произошло несколько минут назад в кабинете Евгения Казакова, всё ещё не укладывалось в её сознании, даже несмотря на то, что шла туда Анюта по доброй воле и с обдуманными намерениями.

«Евгений Максимович... — ей до сих пор казалось, что это не она, а кто-то другой говорил её собственным голосом, — Я пришла, чтобы перед вами извиниться...»

...Она даже не успевала удивляться собственному красноречию — слова возникали в голове, как будто надиктованные кем-то свыше, и тут же преобразовывались в произносимую ею речь. Да, она шла сюда, чтобы просить прощения у этого высокомерного, но очень всемогущего человека... Она не знала, что скажет ему, и не готовила заранее текст. Но она даже представить не могла, какие убедительные слова выдаст её подсознание.

...Это была целая извинительная речь — и за себя, и за сына. Слыша себя как бы со стороны, Анна произнесла её без единой запинки. Она вообще не испытывала робости. Ей казалось, что всё происходящее — лишь плод её фантазии: и этот «высокий» кабинет, обставленный богатой мебелью и устеленный ковровой дорожкой, и этот человек, сидящий в кожаном кресле за большим столом... Он слушал её «покаяние» с надменным лицом, на

котором к концу беседы промелькнуло удовлетворение.

«Это хорошо, что вы поняли, кто — вы, а кто — я. Надеюсь, что урок пойдёт вам на пользу», — он как будто выдавил из себя эти слова.

Стоя перед ним без единой кровинки в лице, Аня почему-то подумала, что других, менее унижающих её достоинство слов, этот человек бы не принял.

...Она ещё что-то добавляла, уже потом, после его великодушно-небрежного прощения... Кажется, это были слова благодарности. И говорила их тоже не она. Нет, она просто стояла там — с окаменевшей в миг душой, и с единственной мыслью о том, что скоро всё это закончится... она покинет этот кабинет с дорогой, красного дерева, мебелью, ковровой дорожкой и сидящим в большом кожаном кресле ненавистным ей человеком.

...Домой в этот день ноги не несли. Александр не знал, что вчера Анна записалась на приём к Казакову, и, увидев её, он сразу бы заподозрил неладное. Рассказывать ему об унижительном визите не было сил — Аня чувствовала себя раздавленной и морально, и физически, к тому же ей было ужасно стыдно.

Она могла бы рассказать об этом кому угодно, только не Саше. Ведь он её боготворил... Для него она была женщиной, умевшей с королевским достоинством держать все удары судьбы... И признаться в добровольном унижении — всё равно, что пасть, быть растоптанной в его глазах.

...Чувство униженности давило. Анне ужасно хотелось сбросить с души эту каменную глыбу, услышать в ответ слова сочувствия... да-да, именно — сочувствия. Всё-таки, она обыкновенная, слабая женщина, и ей ужасно хочется, чтобы её пожалели... И пусть это будет чужой человек.

...Ноги как будто сами несли её в сторону телефонной будки. Конечно, Мила — не самый лучший собеседник в таких делах, но она обязательно выслушает...

«Только бы Милка была дома».

— Алло... — неожиданно прозвучавший в трубке голос Леонида заставил Анну вздрогнуть, — Слушаю.

— Лёня, здравствуй... — Аня на секунду замешкалась, поэтому вопрос прозвучал не совсем уверенно, — Мила дома? Позови её, пожалуйста...

— Аня, это ты?.. — он сразу узнал её по голосу, — Аня!..

— Да, я... — она проговорила это как-то глухо, — Милу позови?..

— Что с тобой?.. — его тон стал тревожным, — Что-то случилось?!

— Нет, ничего... — она немного помолчала, — Мне Мила нужна...

— Она ещё не вернулась с работы. Ань, с тобой всё в порядке?

— Не вернулась?.. — проглотив застрявший в горле комок, Анна почувствовала, как предательская слеза чертит горячую дорожку по холодной щеке, — Ладно... Тогда извини...

— Аня, подожди! — видимо, испугавшись, что она повесит трубку, Лапин окликнул её громко, торопливо, — Ты из дома звонишь?

— Нет, из автомата.

— Из какого?.. Ты с кем-то... или одна?..

— Я одна.

— Говори, куда подъехать...

...Через двадцать минут чёрный «Лексус» Леонида притормозил у здания, на которое указала Аня. Всё ещё сомневаясь, правильно ли сделала, что согласилась на это свидание, она нерешительно шагнула к автомобилю — выскочив из него, Лапин галантно распахнул

перед женщиной пассажирскую дверь. Уже сидя в тёплом салоне, Анна почувствовала, что очень замёрзла. Не говоря ни слова, Леонид сам пристегнул её ремнём безопасности и, нажав на газ, резко тронул с места.

Кафе было небольшим, уютным и почти безлюдным в этот час. Расположенное на одной из окраин огромного города, оно казалось сейчас надёжным убежищем от всех бед и тревог, обрушившихся в последнее время на хрупкие Анютины плечи. Рюмка коньяка, которую Леонид заставил её выпить, приятной, обжигающей волной прокатилась внутри, слегка ударила в голову.

С ужасом чувствуя, как начинает дрожать подбородок, Аня опустила лицо на ладони: горячие слёзы крупными каплями упали сквозь пальцы на красную, со стрелками от сгибов, скатерть. Глядя на её вздрагивающие плечи, Лапин молчал, видимо, решив переждать, пока женщина успокоится, но прошло уже несколько минут, а Анна так и не смогла прийти в себя.

Неожиданно поднявшись со своего места, он обогнул столик и, отодвинув свободный стул, присел рядом... Почувствовав себя в кольце его рук, Аня бессильно уткнулась в мужское плечо.

...Она уже перестала плакать, но так и сидела в объятиях Лапина, не в силах пошевелиться. Наконец, будто опомнившись, слегка отодвинулась и провела рукой по мокрому лицу. Стало неловко... но не оттого, что её обнимал посторонний мужчина. От Леонида пахло свежим парфюмом, он был идеально выбрит — она заметила это, когда невольно коснулась щекой его подбородка... Анна вдруг подумала, что макияж, который она накладывала утром, перед работой, смылся слезами, стёрся носовым платком... и искушенные в отчаянии губы краснеют вовсе не от помады. Даже не глядя на себя в зеркало, она могла представить и свои опухшие веки, и растрепавшиеся волосы. Бросив взгляд на Лапина, она невольно провела ладонью по его плечу — шов трикотажного джемпера был влажным от её слёз.

— Прости... — опустив голову, Анна устремила взгляд на свои колени, — Прости меня, Лёня.

— За что?.. — в его серьёзном взгляде сквозило непривычное участие, — Аня, что всё-таки случилось?

Ещё час назад она не знала, как рассказать обо всём мужу... она была готова просто выговориться Милке — не вдаваясь во все подробности, ибо их было слишком много... Но сейчас Анна вдруг подумала, что Леонид — именно тот человек, кому она сможет рассказать всё без утайки — начиная от ссоры с Казаковым-сыном и заканчивая извинениями перед Казаковым-отцом...

...Она рассказала ему даже о той надписи на доске... Она ждала наводящего вопроса, но, бросив на Лапина быстрый взгляд, поняла, что он не собирается выворачивать её душу наизнанку. Она рассказала ему абсолютно всё, заново переживая в душе все обиды, тревоги и сегодняшнее унижение. Он слушал внимательно, не перебивая, и по его лицу было невозможно понять, какие чувства вызывает в нём эта неожиданная исповедь.

...Анна ждала от него в ответ всего, чего угодно: сочувствия, осуждения, предложения выпить и успокоиться... Она приняла бы и то, и другое, и третье — просто как участие, как некий жест... Но то, что Аня услышала в ответ, оказалось для неё полной неожиданностью.

— Ты — умница... — он снова сидел напротив и смотрел на неё своим серым,

пронзительным взглядом, — Ты просто умница, Аня.

— Что?.. — она растерянно посмотрела на него, — Ты смеёшься?!

— Ты всё правильно сделала.

— Не надо, Лёнь... — решив, что он просто хочет её успокоить, Анна отчаянно замотала головой, — Правда, не надо. Я всё прекрасно понимаю... просто я не смогла найти другого выхода. Если бы ты знал, чего мне это стоило... Теперь я ненавижу себя... Понимаешь?.. Ненавижу.

— За что? — достав из пачки сигарету, Лапин прикурил от зажигалки и снова поднял на Анну чуть прищуренный взгляд.

— За что ненавижу? — усмехнувшись уголком рта, она второй раз за день пожалела про себя, что не курит, — Неужели непонятно?.. Мне пришлось просить прощения у человека, который сам передо мной виноват. Я чувствую себя полным ничтожеством.

— Почему ты так — о себе? — положив на стол локти, Лапин подался вперёд, — Поверь, я не из праздного любопытства спрашиваю.

— Как почему?! — в её взгляде были и боль, и растерянность, и обида, — Я — учитель, Лёня! Я полностью отдаю себя работе, я даже дома привязана к этой работе, я проверяю тетради, я готовлюсь к урокам, я не считаюсь со своими близкими, в конце концов!.. И вместо благодарности учеников получаю неуважение, оскорбление, если хочешь... только потому, что сынок богатенького папы захотел самоутвердиться перед одноклассниками! Самоутвердиться за счёт моей чести, моего достоинства!.. Я — учитель, Лёня! Но я не имею права защитить себя перед малолетним ублюдком, иначе получу настоящую зуботычину! И я её, в конце концов, получила! Казаков избил моего сына, и на него же повесил всех собак! Мне пригрозили жалобой, разбирательствами, увольнением... За десять лет работы в других школах я не имела ни одного замечания, только благодарности! А здесь мне устроили настоящую травлю... И всё только потому, что я посмела не играть по их правилам! Но они вынудили меня встать на колени... Как я могу себя после этого чувствовать?!

— Ты однобоко судишь о своей ситуации.

— Я?! — от возмущения у Анны перехватило дух, — Я однобоко сужу о своей ситуации?! А ты знаешь, почему я, отличница, окончившая школу с золотой медалью, оказалась в самом задрипанном в городе пединституте?!

— Кстати, да... — Леонид задал этот вопрос с нескрываемым интересом, — Ты же могла поступить в любой престижный вуз.

— А я и поступила. В институт иностранных языков. Только учиться мне там долго не пришлось...

— Почему?

— Не почему, а из-за кого.

— И из-за кого?

— Из-за такого же вот сынка... — Анна кивнула головой куда-то в сторону, — Один сынок влиятельного родителя поставил мне условие — или я принимаю его благосклонность, или мне не будет жизни в этом городе.

— И как же всё разрешилось?

— Я бросила институт и уехала. Через пару месяцев перевелась в педагогический и вернулась... пришлось затеряться в общей толпе. Поэтому я имею право судить о своей ситуации, Лёня. Судить так, как подсказывает мне моя совесть.

— Я не хотел тебя обидеть, Аня... — рука Лапина легла на женскую ладонь, — Можешь

мне не верить... но ты — человек, которого мне меньше всего хотелось бы в этой жизни обижать.

— Спасибо, Лёнь... — неожиданно покраснев, Анна опустила глаза, — Мне действительно, больше не с кем поделиться... Саша не поймёт... он воспримет по-своему, ещё и кинется восстанавливать справедливость...

— Ты правильно сделала, что ему не рассказала.

— Я просто не успела...

— И не рассказывай. Пусть это будет нашей с тобой маленькой тайной... — он ободряюще улыбнулся и чуть сжал её ладошку, — Ты не против, чтобы у нас с тобой появилась одна тайна на двоих?

— Нет, — грустно улыбнувшись, Аня чуть качнула головой, — не против.

— А теперь послушай меня, — лицо мужчины приняло абсолютно серьёзное выражение, — Аня, я не знал, что у тебя такие проблемы. Сашка не говорил... да мы с ним в последнее время как-то потеряли связь... но тут — моя вина. Закрутился со своими делами, покупками...

— Да ты-то при чём... — всё так же грустно улыбаясь, Анна опустила голову, — Это же очень ответственно — дом купить... тем более, недостроенный...

— Дом это мелочи, — Лапин махнул рукой, — тут кроме дома...

— Что, ещё один ресторан?

— И не ресторан. Не хочу хвастать, но... ресторан это уже мелко для меня, Аня. Я ночной клуб открываю, с игровым залом, проще говоря — казино. Там куча лицензий нужна, всяких сертификатов... да Бог с ним... Я ведь не об этом хочу с тобой поговорить.

— О чём? — она неожиданно перешла на полусёпот.

— Ты думаешь, что проявила слабость?

— Это в тысячу раз хуже, чем просто слабость.

— Это в тысячу раз сильнее, чем просто мужество. Ты всё правильно сделала, Аня. Вот смотри... Люди часто ошибаются с определением истинных ценностей. Да, я согласен, что говорить о чести, совести, достоинстве — очень красиво. Но только говорить... Потому, что все эти качества не накормят и не оденут. Люди делятся на два лагеря, Аня... Одни ходят с гордо поднятой головой, не имея за душой ни гроша, не умея обеспечить ни себя, ни своих близких. Они гордятся тем, что не переступают через какие-то, ими же придуманные, моральные принципы. И другие — которым приходится переступать через многое, и даже многих, ради того, чтобы тоже жить и ходить с гордо поднятой головой. И те, и другие несут свой морально-нравственный крест. Первые мучаются оттого, что их дети не устроены, им приходится своим горбом зарабатывать на хлеб, терпеть унижения, потому, что за ними нет никакой силы — ни финансовой, ни административной. Другие тоже мучаются... оттого, что им тоже приходится и унижаться, и ронять себя, и даже унижать других... и такое бывает, и зря думают все остальные, что это приносит удовольствие. Только в определённой мере. В общем и целом это набор чувств человека, который таким образом воюет за своё место под солнцем. А теперь смотри, что получается... И тем, и другим приходится испытывать, по сути, одинаковые ощущения... только вот нравственные мучения матери, которая не может купить инструмент своему талантливому ребёнку из-за банального отсутствия денег, коренным образом будут отличаться от нравственных мучений той же матери, которая сделает единственно правильный поступок — произнесёт единственное слово «простите»... после которого она сохранит работу, достаток и купит

своему ребёнку абсолютно всё, что он заслужил. Ты понимаешь меня, Аня?

— Не знаю... — во время речи Лапина Анна сидела с бесстрастным лицом, не выражая никаких эмоций, — Я даже не знаю, что тебе сказать...

— Всё правильно, — он уверенно кивнул, — вот так, сразу, этой теории не постигнуть. И, если бы ты сейчас кинулась мне на шею с криком: «Лёнька, я всё поняла, как здорово!», я пожалел бы о нашем разговоре. Но ты ещё мудрее, чем кажешься... Я восхищаюсь тобой, Аня...

— Я не отрицаю, что в твоих словах есть рациональное зерно... — она как будто не услышала его последней фразы, — Но как быть с совестью? Как быть с душой, в которую плюнули... ведь с этим придётся жить...

— А нам всегда с чем-то приходится жить... — он бросил на неё осторожный взгляд исподлобья, — Разве нет? Пойми, Аня, о чём бы мы не рассуждали, каким высоким материям бы не отдавали предпочтение, но правда жизни — она вещь суровая, лирики не приемлющая... Всё в жизни сводится к низменным инстинктам — поесть, попить, укрыться потеплее. И всё равно найдётся за что поплакать и попереживать... Так лучше это делать с сытым брюхом... ты уж прости меня за мужицкие выражения. Я ведь, Аня, далеко не аристократ... Сам всего добился. И где бы я был, если бы не приходилось и кланяться, и ножкой шаркать... и всякой мрази комплименты расточать. Бывали такие, что им один приговор — пуля в лоб, а я с ними и в баньке парился, и водку пил на брудершафт, и братьями называл... Зато теперь я могу смело смотреть в завтрашний день, растить свою дочь, не боясь, что она останется без образования, квартиры или мужа, наконец. Да, Аня... я как тот царь — за Крестинку полцарства и коня отдам, лишь бы избранник ей был по душе. Я его сам в люди выведу, если будет того стоить. Пусть другие думают, как своих дочерей выгодно пристроить... А моя дочь уже пристроена, пусть за неё женихи копыя ломают.

— Так не каждый сможет.

— А каждому и не надо. У каждого — свой потолок, Аня. Но и его надо достичь, а не ползать всю жизнь по некрашеному полу. Ну, вот не пошла бы ты извиняться... Что дальше было бы, как думаешь?

— Что-что... — Аня снова горько усмехнулась, — Я и сейчас ещё не уверена, что всё закончилось...

— Закончится, — Лапин на секунду прикрыл веки — как будто в подтверждение своим словам, — можешь не сомневаться.

— Хорошо бы... А было бы... Жалоба... комиссия... из Димы троечника уже начали делать... в лучшем случае мне пришлось бы уволиться уже через пару недель.

— Всё верно... и не факт, что ты смогла бы устроиться в другую школу. Я уже эту систему знаю, видел со стороны. Тебя тупо никуда бы не приняли на работу, этот Казаков бы постарался.

— Я думала об этом.

— Вот видишь. А сейчас у тебя всё наладится. Главное, не повторяй ошибок...

— Мне бы только до конца учебного года выдержать. У Казакова — выпускной класс.

— Это неважно... У Казакова выпускной, да придёт другой какой-нибудь малолетний урод... Нет, Аня, нужно менять свою психологию в корне...

— Ты хочешь сказать, нужно стелиться подо всех?

— Не так грубо... — Лапин неожиданно рассмеялся, — Ань, зачем стелиться?! Просто находить компромисс. От того, что тебя уволят из-за очередного недоросля, никто не

пострадает, кроме тебя самой.

— Если бы только я... Мне за Диму очень обидно. Да ещё Сашка сел со своим бизнесом в лужу...

Аня не хотела заводить разговор о муже, последняя фраза вырвалась против её воли.

Она немного успокоилась — Леонид говорил очень убедительно. Анна поймала себя на мысли, что уже почти разделяет его точку зрения. Ей было как никогда уютно и комфортно в обществе этого довольно интересного мужчины, и она старалась не смотреть на часы, хотя знала, что ей уже давно пора быть дома.

— Мне кажется, тебе нужно поесть, — Лапин жестом подозвал официанта, — я закажу горячее.

— Нет-нет... — она покачала головой, — Мне уже пора... Саша будет волноваться.

— Не беспокойся... — взяв меню из рук официанта, Леонид сделал заказ, затем вытащил из прикреплённого к брюкам чехла сотовый телефон, набрал номер, — Сашка, привет! Про дела не спрашиваю, вечером поговорим... А сейчас просто хочу предупредить, что Аня — со мной. Она мне очень нужна, вернее, не она, а её помощь... Всё, Сашка, потом подробности, я её доставлю в целости и сохранности... заодно и сам зайду. Всё, до встречи!

...Слушая разговор Леонида со своим мужем, Анна невольно сжалась. Она теперь не знала, каким «делом» сможет оправдать своё долгое отсутствие, тем более вместе с Лапиным...

— И как я теперь... — она вынужденно рассмеялась, — Придётся выдавать нашу с тобой тайну?..

— Хорошая штука! — не отвечая на её вопрос, Леонид повертел в руке телефон, — Удобно, хоть и дорого... Но это ерунда по сравнению с возможностью быть всегда на связи.

— Очень дорого? — Анна задала этот вопрос машинально, она и так знала, что эта «игрушка» вовсе не для их с Александром бюджета.

— Прилично, — Лапин кивнул и добавил нарочито официально, — но, надеюсь, что скоро такие вещи будут более доступными для основной массы населения.

— Ты говоришь, как депутат на предвыборной кампании...

— Я хочу, чтобы ты немного расслабилась, улыбнулась, наконец. Ну, о чём ты сейчас грустишь? — он снова забрал её руку в свою ладонь, — Анечка?..

— По твоей милости мне придётся врать Саше... — Анна попыталась изобразить шутливое выражение, — А я к этому не привыкла.

— Врать?! — Лапин очень искренне удивился, — Почему — врать?

— Ладно, Лёнь, извини... — она потянула руку, но он только крепче сжал её своей ладонью, — Я пошутила, и, наверное, неудачно. На самом деле я очень благодарна тебе... ты...

— Подожди, Анют, — Леонид перебил её на полуслове, — это всё такие мелочи. Я понял, что ты хочешь сказать... Только врать тебе не придётся. Ты, действительно, мне нужна, и сейчас мы поужинаем и поедем в одно место. А потом я отвезу тебя домой.

— В одно место?.. — Анна от удивления округлила глаза, — Куда?!

— Увидишь.

Глава 14.

Всю дорогу Анна молчала. Она изредка бросала на Лапина короткие взгляды, не решаясь спросить, куда они едут. Впрочем, спрашивать не очень-то и хотелось. Глядя на то, как он уверенно ведёт машину, Анюта и сама успокоилась. Застывшая на его лице

умиротворённая полуулыбка вселяла в неё какую-то непонятную надежду. Горячий ужин и ещё одна рюмка коньяка заставили молодую женщину расслабиться — откинувшись на подголовник, Анна просто наслаждалась ездой в тёплом, комфортабельном салоне дорогого автомобиля. Ей было всё равно, куда везёт её Лапин — после сегодняшних испытаний было так хорошо ни о чём не думать, а просто довериться этому мужчине...

Она и так пережила достаточно за сегодняшний день, и не её это вина, что уже не в первый раз в жизни ей приходится переступить через свою гордость, через своё достоинство. Она, действительно, заслужила эти минуты долгожданного покоя.

На улице уже немного стемнело. Автомобиль плавно пересёк городскую окраину и выехал на загородное шоссе. Аня узнала дорогу: именно по ней Леонид возил её к Саше на работу. Спустя какое-то время они свернули к тому же дачному посёлку, и, проехав в конец одной из улиц, остановились у двухэтажного особняка. Открыв своим ключом ворота, Леонид широко распахнул их и, снова сев за руль, въехал во двор. Анне особняк снаружи показался необжитым, хотя и был полностью достроен. Все окна были тёмными, а двор не очищен от выпавшего ещё вчера снега — даже дорожка к крыльцу не была протоптана.

Анна хорошо разбиралась в архитектурных стилях — её мать, Елена Ивановна, с детства многому научила свою дочь, но сейчас она не могла дать определения, в каком из них была выполнена эта постройка. Особняк не был типичным загородным домом, которые привыкла видеть Аня по телевизору или на страницах журналов. Кажется, хозяин обладал слишком богатой фантазией — широкие пластиковые окна во всю стену первого этажа под готически-остроконечной, слишком высокой крышей и торжественно-ампирическое крыльцо с колоннами и лепниной резали глаз в сгущавшихся декабрьских сумерках. Ассиметричный вход и прилепленный к мезонину маленький балкончик над вторым этажом довершали несуразный ансамбль, и даже внушительные размеры строения не сглаживали впечатления архитектурной мешанины.

— Аня, проходи, — взойдя по мраморным ступенькам, Лапин повернул ключ в замке и распахнул массивную входную дверь.

— А куда мы приехали? — оглядевшись по сторонам, Анна всё же решилась задать вопрос.

— Да проходи, не бойся, — рассмеялся Леонид, — я всё расскажу.

Войдя вслед за ним в помещение, Анна с удивлением обвела глазами довольно большой холл. Он занимал всю правую часть постройки, слева упираясь в перегородку, отделяющую длинный коридор, одна сторона которого представляла собой наружную стену, состоящую сплошь из огромных окон. Вдоль противоположной стены шла вереница дверей, за которыми, судя по всему, находились жилые комнаты. Прямо посередине холла, занимая внушительную его часть, вверх устремлялась винтовая лестница. Анна подумала, что её светло-жёлтые деревянные сквозные ступени никак не вяжутся с выложенным серой плиткой полом.

Аня не ошиблась: дом был достроен полностью и снаружи, и внутри, но, судя по отсутствию мебели, в нём никто ещё не жил. Внутренняя отделка и странное расположение комнат ещё раз подтвердили её впечатления: проект делал, отнюдь, не эстет. Дом был похож, скорее, на небольшой отель

Она с интересом обошла вместе с Леонидом весь первый этаж, при этом не говоря ни слова. Он же, напротив, с нескрываемым восхищением показывал ей и кухню, и гостиную, и столовую. Второй этаж оказался более уютным — по словам Лапина он состоял из гостевых,

спален и детской. Всего Анна насчитала в доме около десяти жилых комнат. Закончив экскурсию, они задержались в одной из комнат на втором этаже. Закрыв за собой дверь, Лапин ещё раз окинул взглядом оклеенное тёмными дорогими обоями помещение. Оказавшись вместе с ним в замкнутом пространстве, Анна в первый момент смутилась, но очень быстро справилась с собой.

— Ну, что скажешь? — Леонид смотрел на неё с нескрываемым любопытством и ожиданием.

— Что именно ты хочешь от меня услышать? — ей показался странным его тон, и Аня не торопилась с ответом.

— Я хочу услышать твоё мнение обо всём этом — он сделал руками широкий жест, как бы охватывая всё пространство дома.

— Этот дом — твой?! — Аня не стала скрывать своего изумления. Она могла предположить, что Лапин выполняет данное когда-то ей обещание показать, «как живут люди», но никак не могла подумать, что он хочет показать ей ещё одно своё владение. В конце концов, он не олигарх, чтобы иметь столько недвижимости.

— Нет, — он слегка смутился, но тут же посмотрел на неё с лёгким вызовом, — во всяком случае, пока — нет.

— Слава Богу, — Аня усмехнулась, — во всяком случае, пока — слава Богу.

— Почему?

— Потому что... — она на несколько секунд опустила глаза, потом снова подняла на него взгляд, в котором было неприкрытое осуждение. Впрочем, оно быстро сменилось иронией. — Потому, что это — сплошная безвкусица.

— Что — безвкусица?.. — теперь он казался обескураженным, — Что ты имеешь в виду?

— Всё это, — Анна повторила его жест, — ужасная безвкусица, Лёня. Если хочешь узнать моё мнение, то я не хотела бы жить в таком доме.

Его поразила произошедшая в ней перемена. Из усталой, придавленной обстоятельствами женщины Анна в считанные секунды превратилась в полную ироничного достоинства собеседницу. Слегка улыбаясь, она прошла к окну, прислонилась к нему спиной и величественно сложила на груди руки.

— Не хотела бы?.. — Леонид с удивлением наблюдал за её грациозными движениями. Казалось, что перед ним стоит не обыкновенная учительница, а представительница, по меньшей мере, княжеского рода. — Почему?

— Лёня, этот дом ужасен, как снаружи, так и внутри. И, даже обставь его самой дорогой мебелью, он никогда не будет уютным. Во-первых, непонятно, какого принципа придерживался автор проекта. Здесь столько всего намешано, но это даже не эклектика... Это — бездарность!

— Что такое эклектика? — он смотрел на неё с непониманием.

— Это смешение стилей, — Анна одарила его снисходительным взглядом. — Но смешение гармоничное, когда один стиль сочетается с другим, образуя эстетически совершенное произведение... если хочешь — продукт... Этот же дом... мне он напоминает наглядное пособие «так строить нельзя».

Даже сама Анна не поняла, что произошло с ней в эти минуты. Внезапная волна внутреннего возмущения накрыла её изнутри. Что это было — вылившаяся в раздражение усталость... или обида на Лапина за то, что вместо того, чтобы как-то помочь им с Сашей

справиться с навалившимися на них неприятностями, он только и делает, что демонстрирует свои собственные успехи... Нет, она ему не завидует... Но всё же... Непросто радоваться чужому достатку, когда сам испытываешь постоянную нужду. Вот сейчас... зачем он привёз её сюда?.. Показать, что в состоянии купить ещё один дом?.. Что готов ввалить кучу денег в это архитектурное убожество и даже не поморщиться?..

Как будто в отместку, Анна говорила, не останавливаясь... Она чётко, не терпящим возражений тоном перечислила все причины, почему этот дом не вызывает у неё чувства симпатии. Любой лектор, читающий лекции по архитектуре, очень удивился бы, узнав, что её речь не имела предварительной подготовки. Любой дизайнер по внутренней отделке жилых помещений мог сказать сейчас «браво» этой женщине, выдающей высший класс красноречия и знания интерьерной эстетики. За каких-то десять минут она разбила в пух и прах и проект, и его исполнителей, и заказчика.

Во время всей речи Лапин не сводил с неё пристального взгляда, и было непонятно, чего в этом взгляде больше — удивления или восхищения.

Казалось, что он уже не слушает, о чём говорит Анюта...

— ...Понимаешь?.. — закончив говорить, она посмотрела на него с вызовом. Лицо её покрылось ярким румянцем, глаза блестели, выбившиеся из-под заколки волосы мягкими прядями спускались от висков к плечам...

— Понимаю.

...Неожиданно шагнув к женщине, Леонид остановился так близко, что Анна почувствовала его дыхание. Он поднял руку и, коснувшись её затылка, одним движением пальцев довольно умело раскрыл заколку — освобождённые из тесного плена волосы рассыпались по спине и плечам... Не в силах отступить назад, Анюта смотрела на него широко раскрытыми глазами...

Она даже не услышала, как заколка выскользнула из его рук...

Взяв её лицо в ладони, Леонид прильнул к её губам... Его поцелуй был нежным, в нём не было ни тени грубости, ни малейшего натиска... Раздражение в одно мгновение сменилось непривычной для неё покорностью...

Аня невольно закрыла глаза.

...Он целовал её довольно долго — она даже не заметила, когда его руки переместились на плечи, а затем кольцом обхватили тело... Когда он нехотя отстранился, она подумала, что это «нехотя» относится и к ней самой.

— Наверное, я должна дать тебе пощёчину?.. — глядя на него чуть помутневшими от охватившего её блаженства глазами, прошептала Анна.

— Прости меня... — несмотря на эти слова, в лице Леонида не было и тени сожаления о содеянном, — Но я не смог удержаться...

Отняв руки от Анюты, он ещё несколько секунд стоял на месте, как бы не решаясь обнять её снова, но, сделав над собой усилие, шагнул назад. Анна больше не проронила ни звука и нарочно опустила голову... Она понимала, что должна возмутиться, хотя бы для приличия... но поступок Лапина вызвал в ней только смятение. Она поймала себя на мысли, что ждёт от него повторения...

Она вдруг представила себя со стороны... Одетая в обыкновенное, с пелериной и капюшоном, пальто — в таких пальто ходит добрая половина всех женщин, одевающихся на вещевых рынках... Наверное, она смотрится сейчас нелепо рядом с Лапиным, «упакованным» по последнему слову моды в длинное чёрное пальто, модные брюки,

дорогой свитер...

— Наверное, нам пора... — бросив на него короткий взгляд, Аня, тем не менее, не сдвинулась с места.

— Да, пожалуй... — судорожно сглотнув, Леонид как бы нехотя прошёл к двери и, распахнув её, посторонился, — Идём...

По винтовой лестнице они спускались молча. Сойдя с последней ступеньки, Лапин подал идущей следом Анне руку. Приняв его жест, она тут же направилась к входной двери. Кажется, она только сейчас начала осознавать, что там, наверху, произошло нечто, выходящее за рамки просто дружеских отношений с Леонидом. И что она совершенно не знает, как себя вести.

Неожиданно сам Лапин сгладил напряжённую обстановку. Усевшись в автомобиль, он как ни в чём не бывало помог Анюте пристегнуться и, повернув в замке зажигания ключ, ещё раз окинул взглядом здание.

— Значит, ты считаешь, что дом — фигня?

— Я так не сказала, — почувствовав облегчение от его непринуждённого тона, Аня чуть улыбнулась. — Я лишь сказала, что это безвкусица. Фигня, на мой взгляд, имеет несколько иной смысл.

— А на мой взгляд, это одно и то же, — Леонид неожиданно рассмеялся, — но, если честно, ты меня просто поразила. Откуда столько познаний? Ты же не архитектор!

— Разбираться в искусстве меня учила мама. Она большая эстетка. У нас дома огромная библиотека, множество энциклопедий, учебных пособий, в том числе и по архитектуре. Я, конечно, не строитель и не скульптор... Но отличить барокко от рококо могу.

— Я всё больше и больше восхищаюсь тобой... — он смотрел на неё снова пристально, так, что у Анюты перехватило дыхание.

— Глупости. До революции эти мелочи знала каждая выпускница института благородных девиц.

— Так то до революции...

— Ты хочешь купить и этот дом? — Аня решила переменить тему. — Или уже купил?

— Да нет, — усмехнувшись, Лапин махнул рукой, — ни то, ни другое. Я же купил, ты видела мой недострой... А это — дом моего очень хорошего знакомого. Я хотел посоветоваться насчёт внутренней отделки. Мне понравилось, как Игорь отделал свой дом, хочу себе так же — пол, стены, потолки, заодно хочу лестницу перестроить под винтовую. Вот и решил спросить твоего совета. Вот и весь секрет... А ты решила, что я такой-сякой буржуй, дома посёлками скупаю?

— Нет, конечно... — Анна снова смутилась — Лапин попал в точку.

— Нет, Анята, я, может, и рад бы, но у меня сейчас другие проблемы. Я купил ещё здание под казино. И мне его тоже нужно будет перестроить, совсем чуть-чуть. И по поводу него я тоже хотел посоветоваться с тобой.

— Странно.

— Что странно?

— Что ты советуешься со мной. Почему не с Милой? — при упоминании жены Лапина Аня опустила взгляд.

— Милка? — Леонид пожал плечами, — Милка хорошо в тряпках разбирается, в брюликах... А вот что касается домов и квартир... Её приведи в готовое — будет жить и хранить очаг. Но насчёт ремонта полный ноль. Я уже молчу про барокко...

Едва удержавшись, чтобы не рассмеяться, Анна ещё ниже опустила голову. Да, действительно... она и сама заметила, что все решения в семье Лапиных принимает Леонид. А Мила... она хорошая хозяйка, мать, жена... Но в вопросах семейного устройства ей далеко до Анны. Да и по части образованности Аня с лёгкостью может дать фору Людмиле... Жена Леонида, и правда, очень хорошо разбирается в моде... но говорить с ней об искусстве — бесполезное дело, ну, разве что о кулинарном.

Нет, даже без лишней скромности Аня — настоящий знаток и советчик в заведомо «мужских» делах. Не зря Саша называет её своим командиром.

Вспомнив о муже, Аня невольно покраснела. Конечно, она не виновата в том, что Леонид её поцеловал, у неё и в мыслях ничего такого не было... Но, в то же самое время, самой себе не соврёшь: этот поцелуй остался в её сердце...

Леонид сдержал своё обещание — они заехали в купленное им казино. Аня впервые в жизни приготовилась переступить порог такого заведения... но это было лишь здание бывшего ведомственного детского сада, закрытого вместе с предприятием, которому он принадлежал. Анна очень удивилась, когда вместо утопающего в огнях строения она увидела двухэтажный дом с ещё не снятой вывеской «Солнышко».

— Ужас... — невольно вырвалось у неё, когда она вышла из машины и приблизилась к крыльцу.

— Не то слово... — Лапин не сразу понял, что она имела в виду и согласно кивнул, — Комнатки маленькие, всё нужно перестраивать, менять планировку, а документации сколько, ты представить не можешь!

— Я не о том, — грустно усмехнулась Аня, — ужас, что творится. Закрывают детские сады, открывают казино...

— Ну, это не ко мне, — Лапин развёл руками, — в том, что закрыли садик, моей вины, Анечка, нет. Я всего лишь выкупил здание. Не купил бы я, купил бы кто-то другой. Ну, пусть не казино, сделали бы торговый центр... Какая разница?! А так — я приведу его в порядок, буду оплачивать коммунальные услуги, дам работу целому штату персонала... буду платить налоги, наконец!

— Да ты просто спаситель экономики! — глядя, с каким серьёзным лицом говорит Леонид, Анна невольно рассмеялась.

— А ты зря смеёшься. Я и есть — спаситель. Государство закрывает — я открываю. Государство увольняет — я беру на работу. Государство плюёт на своих граждан — я организовываю их досуг!

— В казино? — Анна иронично улыбнулась уголком рта.

— В казино. А что здесь плохого? Аня, ты мыслишь старыми стереотипами. Вот смотри... Ты сама только сегодня столкнулась с несправедливостью... Государство тебя сможет защитить? Ну, скажи, сможет?

— Нет, не сможет... — тяжело вздохнув, Аня тут же изменилась в лице. — Государство давно уже от нас отвернулось.

— А я о чём? Мы сами должны становиться хозяевами жизни, Анечка! Чтобы не бояться за завтрашний день, не бояться за своих детей, устраивать их судьбу!

— Это не каждому дано... Во всяком случае, не мне.

Они всё ещё разговаривали, стоя во дворе и не заходя в здание. Леонид вертел в руках ключ от входной двери, но открывать её не торопился. Аня с трепетом ждала, что он пригласит её внутрь — посмотреть... Она и хотела этого, и боялась одновременно... А вдруг

он снова будет проявлять к ней свои чувства?.. Если там, в загородном доме, её молчание можно было списать на неожиданность, то как ей вести себя теперь, она не знала... Леонид ей нравился... она давно ловила себя на мыслях о нём, но эти мысли пока не носили крамольного характера, они не были подкреплены действиями... Но его сегодняшний поцелуй был явным рубежом их отношений... и что-то ей подсказывало, что этот поцелуй — не последний.

— Зайдёшь, посмотришь? — почему-то Лапин решил отдать инициативу ей самой.

— Наверное... нет... — слегка поколебавшись, Аня грустно покачала головой, — Я хорошо представляю, что такое детский сад... А совета по поводу перепланировки я тебе точно не дам. Это к Саше...

— Это ты правильно сказала, — Леонид с готовностью кивнул, — это — к Сашке. Ну, тогда поехали к Сашке, а то он, наверное, уже с ума сходит...

Аня так и не поняла — съязвил сейчас Леонид или сказал серьёзно. Она была немногo разочарована поспешностью, с которой он принял её отказ войти в помещение. Втайне она надеялась, что он снова захочет оказаться с ней наедине...

— А по поводу дома... — уже сидя в автомобиле, Аня старательно изобразила озабоченность проблемой, — Если тебе всё ещё интересно моё мнение, то я бы не советовала тебе следовать примеру твоего товарища. Лучше обратись к профессиональному дизайнеру.

— А, если я обращусь опять к тебе?..

— Но я не дизайнер...

— А, что, если тебе стать дизайнером в Сашкиной фирме? Естественно, в нерабочее время. Всего-то нужно — купить компьютер...

— Ты что, нарочно дразнишься? — Аня через силу рассмеялась, — У Саши фирма практически закрылась. Заказов нет, денег нет... а ты предлагаешь купить компьютер... Мы Диме пианино обещали купить, но так и не купили... и от компьютера бы он не отказался... Но — увы.

— С чего ты взяла, что Сашкина фирма закрылась?! — Леонид удивлённо вытаращил глаза, — Кто тебе такое сказал?!

— Лёнь, перестань, — Аня едва сдержала слёзы — тут и так несладко, а Лапин ещё и дразнится.

— Аня, ты думаешь, он откажется от моего заказа?!

— Какого заказа?

— А кто, по-твоему, мне дом будет отделять? А казино перестраивать?

— Ты — серьёзно?.. — услышав его слова, Аня медленно повернула голову, — Ты хочешь, чтобы Саша...

— А к кому я, по-твоему, должен обратиться? — Леонид непонимающе нахмурился, — Такие вещи даже не обсуждаются.

— Но Саша не в курсе...

— А зачем я сейчас к нему еду? — он весело хмыкнул, — Нет, понятно, что я везу тебя домой... Но не просто везу, а еду к вам в гости! Гостей-то ещё пускаете?

— Ну, ты и конспиратор... — Анна от волнения не знала что сказать и лишь покачала головой, — Ещё и меня в дизайнеры записал!

— Надо же было тебя как-то развеселить! — судя по довольному виду Лапина, ему понравился произведённый им эффект. — А то на тебе лица не было... Ну, как в таком виде

к супругу отправлять?!

Глядя на Лапина, Анна мысленно удивлялась тому, как резко он переменял своё настроение. Из романтического оно вдруг стало каким-то разудало-весёлым... Казалось, что он совсем забыл, что только час назад целовал её — так нежно и чувственно... А, может, и не было никакого поцелуя, и всё ей только показалось?..

...Приехав к Морозовым, Леонид пробыл у них остаток вечера. Накрыв стол, Аня присоединилась к мужчинам — третья за сегодняшний день рюмка коньяка, который Лапин, как волшебник, достал из кейса, сейчас не показалась ей лишней.

Александр очень обрадовался предложению друга, и они весь вечер обсуждали подробности — выходило, что работы предстояло много, и начинать нужно было уже в ближайшие дни.

Проводив гостя, Аня убрала со стола, помыла посуду и легла в постель. Выпитый коньяк и новые открывающиеся перспективы привели супруга в приподнятое настроение, и, еле дождавшись, когда уснёт Димка, Александр под одеялом недвусмысленно прижал к себе женское тело...

— Анька...

— Саш, давай спать...

Она всё-таки не смогла сдержать его пыл... На это были и свои причины... Как только Аня закрывала глаза, перед ней вставал образ Леонида, и уже знакомое сладко-щемящее чувство охватывало её всю — с ног до головы. Она снова чувствовала его губы на своих губах, и только короткий ёжик волос мужа, которых касалась её рука, возвращал к реальности.

Придя на следующий день на работу, Анна не знала, чего ей ожидать. С одной стороны, она сделала то, чего от неё добивались так долго и упорно. Но, с другой стороны, она была готова к новым неприятностям — кто знает, как происходит «прощение» непокорных в таких ситуациях?

Беседа с Ираидой Генриховной подтвердила её сомнения, правда, лишь отчасти. Пригласив к себе Морозову, директриса смотрела строго, но, в то же самое время, в её взгляде сквозило удовлетворение.

— Анна Сергеевна, у меня к вам одно небольшое поручение, — указав на стул напротив, Ираида сняла очки и потёрла пальцами переносицу. — Вернее, даже не поручение, а просьба...

— Да, я слушаю, — Аня пыталась по тону понять, знает директриса о её вчерашнем визите к Казакову или ещё нет.

— Максим Казаков собирается поступать в иняз... Сами понимаете, связи связями, но учиться за него всё равно никто не будет...

— И, что... Что должна сделать я? Поставить ему пятёрки за все четверти и за год? — Анна подумала, что после вчерашнего унижения может позволить себе эту небольшую дерзость.

— Нет... — подобие улыбки должно было означать, что Ираида оценила шутку по достоинству, — Пятёрки он должен сам заслужить, естественно. Вы должны с ним позаниматься.

— Дополнительные занятия? Но я приглашаю на них всех желающих. Он — не исключение, пусть приходит...

— Вы не поняли. Дополнительные занятия у него дома. В удобное для вас время, естественно. Но — дома.

— Это называется репетиторство.

— Не совсем... — Ираида слегка замялась, затем откашлялась, — Репетиторство предполагает оплату... А вы будете с ним просто заниматься... Дополнительно.

— Я поняла, — Анна усмехнулась, — можете не продолжать. Я должна буду после уроков, факультативов, педсоветов идти не домой, а к Казакову, чтобы бесплатно давать дополнительные знания.

— Ну, в общем... да, — директриса снова водрузила на нос очки. — Это личная просьба Евгения Максимовича.

— И это просьба, отказаться от которой я не имею права.

— Отказаться вы, конечно, можете... Но я бы не советовала.

— И когда я должна приступить... к занятиям?

— Уже сегодня.

Глава 15.

С того злополучного дня, когда Александру избил муж, прошло уже полгода, но она до сих пор помнила все подробности этой ужасной сцены. Да, их нельзя было назвать счастливой семейной парой... даже просто — семейной — можно было назвать с огромной натяжкой: общая фамилия, общая жилплощадь, и — всё... Они не спали в одной постели, не обедали за одним столом... они даже не ссорились так, как ссорятся нормальные супруги. После взаимных оскорблений, которые они произносили без особых эмоций, никогда не наступало обычного в таких случаях примирения. Из всех, когда-то связывающих их чувств, оставалось, пожалуй, одно: взаимная неприязнь...

И, всё же, такое случилось впервые. Даже нетрезвое состояние Александры не помогло приглушить силу ударов, которые обрушил на неё Виталий. Ей казалось, что они слились в один непрерывный удар, отзывающийся тупой болью по всему телу.

Да, в тот день она поступила некрасиво, уйдя со дня рождения сына и вернувшись только через сутки... И, тем не менее... она никогда не забудет этого поступка человеку, растоптавшему не только её тело, но и жизнь.

Уже потом, когда она окончательно пришла в себя, приехавшая из больницы мать потихоньку рассказала ей обо всём — и о скандале между Виталием и Семёном Ильичом, и о том, что отцу стало плохо, и его увезли на скорой.

«Вот она... расплата... — скорбно сведя брови, Вероника Григорьевна смотрела не мигая в одну точку, — Это только моя вина...»

«Это его вина, — несмотря на боль, Александра зло поджала разбитые губы, — его, а не твоя. Это мы его спасли... а то сидел бы он в тюрьме, как миленький...»

«Нет, дочь... Его вина только в том, что он тогда натворил. А наша вина намного больше... Вернее, моя. Я и Сеню обманывала все эти годы... и себя тоже. И Миша... он ведь всё услышал... Ты понимаешь, что это значит?»

«Да ничего это не значит, — Александра торопливо встала и пройдя к крану, набрала полную чашку холодной воды и жадно выпила, — кроме того, что Мишка узнал цену этому подонку, которого считал своим отцом».

«Аля... — Вероника подняла на дочь полный боли взгляд, — Неужели ты ничего не поняла?! Миша... он же потерял отца... В одну секунду потерял!»

«Велика потеря... — Аля злобно усмехнулась, но, вздрогнув от боли, приложила ладонь

к разбитой скуле, — Слушай, позвони в скорую... Нужно вызвать врача».

«Зачем?» — удивилась мать.

«Пусть снимет побои. Я его посажу... Мразь...»

«Не смей!»

Такой свою мать Александра не видела ещё никогда. Побледневшая Вероника Григорьевна схватила дочь за руки и, глядя на неё полным какой-то непонятной одержимости взглядом, медленно покачала головой из стороны в сторону.

«Почему?! — Александра не скрывала своего возмущения, — Почему?! Он избил меня мама! Он поднял на меня руку, ты что не видишь, что он со мной сделал?! Он довёл до больницы папу... Его не посадили тогда, так пусть посадят сейчас!»

«Не смей... — не сводя глаз с дочери, мать перешла на зловещий полушёпот, — Не смей, слышишь?!»

«Он меня избил!» — Аля говорила, делая ударение на каждом слове.

«Он имел на это право... — Вероника приглушила голос, — Он имел право убить нас обеих...»

«У-бить?! — Александра округлила глаза, — Да мы его от тюрьмы спасли!»

«Мы сломали ему жизнь... И ты знаешь это не хуже меня. Поэтому мы будем молчать... Хотя бы ради папы. Ведь, если начнётся следствие, Виталий может в отместку настоять на генетической экспертизе, а ты знаешь, что она покажет. Пусть лучше папа думает, что Виталик наговорил на тебя от злости... Поняла?! Папе нельзя волноваться, совсем нельзя. Если он узнает всю правду, он этого не переживёт... Поэтому... поэтому пусть он и дальше ненавидит твоего мужа. Это будет лучше, чем, если он возненавидит и тебя, и меня... К тому же, если Виталия посадят, тебе не на что будет жить. Забыла?!»

«Поняла...» — это слово Александра выдавила из себя нехотя.

Пыл возмущения угас, и, в конце концов, ей пришлось признать, что мать права. Неохотно расставшись с идеей посадить мужа за избиение, Александра затаила на него тайную злобу. На её слова о том, что она застала Виталия вместе с Татьяной, Вероника Григорьевна отреагировала тоже довольно странно. Судя по тому, что она лишь нахмурилась, можно было судить, что эта новость для неё вовсе не новость.

«С этим я разберусь сама, — глядя перед собой в одну точку, женщина медленно покачала головой. — С Таней он больше встречаться не будет».

Сам Виталий не показывался дома целых два дня. Вероника Григорьевна металась между квартирой дочери и больницей в ожидании зятя, и, когда он, наконец, появился, уединилась с ним в его комнате. Неизвестно, как и о чём беседовала с ним тёща, но после этого разговора Виталий навестил в больнице тестя. Он даже попытался оправдаться перед Мишей, сказав, что наговорил спяну всякой ерунды дедушке... В ответ сын промолчал, и всё та же Вероника Григорьевна отчаянно пыталась помирить его с отцом, на что Миша угрюмо ответил: «Маму я ему не прощу».

...С тех пор прошло почти полгода. Семёна Ильича давно выписали из больницы, но к дочери и зятю он больше не приезжал. Александра и сама почти не навещала родительский дом, ограничиваясь общением с матерью во время её визитов. Миша же, напротив, часто бывал у дедушки с бабушкой, и, если бы не Александра, он с удовольствием остался бы жить у них, чтобы совсем не видеть отца.

Сам Виталий теперь появлялся дома лишь поздно вечером. Александра не знала, где он проводит время после работы, где ужинает. Дома супруг сразу проходил в свою спальню и

оставался там до утра. Они вообще перестали разговаривать, даже здороваться при встрече. Со стороны могло показаться, что супруги не видят друг друга в упор. А в последнее время Виталий мог неделями не приезжать домой, даже переночевать.

Сейчас Алю это совершенно не задевало. Единственное, что серьёзно волновало её, были деньги. Мать уговорила не снимать побои и не подавать заявления, и, признав её правоту, Александра теперь ещё больше боялась, что Виталий с ней разведётся. Жить на одни алименты вовсе не хотелось, а супруг, как и прежде, предоставлял в её распоряжение довольно крупные суммы денег. К тому же, Аля знала, что, пожелай он установить отцовство, результат для неё будет плачевным. Факт того, что Миша не его родной сын, послужит основанием и для развода, и для отказа от алиментов.

Она и сама притихла, и даже на некоторое время бросила пить. Её трезвый образ жизни продолжался уже довольно долго, и Вероника вполне серьёзно начала подыскивать для дочери работу. Впрочем, сама Аля к работе не стремилась, и, если в более молодые годы ей хотелось постоянно быть в окружении людей, коллег, хотя бы для того, чтобы показывать перед ними своё превосходство, то с годами и это желание сошло на нет. Депрессия, подпитываемая запоями, затянулась, и бороться с ней не было ни сил, ни желания. Да и должности, которые подыскивала для неё мать, никак не устраивали.

Она не для того оканчивала институт иностранных языков, чтобы работать какой-то там секретаршей! И даже красивое название «офис-менеджер» не украсит эту должность. Как ни назови, а всё равно — обыкновенная секретутка.

Правда, однажды Веронике почти удалось пристроить Алю — в одну из городских школ, на должность преподавателя английского языка. Пристроить в обход всяких инструкций об учительском стаже и перерыве между обучением в институте и началом профессиональной деятельности...

Материнская радость была, увы, недолгой. Узнав, что её зарплата будет значительно отличаться от зарплаты коллег, Александра сказала решительное «нет». Никакие доводы о том, что со временем ей будет присвоена более высшая категория, и получать она будет уже больше, не подействовали.

Работать простой училкой, по минимальной ставке... Ну, уж нет. Ей и так живётся вполне неплохо. Тем более, что супруг теперь даже не читает ей нравоучений и вообще не обращает на неё никакого внимания. То, что раньше казалось обидным и оскорбительным, сейчас вполне устраивало молодую женщину. Он не разводится с ней? Значит, чувствует за собой вину. А ей этого вполне достаточно. Во всяком случае, пока... В конце концов, на нём свет не сошёл клином. Она ещё довольно молодая и привлекательная женщина, и может нравиться мужчинам. Вот возьмёт, и найдёт себе другого мужа, и не хуже, а лучше Мясникова. Почему бы и нет?!

Этим мыслям было своё обоснование. В августе Аля вместе с Мишей и Вероникой Григорьевной съездили на море, в один из пансионатов, принадлежащих министерству внутренних дел. Вернувшись через три недели в родной город, Александра принялась с энтузиазмом обновлять свой гардероб. Она впервые за много лет испытывала настоящий душевный подъём: на курорте у неё случился небольшой, но яркий роман с одним из отдыхающих. Мужчина был намного старше, но довольно импозантным и вполне симпатичным. Он красиво ухаживал, расточал комплименты, и Александра решила не отвергать неожиданного поклонника. Более молодые «кавалеры» обращали внимание на совсем юных девушек, с идеальными фигурками, а с этим у Альки были давние проблемы.

Даже несмотря на пристрастие к алкоголю, она никак не могла сбросить лишний вес, да и кожа в последнее время всё больше и больше походила на апельсиновую кожуру. Поэтому, оказавшись под ласковым южным солнцем, она решила пуститься во все тяжкие. Да, мужчина был не молод, и готовился перешагнуть пятидесятилетний рубеж... Но тёмные ночи скрадывали его морщины, а шум прибоя придавал излишнюю чувственность ей самой... Мужик оказался умелым любовником, и истосковавшаяся по мужской ласке Аля, наверное, впервые в жизни почувствовала себя настоящей женщиной. Она не испытывала никаких угрызений совести по поводу того, что свидетелями романа являются её собственные сын и мать. У неё никогда не было близких друзей, все свои секреты и планы она доверяла лишь Веронике Григорьевне. Видя, как у дочери впервые за много лет глаза разгораются не от алкоголя, а от охватывающей её радости, мать всеми силами поощряла этот заведомо безнадёжный роман. Она каждый вечер тащила с собой Мишу на разные мероприятия, которые устраивались в их пансионате, чтобы дать возможность Александре налаживать свою «личную жизнь». Единственное, чего боялась женщина, это привязанности, которую могла получить её дочь. Но, вопреки всем опасениям, Аля рассталась со своим ухажёром так же легко, как и познакомилась. Видимо, эта связь была для неё как назначенная врачом лечебная процедура: пройдя все «сеансы», пациентка уехала домой посвежевшая, с оздоровлёнными душой и телом.

«Мама, мне кажется, вам с отцом лучше развестись», — слова, сказанные сыном после приезда домой, повергли Александру если не в шок, то в искреннее изумление.

«Развестись?! — оторвавшись от зеркала, в котором она разглядывала своё отражение, мать обернулась, — Почему?!»

«Ты же ему изменила...»

«А не рано ли ты о таких вещах заговорил?! — изумление сменилось возмущением, — И вообще, иди, разбирай свою сумку!»

Самого Виталия при этом разговоре не было: встретив жену, сына и тещу, тот сразу же уехал по своим делам, поэтому у собеседников не было причин говорить шёпотом.

«Я уже всё понимаю, — Миша смотрел на мать с непривычным упрямством. — У тебя был любовник, и поэтому сейчас нечестно продолжать жить с отцом».

«Смотри-ка ты! — Александра подбоченилась, — Рассуждает он... Мал ещё, понял?! Не дорос! Иди, сумку разбирай! У нас служанки нет, как у твоего деда Ивана!»

«У дедушки Вани тоже нет служанки», — парень всё-таки взял свою сумку и шагнул к двери, ведущей в его комнату.

«Как это — нет? А Фаина, по-твоему, кто?!»

«Она уже давно не служанка, — не оборачиваясь, угрюмо ответил сын, — она его жена».

«Служанка она, а ещё — проститутка!»

Аля впервые так грубо разговаривала с Мишей. Её разозлило его предложение о разводе с Виталием. Каким-то десятым чувством она уловила в тоне сына не простой ребячий максимализм, а настоящую жизненную установку... Установку на честность, справедливость, нравственность — все те качества, которые никогда и никому ещё не приносили пользы... Во всяком случае, она не знает таких примеров. Да, её отец, Семён Ильич Дзюба всегда жил по законам морали. Но, видит Бог, сколько пришлось вытерпеть родным и близким из-за этих его дурацких принципов... Да не бойся этих принципов мать, она в своё время устроила бы ей, Альке, аборт... И судьба её не была бы такой несчастной.

Неужели и Миша унаследовал от деда всю эту морально-нравственную шелуху?!

А, если не только от деда?.. За все эти годы Александра ни разу не задумывалась о том, какой он — настоящий отец её ребёнка? Пожалуй, сейчас это случилось впервые. И, судя по тому, что выдала память, Саша Морозов вовсе не был похож на мерзавца. Пожалуй, не прогони она его тогда из бани, он прямо там сделал бы ей предложение... просто из чувства долга сделал бы.

«Может, это и была судьба?»

Хотя, нет, пожалуй. Ведь он больше её не искал. Да, она заболела тогда, на следующий день... и за ней приехала машина. Но он мог найти её потом, уже в городе.

«Если бы захотел, то нашёл бы...»

Войдя в свою комнату, Аля прилегла на постель. Мысли об отце её ребёнка не оставляли. Она впервые в жизни примеряла на себя ситуацию, в которой курсант Морозов появился бы в её судьбе во второй раз. По всему выходило, что ни шикарной квартиры, ни обеспеченной жизни у неё сейчас бы не было. А, значит, надо выбросить эти мысли из головы и никогда к ним не возвращаться.

«А любящий муж?..»

Вот это у неё было бы точно.

Неожиданно отворилась дверь и на пороге появился Миша — он как будто прочёл мысли матери. Присев на кресло, он поднял на неё полный раскаяния взгляд.

«Мама... — голос парня был слегка виноватым, — Ты меня прости, ладно? Я всё понимаю... это не моё дело...»

«Да ладно... — Аля усмехнулась и, подложив под голову руку, устремила глаза в потолок, — Я не обижаюсь. Ты вырос... и тоже осуждаешь меня».

«Я не осуждаю...»

«А меня все осуждают. И бабушка... и дед... и отец. Вот и ты теперь...»

«Мама... — Миша быстро пересел на край кровати и взял в руку материнскую ладонь, — Я тебя очень люблю. И совсем не осуждаю».

«Осужда-а-а-ешь... — протяжно проговорила Александра, не сводя взгляда с дорогой хрустальной люстры, — Только вы никто... понимаешь?.. никто не знает, как мне на самом деле живётся... Я тоже хочу быть счастливой, Миша. Твой отец хочет быть счастливым, и делает для этого всё возможное и невозможное. Выходит, ему — можно, а мне — нельзя?..»

...Она ещё что-то говорила... она уже и не припомнила бы сейчас, спустя три месяца всего, что сказала тогда сыну... Он молчал, а она всё говорила и говорила, оправдывая себя и свои поступки, обвиняя во всём Виталия и собственную судьбу. Она всё ещё говорила, когда на полуслове её неожиданно перебил сын.

«Мама, а кто мой настоящий отец?»

Миша и раньше пытался узнать, правда ли, что Виталий ему не родной отец... Но такой прямой вопрос он задавал впервые, и Александра в первый момент растерялась. Вопрос сына был в тон её сегодняшним мыслям, но она была совершенно не готова на него отвечать. Да и нужно ли это? Ведь тогда ей придётся объяснять, почему его воспитывает не родной отец, а чужой по крови мужчина. Не может же она признаться Мише, что зачала его при довольно пикантных обстоятельствах, от совершенно незнакомого парня, вследствие собственной непростительной глупости! И, если уж когда-нибудь придётся сказать ему правду, то версия должна быть вполне объяснимой с точки зрения её, Александры, морали.

Придётся что-то придумать... Но вот именно сейчас она не готова ответить на его

вопрос.

«К сожалению, ты его знаешь», — она собрала в кулак всю свою невозмутимость.

«Знаю? — сын искренне удивился её ответу. — Кто?!»

«Виталий Иванович Мясников, кто же ещё... — непринуждённо пожав плечами, Александра прикрыла глаза. — Миш, не задавай мне больше этот глупый вопрос, ладно? И разбери, наконец, свою сумку».

Это было в конце августа. А в середине сентября Александра почувствовала уже знакомые симптомы... Вечер четырнадцатого числа прошёл в воспоминаниях... Именно в этот день, шестнадцать лет назад она совершила свою самую главную в жизни ошибку... Впрочем, от этой ошибки у неё родился сын — самый любимый на свете человек... к тому же, единственный... Но, несмотря на материнскую любовь, Аля испытывала двойственные чувства. С одной стороны — Миша... Но, с другой стороны — вся её жизнь, с неудавшейся любовью, несбывшимися мечтами, неясным, очень туманным будущим. Эта раздвоенность мучила её, вызывая чувства и вины, и досады, и стыда — одновременно. Настроение резко пошло вниз... Жизнь казалась неудавшейся и загубленной. Ужасно захотелось выпить хотя бы глоток вина... Так было всегда перед очередным запоем.

...В тот раз ей удалось справиться с алкогольным влечением... Помогли успокоительные таблетки, которые достала для неё Вероника Григорьевна ещё весной у знакомого нарколога, и которые Александра тогда так и не решилась принимать, хотя мать настаивала категорически. Теперь же Аля добросовестно пропила их целых три недели, пребывая в состоянии полусна. Это состояние напоминало ей опьянение — такая же сухость во рту, такое же тяжёлое пробуждение, такое же сомнамбулическое существование, когда ложка идёт мимо рта, а при ходьбе пошатывается. Единственное отличие — отсутствие в крови алкоголя и признаков интоксикации. Пропив курс, Александра ещё почти неделю возвращалась в нормальное состояние. Ей даже стало казаться, что её жизнь не такая уж и серая. Вон сколько у неё нарядов! Правда, на дворе уже глубокая осень, и все платья скрыты за полами тёплого кожаного пальто... Но ведь она может просто зайти в кафе, раздеться и посидеть за чашкой кофе. И не обязательно делать это днём, когда там мало народу... Можно ведь сходить туда и вечером... послушать музыку, посидеть с загадочным видом... Глядишь, и найдётся желающий познакомиться с миловидной молодой женщиной... Ведь жизнь на самом деле замечательная штука! После приёма таблеток прошёл уже целый месяц, и с каждым днём она убеждается в этом всё больше и больше.

...В этот небольшой ресторанчик Аля пришла уже в третий раз. Она была здесь и на прошлой неделе, и позавчера. Ей очень понравилась здешняя атмосфера. То ли это, действительно, действие тех «волшебных» таблеток никак не закончится, то ли жизнь и вправду прекрасна, несмотря на все её заморочки... Так или иначе, настроение было приподнятым, и, заказав себе лёгкий ужин, Александра исподтишка разглядывала посетителей. Зал был небольшим, он вмещал около пятнадцати столиков, и половина их была пока не занята. Аля нарочно пришла в самом начале вечера: музыка ещё негромкая, а посетители не так пьяны. Ей нравилось ощущать себя загадочной и независимой. Деньги у неё есть, и она вполне может позволить себе такие вот «выходы в свет». Это очень удачная замена её прошлым запоям... Действительно, как хорошо смотреть на всё трезвыми глазами, слушать музыку, купаться в неярком свете настенных бра... и ждать, что кто-нибудь пригласит на танец...

Пожалуй, самое лучшее, что могла подарить ей судьба — эта независимость... и личная, и финансовая. Подавляющее большинство её сограждан еле-еле сводят концы с концами, а она и не работает, и может многое себе позволить. Ради этого она готова скрывать свою ненависть к Виталию и терпеть его присутствие в своей жизни. Тем более, что он понятия не имеет, как она теперь проводит своё свободное время.

— Привет!..

Голос показался знакомым, и Александра с удивлением подняла глаза на неожиданного соседа, присевшего к её столику.

— Привет... — она какое-то время пыталась вспомнить, где видела этого совсем ещё молодого человека.

— Ты что, меня не узнала?.. — положив перед собой сложенные локти, парень улыбался ей, как старый знакомый.

— Почему... — пожав плечами, Аля постаралась принять равнодушный вид, — Узнала. Здравствуй, Рома.

Глава 16.

Если бы Виталию Мясникову удалось увидеть со стороны собственную жизнь в эти последние полгода, он бы подумал, что смотрит кинофильм, в котором переплелись несколько жанров: боевик, детектив, приключения и мелодрама. События шли непрерывной чередой, сменяя друг друга, они насыщали и даже пресыщали его существование.

В июне, после того, как он поднял руку на жену, Виталий ожидал любой негативной реакции со стороны семьи Александры, и от неё самой — вплоть до заявления в милицию. Но, к его искреннему удивлению, супруга никуда не стала обращаться, а все последствия свелись к разговору с тётшей, в котором та лишь настоятельно попросила быть сдержаннее и благодарнее в отношениях с её дочерью.

«Я могу понять тебя, — Вероника говорила приглушённым голосом, чуть поджимая губы и глядя зятю прямо в глаза, — понять, как оскорблённого мужа... Но, как мужчину, я тебя не понимаю. Да, я не оправдываю свою дочь. Аля наделала слишком много ошибок в последнее время... и, я должна отдать тебе должное, до этого дня ты проявлял максимум терпения... Но теперь... Мне, как матери, очень тяжело говорить сейчас спокойно, и, всё же... Виталик, наперёд я убедительно прошу... Больше так не поступай. Семён ничего не знает, и я не хочу, чтобы до него дошли слухи об этом твоём поступке. Во-первых, ему нельзя расстраиваться, а, во-вторых, не забывай, что пока в его власти заступиться за дочь. Ты знаешь, о чём я... И, поэтому, я прошу тебя, Виталик...»

«Я понял, Вероника Григорьевна... — сидя в кресле, Мясников смотрел на тётшу исподлобья, — Я постараюсь. И... спасибо за покровительство».

«Это не покровительство, — Вероника медленно покачала головой из стороны в сторону, — ты меня неправильно понял».

«Не покровительство? — в его взгляде мелькнула едва заметная ирония, — Тогда — что?»

«Это сделка».

«Сделка?!» — ирония сменилась откровенным удивлением.

«Разовая сделка, — судя по серьёзному выражению лица, тётша вовсе не собиралась шутить, — Аля прощает тебе побои и не пишет заявление... А ты... Ты прекращаешь все связи с женой моего сына».

Виталий хотел было что-то возразить, но, ещё раз взглянув на тётшу, понял, что все его

оправдания будут напрасным сотрясением воздуха. Судя по всему, та знала об их связи с Татьяной, и не просто знала, а имела тому неоспоримые доказательства. И это было самой большой неожиданностью.

«Я всё понял, Вероника Григорьевна...» — он не стал ни отпираться, ни подтверждать её слова, и, усевшись поудобнее, непринуждённо закинул ногу на ногу.

«Пока об этом знаем только я и Аля, — Вероника для пущей убедительности подняла вверх указательный палец, — И, если ты не хочешь, чтобы в курсе был Олег...»

«Я понял вас, Вероника Григорьевна... — нетерпеливо кивнув, Виталий перебил тещу на полуслове. — Понял».

«Послушай, Виталик... — видимо, уловив в его тоне недостаточную искренность, женщина чуть прищурила всё ещё красивые глаза, — Понять и выполнить просьбу — разные вещи. Я не хочу, чтобы в нашей семье разразился скандал... Но знай, что, как мать, я не допущу, чтобы моему сыну и впредь наставляли рога. И ты со своей стороны должен помнить, что у вас с Олегом слишком много поставлено на кон, чтобы вот так рисковать своим благополучием. Я знаю тебя... для тебя это так — развлечение. А Таня... о ней разговор особый, но я и тут согласна скрепить сердце, и чего мне это будет стоить, пусть тоже останется со мной ...»

«Я всё понял... — в который раз повторив эти слова, Виталий заметил в глазах Вероники досаду, и тут же, упреждая очередную угрозу с её стороны, выставил вперёд раскрытую ладонь. — И принимаю ваши условия».

Он, действительно, понял, что оправдываться нет смысла. Он даже не стал выгораживать Татьяну. Видимо, у тещи есть неоспоримые аргументы, раз она завела этот разговор... И самое лучшее сейчас не лезть на рожон, а согласно кивнуть головой...

«Вот и хорошо...»

Суда по тому, что лицо Вероники Григорьевны резко покраснело, а сама она судорожно вздохнула, этот разговор стоил ей неимоверного напряжения. Виталий, уже в который раз в своей жизни, уважительно подумал о матери своей жены — сколько он знал эту женщину, та всегда отличалась мужеством и рассудительностью в трудные минуты. Чего нельзя было сказать о её родной дочери.

...Он ещё не совсем успокоился после скандала с Александрой и разговора с тещей, как сюрприз преподнёс его родственник и партнёр по бизнесу Олег. Вернее, о готовящемся сюрпризе Виталий узнал самостоятельно, получив копии содержимого сейфа, так надёжно охраняемого Олегом. Он и раньше предполагал о готовящемся «заговоре», поэтому торопился получить подтверждения своим опасениям. Времени было в обрез — буквально пару дней. Виталий начал особо нервничать после того, как его связь с Таней была разоблачена женой и тещей. Несмотря на заверения Вероники, он вполне серьёзно мог предположить, что эта информация дойдёт и до Олега... В конце концов, у самой Татьяны могли сдать нервы, и она могла во всём признаться мужу, и тогда...

Что «тогда» — можно было только предполагать. Зная коварство и хитрость Олега, Мясников был почти уверен, что тот не пойдёт на открытый конфликт и смолчит... но приготовленная им «расправа» будет быстрой и короткой — задуманный план воплотится в любой момент, и он, Виталий, не сумеет вовремя отреагировать и защитить как себя, так и свои материальные интересы.

Через два дня Олег вместе с Татьяной улетали на отдых в Египет. Доступ к сейфу с документами закрывался, и поэтому нужно было торопиться, как никогда.

...Юля... Юленька... Тоненькая, хрупкая секретарша, с головой бросившаяся в омут любви к Виталию, не моргнув глазом, предала своего собственного босса. Воспользовавшись доверием Олега Семёновича, девушка в обеденный перерыв отчаянно проникла в его кабинет и открыла дубликатом ключа святая святых адвокатской конторы — личный, заповедный сейф хозяина, который днём не закрывался на кодовый замок... Строго следуя полученным от Мясникова инструкциям, она торопливо изъяла нужную папку с документами — Виталий примерно знал, что искать, поэтому девушка безошибочно определила предмет поиска. Но изъять нужные бумаги было мало — с них было необходимо снять ксерокопии, а затем аккуратно положить на место. На всё про всё у Юлии был один единственный час, но Виталий решил подстраховать свою новую любовницу.

Предусмотрев всякие неожиданности со стороны Олега, Мясников нарочно затащил того в один из ресторанов, и продержал больше положенного — с обеда Дзюба вернулся с опозданием.

Вечером, сидя у Юли за кухонным столом, Виталий уже читал копии документов, которые Дзюба только готовил к подписанию. Судя по тексту одного из договоров, фирма-покупатель, с которой завод сотрудничал не так давно, поменяла своего учредителя, и одновременно собиралась увеличить закупки алкогольной продукции. Расчёты фирма производила не сразу, а через неделю после получения товара. Прежним хозяином фирмы был тот самый Кобелев, который с самого начала вызывал у Виталия подозрения. Но до сих пор эти подозрения не подтверждались — расчёты фирма Кобелева производила вовремя, да и суммы не были такими уж критическими. Объёмы же, указанные в новом договоре, были поистине огромными. Опоздай оплата всего лишь на неделю, завод получит серьёзные финансовые проблемы. А уж, если оплата не поступит вовсе, то последствия будут поистине катастрофическими. И, не загляни Виталий в этот договор, он бы и не узнал, что теперь этой фирмой управляет совершенно другой человек...

«Совпадение?.. Или эта замена произошла неспроста?..»

Но это было ещё не всё... Природное чутьё не обмануло Виталия и в этот раз. Среди скопированных Юлей бумаг оказались установочные документы на совершенно новое предприятие по производству алкогольной продукции, которое, судя по всему, собирался открывать Олег. И всё было бы ничего — никто не мог запретить Дзюбе заводить новый бизнес... Если бы адрес этого самого, нового, предприятия не совпадал с адресом прежнего ликёро-водочного завода.

«Вот сука...» — Виталий тогда не удержался от реплики и с силой припечатал кулак к столу — чашки с налитым в них чаем звонко подпрыгнули.

«Что такое, Виталий... Иванович?..» — несмотря на то, что у них была любовная связь, Юля никак не решалась назвать Мясникова по имени и на ты.

«Да нет, ничего...» — чуть качнув головой, тот не отнимал взгляда от текста.

Он вовсе не собирался посвящать Юлю в свои дела. Его просьба помочь ему добыть документы из сейфа партнёра была обоснована им очень туманно.

«Я хочу развестись с женой, Юленька... — лёжа в постели, он провёл кончиками пальцев по лицу девушки, — Но я боюсь потерять бизнес... Ведь Олег может просто из мести устранить меня как партнёра... лишит моей доли... Он грамотный юрист, и мне с ним не тягаться».

«Развестись?.. — от волнения у Юли перехватило дыхание, — Зачем развестись?..»

«Ну, как зачем?.. — он томно смотрел на неё из-под полуопущенных ресниц, — Я хочу

начать новую жизнь...»

Он произнёс эти слова таким многозначительным тоном, что девушка невольно покрылась лёгким румянцем. Чувствуя, как тело бросает в жар, она не сводила с мужчины вопросительного взгляда.

«Разве это возможно?..» — она прошептала это одними губами, и было непонятно, что она имеет в виду.

«В нашей жизни всё возможно, Юленька... — её явное замешательство ему понравилось, и, чуть привстав, он тут же наклонился к её уху, — Нам ведь будут нужны деньги, правда?.. Иначе на что мы будем жить?..»

Уговорить девушку добыть документы из сейфа босса после таких слов уже не стоило никакого труда. Юля делала это свято веря, что действует в их общих с Виталием интересах.

После того, как работа была выполнена, и составлен план, Виталий ещё несколько раз приезжал к Юлии домой — Татьяны не было в городе, а Юля была так нежна с ним, так готова на всё...

Утешаясь с молоденькой секретаршей Олега, он часто представлял на её месте Татьяну... Вспоминая про Таню, каждый раз Виталий чувствовал, как внутри что-то предательски переворачивается...

Нет, в отличие от Юли, Таня — любимая женщина... Они, конечно, поссорились... но он знал, что, как только Таня и Олег вернутся из отпуска, он найдёт способ с ней увидеться. Пожалуй, он ещё никого и никогда не любил так, как Татьяну. В жене Олега удивительным образом сочетались и ум, и красота, и непередаваемое женское обаяние...

«И досталась же этому уроду...»

Вновь вспоминая о партнёре, Виталий озабоченно сдвигал брови. Времени на раздумья совершенно не было — судя по всему, Олег приготовил ему качественную «подставу». Об этом говорили документы на новое предприятие — Виталий, в них, увы, не фигурировал ни в какой ипостаси.

«Что ж, Олежек решил завладеть всем единолично...»

...За те две недели, что Олег планировал провести на Египетском побережье, нужно было продумать все возможные и невозможные варианты этой самой «подставы»... и не только продумать, но и обыграть решившего устранить его партнёра.

Времени даром Виталий не терял, и в день, когда Олег с Татьяной вернулись с отдыха, у него уже был готовый план собственных действий. Отдав в отдел реализации распоряжение не выписывать продукцию абсолютно никому без его ведома, Мясников терпеливо дождался, когда интересующий его оптовик придет за очередной партией алкоголя. Виталий не доверял никому, поэтому весь контроль осуществлял лично, используя минимальное количество помощников, совершенно не посвящённых в истинную суть дела. Он прекрасно понимал, что любой его подчинённый может быть человеком Дзюбы, специально «завербованным» за определённую ежемесячную сумму.

Поэтому, когда к нему в кабинет пришёл очередной экспедитор, чтобы получить его подпись в разнарядке, Виталий тут же вызвал к себе главного бухгалтера.

«Ирина Игоревна, оплата уже прошла?» — кивнув на отгрузочные документы, Мясников невозмутимо посмотрел на главбухшу.

«Нет, — та ответила ему искренним удивлением, — Виталий Иванович, они же у нас берут алкоголь на реализацию. Вот уже полгода...»

«Принесите мне договор».

Он снова не ошибся — договор, который принесла Ирина Игоревна, был новым, подписанным уже не Кобелевым, а совершенно другим человеком, новым владельцем фирмы-покупателя. Это был именно тот договор, который был заранее составлен и лежал в сейфе Олега.

«Насколько я понимаю, от фирмы осталось одно название? — посмотрев на экспедитора, Виталий тут же перевёл взгляд на главного бухгалтера. — Почему я не в курсе, что у них поменялся владелец?»

«Я не знаю... На договоре стоит подпись вашего заместителя, — женщина пожала плечами. — Он имеет право подписывать любые документы».

«Вы понимаете, что это значит?!»

«Виталий Иванович, а что здесь такого? Это та же фирма, просто другой владелец. Они внесли поправку в договор, вот и всё».

«Ирина Игоревна... — Мясников смотрел на неё исподлобья, — Вам, как главному бухгалтеру, должно быть известно, что лучше иметь дело со старым партнёром, если он просто сменил вывеску... а не со старой вывеской, под которой теперь работает совершенно незнакомый нам человек».

Властью директора Мясников запретил отгрузку продукции до полной оплаты, и уже через несколько минут разговаривал по телефону с разъярённым Олегом.

«Виталя, что за дела?! — судя по тону, партнёр был вне себя, — Почему ты отказал покупателю?!»

«Потому, что я его не знаю, и отдавать товар на такую баснословную сумму без предоплаты не намерен».

«У нас с ними договор, ты что, маленький ребёнок, чтобы не понимать последствий?!»

«О чём ты, Олег? — Мясников усмехнулся в трубку, — О каких последствиях ты говоришь?»

«Мы можем заплатить неустойку за нарушение договора...»

«Что значит неустойка по сравнению с суммой, которую мы можем потерять, если этот твой покупатель вдруг испарится вместе с нашей продукцией?»

«Да с чего ты взял, что он испарится?!»

«Сон мне такой приснился...»

Виталий хорошо представлял сейчас себе лицо Олега, его злобно прищуренные глаза, узкие, поджатые губы... Ссора вышла громкая, но Мясников своего решения не отменил. В тот же вечер ему позвонила Татьяна, и слово в слово повторила речь своего мужа. Спорить с ней Виталий не стал, но предложил Олегу альтернативное решение: самому поехать в город, в котором находилась фирма-покупатель, чтобы лично присутствовать при разгрузке товара и удостовериться, что вся продукция прибыла по назначению в уже знакомые склады.

Он прекрасно понимал, что это пустая затея — фирме ничего не стоило уже после отъезда Олега вывезти весь алкоголь и разбросать по городским ларькам, затем благополучно повесить на ворота склада плакат «Сдаётся в аренду», а после... раствориться, как сахар в кипятке. Теперь он знал наверняка, что новый хозяин фирмы — подставное лицо, на которого просто переписали документы. И, что, исчезни товар без оплаты, Кобелев будет совершенно ни при чём: он свой бизнес продал... да хоть в карты проиграл, к нему уже не придерёшься. И не докажешь, что вся игра была затеяна Олегом ради одной цели: подвести завод под банкротство. После того, как окажется, что большая партия продукции похищена, и средств на оплату собственных счетов и кредитов, а так же выплату заработной

платы нет, дирекции ничего не останется, как объявить завод банкротом... И что, получив деньги за им же украденную и тайно проданную партию водки, Олег выкупит собственное предприятие вторично, но уже в одном лице...

Виталий знал наверняка, что так и будет, однако, настоял на отъезде Олега. Для этого у него были две причины.

Первая заключалась в том, что Виталий решил идти ва-банк. Поздний визит к тестю он решил нанести в тот же день, как уехал Олег. Фуры с продукцией должны были прибыть в пункт назначения только утром, поэтому, нацепив на лицо маску отчаяния, Виталий перешагнул порог Семёна Ильича. Ему очень хорошо удалось сыграть роль обеспокоенного родственника. Не заботясь о том, что тесть только недавно выписался из больницы, Мясников выдал ему всё как есть — и об отгруженной продукции, и о подставном лице, и о том, что Олег уехал для контроля, и сейчас ему якобы грозит опасность. Умолчал он лишь об одном — о том, что сам Олег замешан в этой афере. Просьбу к тестю «пробить» по своим милицейским каналам личность нового хозяина фирмы-покупателя Виталий сопровождал тревожными взглядами и тяжёлыми, лихорадочными вздохами.

«А раньше вы о чём думали?! — схватив телефонную трубку, Дзюба-старший привычно сдвинул брови и чуть выдвинул вперёд нижнюю челюсть. — Зачем же вообще тогда товар отгружали, если были такие подозрения?!»

«Так сам Олег и настоял! — Виталий театрально развёл руками. — Я был против».

Он понимал, что, останься Олег в городе, такого эффекта бы не получилось — связавшись с ним, Семён Ильич услышал бы от сына массу аргументов в пользу того, что Виталий перегибает палку. Теперь же всё выглядело так, что Мясников из кожи лезет вон, чтобы спасти и бизнес, и своего шурина.

Уже к полуночи сведения были получены: действительно, фирма, проданная Кобелевым, была куплена подставным лицом, по чужому, ранее утерянному паспорту. Связавшись рано утром по сотовому телефону с Олегом, Мясников «просветил» того на предмет им же созданной «подставы» и отдал распоряжение по поводу возврата «спасённой» продукции.

Эффект был потрясающим: спаситель-зять в один приём снискал себе прощение за все грехи, заодно отвёл от верного банкротства свой завод.

Виталий понимал, что Олег ему этого не простит, и что теперь нужно срочно приступать к другому плану...

Второй же причиной была Таня... И, если первый вечер и первую ночь Виталий провёл у Семёна с Вероникой, то на следующий день, пользуясь тем, что Олег задержался в поездке, он позвонил Татьяне и назначил свидание.

Приезжать к ней домой Виталий побоялся — дети могли рассказать о его неожиданном визите. Поэтому он подобрал Таню в одном из переулков, затем, покружив по городу, заехал в какой-то незнакомый двор и заглушил машину.

«Танька... — пересев к ней за заднее сиденье, Виталий лихорадочно целовал лицо женщины, — Танечка... Я так соскучился...»

«Я должна тебя ненавидеть, но... — закрыв глаза, она плакала в его объятиях, — Я тоже ужасно соскучилась...»

«Поедем в отель? Я сейчас позвоню...»

«Я не могу, — она с сожалением покачала головой, — дети одни... Я не стала их отвозить к Веронике Григорьевне... Она всё знает про нас, она бы догадалась...»

«Интересно, кто ей сказал... — усмехнувшись, Виталий снова зарылся лицом в волосы Татьяны, — Впрочем, сейчас это неважно... Я не могу без тебя... я не хочу тебя терять... Таня...»

«Мы теперь не сможем видеться... Нам нужно либо расстаться, либо...»

«Я что-нибудь придумаю...»

«Я тоже не могу без тебя... — Татьяна говорила горячо, лихорадочным шёпотом, время от времени вытирая мокрое лицо ладонью, — Когда я узнала, что ты с Юлей...»

«Откуда ты узнала? — чуть отстранившись, он взял в ладони её лицо. — Кто тебе сказал?!»

«Олег... А ему сказал его сотрудник, он видел вас... Вы вместе выходили из конторы...»

«Господи, Таня... — Виталий вздохнул с видимым облегчением. — Да мало ли кто и с кем выходит... Что за глупые выводы?!»

«Вы шли в обнимку... и ты... — Таня от волнения сглотнула, — Ты её целовал...»

«Чёрт... — он произнёс это слово с досадой, но было непонятно, что разозлило его больше — невольный свидетель их с Юлей отношений, или то, что он не смог сразу как-то объяснить ситуацию. — Чёрт... Таня, если бы ты сразу мне это сказала, я бы всё тебе объяснил...»

«Что — объяснил? — она спросила это с грустной улыбкой, — Что молоденькие девушки нравятся тебе гораздо больше?!»

«Да что ты заладила! — он хлопнул себя ладонью по колену, — Таня, если бы ты только выслушала меня, этих недоразумений бы не было!»

«А что... ты хочешь сказать, что между вами ничего нет? — усмехнувшись, она откинулась на спинку и подняла вверх глаза».

«Хорошо... — как бы собравшись с мыслями, Виталий вдруг резко посерьёзnel. — Только выслушай меня спокойно. Ладно?..»

Как и вчера, в разговоре с тестем, он рассказал ей почти всю правду: и о своих подозрениях насчёт Олега, и о том, что нужно было торопиться... и о том, что, кроме Юлии ему некому было помочь.

«Ты сама не оставила мне шансов, когда отказалась помочь открыть сейф... Что мне оставалось делать?! Да, пришлось немного пофлиртовать... Но теперь ты знаешь, что всё это было не зря... Твой муженёк, действительно, готовил мне капкан. Уже через месяц завод объявили бы банкротом. А ещё через месяц у него был бы единоличный хозяин — твой муж. Если ты считаешь, что у меня был другой выход — скажи, какой. И я навсегда исчезну из твоей жизни...»

...Таня плакала долго и горько. Обида и ревность смешивались с прощением... Ведь, действительно, у Виталия не было другого выхода... Слишком много было поставлено на кон... Но теперь... теперь им есть, о чём подумать... Ведь он любит её искренне... любит, и не хочет отдавать никому... Никому на свете... Им придётся что-то решать, ведь дальше так продолжаться не может. Вот только Виталий всё утрясёт с бизнесом...

Вернувшись в город, Олег был вне себя от ярости. Его план сорвался, да ещё как... Виду он не подавал, напротив, поблагодарил Виталия за проявленную бдительность, заодно выслушал монотонную речь Семёна Ильича, в которой тот обвинял сына в халатности и излишней доверчивости.

Понимая, что «прозрение» пришло к Виталию не на пустом месте, Олег сразу смекнул,

что получить нужные сведения могла помочь только Юля... Решив до поры до времени не раскрывать своей осведомлённости, он, как и прежде, вполне дружелюбно общался со своей секретаршей, так, что та ничего не заподозрила.

Сам же Виталий тоже почти сразу охладел к девушке, и после примирения с Татьяной больше к ней не приезжал. Он всё реже появлялся в адвокатской конторе, а при встрече с Юлей ссылаясь на ужасную загруженность.

Впрочем, он, действительно, был теперь очень загружен... а ещё озабочен свалившейся на них с Олегом новостью.

Один из новоиспечённых холдингов, объединяющих предприятия по производству продуктов питания, а так же алкогольной продукции, нешуточно заинтересовался их заводом. Об этом Виталий узнал от знакомого бизнесмена, случайно присутствовавшего при одном довольно приватном разговоре. Сначала Виталий подумал, что это снова — происки Олега. Но вскоре оказалось, что Олег тут вовсе не при чём, и сам встревожен таким повышенным вниманием крупной корпорации к их пусть и не очень большому, но довольно прибыльному предприятию. Пока это были лишь слухи, тревога была небольшой. Виталию она даже показалась кстати — после инцидента с подставной фирмой они с Олегом были в состоянии холодной войны, но теперь вынужденные разговоры и взвешивание всех за и против сглаживали обстановку.

Они даже пришли к выводу, что слух оказался всего лишь слухом — прошло уже около месяца, а ничего не происходило.

Однако, в начале сентября, на одном из форумов, к Виталию Мясникову подошла худощавая, одетая в дорогое, стильное платье женщина с холодным и расчётливым взглядом. Это и была хозяйка «Агропродторга», холдинга, о котором и шла речь, Изабелла Юрьевна Лозинская. Поздоровавшись с Виталием, она прямо, без обиняков, предложила ввести завод в состав её объединения.

«Вы же понимаете, что, раз я положила на вас «глаз»... — Лозинская многозначительно улыбнулась, — То от своего уже не отступлюсь. Так что давайте всё решим быстро и любовно».

Судя по напористому, безапелляционному тону, женщина была с настоящей деловой, практически смертельной хваткой. Несмотря на то, что Виталий морально был готов к подобному предложению, оно вызвало у него справедливый протест. Стараясь быть как можно вежливее, он попытался перевести разговор в шутку... Но не тут-то было. Бизнесвумен Лозинская проявила свой железный характер.

«Мальчик, не дёргайся. Сделаешь так, как хочу я, будешь в шоколаде. Не сделаешь — в дерьме», — она произнесла эти слова негромко, с очаровательной улыбкой, глядя ему прямо в глаза стальным, холодным взглядом.

«Как страшно!» — Виталий сделал вид, что по достоинству оценил её шутку.

«Ты ещё не знаешь, как это — страшно... — женщина кокетливо наклонила голову вбок и обнажила ряд ровных, белоснежных зубов. — Даю тебе два месяца на раздумье».

«А что будет потом?» — он не оставлял попыток представить всё в виде непринуждённого флирта и улыбался в ответ.

«А потом ты уже не будешь так улыбаться...»

Передав этот разговор Олегу, Виталий заранее знал, что скажет его партнёр.

«Что за бред?! — нахмурившись, тот недоверчиво выслушал рассказ. — Послал бы её подальше, да и весь разговор!»

«Не знаю... — разговор происходил дома у Олега и Татьяны; она с детьми в это время находилась в другой комнате, поэтому Виталий старался говорить как можно вежливее. — Человек не может так себя вести, не имея серьёзной крыши. Ты пробей её завтра по своим каналам...»

«Да борзоты она обожралась, эта старая тварь!» — уже подвыпивший Олег в выражениях не стеснялся. — Или не тра...ет никто, вот и блефует».

«Я бы не сказал, что она старая... — усмехнувшись, Виталий качнул головой и взял в руки очередную стопку. — Ей явно за сорок, но выглядит даже очень... эффектно...»

«Так в чём проблема, Виталя... — пьяно осклабившись, Олег толкнул того ногой, — Может, тебе её тра...нуть надо было?.. Прямо там, на форуме... Ты же на этот счёт безотказный...»

Возникшая проблема неожиданно вновь сблизила партнёров — приговорив пару бутылок коньяка, оба уснули дома у Олега. Проснувшись утром на диване в гостиной, Виталий тревожно пытался вспомнить, не ходил ли он спяну искать в квартире Таню...

Но, судя по тому, что она спокойно вышла из спальни одновременно с мужем, ночь прошла без приключений.

...Лозинская звонила несколько раз. Последний звонок от неё был в начале ноября.

«Ну, что, мальчики... — Изабелла Юрьевна говорила, как всегда, насмешливо, — Не надумали по-хорошему? Учтите, у вас осталось два дня...»

Глава 17.

Первые неприятности начались уже через несколько дней после звонка Лозинской. Неожиданно нагрянувшая комиссия из санэпидстанции потребовала закрыть один из цехов — по причине якобы несоответствия санитарным нормам. Представители СЭС не шли ни на какие уговоры и компромиссы, и Виталий, как директор, вынужден был пойти на выставленные условия: цех был закрыт на ремонт. Кроме того, пришлось закупать новое оборудование — по результатам всё той же проверки, старое, судя по актам, несло в себе какую-то непонятную опасность, и являлось непригодным для дальнейшей эксплуатации. Для этих целей пришлось влезать в ещё одни кредитные обязательства.

Визит инспектора пожарной охраны его уже не удивил. Поджав губы и нахмурившись, Мясников читал предписания, согласно которым, вследствие грубого нарушения пожарной безопасности на территории завода, требовалось немедленно реконструировать внутренние помещения, поменять все двери, а заодно пожарную сигнализацию.

— Кого ждать в следующий раз?.. — в тот же вечер, сидя в небольшом ресторане, Олег откинулся на спинку мягкого дивана и заложил ногу за ногу. — ОБЭП или сразу — спецназ?

— Не разделяю твоего веселья... — Виталий, насупившись, держал в руках рюмку с коньяком. Он, действительно, выглядел мрачным, чего нельзя было сказать о его партнёре. В последние две недели Олег, действительно, переменился. Его как будто совершенно не заботили их общие дела. Он даже не прятал откровенной иронии, чем приводил своего родственника в искреннее замешательство, а чаще — в гнев. Зная хитрость и изворотливость Олега, а так же его способность держать себя в руках, Мясников не сомневался, что за этим ироничным тоном стоит гораздо больше, чем просто насмешка. Он терялся в догадках, стараясь не показывать своего истинного настроения, но с каждым днём это получалось всё хуже.

— Виталя, а тебе не кажется, что ты воспринимаешь всё слишком серьёзно? — чуть прищурившись, Олег сделал глоток из своей рюмки. — Нет худа без добра. Классные

перспективы: оборудование новое, ремонт, безопасность... завод в шоколаде!

— Ты что, дурак?.. — Виталий одарил родственника коротким взглядом исподлобья, — Из-за этого «шоколада» мы сейчас работаем в половину мощности, договорные обязательства не выполняем... подходит срок выплаты по кредитам, а денег нет...

— А ты ещё один кредит возьми... — Дзюба невозмутимо вертел в руках допитую рюмку.

— Что-то я, Олежек, тебя не пойму. Ты как будто мне что-то сказать хочешь, и стесняешься.

Виталий говорил нервно, после каждого предложения чуть сжимая губы. Странное поведение Олега всё больше и больше раздражало и говорило о том, что партнёр что-то задумал. Его нескрываемая дерзость была лишь подтверждением наихудших опасений: впереди маячило нешуточное противостояние, и Олег Семёнович Дзюба уже назначен кем-то победителем.

— Да... ты прав. Хочу, — потянувшись к бутылке, Олег налил себе ещё одну стопку и залпом выпил. Поставив пустую стопку на место, поднял глаза на своего собеседника. — Давно хочу у тебя кое-что спросить...

— Так спрашивай... — прикурив от дорогой зажигалки, Виталий выпустил тонкую струйку дыма. — Внимательно слушаю.

— Как ты намерен поступить с Юлей?

— С кем?! — Виталий ожидал любого вопроса, но, услышав женское имя, непонимающе нахмурился.

— С моей секретаршей, — Олег говорил невозмутимо, как о чём-то давно известном.

— Слушай, Олежек... — хмыкнув, Мясников покрутил головой, — У нас с тобой проблемы назревают на уровне жизни и смерти... А ты про баб...

— Так и я о проблемах. Вернее, о твоей проблеме. Ты её решил на меня взвалить, а у меня своих — выше крыши.

— Ты можешь нормально сказать, в чём дело?! — Виталий нервно стряхнул пепел с сигареты в пепельницу. — К чему эти загадки?

— Да какие уж там загадки, Виталя?! — Олег переменил ногу и чуть прищурил глаза. — Когда все признаки видны невооружённым глазом? Ты уж как-то разберись... А то Татьяна мне претензии предъявляет...

— Да что случилось то?! — услышав имя любовницы, Мясников нетерпеливо перебил своего партнёра, — Какие претензии?! При чём тут Татьяна?!

— Она думает, что это я свою секретаршу обрюхатил. Так что разберись с этим, хорошо? Я не собираюсь выплачивать ей декретные из своего кармана. Это — полностью на твоей совести.

— Она что... беременна?..

— Скажешь, ты не в курсе?

— Почему я должен быть в курсе дел твоей секретарши?

— Насколько я понимаю, она беременна от тебя.

— Стоп-стоп-стоп... — Мясников выставил вперёд ладонь. — Что за ерунда? Твоя секретарша и... я... Бред какой-то...

— Этому бреду уже месяца четыре... насколько я могу судить. И она мне в таком виде совершенно не нужна. — Глаза Олега сузились, теперь в них сквозил холод вперемешку со злобой.

— Подожди... — Виталий был в явном замешательстве и, положив на стол сложенные локти, чуть подался вперёд. — Она тебе что, сама сказала?!

— Естественно, нет. Я не обсуждаю с секретаршами подробности их личной жизни. Я могу лишь догадываться.

— Интуиция тебя подвела, Олежек, — Мясников нарочно усмехнулся, — к твоей Юле я не имею никакого отношения. И, вообще, у нас с тобой более серьёзные дела на повестке, чем беременность какой-то девочки.

— Ну, смотри... — Олег как-то странно усмехнулся, бросив на собеседника недобрый взгляд, — Хотел я её пристроить... да, видимо, не по адресу попал.

На фоне надвигающихся проблем беременность Юлии, с которой он не так давно состоял в любовной связи, казалась пустяком, но после разговора с шурином Виталий то и дело мысленно возвращался к этой новости. Он давно не видел Юлю... После летних событий он резко оборвал их встречи, и, если Олег не врёт, то четыре месяца беременности — вполне реальный срок для его ребёнка.

«Какого ещё к чёрту ребёнка?!»

Одёрнув себя от этой мысли, Мясников переключился на Татьяну... Олег сказал, что Таня приписывает ему беременность секретарши. Он, конечно, мог соврать, и, скорее всего, соврал, но... неужели Татьяна, действительно, ревнует этого уродца?! Она бы скорее предъявила претензии ему, Виталию... Ведь она так тяжело перенесла его измену тогда, летом...

«Измену...»

Странное слово по отношению к чужой, по сути, женщине. А она и правда, чужая... По всем формально-официальным статьям — чужая. И ничего не исправить... Они не могут быть вместе, этому постоянно находятся какие-то дурацкие причины... Даже сейчас, когда, казалось бы, их чувства проверены и как никогда сильны, они не могут соединить свои судьбы. Земля в очередной раз уходит из-под ног, и слишком много поставлено на кон.

Но, Боже... Как он соскучился... Они не виделись уже почти два месяца — Татьяна боится, что муж установил за ней слежку и отказывается от встреч. О том, что её подозрения не беспочвенны, говорят некоторые, ей одной известные факты. Виталий верит ей... Таня не из тех, кто истерит без веской причины.

Она боится и за себя, и за детей... Олег — грамотный юрист, ему ничего не стоит отсудить у неё сыновей, он уже вёл подобные дела, она знает все подробности чужих трагедий... Он рассказывает ей о них, и она почти уверена, что эти рассказы имеют под собой одну цель: напугать её саму. С некоторых пор Таня подозревает, что муж знает о её связи с Виталием.

...Они перестали видеться наедине, и это — настоящая мука. Встречи за «семейным» столом в доме Олега, куда Виталий время от времени заходит в гости, не в счёт... Они только разжигают его страсть, когда Таня, хлопоча на кухне, накрывает им с Олегом стол... она скользит мимо него, нечаянно задевая то рукой, то бедром... И никто не знает, чего стоят ему сдержанные улыбки и дежурные фразы, за которыми тщательно скрывается порыв схватить её в охапку... разорвать этот чёртов халат... ощутить под рукой её желанное тело...

Он думает о ней каждый раз, когда пользуется «услугами» своей собственной секретарши Светланы... он представляет её, когда ложится в постель с очередной девочкой по вызову... Не так давно он купил себе квартиру, но Таня ещё ни разу не осмелилась переступить её порог. Хотя об этой квартире не знают ни Александра, ни другие члены

семьи, включая и Олега. Впрочем, слово «семья» в данном случае не очень уместно.

У него нет семьи. Люди, которые называют себя его родственниками, даже те, кто носит его фамилию — не его семья. Они всегда были чужими с Сандрой... А Миша... Нельзя сказать, что парень ему безразличен. И, женись он на женщине, изначально имеющей ребёнка от другого мужчины, его чувства к этому ребёнку были бы совершенно другими. Но в его ситуации между ним и сыном всегда стояла стена обмана. Да, Миша ни в чём не виноват... но он, Виталий, так и не смог привязаться к мальчику так, как привязывается любящий отец к своему чаду. Мысль о том, что его в своё время просто использовали, прикрывшись благородным поступком, безжалостно разрывала их связь с сыном на протяжении всех этих лет.

Даже свой недавний день рождения Виталий предпочёл провести не в семейном кругу.

...День рождения... именно с него всё и началось тогда, шестнадцать лет назад. Траур по случаю смерти генсека, совпавший с его, Виталия, очередной датой... Отчаянный, «на публику», поход в ресторан с любимой девушкой, закончившийся дракой и тяжкими последствиями... Нелепая женитьба на Сандре... И годы жизни, в которых не было самого главного: личного счастья..

...Интересно, где теперь та самая Аня?.. Ведь он любил её тогда... И потом — любил... Она исчезла из его жизни, растворилась без следа... Он так и не узнал, был ли он на самом деле отцом её ребёнка?.. Тогда, много лет назад, когда чувства к Аняте ещё не остыли, Виталий часто думал о том, что, увидев малыша, он сразу бы понял — его это ребёнок, или того курсанта, за которого Аня вышла замуж.

Ребёнок... А, что, если, действительно, у него где-то есть родной сын или дочь?.. Может, стоило всё же найти её... Хотя... теперь это не так и важно. Любви к Ане давно уже нет... остались лишь приятные воспоминания...

Которые, впрочем, сейчас вовсе не уместны.

Его бизнесу, его благополучию грозит серьёзная опасность, и не время предаваться ностальгии.

«Чёрт... Ещё и Юлька...»

Таня позвонила через день и сама назначила встречу — к его огромному удивлению и не менее огромной радости. В целях конспирации она запретила ему встречать её где-нибудь на улице, и сама приехала на его новую квартиру.

— Таня... Танечка... — он не смог справиться с собой, и, прежде чем выслушать, утащил в спальню, повалил на новую кровать, — Таня... потом... всё потом...

...Она даже не сопротивлялась, сама растворившись в его ласках, отдаваясь им с небывалой доньше страстью, граничащей с иступлением. Даже потом, выплывая из окутавшей её неги, она не сразу вспомнила, зачем отважилась на такой рискованный шаг. Вспомнив же, сразу сделалась серьёзной и, присев в постели, подняла на Виталия тревожный взгляд.

— Виталик... я не знаю, правильно ли я сделала, что пришла, но...

— О чём ты... — он попытался снова притянуть её к себе, но Таня слегка упёрлась ладонью ему в грудь и медленно покачала головой.

— Подожди... — она судорожно вздохнула, как бы собираясь с мыслями. — Я хочу сказать, что... наверное, я поступаю подло по отношению к Олегу, но... я не могу не предупредить тебя...

— Что случилось? — уже догадавшись, что услышит сейчас что-то очень важное для себя, Мясников тоже посерьёзней.

— Олег хочет тебя подставить. Я случайно услышала, как он говорил по телефону, что готов продать часть своих акций Лозинской... Я поняла, что разговор шёл о смещении тебя с поста генерального директора... Ты же знаешь, как работает эта схема?.. Он продаст часть акций, чтобы имитировать собрание акционеров...

— Ну, почему же имитировать... — от услышанной новости Виталий помрачнел и заговорил глухим, низким голосом. — Собрание будет самым настоящим...

— Я хотела сказать, что весь спектакль и будет устроен только ради этого собрания...

— Что-то подобное я и подозревал...

— Но это ещё не всё... — Таня глубоко вздохнула и на несколько секунд замолчала, как бы обозначая особую важность тех сведений, которые она собиралась сейчас сообщить.

— Что ещё?

— Дело в том, что Олег запросил за свой пакет очень большую сумму, и в цене они пока не сошлись. На тот случай, если не сойдутся, у них есть несколько запасных вариантов... Как один из них — перерегистрация документов у нас в налоговой...

— Я не сомневался, что они обложат меня по всем фронтам... Получается, выхода у меня нет.

— Почему?! — сдвинув брови, Таня смотрела на него с нескрываемым отчаянием, — Выход должен быть всегда...

— Пока я его не вижу... — поджав губы, Виталий смотрел в одну точку впереди себя, и женщина схватила его за руку.

— Давай, уедем... — она трясла его ладонь, — Виталик, слышишь?! Уедем отсюда, и плевать на всё!..

— Ты предлагаешь им всё подарить?.. — он снова усмехнулся и перевёл взгляд на женщину. — Вот просто так взять, и сдать?..

— Предложи им свой пакет акций! Пусть они не у Олега... у тебя их купят... какая им разница, у кого покупать?!

— Видимо, есть разница, Таня, — Виталий дотянулся до лежащей на банкетке рубашки и стал неторопливо одеваться. — Они знают, что я не пойду на их условия, поэтому и подкатили к твоему муженьку... А мою долю они рассчитывают отхватить бесплатно... Чувало моё сердце, что Олежек захочет подставить меня рано или поздно... Да он уже и так подставлял.

— Я кое-что узнала об этой самой Лозинской... — Татьяна говорила вполголоса, но при этом была очень эмоциональна, — Она очень жёсткая баба, просто невероятно жёсткая... С ней тягаться бесполезно, всё кругом схвачено. У неё где-то там... — Таня подняла вверх указательный палец, — огромные связи. И, в первую очередь, в правоохранительных органах. Олег говорил, что связи Семёна Ильича против её «крыши» бессильны. У него — старые, уходящие кадры, ещё той, советской, закалки... у неё — новые, которые пришли уже позже, с новой моралью... Их она очень хорошо кормит. Понимаешь, что это значит?!

— Всё я понимаю, Таня... — Мясников глубоко вдохнул воздух и шумно выдохнул. — Я тоже её пробивал... и сведения, отнюдь, неутешительные. Она не только у нас, она в соседних областях хозяйничает, как хочет. А Олежек... он нос по ветру всегда держал. Думаю, что в его лице Лозинская нашла себе ещё одного единомышленника.

— Уедем!.. — Таня судорожно всхлипнула, — Я боюсь встретиться с тобой... но и без

тебя я больше не могу! Это невыносимо!.. Давай, уедем?!

— Сдадим позиции без боя?.. — он, кажется, думал совсем о другом.

— Я боюсь за тебя, Виталик... И за себя боюсь... — разволновавшись, Татьяна прижала ладони к мокрым от слёз щекам. — Он знает всё про нас... я это чувствую... Он постоянно рассказывает мне о тебе и его секретарше, Юлии... Он как будто дразнит меня... Понимаешь?.. Вызывает на ревность и следит за моей реакцией... Он говорит, что она беременна от тебя... Это правда?..

Судя по тому, с каким страхом и болью Татьяна ожидала ответа, этот вопрос мучил её больше всего... Даже больше тех проблем, о которых она только что рассказала Виталию. Она тревожно следила глазами, как он, надев рубашку, принимается за брюки... Вопреки её ожиданиям, мужчина молчал, и Таня робко повторила вопрос.

— Выкини из головы это бред... — наконец, одевшись, он снова уселся на кровать и сложил на коленях руки. — Он и мне на днях говорил то же самое... Он, действительно, хочет вывести нас с тобой из равновесия.

— Он всё знает... — Таня медленно кивнула, затем подняла на Виталия полный надежды взгляд, — Но это... неправда?

— Тань... — повернувшись к ней, тот досадливо поморщился, — Ну, конечно, неправда!

— Она... не от тебя беременна?..

— Господи... Таня... Да нет, конечно! Молодая девчонка, мало ли от кого она может быть беременна?! Ну, мне ещё этой проблемы не хватало!.. Нет у меня детей... ты сама всё знаешь...

Нахмурившись, Виталий снова замолчал. Таня была в курсе всех подробностей его жизни с Александрой, но разговаривать сейчас об этом вовсе не хотелось.

— Виталик... — придвинувшись, Татьяна положила ему на плечо ладонь и голову, — Давай, уедем... Я рожу тебе твоего ребёнка...

— Да, пожалуй... — думая о чём-то своём, Виталий сидел, не шевелясь. — Другого выхода, видимо, нет...

Как не хотелось ему встречаться с Юлией, но на следующий день Виталий был вынужден приехать в адвокатскую контору Олега. Кивнув на ходу девушке, он сразу прошёл в кабинет своего партнёра. Пробыв там около получаса, снова оказался в приёмной. Он уже взялся за ручку входной двери, когда его неожиданно окликнула Юля.

— Виталий Иванович!.. — привстав со своего места, девушка смотрела на него с нескрываемой печалью.

— Что, Юленька?.. — резко развернувшись, Виталий изобразил на своём лице дружескую улыбку.

— Мне нужно вам кое-что сказать... Вернее... вот... — девушка протянула сложенный в несколько раз листок бумаги. — Вы потом прочтите... пожалуйста...

— Что это?.. — взяв листок, Виталий удивлённо приподнял брови, — Письмо?..

— Да, это письмо... — Юля смущённо опустила глаза, — Только вы его потом прочтите... не сейчас... Хорошо?

— Потом?.. Когда — потом?..

— Ну... когда домой приедете...

— Н-ну, хорошо... — согласно кивнув головой, Мясников ещё раз обаятельно

улыбнулся, — Обязательно прочту!

...О письме, брошенном на дно кейса, он вспомнил лишь через неделю. Навалившиеся проблемы как будто отключили от внешнего мира, блокировали память — ту её часть, которая не была подконтрольна новым событиям. Неприятности валились как снежный ком, и до письма ли какой-то девушки, побывавшей в его постели, было сейчас озабоченному собственными бедами Мясникову?..

— Добрый день! — привычно кивнув с порога, он едва бросил взгляд на секретаршу Олега, к которому приехал по срочному делу. Однако, уверенно шагнув к двери директора, Виталий невольно замедлил шаг...

— Здравствуйте! — незнакомая рыжеволосая девица удивлённо следила за его передвижением. — А Олег Семёнович пока не принимает...

— Он потому и не принимает, что ждёт меня, — ещё раз окинув девушку коротким взглядом, Виталий решительно взялся за ручку двери.

...Обсудив с партнёром неотложные дела, он уже собрался уходить, когда вдруг вспомнил о том, что увидел в приёмной вместо Юли рыжую незнакомку.

— Ты что, решил поменять секретаршу? — застёгивая кейс, как можно равнодушнее спросил Виталий.

— Она сама так захотела... — слегка нахмурившись, Олег бросил на своего гостя взгляд исподлобья. — Ты что, уже и к этой присматриваешься?

— Мне сейчас только к бабам присматриваться, — усмешка получилась искренней. Встав со стула, Мясников одёрнул полы пиджака и кивнул на дверь, — просто в глаза бросается. Ты раньше серых мышек любил... а эта, скорее, на дикую кошку похожа.

— Лучше уж иметь дело с дикой кошкой... чем с тихой мышкой, способной проникнуть в самый дальний угол...

Виталий понял недвусмысленный намёк. Олег догадался, что Юля была не просто любовницей его партнёра... а самой настоящей сообщницей...

Ему хотелось задать ещё один вопрос — о судьбе Юли... но, подумав, он тут же отказался от этой затеи. Олег расценит это как нескрываемый интерес, а потом преподнесёт их разговор Татьяне, как лишнее доказательство связи Виталия и его бывшей секретарши.

«Меньше знаешь — крепче спишь». Исчезла беременная Юля с его горизонта — и, слава Богу. Да, скорее всего, это именно его ребёнок — в последнюю их встречу он успел заметить небольшой животик, выпирающий из-под Юлиного джемпера... Но он абсолютно не готов становиться отцом ребёнка, с чьей матерью его больше ничего не связывает... и не свяжет никогда.

Думая о Юле, он вдруг вспомнил о письме, которое вот уже который день валялось в его кейсе. Приехав домой, он тут же уединился в своей комнате и достал сложенный в несколько раз листок.

...Подушка была слишком мягкой, и, чтобы голова оказалась повыше, Виталий положил на неё ещё одну подушку... Устроившись поудобнее, поднёс исписанный лист к глазам...

«Я не стала говорить с Вами открыто, потому, что боялась, что нас могут услышать. А ещё потому, что понимаю — я и Вы никогда не могли бы быть вместе. Но я Вас ни в чём не виню. И то, что было между нами, останется лишь со мной. Я поняла, что представляла для Вас лишь сиюминутный интерес. Но я не обижаюсь. Это были мои самые счастливые дни и ночи... их было очень мало, но я счастлива, что они — были.

Я всё равно люблю Вас. И ребёнка оставила, несмотря ни на что. Вам не нужны

беспокоиться, я не собираюсь напоминать о себе. Скоро я уйду в декрет, и мы больше не увидимся. Я всего лишь хочу попросить Вас... если со мной что-нибудь случится уже после рождения ребёнка, не оставьте её без помощи. Я была на УЗИ. Это будет девочка. Её будут звать Авдони́на Анна Витальевна. Анна — так звали мою маму. Больше мне просить не о чем. Я никогда не скомпрометирую Вас при встрече. Если захотите когда-нибудь узнать о нашей судьбе, вот адрес, куда можно будет написать. Это адрес моего отца, он перешлёт Ваше письмо мне, или ответит сам, если...

И ещё... Я не призналась Олегу Семёновичу в том, что вы — отец моего ребёнка, хотя он очень хотел услышать именно эту версию. Опасайтесь его. Он — страшный человек. Любящая Вас Юля».

Глава 18.

После неожиданной встречи с Романом Александра почувствовала новый прилив сил. Сначала она удивилась, что бедный студент ходит по таким дорогим ресторанам, но всё оказалось гораздо проще — парень был приглашён на день рождения более состоятельного товарища, и к моменту, когда Александра попала в его поле зрения, только собирался пройти за накрытый по этому случаю большой стол в углу обеденного зала.

В тот вечер они виделись недолго, после нескольких приветственных фраз Роман удалился к своим товарищам.

«Может, дашь свой телефон?» — он спросил это перед тем, как покинуть её столик.

«Может, и дам...» — загадочно улыбнувшись уголками губ, Аля открыла сумочку и, достав из неё ручку, написала на салфетке номер сотового.

«Ого... у тебя сотик?» — взглянув на цифры, он приятно удивился.

«Естественно...» — ей очень нравилось впечатление, которое она производила на парня.

Несмотря на пикантность прошлой встречи, Александра не испытывала ни смущения, ни угрызений совести. Мальчишка был явно в её вкусе: довольно высокий, худощавый, со светлыми густыми волосами, длинными прядями спадающими на лоб. Широкий бежевый джемпер очень шёл к его шальным карим глазам... Сегодня она его увидела совершенно другим — трезвым — взглядом, и парень ей понравился уже по-настоящему.

В этот вечер она не стала задерживаться, и вскоре уехала из ресторана домой. Кажется, сегодня Аля впервые серьёзно пожалела, что у неё нет своей машины — за рулём она выглядела бы намного эффектнее. Водительские права у неё были давно, а вот собственной машины не было... Не успела выпросить у мужа в своё время... А потом он и сам бы не купил ей автомобиль. Что говорить про их нынешние отношения... Он вообще почти не появляется дома в последние недели. Иногда заезжает, чтобы взять какие-нибудь вещи или документы, и снова пропадает на несколько дней. Она даже не знает, где он обитает всё это время — то ли у своего отца... то ли у любовницы...

Хотя, у отца — вряд ли. Фаина всех отвадила от дома Ивана Михайловича, даже его родного сына. Миша иногда звонит дедушке, но в гости теперь почти не приезжает... да его и не зовут. Похоронив пять лет назад супругу, Мясников-старший в первое время часто общался с внуком, но после женитьбы на Фаине их общение постепенно сходило на нет. Миша говорил матери, что дедушка становится каким-то странным, во время встреч почти не разговаривает, уходит в другую комнату и начинает заниматься другими делами, будто забывая о дорогом госте. Особенно это стало заметно в последние месяцы, ведь даже на день рождения Миши Иван явился лишь после того, как Виталий лично приехал за ним и увёз

чуть ли не силой. Сидя за праздничным столом, Мясников-старший не проронил почти ни слова, его поздравление внуку было очень коротким и каким-то дежурным, и даже потом, в беседе с Семёном, он больше молчал, угрюмо глядя на свои сцепленные пальцы...

Его даже не задело исчезновение Александры — он не выказал ни тревоги, ни озабоченности, и спокойно уехал домой — самый первый из всей компании.

Со стороны состояние свёкра отдалённо напоминало психическое расстройство, возможно, это и была его начальная стадия. И поэтому вряд ли Виталий перебрался бы жить именно к отцу... Да ему и незачем было куда-то перебираться, его и в родном доме никто не тревожил.

Нет, он явно где-то нашёл себе более уютное жилище...

А, впрочем, ей сейчас, действительно, всё равно. Она могла бы спросить о муже у брата; Олег, скорее всего, в курсе, где может ночевать его партнёр. Но она принципиально не спрашивает. На Виталика ей плевать... Нет его, и ей спокойно, она живёт в своё удовольствие. Главное, что деньги он даёт регулярно, раз в месяц, как зарплату.

Вот и завтра у неё такая «зарплата»... Значит, Виталик появится дома... можно будет завести разговор о машине. А почему бы и нет?! Он серьёзный бизнесмен, у таких людей жёны пешком не ходят. Она ещё не простила ему побои... Пусть откупается!

...Виталий, действительно, появился на следующий день. В ожидании мужа Александра нарочно сделала причёску, нанесла на лицо макияж, надела платье... Пусть он знает, что у неё всё отлично.

— Мишка дома? — разуваясь в прихожей, Виталий был явно чем-то озабочен и хмур.

— Нет, — вопреки обыкновению выйдя ему навстречу, Аля деланно равнодушно пожалала плечами.

— А где он? — не глядя на жену, Мясников прошёл в гостиную и, открыв кейс, начал в нём рыться.

— У родителей. Где ему ещё быть? — Александра не спеша следовала за супругом.

— Он хоть дома появляется? — вытащив нужный пакет, Виталий нервно захлопнул кейс.

— Гораздо чаще тебя.

— Вот это — ему, — он протянул конверт, — лично.

— Что это? — Аля повертела конверт в руках, — Деньги?

— Да.

— Почему ему?.. А мне?..

— Потому, что тебя содержать я больше не намерен. Это — на сына.

— То есть?.. — она непонимающе смотрела на Виталия, — Алименты, что ли?..

— Типа того.

— А мне... на жизнь?.. — уперев руки в бока, Александра встала перед мужем. — Где мои деньги?!

— Твои?! — Виталий был явно зол, и говорил сквозь зубы, — Какие твои?! Ты хоть что-то заработала в этой жизни?!

— Я тебя не понимаю! Ты что, отказываешься давать мне деньги?!

— Отказываюсь. Ты не инвалид. Хочешь денег — иди работать. Всё, разговор окончен.

Виталий быстрыми шагами направился в прихожую. Понимая, что сейчас муж снова надолго исчезнет, Александра бросилась за ним следом, по пути заглядывая в конверт.

— Подожди, Виталик! Так нечестно!.. Здесь совсем мало...

— Кто бы говорил о честности... — хмыкнув, он начал обувать ботинки, — Скажи спасибо и за это.

— Ты должен купить мне машину!.. — это она произнесла уже в полном отчаянии.

— Чего?! — гримаса возмущения исказила его красивое лицо, — А как насчёт самолёта?..

— Все женщины моего круга ездят на собственных машинах!

— Женщины твоего круга... — распрямившись, он говорил чётко, бросая слова прямо ей в лицо, — Женщины твоего круга в помойках роются... Поняла?!

— Ну, ты и тва-а-арь... — растягивая буквы, Аля медленно покачала головой, — Какая же ты тва-а-арь...

— Взаимно, — окончательно одевшись, Мясников взялся за ручку двери. — и прими к сведению всё, что я тебе сказал.

— Да пошёл ты... козёл... Жмота кусок!

— У меня проблемы, понятно?! Нешуточные проблемы.

— Да у тебя всю жизнь...

Договорить Аля не успела — шагнув за порог, Виталий захлопнул за собой входную дверь. Со злости пнув дверь носком, женщина резко развернулась. Сложив на груди руки, подошла к большому, во весь рост, зеркалу.

Она совершенно не ожидала такого поворота... Виталий отказался давать ей деньги!.. Он лишил её ежемесячного содержания... То, что он принёс сегодня «на сына», вполовину меньше той суммы, которую она привыкла получать... На которую она рассчитывала... Этих денег не хватит не то, что на роскошную жизнь... Их не хватит на еженедельные походы в салон красоты, не говоря уже об обновлениях...

Вечером того же дня, услышав звонок на свой сотовый телефон, она нервно нажала на клавишу ответа.

— Привет... — голос показался ей знакомым, но, всё ещё пребывая в скверном настроении, Аля не сразу сообразила, кто это.

— Кто это? — буркнув в трубку, она поджала губы. Разговаривать не хотелось ни с кем.

— Опять не узнала?.. — голос был, напротив, весёлым, казалось, что человек говорит, одновременно улыбаясь.

— Нет... — бросила Александра и в ту же секунду переменилась в лице — из недовольного оно превратилось в слегка напряжённое. — Подожди... Рома?!

— Ну, наконец-то, — парень на том конце рассмеялся, — узнала.

— Да... прости, я тут была занята... — Аля невольно взглянула на своё отражение в зеркале серванта, — Голова проблемами забита... сразу не узнала.

— Может, я не вовремя?

— Да нет... — она сама ещё не могла сообразить, вовремя этот звонок или нет, — Всё нормально.

— Ну... тогда... может, встретимся?.. — он произнёс эти слова уже без прежнего веселья, с ожиданием в голосе.

— Н-ну, давай... А где и когда?..

— Вечером... А где — скажи сама...

Уже потом, положив трубку, Александра окончательно поняла, что искренне рада этому звонку. Встретиться с молодым мальчиком?.. Что может быть лучше в её возрасте?! Это будет и удовольствие... и месть. Эта сволочь, которого зовут Виталий, заслужил её мести. И,

пусть он о ней не узнает, но она состоится. Это свидание — именно то, что сейчас так ей необходимо...

У мальчишки, скорее всего, нет денег... но недорогой гостиничный номер она может снять. И пусть всё летит к чертям...

Аля всё ещё пребывала под впечатлением от состоявшегося свидания с Романом, когда на следующий день ей неожиданно позвонил Олег. Звонок удивил — брат и сестра общались редко, и новости друг о друге узнавали по большей части от Вероники Григорьевны. С Татьяной же Александра вовсе никогда не поддерживала связи. Невестка и раньше раздражала её и своими внешними данными, и излишней отстранённостью... а уж теперь и говорить было нечего — вдобавок ко всему, Таня оказалась любовницей Виталия... И, кто знает, сколько усилий стоило Александре не рассказать об этом своему брату... ещё тогда, сразу после Мишиного дня рождения, придя в себя после побоев, Але очень хотелось отомстить мужу, но помешала мать — Вероника Григорьевна чуть не на коленях умоляла дочь держать язык за зубами, «во имя семейного благополучия»... И Александра сдалась — пообещав матери, что не проболтается ни о чём Олегу, она, тем не менее, верила, что однажды случай подвернётся, и её откровения будут вполне оправданы.

Этому желанию была ещё одна причина: Александра ужасно ревновала любовь своих родителей к детям Олега и Татьяны. Девятилетние близнецы были не такими уж частыми гостями у бабушки с дедушкой, но каждый раз, когда Вероника Григорьевна рассказывала дочери о других внуках, та испытывала нешуточную ревность: у её родителей мог быть только один внук — Миша, и других вариантов для неё, Александры просто не существует! Понимая умом, что дети Олега — такие же родные внуки, как и её собственный сын, молодая женщина, тем не менее, не могла иначе воспринимать родственные связи. И даже тот факт, что Миша чуть ли не жил у Семёна с Вероникой — у него даже была своя комната в их квартире — не мешал Але недолюбливать собственных племянников.

Успокаивало одно: со стороны Виталия «соперников» у Мишки не было. Сам Виталий был единственным сыном у родителей, и после смерти Софьи Иван Михайлович не раз говорил, что напишет завещание на единственного внука... Впрочем, женившись на Фаине, он больше не заговаривал на эту тему, но Александра была уверена, что, в любом, случае, наследником будет Виталий, и, как следствие — Миша... А уж наследовать у Мясниковых было что... Даже «сгоревшие» в своё время деньги не намного уменьшили это самое наследство: огромная элитная квартира, шикарный загородный дом, не менее шикарная дача и коллекция драгоценностей Софьи...

Даже вот эта самая кооперативная квартира, в которой они жили с Виталием — она тоже была оформлена на Софью Вениаминовну, и лишь после её смерти окончательно отошла сыну — такова была её последняя воля... Всё остальное имущество принадлежало Ивану Михайловичу, но Аля на этот счёт была спокойна: рано или поздно всё Мясниковское движимое и недвижимое имущество должно будет при надлежать именно Мише...

Однако, неожиданный звонок брата столь же неожиданно посеял в её душе нешуточную тревогу.

— У меня для тебя не очень хорошие новости, — после приветствия Олег сразу приступил к делу, — не буду называть источники... сама понимаешь, этические нормы... Но основное ты должна знать. Вчера в дом твоего свёкра приезжал нотариус.

— Нотариус?.. — Александра непонимающе нахмурилась, — К Ивану Михайловичу?.. А

зачем?

— Как ты думаешь, зачем приезжает нотариус к больному человеку? Естественно, составить завещание.

— И... что из этого следует?..

— Из этого следует, что дед в скором времени собирается дать дуба... И хочет распорядиться своим имуществом.

— То есть?.. Он говорил, что всё завещает Мишке... у него уже должно быть написанное завещание!

— У него может быть написанное завещание, — Олег согласно кивнул на том конце, — но никто не мешает ему сейчас передумать и по-другому распорядиться своим имуществом.

— И как он им может распорядиться?.. — ещё не понимая всей сути сообщённой ей новости, Александра почувствовала, как неприятный холодок пополз по спине.

— Как угодно. Может поделить между наследниками... может отдать кому-то одному.

— Подожди... Какими наследниками?! Он собирался всё отписать Мише... Если даже он этого не сделал, то у него единственный наследник — Виталик!

— А Фаина? — брат на том конце усмехнулся, — Думаешь, она захочет остаться ни с чем после его смерти?

— Да кто она такая?! — услышав имя бывшей домработницы, Александра буквально взвилась. — Эта подстилка — наследница?!

— Во-первых, она его законная жена, и наследует половину всего имущества. Впрочем, Мясников своей волей может оставить ей абсолютно всё.

— Что-о-о-о?!

— Это тебе информация к размышлению. Кстати, при оформлении документов присутствовали лишь твой свёкор, его нынешняя жена и сам нотариус. Понимаешь, что это значит?

— Н-нет...

— Он не позвал Виталика. Я знаю это хотя бы потому, что в тот день он был у меня, и заночевал тоже у меня.

— Ну, и что?..

— В общем-то, ничего. Но, я почему-то уверен, что он не захотел, чтобы твой муж присутствовал при составлении завещания. Иначе бы он его пригласил... А он этого не сделал. Более того, у меня достоверные сведения, что нотариуса вызывали уже ночью... практически из дома. Так делают, когда завещатель при смерти. Но, насколько мне известно, Мясников до сих пор жив, и о его смерти, во всяком случае, в ближайшие дни, речь не идёт.

— Он не посмеет!.. — он накатившей злости Аля притопнула ногой, — Сделать эту шлюху единственной наследницей?! Да кто она такая?! У него сын есть и внук, при чём тут эта тварь?!

— И, тем не менее... — брат, напротив, был невозмутим. — Так что будь готова к любым неожиданностям.

— Да я её в порошок сотру!.. — Аля никак не могла успокоиться, — Пусть только попробует отписать на неё хоть сотую часть сверх положенного!..

— Успокойся. Захочет — отпишет. И ты ничего не сделаешь.

— У него единственный сын и единственный внук!

— Как знать, как знать... — Олег выдержал многозначительную паузу, прежде чем

продолжил разговор, — Из того же источника... Похоже, скоро Виталик будет уже не единственным сыном.

— То есть?.. — услышав последние слова Олега, Аля застыла. — Как — не единственным?..

— А вот так. Похоже, что Фаина беременна. Ты сама-то давно её видела?

— Давно... — ошеломлённая ещё одной новостью, Александра пыталась вспомнить, когда она в последний раз видела Фаину. Выходило, что уже больше года назад. — Не может быть!.. Ей же... ей же сорок шесть лет!.. И от кого?! От больного старика?!

— Это неважно... Он может составить завещание, где заранее признает не рождённого ребёнка своим. И сделает его своим наследником в случае своей смерти. Ну, а если ребёнок родится при его жизни, Виталик в любом случае сможет претендовать не более, чем на треть имущества своего отца.

— Бред какой-то...

— Увы. Юридическая практика знала и не такие случаи... Хотя, может, не всё так страшно. Во-первых, Мясников ещё жив, во-вторых, пока неизвестно, какое завещание он оставил. Просто будь готова к любому исходу.

— Ты Виталику сказал? — усевшись в кресло, Аля нервно выстукивала дробь по подлокотнику.

— Нет, — ей показалось, что, услышав имя своего партнёра, Олег напрягся. — Только тебе.

— Почему ты ему не сказал?!

— Его дела меня не волнуют. А ты — моя сестра.

— Вы что, поссорились?

— Как ни странно, нет.

— Но я-то могу ему сказать?!

— Ты — можешь.

— Кстати... ты не знаешь, где он сейчас ночует? — Александра постаралась придать своему голосу равнодушные нотки. После того, что сообщил ей Олег, она почувствовала потребность срочно увидеться с мужем.

— Менделеева, сорок семь. Квартира четырнадцать.

— Это... это что за квартира?! — Александра была в замешательстве. Разговор с братом принёс столько новостей, что она не успевала их осознавать.

— Это его квартира, — судя по тону, Олег получал удовольствие от того, что раскрывал сестре секрет за секретом, — и это тебе ещё одна информация к размышлению.

— Как — его?! Откуда?!

— Твой муж втайне от тебя приобрёл жилплощадь. Явно, не в семейных интересах. Так что учти, это тоже — нажитое в браке имущество.

— Вот сволочь... — Аля покачала головой, — А я даже не в курсе...

— Теперь в курсе.

— Почему ты мне раньше не сказал?!

— Случая не было.

...После разговора с Олегом Александра долго сидела в кресле: неподвижно, как поджавшее под себя ноги изваяние. Ей нужно было срочно увидеться с мужем... а ещё — с матерью. Вероника Григорьевна была единственной её советчицей и помощницей в житейских делах. Подумав, что в первую очередь она должна всё рассказать Виталию, Аля

решительно набрала его номер. Они почти никогда не перезванивались между собой, и сейчас Александра думала только об одном: чтобы он не сбросил её звонок.

— Да, — вопреки её ожиданиям, супруг ответил. Голос его был крайне раздражённым, но сейчас Александру это мало интересовало.

Едва не срываясь на крик, она передала мужу разговор с братом.

— Ты должен немедленно узнать, что твой отец написал в завещании!

— За информацию спасибо... — судя по тону, Виталий не был намерен продолжать разговор. — А что касается остального — я сам разберусь, что мне делать. Тебя это не касается.

Возразить она не успела — муж просто отключил телефон. Понимая, что телефонный разговор с матерью может принести такие же результаты, Аля позвонила той и попросила приехать «для важного разговора». Уже на следующий день Вероника Григорьевна сидела в гостиной дочери и слушала её истеричный рассказ. Миша был в школе, поэтому Александра не стеснялась в выражениях.

— Аля... — после того, как дочь, наконец, умолкла, Вероника заговорила не в пример ей — негромко, но придавая своему голосу как можно больше убедительности. — Послушай меня... Отступишь. Не тобой нажито... не тебе и делить.

— Ну, и что, что не мной?! — сделав круглые глаза Александра, — Мама, ты что, хочешь, чтобы их наследство досталось этой проститутке?! Этой Фаине?!

— Вот именно, Аля... — мать согласно кивнула. — Это и х наследство. А ты тут ни причём.

— А Мишка?! Он — их внук! И всё должно достаться ему! Мама, ты не видела... а я видела ту шкатулку... Они дома её в сейфе держали... Там такие драгоценности, тебе даже не снилось! Мне свекровь даже несчастного колечка не подарила... А Фаина, наверное, носит — и кольца, и ожерелья, и серьги с бриллиантами! Ты считаешь, это справедливо?!

— Аля, перестань... — Вероника бросила укоризненный взгляд на дочь. — Ещё раз говорю: не тобой куплено, не тебе и распоряжаться.

— А Миша?! — возмущение Александры было таким искренним, что мать не сразу смогла ответить, а лишь глубоко вздохнула.

— Миша... — чуть усмехнувшись, Вероника опустила глаза, — Мне ли тебе говорить, что Миша им неродной... Отступишь дочь. Христом Богом тебя прошу. Отступишь. Пусть они делят свои богатства. Достанется что Мише — спасибо... Не достанется — так тому и быть.

— Ну, не-е-ет... — Аля медленно покачала головой, — Отступаться я не собираюсь. Я всё равно узнаю, на кого он это завещание составил. Старый маразматик... у него же с головой не всё в порядке! Ты что, сама не видела?! Он неменяемый! Надо его показать психиатру, и пусть дадут заключение, что он недееспособный, и отменят все его завещания! Пусть лучше Виталику достанется, хотя бы половина...

— А, если Фаина и вправду беременна? — мать недоверчиво посмотрела на дочь, — В этом случае Виталий уже не единственный сын...

— Да я её... — от охватившего её гнева, Александра сжала кулаки.

— Успокойся, Аля... — мать положила ладонь на руку дочери. — Никому ещё от этих судебных дел проку не было... Пусть они сами как хотят, так свою кучу и разгребают... А я вот что думаю. Что-то нехорошее над нашей семьёй нависло... Предчувствия у меня плохие...

— Какие предчувствия?.. — ещё не успокоившаяся до конца Александра бросила на

мать взгляд исподлобья.

— Сама не знаю... Но тревожно как-то... И у тебя с Виталиком не сложилось, и у Олега проблемы... Папа болен... да и я не вечная. За Мишу я очень боюсь... Если что с нами, у него никакой опоры нет и не будет.

— Так вот поэтому... — услышав слова матери, Аля уже хотела снова вернуться к волнующей её теме, но та остановила её жестом.

— Подожди, дай скажу... — мать устало подалась вперёд и снова вздохнула. — Ты пойми, что, даже получи Миша какое-нибудь наследство, им ведь ещё распорядиться надо, с умом. Да и не в деньгах дело... Ему плечо надёжное необходимо, поддержка. Ты уж прости, дочка... но на тебя у меня надежды нет. И на Олега тоже нет... Горько мне всё это говорить... но... случись что, Миша останется один...

— Ну, и к чему ты это всё мне говоришь?.. — Александра недовольно поджала губы и сложила руки на груди. Слова матери показались ей обидными.

— Я к тому... — Вероника Григорьевна на секунду замолчала, как бы собираясь с духом, — Я к тому, что мы должны разыскать Мишиного отца.

— Зачем?!

— А, вдруг он его признает?.. Может, он хороший человек? Ведь характером-то Миша — не в тебя...

Глава 19.

В первые дни после того, как он прочёл написанное Юлей письмо, Виталий ещё думал о девушке, и даже пару раз заезжал к ней домой. Цель визита нельзя было назвать благородной: Мясников приезжал с твёрдым намерением уговорить Юлию сделать аборт. Дети, даже не обременяющие личную жизнь, в его ближайшие планы не входили, проблемы, нависшие над ним, были гораздо важнее отцовских обязательств.

Понимая, что, по сути, он использовал секретаршу Олега, Виталий испытывал ощущения, отдалённо напоминающие чувство вины. Перспектива рождения ребёнка эти ощущения только усиливала, и этому нужно было положить конец.

Вся эта история рано или поздно выйдет наружу — Олежек постарается... и ему, Виталию, совершенно не нужны разговоры за спиной, что он бросил своего собственного ребёнка и его мать без помощи. Юлю нужно было уговорить, и как можно скорее. Аборт, пусть и поздний, должен был избавить и его, и её саму от лишних хлопот и проблем. Он готов был заплатить за операцию, и даже дать денег самой Юлии, в качестве моральной компенсации...

«Чёрт... и надо же было ей написать это самое письмо...»

Действительно, не будь этого письма, он бы не воспринял её беременность, как некое обязательство, и даже намёки Олега не сыграли бы в этом деле решающей роли. Мало ли от кого может быть беременна молодая женщина... а домыслы — это всего лишь домыслы, они не несут никакой морально-этической функции.

Но вот письмо... прочитав его, Виталий чувствовал себя уже по-другому. Это дополнительная психологическая обуза, рухнувшая на его плечи в совершенно неподходящее время. И уж её-то нужно было сбросить в первую очередь.

Юлю дома он не застал, ни в первый, ни во второй приезд. Она как сквозь землю провалилась. Спрашивать о ней у соседей Мясников не стал, во избежание лишних пересудов. Он мог бы уточнить у Олега, куда делась его прежняя секретарша... ведь, судя по тому, что было написано в записке, Юля собиралась работать до декрета... а это минимум

ещё пару месяцев. Но Виталию совершенно не хотелось поднимать эту тему именно со своим партнёром, и именно сейчас.

В конце концов, решив, что, возможно, Юля уехала к себе домой, Виталий успокоился. Значит, такова была её воля. Она хотела ребёнка — она его получила. Она сама написала, что не имеет к нему никаких претензий — он просто согласился с её выбором.

И, чёрт возьми, не время сейчас, когда земля под ногами начинает гореть, забивать голову такими мелочами, как прошлые мимолётные связи... У него их было достаточно для того, чтобы привыкнуть и не мучиться каждый раз угрызениями совести.

В конце концов, нужно начинать приводить в действие составленный им план по спасению своего бизнеса.

— Ты сейчас дома? — декабрьским вечером в трубке домашнего телефона прозвучал Танин голос.

— На квартире... — они никогда не перезванивались в это время, и сейчас он совершенно не ожидал её звонка.

— Я еду к тебе... — в её голосе сквозило отчаяние. — Ты... один?..

— Один...

Он даже не мог сообразить, рад он тому, что сейчас увидит свою любовницу, или нет. Их свидания и раньше были не частыми, а в последнее время происходили ещё реже — Таня подозревала, что муж установил за ней слежку, и испытывала буквально физический страх перед разоблачением их с Виталием связи.

Видимо, произошло что-то из ряда вон выходящее, если она решилась так поздно покинуть дом и приехать к нему на квартиру.

— Виталик!.. — через полчаса, переступив порог, Татьяна рухнула в его объятия. — Я больше не могу... я не могу, Виталик!..

— Ну, всё... всё... — прижимая к себе обмякшее женское тело, Мясников приник губами к её виску, — Всё хорошо... ну, что с тобой?..

Глядя на Таню, можно было подумать, что она не в себе. Уткнувшись Виталию в плечо, она дрожала, всхлипывала — он чувствовал, как домашняя футболка становится влажной от её слёз. Он сам снял с неё и шубку, и сапожки, и увёл в гостиную. На Тане был домашний халат — это говорило лишь о том, что свой дом она покидала в спешке.

— Что случилось? — усадив Татьяну на диван, сам он присел рядом на корточки и взял в руку её ладонь.

— Он меня ударил... — Таня чуть успокоилась, но всё ещё лихорадочно вздыхала.

— С-сволочь... — Виталий провёл ладонью по её всё ещё влажной щеке, — Не плачь...

— Но это не самое страшное... — перехватив его руку, Татьяна на секунду прижалась к ней губами, — Я бы не пришла только из-за этого...

— Рассказывай всё, как есть, — присев рядом, Мясников обнял её за плечи, — и ничего не бойся. Ты же со мной...

— Я догадывалась, что он знает о нас... — Таня заговорила негромко, глядя куда-то впереди себя, — А сегодня... я не могла найти свой сотовый телефон. Я спросила Олега, но он сказал, что не видел... Я стала искать по квартире, но он почему-то разозлился... В последнее время он постоянно злится, я даже боюсь с ним разговаривать дома...

— И что дальше?.. — в ожидании продолжения Таниного рассказа Виталий даже затаил дыхание.

— Я очень расстроилась. Мама болеет, я с ней созваниваюсь постоянно... на работе не

разрешают пользоваться межгородом в личных целях, вот я и звоню ей днём по сотовому.

— А он?

— Он говорил, что не знает, где мой телефон, и что я его сама где-то посеяла... А буквально через минуту раздался звонок, я узнала свою мелодию. Я догадалась, что телефон находится в его сейфе... Он его там спрятал! Я попросила отдать его мне... А он... он ответил, что я ошиблась, и что могу сама открыть сейф и убедиться, что там нет моего телефона... Я попросила у него ключ... а он сделал вид, что удивился, что у меня нет ключа от его сейфа... Я тоже удивилась... я сказала, что у меня его никогда не было... А он сказал, что это странно... ведь я умею делать слепки с ключей... Понимаешь, что это значит?!

— Понимаю, — слушая женщину, Мясников становился всё мрачнее.

— Он знает, что это я сделала слепок с его ключа... Понимаешь?! Он з н а е т!.. И уже давно... но молчит. Ты понимаешь, что это значит?! — Таня подняла на Виталия полные новой порции слёз глаза, — Он что-то задумал!.. Я его знаю... он никогда не раскрывает карты сразу... он замечательно владеет собой, он может долго молчать и делать вид, что всё нормально... А сам в это время вынашивает план мести. Мне страшно, Виталик...

— Не бойся...

— Он телефон спрятал, чтобы я не могла никому позвонить! Понимаешь?! С домашнего при нём я не звоню ни тебе, ни маме... Только с сотового... он хотел лишить меня связи с тобой...

— За что он тебя ударил?

— Ни за что. Видимо, не выдержал... Я просила отдать телефон, а он подошёл и ударил...

— А раньше?.. Он поднимал на тебя руку?

— Нет... — Таня покачала головой. — Никогда. И сейчас повода, в общем-то, не было. Мы даже не ругались, даже тон не повышали... такая интеллигентная перепалка... А он просто подошёл и ударил. Если бы ты видел, какие у него при этом были глаза... Я ушла не из-за пощёчины. Мне, действительно, стало страшно.

— Как он тебя отпустил? — Виталий говорил отрывистыми фразами, чуть поджимая губы.

— Это вышло совершенно случайно. Он пошёл в ванную, а я... я сбежала, накинула шубу на халат, и... сбежала. Тебе звонила из автомата.

— Я так и понял, номер не определился.

— Я знаю, что не должна была ехать к тебе... но я очень испугалась... Мне очень страшно, Виталик!

— Танечка...

— Давай, уедем!.. Пожалуйста, давай уедем, Виталик!.. Я боюсь оставаться даже в этом городе...

Снова расплакавшись, Таня обхватила руками его плечи и уткнулась куда-то в шею. Борясь с охватившим его желанием, Мясников ещё крепче прижал к себе вздрагивающее женское тело. Таня была в его руках — такая близкая, родная, желанная... Ему ужасно захотелось потянуть вниз молнию её халатика... повалить на диван, слиться с плотью... но мысли о том, что за произошедшим между ней и Олегом стоит гораздо большее, чем семейная ссора, отрезвили, вызвав лишь глухой стон сожаления.

Как будто прочитав его мысли, женщина слегка отстранилась и взглянула ему в глаза.

— Давай, уедем... бросим всё... — она говорила лихорадочно, всё ещё всхлипывая, —

Завтра я заберу детей... Нет... Давай так... я вернусь за детьми, сразу он со мной ничего не сделает... а ты как можно скорее реши свои дела... А мы пересидим на твоей квартире, здесь... Он же про неё не знает?.. А потом мы просто исчезнем...

— Он знает про эту квартиру.

— Как?! — в глазах Татьяны отразился неподдельный ужас. — Откуда?!

— Я не знаю, но... на днях он приходил к Сандре, и назвал этот адрес.

— Зачем?!

— Пока не знаю. Но он, действительно, что-то задумал. А вот что, я пока не могу понять. Мой отец написал завещание, Олег и про это узнал. Рассказал почему-то не мне, а Сандре. Скорее всего, это какой-то ход: зная свою сестру, он не просчитался... та теперь все силы направит на выяснение подробностей... Он думает, что это выбьет меня из колеи... — Виталий мрачно усмехнулся, — Что ж... на войне все методы хороши. Ему нужно меня отвлечь, он использует любой повод для беспокойства.

— Он страшный человек...

— Да никакой он не страшный, — Виталий недовольно поморщился. — Просто у него огромные связи в ментовской среде, много каналов для получения информации... Он даже каналы своего отца под себя подмял. Звонит от его имени, получает нужные ему сведения... Вот и весь его багаж. А на самом деле он — трус. Иначе он давно бы устранил меня физически.

— Что ты такое говоришь?! — глаза Тани испуганно округлились, — Как это — физически?!

— Обыкновенно.

— Господи, нет... хотя... — задумавшись на секунду, она медленно кивнула, — Он это может... теперь и я не сомневаюсь в этом.

— Успокойся, Танюшка... — он снова привлёк её к себе и поцеловал, — Расслабься... в конце концов, я по тебе ужасно соскучился...

...Через полчаса, одевшись, Виталий вышел на кухню. Достав из холодильника начатую бутылку виски, поставил её на стол. Открыл навесной шкафчик, потянулся за широкими стаканами.

...Пришло время решительный действий... Из множества планов, которые он строил все эти дни, верным оставался лишь один. И воплощать его нужно было немедленно. Судя по тому, как в последнее время вёл себя его партнёр, тому не удалось договориться с Лозинской о цене предательства... А это значит, что подвоха теперь нужно ждать не с одной стороны, а сразу с двух. Олег не зря злится... ему даже изменила его невероятная выдержка — он ударил Татьяну, выместив на ней свою злобу.

Лозинская отказалась платить озвученную им сумму... Это ясно как белый день. Иначе уже было бы назначено собрание акционеров с новыми действующими лицами... А этого пока не происходит. Значит, акции Олежека пока при нём... Впрочем, это ненадолго. Лозинская может сделать так, что Дзюба сам принесёт ей свои акции и положит на стол... Она уже и так сделала всё возможное и невозможное, чтобы их бизнес оказался на грани разорения.

...Так чего он ждёт?.. Оставшись не у руля, Олежек не пропадёт. Адвокатская контора, связи, довольно известное имя... А что у него, Виталия?.. Опыт работы... Он хороший производственник, неплохой руководитель... у него ясный, трезвый, расчётливый ум... Неплохой багаж, чтобы предложить себя в роли ценного работника.

...Но делать это нужно уже сейчас, он и так слишком много времени потерял, взвешивая все за и против. А всё может случиться в любую минуту... да что там минуту — в любую секунду!

...Олег не мог не догадаться, куда сбежала обиженная им жена... и любое алиби, которое представит ему завтра Таня, воспримется им, как обман — несмотря на видимое хладнокровие, Олег начинает терять терпение. Это может спровоцировать его на крайние меры... Действительно, ждать больше нечего. Компромисс с врагом — лучший выход...

Только с каким из двух?..

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Знаешь, пожалуй, я вызову такси и поеду домой, — Таня стояла в дверях, затягивая пояс халатика.

— Куда ты поедешь? — он удивлённо оглянулся, — Я тебя не отпущу.

— Нет-нет... — она быстро покачала головой, — Там же дети... Я не смогу остаться.

— Они не одни. Скажешь, что ночевала у подруги.

— Он уже всех обзвонил... я не сомневаюсь. Скажу, что просто ходила по улице...

— Давай лучше поужинаем. И немного виски тебе совсем не помешает.

— Я не могу вернуться с запахом алкоголя.

— Сегодня ты никуда не пойдёшь... — он подошёл к ней и провёл рукой по волосам, — Сегодня ты — моя...

— А завтра?.. — она смотрела на него с нескрываемым ожиданием.

— И завтра... и послезавтра...

Ему всё же не удалось уговорить Таню остаться до утра. Он смог лишь убедить её не возвращаться сейчас домой, а поехать к подруге. От его машины Таня категорически отказалась, и Виталий вызвал ей такси.

Он был уверен, что Олег не приедет на эту квартиру в поисках жены, во всяком случае, пока — тот явно следовал какому-то плану, и публичное разоблачение связи Татьяны и Виталия в него пока не входило. Но сама Таня очень боялась и за себя, и за своего любовника, поэтому, уже около двенадцати ночи она позвонила своей знакомой и предупредила, что сейчас приедет к ней ночевать.

— Скажу, что поругалась с Олегом... — сидя на стуле в прихожей, она застёгивала сапожки, — Один раз можно пойти на такой шаг...

— Он ей точно не звонил? — наблюдая за Татьяной, Виталий стоял в дверном проёме со сложенными на груди руками.

— Она сказала, что нет. Да это неважно... я скажу, что просто ходила по улице, а потом поехала к ней.

— Не нравится мне это...

— Так будет лучше... — она окончательно оделась и, подойдя к нему, прижалась к груди. — И легче врать...

— Нам всю жизнь приходится врать...

— Но ведь ты всё решишь?.. — она подняла на него полный надежды взгляд. — Мы уедем?..

— Конечно, я всё решу... — он запустил в её волосы ладонь и прижался губами к макушке. — Всё будет хорошо... вот увидишь.

Утром Виталий, как ни в чём не бывало, позвонил своему партнёру и, придумав какую-то дежурную причину, попросил срочно приехать к нему на завод. Он ещё был дома, когда

через полчаса позвонила Таня — она уже вернулась домой и, дождавшись, когда уедет муж, набрала номер Виталия. По её словам, Олег пытался узнать, где она ночевала, и, услышав ответ, кажется, поверил... Во всяком случае, алиби с девяти вечера до семи утра она себе обеспечила.

Недоверчиво усмехнувшись про себя, Виталий не стал сейчас разубеждать её в этом... Она и так напугана, зачем пугать больше?.. Сам же он был уверен, что Дзюба не только не поверил жене... Более того — он наверняка думает, что сразу после ссоры жена отправилась именно к нему. Об этом говорил хотя бы тот факт, что Дзюба ограничился несколькими звонками её знакомым... он даже не попытался разыскать её на улице, так как был абсолютно уверен, где она сейчас находится и с кем.

...Виталию очень хотелось, чтобы Таня вошла в его жизнь — прочно и навсегда... Но пока этому мешали многие обстоятельства. В то же самое время, тревога за любимую женщину только усиливалась...

Он терялся в мыслях. Забрать Татьяну с детьми к себе именно сейчас?.. Слишком рано. Ему ещё нужно немного времени, чтобы укрепить свои позиции... а, сойдись он сейчас с Татьяной, у Олега только развяжутся руки

С другой стороны, оставаться Тане с Олегом — опасно.

Встретившись с Олегом в своём кабинете, Виталий без конца бросал на партнёра пытливые взгляды. Он пытался понять, как далеко зашёл тот в своих планах... Ведь теперь он был для него не только противником в схватке за материальные ценности... Он был соперником в любовных делах...

Учитывая все обстоятельства, можно было не сомневаться: их противостояние будет не на жизнь, а на смерть.

— Кстати... — уже попрощавшись с Дзюбой после их беседы, Виталий как будто вспомнил о чём-то и слегка нахмурил брови, — Как там наша Изабелла? Не в курсе? Что-то слишком тихо в последнее время.

— Понятия не имею, — Олег пожал плечами, — это же ты у нас по женской части... А я так... только документики составить...

От Виталия не укрылась ирония, с которой Олег произнёс эти слова. После вчерашнего визита Татьяны он понимал, что назад дороги нет. Сегодняшняя встреча с её мужем только укрепила его намерения: Олег выглядел крайне возбуждённым, иногда казалось, что он готов сбросить маску деланного дружелюбия и вцепиться своему собеседнику в горло.

Значит, пришло время идти напролом...

Проводив партнёра, Мясников снял телефонную трубку, затем достал из кармана заранее приготовленную визитку и набрал номер.

— Добрый день... Соедините меня с Изабеллой Юрьевной.

— А ты намного умнее своего партнёра... — выслушав Виталия, Лозинская бросила на него заинтересованный взгляд и нажала на кнопку селектора. — Тамара, два кофе, — потянувшись в ящик стола, женщина достала бутылку коньяка и две рюмки, затем снова подняла глаза на гостя. — Пьёшь?

— Ну, в общем... да... — не ожидавший подобного вопроса Виталий невольно усмехнулся.

Сегодня он совершил поступок, к которому морально готовился на протяжении нескольких недель. Ему было нелегко принять такое решение... Но, понимая, что час его

полного поражения всё ближе и ближе, Мясников сам приехал в главный офис «Агропродторга». Его предложение обменять принадлежащие ему акции на то, что за ним сохранится пост генерального директора завода, Лозинская выслушала, не скрывая довольного выражения лица. Виталий ещё в прошлые их встречи отметил очень богатую, живую мимику этой женщины. Она не выглядела ни сухарём, ни надменной леди. Напротив, была очень общительна, остроумна, не лезла в карман за словом, и слово это могло быть вовсе не литературным. Вместе с тем, Изабелла Юрьевна обладала поистине железным характером, о чём свидетельствовали её успехи на деловом фронте в последние несколько лет — ей без особого труда удалось создать довольно крепкую корпорацию, подмяв под себя больше половины самых прибыльных предприятий региона.

Узнав о ней практически всё, что можно было узнать из официальных и неофициальных источников, Мясников понял, что воевать с такой акулой сродни самоубийству. И лучше потерять акции во имя директорского кресла, чем лишиться и того, и другого. Он боялся только одного: что Лозинская не примет его предложения и устранил любым приемлемым для неё способом.

Однако, судя по тому, что через час Изабелла достала вторую бутылку коньяка, она по достоинству оценила поступок Виталия. Они пили на равных, но Лозинскую нельзя было назвать пьяной — даже начав вторую бутылку, она сохраняла ясный ум и чёткую речь. Их разговор не касался дел, кажется, женщина нарочно уводила его в другое русло. Она была поистине умелой собеседницей, и Виталий не переставал удивляться её способности вытягивать ниточку разговора из любого запутанного клубка.

Во время всей беседы он не раз ловил себя на мысли, что её холодный, стальной взгляд никак не вяжется со всем её обликом довольно интересной, несмотря на возраст, женщины. Впервые в жизни Мясникова смущал женский взгляд..

— Что... — разливая в очередной раз коньяк по рюмкам, Изабелла посмотрела Виталию прямо в глаза и негромко рассмеялась, — Удивляешься?

— Чему? — в отличие от хозяйки кабинета, тот чувствовал, как пьянеет всё больше и больше. Он изо всех сил пытался контролировать своё сознание... в другой ситуации он столько бы не выпил, но сейчас почему-то не посмел отказать Лозинской в компании.

— Тому, что я пью и не пьянею, — она не сводила с него насмешливого взгляда.

— Да нет... — он пожал плечами, — Не удивляюсь...

— Не ври, — она положила на стол локти и, прищулив всё ещё красивые карие глаза, чуть подалась вперёд. — Никогда мне не ври.

— Ну, если честно, то... — Виталий размашисто кивнул, — Удивляюсь.

— Вот это — правильно, — женщина чуть прихлопнула рукой по столу, — ненавижу, когда врут. И сама никогда не вру. Говорю всё в глаза, как есть.

— Я заметил... — подцепив пальцами дольку лимона, Виталий отправил её в рот. — Вы любите эпатировать своей прямолинейностью. Вы вообще — очень яркая женщина.

— А ещё я ненавижу лезть.

— Разве я льстил? — он изобразил удивление.

— Тамара... — не ответив на его вопрос, Лозинская вновь нажала на кнопку селектора. — Ещё два кофе. Один — двойной.

— Я что-то сказал не то? — решив, что пора прощаться, Виталий постарался придать лицу серьёзное выражение и чуть привстал, — И, наверное, мне пора... Да?..

— Я разве сказала, что пора? — она взглядом заставила его снова присесть. — Запомни,

мальчик... я сама буду говорить тебе, когда пора, а когда — нет.

— Простите... — Виталий нетрезво приложил руку к груди. — Я подумал, что занял слишком много вашего времени...

— Думать ты уме-е-е-ешь... — Лозинская вновь многозначительно прищурилась. — Чего не отнять, того не отнять...

— Вы так много обо мне знаете?.. — решив, что это игра, Мясников решил её поддержать.

— Больше, чем ты думаешь... но пока меньше, чем мне хотелось бы... — дождавшись, пока вошедшая секретарша поставит перед ними чашки с кофе, Изабелла одну из них подвинула Виталию. — Это — двойной... Пей.

...Он уже с первых слов понял, что лучше подчиняться. Её откровенные команды и слова говорили только об одном: она больше не видит в нём противника... более того, она обращается с ним, как с человеком из своей команды. Ещё совсем недавно Виталия покорило бы подобное обращение. Но теперь он понимал, что всё изменилось. Ему не оставили выбора... Между бесполезной борьбой и сдачей на милость победителя он выбрал белый флаг.

...Если выпитый кофе лишь слегка отрезвил Виталия, то Изабелла выглядела трезвой абсолютно.

— И что теперь? — поставив чашку, он с улыбкой облокотился на стол.

— Я смотрю, ты понимаешь всё с полуслова... — её палец в очередной раз лёг на кнопку селектора. — Вера, машину.

— Мне — пора? — он чуть улыбнулся уголками губ.

— Нам пора...

...Он ещё окончательно не проснулся... он был лишь в стадии пробуждения, когда почувствовал что-то неладное. Этим «что-то» было женское тело, лежащее рядом. Каким-то десятым чувством Виталий понял, что это не Татьяна... и вообще — ни одна из его близко знакомых женщин. Повернув голову, он с удивлением разглядывал копну тёмных волнистых волос на соседней подушке. Женщина лежала к нему спиной, и в первый момент он не мог сообразить, кто это... и, лишь оглядевшись вокруг, понял, что спальня ему вовсе не знакома...

...Вчерашние воспоминания всплывали в памяти одно за другим, приводя в замешательство. Такое с ним было, пожалуй, впервые... Проснуться в чужой постели, с трудом вспоминая все обстоятельства, благодаря которым он и попал в эту самую постель?!

До этого дня в его жизни всё было с точностью наоборот.

Виталий снова напряг память... Визит в офис Лозинской продолжился у неё дома. Он вспомнил, как они ехали в её автомобиле на окраину города, где в элитном посёлке находился её особняк.

Водитель... прислуга... накрытый стол...

Чёрт!.. Он поскользнулся в ванне!.. Они принимали её вдвоём с Изабеллой... Сколько же ей лет?.. Кажется, она называла свой возраст...

«Я никогда не вру. Даже в этом».

Сорок восемь!.. Да, она называла именно это число... Таких «старушек» у него ещё не было. Впрочем, он и не напивался так никогда.

Она говорила что-то ещё... что-то очень важное для него... Стоп!..

«Я назначаю тебя своим заместителем».

Нет, это уже, точно, пьяный бред. Лучше сразу выкинуть из головы...

— Ну, привет... — как будто услышав его мысли, женщина пошевелилась и повернулась на спину.

— Привет... — он даже не знал, что должен сейчас сделать... Обнять?.. Поцеловать?.. Сказать, что это была самая прекрасная в его жизни ночь?..

Глупее ситуации не придумать.

К счастью, Изабелла сама рассеяла все его сомнения. Быстро присев на постели, она потянулась за халатом.

— Никогда не смотри на меня с утра... — отвернувшись, она проговорила чуть хрипловатым голосом. — Я — в ванную.

Подложив под голову руки, Виталий уставился в потолок. Сюрпризы сыпались, как горох из пакета...

«Никогда не смотри на меня с утра...»

Она что, собирается просыпаться с ним каждое утро?..

«Этого ещё не хватало...»

— Держи... — неожиданно войдя в спальню, Лозинская бросила на постель мужской халат.

— Спасибо... — понимая, что глупо натягивать на себя костюм, чтобы дойти до ванной, Виталий сел и протянул руку за халатом. Так неловко он себя ещё никогда не чувствовал.

— Вот теперь я знаю о тебе всё... — он так и не понял, чего больше было в её по-прежнему холодных глазах — иронии или одобрения.

— В смысле?.. — понимая, что должен что-то ответить, он задал этот дурацкий вопрос.

— Ты хороший любовник, — дождавшись, когда он встанет с кровати, Изабелла подошла к нему и встала вплотную, — очень ценное качество для...

— Для кого?.. — он улыбнулся уголком губ.

— Для моего заместителя.

— Это серьёзно? — кажется, он не поверил своим ушам.

— Я же ещё вчера тебе сказала. Ты забыл?

— Нет, но... я подумал, что...

— Запомни, мальчик... — Лозинская медленно потянула за узелок, только что завязанный Виталием, — Я ничего не говорю просто так. Даже под наркозом...

Глава 20.

Предложение матери разыскать родного отца Миши Александра встретила в штыки.

«Этого мне только не хватало! — сердито заявила она, даже не дослушав всех приводимых Вероникой Григорьевной аргументов. — Ты хочешь, чтобы Виталик официально отказался от Миши?! Да он только и ждёт, чтобы я во всём добровольно созналась, разве непонятно?!»

«Аля, это всего лишь дело времени... — Вероника подняла на дочь печальный взгляд. — Виталик и так обо всём давно догадался... Он никогда не будет опорой для Миши... Ни для него, ни для тебя. А мы с отцом не вечные».

«Ты уверена, что Мишкин отец захочет быть ему опорой?» — Александра скептически усмехнулась словам матери.

«Не уверена... Но, кто знает...»

Несмотря на видимое финансовое благополучие, жизнь Александры кубарем катилась под горку, и Вероника Григорьевна не знала, как остановить этот процесс. Она не питала надежд по поводу трезвого образа жизни своей дочери, который та вела вот уже несколько месяцев — чтобы окончательно покончить с алкоголем, нужно в корне менять свою жизнь, а Аля делать этого вовсе не собиралась. Она не стремилась работать, все её занятия сводились лишь к походам по магазинам, телевизору и вечерним прогулкам с новым любовником, связь с которым Вероника Григорьевна отнюдь не одобряла, но и не осуждала открыто — зная, что дочь её не послушает.

Чувствуя, что мать теперь занята исключительно собой, Миша практически переехал к бабушке с дедушкой. Вероника Григорьевна была и рада, и не рада... С одной стороны, любимый внук всегда был при ней, но, с другой стороны, она прекрасно понимала, что Александра постепенно теряет связующую нить со своим единственным сыном, нить, которая была сродни пуповине и питала уже не ребёнка, а саму мать, наполняя смыслом её жизнь всё меньше и меньше.

Александра сразу рассказала матери о Роме — других подруг у неё не было никогда, а поделиться своим «юным» счастьем очень хотелось... Понимая, что сейчас дочери, действительно, лучше уйти с головой в новое чувство, чем снова окунуться в полную рюмку, Вероника скрепя сердце приняла её неожиданное увлечение... На Виталия она уже махнула рукой — его поведение говорило о том, что он окончательно ушёл из семьи, и любовные похождения супруги в данной ситуации не входят в разряд причин для претензий.

На нового любовника надежды и вовсе не было — Роман был обыкновенным студентом, и Вероника Григорьевна прекрасно понимала, что его интерес к Александре не носит благородного характера... Скорее всего, парень решил развлечься с дамочкой, годящейся ему если не в матери, то в очень старшие сёстры... Веронике Григорьевне было стыдно за свою дочь, она чувствовала, как душа обливается кровью, когда представляла себе шикарно одетую, полноватую, тридцати трёхлетнюю Александру в компании худощавого двадцатилетнего паренька... Напрасно Аля уверяла её в том, что Роман не похож на юного альфонса... ведь она не покупает ему дорогих подарков, не содержит на своём иждивении... За тот месяц, что они встречаются, он ни разу не попросил денег у своей взрослой любовницы... Да, в рестораны они ходят за её счёт, но она получает больше удовольствия и морального удовлетворения, чем тратит денег на романтический ужин, ведь она теперь не употребляет алкоголь, а платить только за еду — это такие мелочи... Даже несмотря на то, что Виталий уменьшил её содержание.

Слушая дочь, Вероника Григорьевна недоверчиво качала головой и старалась спрятать взгляд — от стыда...

Нехорошие предчувствия не оставляли уже немолодую женщину, и мысль о том, что нужно разыскать настоящего отца Миши, становилась всё навязчивей. Советоваться с мужем было страшно — сначала из-за его характера, ведь пришлось бы многое объяснять Семёну Ильичу. Хоть тот уже не в первый раз слышал намёки на то, что его первый и самый любимый внук вовсе не от Виталия, но пока ещё пребывал в полном неведении, благодаря умелым отговоркам его дражайшей супруги. Теперь же Вероника Григорьевна была бы и рада, наконец, сбросить с плеч тяжёлую ношу лжи, но здоровье мужа очень сильно пошатнулось в последнее время, и такое вот «откровение» могло стоить ему если не жизни, то очередного сердечного приступа. Сам факт того, что когда-то дочь нагуляла ребёнка, а потом скрыла этот позор случайным замужеством, был не так страшен для пожилого отца,

но вот новость о том, что целых шестнадцать лет его обманывала собственная жена, которой он доверял как себе, могла быть поистине роковой.

Взвесив все за и против, Вероника Григорьевна решила не посвящать в свои окончательно созревшие планы ни дочь, ни мужа. Единственным её «сообщником» мог быть теперь только сын Олег. Старые связи отца, а так же его собственные, которые он завёл ещё много лет назад, после окончания юридического факультета, серьёзно обросли и увеличились за это время, и Олегу ничего не стоило обратиться к знакомым работникам управления внутренних дел, чтобы разыскать нужного человека.

...У Олега Дзюбы никогда не было особенной привязанности к сестре, впрочем, Александра отвечала брату полной взаимностью. Ещё в детстве они втайне ревновали друг к другу родителей, сравнивая игрушки и одежду, а позже — суммы денег, которые отпускались им на карманные расходы. Между ними не было открытого противостояния, но и дружбы не водилось никогда. Гораздо больше, чем к сестре, Олег был привязан к Виталию, деля с ним юношеские, а потом и более взрослые «забавы».

Да, несмотря на их ссоры и стычки, Виталик был ему неплохим товарищем, а потом и партнёром... Ровно до того дня, когда в душу Олега впервые закралось сомнение в неверности жены. Он никогда не обольщался насчёт чувств Татьяны — их брак был, увы, не по любви, а по банальному «залёту», в результате действий Олега, которые можно было смело квалифицировать, как изнасилование. Но, поддавшись извинениям и признаниям в любви, Таня и не подумала призывать его к ответу, а покорно пошла со своим «насильником» под венец, когда узнала о беременности. Олег, действительно, любил жену, кроме того, ему очень льстило, что рядом с ним такая красивая женщина. В отличие от мужа, Татьяна полюбить его так и не смогла, однако, на развод не подала даже после того, как первая беременность окончилась трагически — почти сразу после свадьбы у молодой женщины случился выкидыш. Стать матерью она смогла лишь спустя три года — как бы в компенсацию, природа наградила их с Олегом сразу двумя сыновьями.

Внешность Олег имел вполне заурядную, если не сказать хуже, к тому же, обладал непростым характером, поэтому всегда трезво оценивал свои реальные возможности удержать возле себя такую привлекательную женщину — после рождения детей Татьяна ещё больше расцвела. Несмотря на то, что в первые десять лет семейной жизни супруга не подавала поводов для ревности, Олег бдительности не терял, и неутешительные перемены заметил сразу... Они произошли более двух лет назад, и всё это время он был подобен затаившемуся зверю. Наделённый природной интуицией, Олег понимал, что выяснения отношений, запреты и скандалы не принесут никаких результатов. Однажды выйдя из-под контроля, жена вполне могла найти другого любовника и уйти к нему навсегда...

Виталий же был сам заинтересован, чтобы их связь с Татьяной не выходила наружу... Партнёрство двух мужчин не предполагало внезапного разрыва, поэтому всё это время Олег тщательно и неторопливо готовил план мести. Месть предполагалась убийственной — лишившись и любовницы, и бизнеса, Виталий должен был уподобиться человеку с вырванным сердцем...

Он долго ждал момента, когда можно будет осуществить этот план... Но что-то пошло не так. Мясников всегда был любимцем женщин, вот и сейчас... проклятые бабы всё испортили.

...Это был его единственный прокол... Узнав от своего охранника о том, что Виталий закрутил роман с Юлией, Олег даже подумать не мог, насколько далеко простираются

намерения его партнёра. Да, было странно представлять Мясникова с этой невзрачной девочкой... Олег тогда решил не придавать значения такому вот «бзику» Виталика... тем более, что доступа к личной информации шефа Юля не имела. Ключи от сейфа он всегда носил при себе... даже дома он не выкладывал их из кейса — вернувшись с работы, он обычно прятал кейс в домашний сейф. Он до сих пор не понимал, как Татьяне удалось сделать слепок с ключа...

Он догадался об этом слишком поздно. Это — его непростительная ошибка... Своим незаурядным мышлением он был обязан своему отцу — не зря Семён Ильич дослужился до своих чинов и должностей... Олег всегда гордился этим сходством, и вот теперь... так «лохануться» мог только самый настоящий идиот.

...Просьбу матери помочь найти некоего Александра Морозова, приблизительно тридцати пяти — тридцати шести лет, в своё время окончившего военное училище в их городе, Олег выслушал вначале довольно скептически. Зная свою сестру, он вполне обоснованно предположил, что Алька могла наврать и в этом случае... Но потом, поразмыслив, изменил своё мнение. Он тоже давно догадывался, что Виталий вовсе не отец его единственному племяннику, но эта тема его не интересовала, к тому же было очень трудно представить себе кандидата в Мишкины отцы: в юности сестра встречалась только с Виталием, других парней у неё просто не было. Поэтому версия о случайном сексуальном партнёре была вполне оправданной.

Теперь же, в свете последних событий, любая информация, касающаяся его бывшего приятеля, могла оказаться полезной... Об этом говорил и его личный опыт. Олега не так беспокоило будущее племянника, как способ отомстить Мясникову уже другим, неожиданным для того способом. Обратившись к знакомым из отдела розыска, он не очень надеялся, что человек с такими данными, как у «мифологического» Александра Морозова, действительно, существует... а, если существует, то пока непонятно, как можно будет распорядиться полученной информацией... Но одно он знал точно: эта информация рано или поздно может ему пригодиться.

К его удивлению, запрос дал положительный результат, и уже через несколько дней Олег приехал в дом к родителям. Улучив момент, когда рядом не было отца, он протянул Веронике Григорьевне сложенный вчетверо лист.

— Вот, — приглушив голос, он наблюдал, как мать разворачивает бумагу, — Морозов Александр Иванович. Тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения... Проходил обучение... годы сходятся... Фамилия и имя очень распространённые. Там, у них, в училище, сразу три Морозовых учились в этот период... Но Александр — один.

— Может, действительно, он... — кивнув сыну, Вероника Григорьевна тоже заговорила шёпотом, — А где он сейчас?

— Вот же, читай... — Олег пальцем показал на строчку, — В настоящее время проживает... улица... дом, квартира...

— Так он здесь и живёт?! — мать обрадованно взглянула на сына поверх очков. — Смотри-ка... я думала, что уехал...

— Уезжал, но потом уволился из армии и вернулся... Видишь?.. В настоящее время является владельцем строительной фирмы... женат... имеет сына...

— Как ты думаешь?.. — Вероника Григорьевна снова бросила на Олега пытливый взгляд. — Он?..

— Понятия не имею... — тот усмехнулся, — Мама, всё это лишь со слов самой Альки...

а как там было на самом деле, мы не знаем. Может, она и имя придумала, и фамилию.

— Нет. Олежек, она не обманывает... — женщина энергично замотала головой, — Аля не обманывает... Нам теперь главное узнать — этот ли Александр...

— Пусть она с ним встретится... — Олег пожал плечами, — Посмотрит хотя бы со стороны, вспомнит... он или не он... Надеюсь, не совсем из памяти стёрся?..

— Ой, что ты!.. — Вероника отчаянно замахала рукой, — Она и слышать не хочет!.. Запретила его искать, боится, что до Виталика дойдёт... Ведь никто не знал, кроме неё и меня... И ты никому не говори пока, слышишь?! Не дай Бог, ещё отец узнает...

— Так зачем ты его искала тогда? — сын удивлённо посмотрел на мать, — Пятнадцать лет никому не говорила, а теперь вдруг...

— Это на всякий случай... — Вероника Григорьевна сняла очки и чуть прикусила дужку. — Сам видишь, что у них с Виталиком творится... он на развод подаст того и гляди... Да и Аля тоже... нашла себе какого-то мальчишку... Миша никому не нужен, кроме нас с отцом. А мы... мы не вечные...

— Да ладно тебе. Мишка уже взрослый.

— Да что ты, Олежек! Пятнадцать лет — взрослый?! А в жизнь как вступать?.. Плечо нужно, а его нет. У тебя свои мальчики, да и не до того тебе... — женщина тяжело вздохнула и снова подняла на Олега взгляд. — Ты вот что... Ты про то, что узнал, пока никому не говори... Но, если с нами что-то случится, отдай эту бумагу Мише, и тогда только всё ему расскажи... На Алю у меня надежды нет.

— А вдруг это не тот человек? — Олег недоверчиво хмыкнул. — Всё ведь может быть... Ты ж его никогда не видела.

— А я посмотрю! — Вероника с готовностью кивнула, — Я теперь знаю, где его искать... Я со стороны посмотрю, и сразу скажу — он или нет!

Решив, что мать может выдать себя по неосторожности, наблюдая со стороны за Морозовым, Олег пообещал, что достанет его фотографию. Уже через пару дней он показывал Веронике Григорьевне фото мужчины, сделанное на улице специально нанятым частным детективом.

— Вот, что получилось... — Семён Ильич отлучился из дома, и Олег спокойно положил на стол несколько увеличенных снимков. — Снимал на ходу, мне потом ребята из отдела помогли увеличить...

— Слу-у-у-шай... — Вероника внимательно вглядывалась в незнакомые черты. — Мне кажется, что это — он... Смотри... и овал лица... и нос, и разрез глаз... даже улыбка, как у Миши... Олежек, это — он!

— Возможно, ты и права... — Олег тоже напряг зрение, — Я бы сказал, что ты, скорее всего, права... Похож...

— Я должна увидеть его вживую!.. — женщина не отводила взгляда от фотографии, — Олег, я просто обязана его увидеть...

— Зачем?

— Я должна понять... — Вероника Григорьевна для пущей убедительности приложила к груди руку, — Я должна понять, что это за человек... я должна увидеть его семью...

— Думаю, что тебе это ничего не даст... Тем более, что у меня сейчас совсем нет времени. У меня огромные проблемы, мама...

Олег уже был не рад, что ввязался в это «расследование». В конце концов, у него собственная семья и собственные неприятности, которые с каждым днём только набирают

силу. И ему сейчас вовсе не до семейных тайн... Он и так помог матери выяснить всё о предполагаемом отце племянника. Ему самому вполне хватит полученной информации, так что он спокойно может умыть руки.

Однако, Вероника Григорьевна упрямо твердила, что должна посмотреть и на жену, и на сына Морозова, чтобы составить о них хотя бы предположительное мнение. Она так загорелась этой идеей, что Олегу пришлось пообещать ей достать и их фотографии, пока мать, действительно, не поехала в гуманитарный лицей, где работала Анна и учился Дмитрий — именно так звали членов семьи Александра.

Повторно обратившись всё к тому же детективу, он через несколько дней удивлённо вглядывался в красивое женское лицо... Женщина на фото явно была ему знакома, но он никак не мог вспомнить, где и когда он мог её видеть. Смущало и имя — Анна...

...Внезапная догадка настигла его уже по дороге к родителям. События пятнадцатилетней давности всплывали в памяти одно за другим.

«Нет... таких совпадений просто не бывает...»

Аня... Анечка, с которой он познакомился на танцах в деревне, куда приехал вместе с Виталиком тогда... в ту давнюю осень... Девушка, из-за которой «вляпался» сам Виталик... и за которой он сам гонялся ещё какое-то время...

Да, это она — Аня... Он её, наконец, вспомнил... Выходит, что она вышла замуж именно за того самого парня, от которого Сандра родила ребёнка?!

Но так не бывает... Это — случай один на тысячу... на миллион...

И, тем не менее, по всему выходило, что это — так.

Он не стал рассказывать матери всех подробностей, просто отдал ей фото Анны и Дмитрия...

— Теперь это — наша с тобой тайна, сынок... — убирая все фотографии в конверт, Вероника Григорьевна взглянула на сына. — Запомни... Если что с нами...

— Да понял я, понял... — Олег нетерпеливо перебил мать, затем удивлённо кивнул на маленькую латунную пуговицу, которую та собиралась бросить туда же, — А это — что?..

— А это... — Вероника едва заметно усмехнулась, — Это — пуговица с формы этого парня... Она тогда оторвалась, и Аля привезла её с собой...

— А зачем она тебе?

— Ну как?.. — мать непонимающе посмотрела на него поверх очков, — Это же доказательство... пуговица Мишиного отца...

— Ты что, хранила её столько лет?!

— Хранила... Аля хотела выкинуть... а я — спрятала. Мало ли что...

...Вернувшись домой, Олег сразу почувствовал неладное. Вопреки обыкновению, сыновья не выбежали к нему навстречу... В детской было пусто... Ни детей, ни Татьяны не было ни в гостиной, ни на кухне... Несмотря на поздний час, квартира встретила его тёмной прихожей и непривычной тишиной.

Кажется, впервые за последнее время он пожалел, что забрал у жены сотовый телефон. Он не знал, где она сейчас и не мог с ней связаться... Он мог бы ещё предположить, что Таня с детьми ушла в гости, в театр, в кино, ещё чёрт знает куда... Но что-то в окружающей его обстановке говорило о том, что её отсутствие имеет под собой совершенно другой смысл... и что ждать её не стоит... ни сегодня, ни завтра, ни через неделю...

...Он со злостью открывал все шкафы, комоды, тумбочки... Там, где ещё утром висела одежда её и детей, сейчас качались лишь пустые вешалки... опустевшие ящики издавали

какой-то особенный звук, отдающийся в мозгу зловещим эхом.

Нет, так быть не должно... Она не могла уйти, ей просто некуда уйти... не бросила же она его, в конце концов, ради Виталия... Ведь Виталий сейчас — ничто... Он — никто, он больше не акционер и не владелец их завода... Буквально на днях он сам, добровольно, уступил свои акции Лозинской... Он их даже не продал, Олег знает об этом наверняка... Да, Лозинская сохранила за ним пост директора, но это временно... Он, Олег, уже знает, как сместить Мясникова с этого поста... И теперь ему не мешает никто — ни жена, ни секретарша, ни сам Виталий...

Но её нет. Выходит, Татьяна ушла к нищему любовнику?! Бред...

...Схватив телефонную трубку, Олег торопливо набирал знакомый номер.

— Где Татьяна?.. — он не стал ни здороваться, ни объяснять цель своего звонка.

— Олежек... ты, что ли?! — Виталий был, кажется, искренне удивлён звонку бывшего партнёра.

— Слушай... — внутри всё кипело, и Дзюба из последних сил сохранял более-менее спокойный тон. — Ответь мне только на один вопрос... Где Татьяна?! Они у тебя?!

— Кто — они?..

— Таня с детьми... дай ей трубку!

— С чего ты взял, что они у меня?..

— Их нет дома...

— А я при чём?

— Я всё знаю... — самообладание изменило ему, и Олег заорал во весь голос. — Я всё с вас знаю!.. Она у тебя!.. Дай ей трубку!

— Ну, раз ты всё знаешь... — Виталий внезапно поменял тон и заговорил как-то равнодушно, — Раз ты всё знаешь, зачем тогда звонишь?..

— Где дети?! Я сейчас приеду!..

— Приезжай...

...Всю дорогу к дому, где теперь жил Мясников, Олег ругал себя, на чём свет стоит. Он даже не знал, что в его личном лексиконе столько изошрённых оскорблений... Пока он, как дурак, помогал матери искать какого-то там Александра Морозова, его собственная жена воплощала план побега... В самом деле, ведь не в одну минуту она собралась и ушла вместе с детьми...

...Лифт был занят, и на этаж, где располагалась квартира Виталия, он взлетел за считанные секунды. На звонок жал, не отрывая пальца от кнопки...

— Где они?! — ворвавшись в квартиру Мясникова, Олег с ходу оттолкнул открывшего ему хозяина и пролетел в комнату, затем в спальню, — Где?!

— Их здесь нет, — Виталий насмешливо наблюдал за передвижениями своего гостя, — можешь не искать.

— Где?! — подскочив к сопернику, Олег схватил его за грудки и с силой тряхнул, — Где Таня?!

— У меня её нет... — не в пример ему, Мясников выглядел невозмутимым и даже не пытался сопротивляться, — И, вообще... давай, поговорим, как мужик с мужиком...

— Где она?.. — зловеще выговаривая каждое слово сквозь зубы, Олег сделал шаг вперёд — попятившись, Виталий оказался прижатым к стене, но снова повёл себя на удивление спокойно.

— Ты её не найдёшь...

— Ты так решил мне отомстить?.. Да?! — Олег всё ещё сжимал футболку на груди своего соперника, — Ты решил так возместить свои убытки?!

— Может, всё-таки, пройдёшь?.. — несмотря на видимое спокойствие, в глазах Виталия мелькнул недобрый огонёк, — Я думаю, нам есть, что обсудить.

— Я с тобой ничего обсуждать не собираюсь! Где моя жена и дети?!

— Смирись, Олежек...

— Она тебе не нужна... ведь не нужна!.. — некрасивое лицо Олега исказила злобная гримаса, — Ты это всё из мести, ну, скажи, скажи... Из мести же?!

— Я Таньку давно люблю... и она меня любит. Смирись, Олег... — Мясников чуть прищурился, — Я смирился с потерей бизнеса... А ты смирился с потерей жены и детей.

— С-сука... — это слово заглушил звук удара — размахнувшись, Олег впечатал свой кулак в скулу Виталия. — Ты как шакал... исподтишка увёл добычу... да?!

— Кто бы говорил... — тяжело дыша, Виталий не спешил отвечать ударом на удар, лишь в ответ схватил противника за лацканы дорогого пальто, — Настоящий шакал — это ты... Думаешь, я не знаю, что ты давно уже хотел меня устранить?!

— Да я убрать тебя мог... так, что и следов бы не нашли... — с силой оттолкнув Мясникова, Олег невольно шагнул назад и теперь стоял, широко расставив ноги и сжимая кулаки, — А я всё тянул... думаешь, я не знал, что у вас с Татьяной шапни?! Я всё знал... с первого дня знал...

— Так чего же ты... — Виталий в ответ тяжело усмехнулся, — Если знал...

— Я всё ждал, когда ты сам её бросишь... ты же не можешь ни с кем долго быть... Ты и сейчас не будешь с ней долго... ты же бросишь её... бросишь... — не сдержавшись, Олег снова кинулся на противника с кулаками.

На этот раз тот ответил крепким ударом — не удержав равновесия, гость отлетел к противоположной стене.

— Не брошу... — Виталий смотрел на него исподлобья, — Даже не надейся... И Таню с детьми не ищи... Захочет — сама тебе позвонит.

Глава 21.

Когда Аня в первый раз приехала на квартиру Казаковых, она была готова ко всему: и к дерзости своего ученика Максима, и к придиркам его «заботливого» папаша, и даже к его личному контролю... Но она совершенно не думала, что её репетиторство будет иметь такие неожиданные последствия.

К её удивлению, Максим вёл себя довольно сносно, ограничиваясь едва заметной снисходительной улыбкой, которой он сопровождал все домашние уроки. Анна изо всех сил старалась побороть кипящее в душе неприятие ситуации, мысленно уговаривая себя, что в первую очередь она — учитель и наставник, и уж в последнюю — обиженная женщина. Вначале они договорились, что занятия будут проходить раз в неделю, в среду вечером, но уже во второй её визит младший Казаков сам попросил о дополнительном занятии в выходной день. Анна не знала, радоваться такой просьбе или нет. В глубине души она чувствовала какой-то подвох, но и отказать не могла, решив, что таким образом период репетиторства сократится вдвое.

Она всё рассказала мужу, и в первый момент ожидала от него справедливого протеста, но Александр неожиданно смолчал, только стал серьезнее.

«Ань, ты прости меня... — вечером он подошёл к жене и обнял за плечи, — Это я во всём виноват. Не надо было тогда разбираться с этим пацаном...»

«Саш, да ты ни при чём... — Анна грустно усмехнулась, — Это было заранее спланированное наказание, и накричала я на тебя, в общем-то, зря. Так что не казни себя. Отработаю... Жаль, что бесплатно, но, в конце концов, я не потеряла работу. А представь, если бы я уволилась? Меня могли бы просто не взять ни в одну приличную школу».

«Разве бывают неприличные школы?» — слегка повеселевший Саша рассмеялся и, чуть наклонившись, поцеловал жену.

«Я неправильно выразилась... — Анна тоже улыбнулась, — Школы, конечно, все приличные, слава Богу. Но наш лицей очень престижный, и я не хотела бы его менять; к тому же, у меня большая загруженность, практически нет «окон», а всё это влияет на зарплату. А, представь, придут я в новый коллектив, дадут мне минимум часов, и буду я сидеть в учительской, одни и те же тетрадки по пять раз проверять от нечего делать...»

«Это было бы здорово... — муж перешёл на полусёпот и недвусмысленно провёл свободной рукой по соблазнительному телу жены, — Ты бы дома не сидела вечерами над тетрадками... а шла бы ко мне под бочок... Анька, я так по тебе скучаю, если честно...»

«А ты про Димку не забыл? — Анюта тоже понизила голос, — Так что «под бочок» в любом случае не получается... Остаётся, как всегда, воскресенье...»

Сын в соседней комнате делал уроки, поэтому Александру ничего не оставалось, как с сожалением вздохнуть.

«Теперь и воскресенье отпадают... — он грустно усмехнулся, — Пока Димка гуляет, ты будешь заниматься со своим учеником-раздолбаем... Нужно срочно менять квартиру, хотя бы на двухкомнатную...»

«Нужно срочно покупать Диме пианино, — при упоминании о сыне Анна перешла на серьёзный тон. — Саш, всё по боку, а пианино нужно купить. Мне вчера звонил его преподаватель музыки, очень хвалил, уже в который раз. Говорит, что весной будет очень серьёзный конкурс, и Диме нужно к нему готовиться, а для этого необходимо заниматься дома, по несколько часов в день. Он сказал, что у Димы незаурядный талант, и не развивать его — преступление. Мы с тобой преступники, Саш».

«Купим, — в ответ Александр уверенно кивнул, — на днях заказчик перечислит аванс, и сразу поедет покупать инструмент. Самый лучший купим...»

«Пусть не самый лучший, но...»

«Самый лучший, — упрямо перебил супруг, — Лёнька мне столько заказов подогнал, что я теперь спокоен. Всё у нас будет, Аня... И пианино Димке, и квартира, и машина...»

«Хорошо бы... — прислонившись к мужу, Анна задумчиво смотрела в окно на зимний город, — Так надоело во всём себе отказывать...»

«А мы не будем... Слышишь, Анютка?.. И перед такими вот Казаковыми не нужно будет унижаться. Может, откажешься от этого репетиторства?.. Если что, увольняйся... что я, вас не прокормлю?»

«Ну, что ты, Саша... — Аня едва улыбнулась уголком губ, — Я дома сидеть не смогу. Да и казаковы такие — они ведь везде есть... Лёнька прав. Нужно смотреть на жизнь по-другому, раз мы не можем ничего изменить. А отработать занятия я всё равно должна — я согласилась, и не могу нарушить уговор».

...В третий раз Анна приехала к Максиму Казакову именно в воскресенье. Всё «высокое» семейство было в сборе — и сын, и отец, и молодая мачеха, которая сразу окатила Анюту довольно придирчивым взглядом. Уединившись с Максимом в его комнате, Анна уже привычно устроилась у стола на мягком, удобном стуле. Вытаскивая учебное пособие, она

невольно скользнула взглядом по экрану громоздкого компьютера, который стоял на специальном столике неподалёку. Сегодня компьютер был включен — видимо, до прихода преподавательницы Максим играл в какую-то игру.

— Анна Сергеевна, хотите поиграть? — видимо, проследив за её взглядом, парень насмешливо отодвинул уголок губ. — Это очень интересная игра... Смотрите... — он присел у монитора и уверенно задвигал мышкой — застывшие фигуры ожили. — Вот это — Суперсолдат... он должен всех убить... А вот это...

— Спасибо, но я не играю в компьютерные игры, — Анна многозначительно кивнула на стул рядом с собой. — Поэтому, лучше мы поиграем в другую игру. Называется английский язык.

— Нет, ну, может, вы никогда не видели компьютера... — и не собираясь покидать своего места, Максим смотрел на неё снисходительно, — Так я вам всё расскажу... Вот это — мышка... — он взял в руки мышь и приподнял вверх, — Но вы её не бойтесь, она не настоящая... Она не бегает и никого не пугает, это просто название такое...

— Я знаю, что такое компьютерная мышь... — Анна проговорила эти слова терпеливым тоном, но ученик её тут же перебил.

— А вот это, — теперь в его руке оказалась клавиатура, — это называется клавиатура... Только это тоже не настоящая Клава... это просто такое устройство... Видите? На нём буквы... и циферки... А вот это, — ладонь притронулась к монитору, — это монитор... Его многие принимают за телевизор, но это вовсе не телевизор...

Понимая, что парень просто куражится, Анна решила молча дожидаться, пока ему самому это не надоест. Закинув ногу на ногу, она сложила на груди руки и сидела с невозмутимым лицом, когда в неожиданно открывшейся двери возник Казаков-старший.

— Ну, каковы успехи? — помешивая позолоченной ложечкой кофе в маленькой чашке, мужчина шагнул в комнату и удивлённо посмотрел на сына, потом перевёл взгляд на Анну, — Я что-то не понимаю цели вашего занятия. У вас, кажется, урок английского языка?..

Евгений Максимович был в домашнем коротком халате, из-под которого выглядывали пижамные брюки, и Анна слегка смутилась от его вида. В домашней обстановке Казаков выглядел уже не так неприступно, в его взгляде сквозило что-то живое, человеческое — именно то, чего не смогла разглядеть Анна в их прошлые встречи.

Видимо, и Максим не ожидал, что отец зайдёт к нему в комнату в самом начале урока. Анна заметила на его лице едва заметную тень смущения и недовольства одновременно.

— А-а-а... — на ходу придумывая объяснение тому, что он сидит не за учебным, а за компьютерным столом, он замялся. — Это я...

— Я попросила Максима набить текст на английском языке, — Анна подняла глаза на Евгения Максимовича. — сейчас он выключит игру и будет писать под мою диктовку. Это элемент программы обучения — ребёнок привыкает работать на компьютере, одновременно изучая иностранный язык.

— Ах, вот как... — Казаков-старший удовлетворённо чуть склонил голову вбок. — Вы владеете компьютером?

— Относительно... — на самом деле компьютером Анна не владела, поэтому ответ дала уклончивый и решила увести разговор в другое русло. — Максим очень способный ученик, и, тем более, умеет пользоваться компьютером. Так что с ним никаких проблем...

— Ну, вот видишь... — отец как-то тяжело и неторопливо положил пухлую ладонь на

голову сына и усмехнулся, — Тебя похвалили.

Анна так и не поняла, чего было больше в его словах — снисходительности или иронии. Решив никоим образом не выдавать своих истинных эмоций, она нарочно взяла учебник, как бы приготовившись к диктанту.

— Я всегда хвалю его, как ученика, — делая вид, что выбирает текст, Анна водила глазами по строчкам, — тем более, что способность к иностранным языкам у него есть.

— Так что же вы тогда конфликтовали? — Казаков посмотрел на неё снова высокомерно, как бы говоря всем своим видом, что он не забыл об оскорблении, нанесённом дерзкой учительницей его отпрыску.

— Суть нашего конфликта была, отнюдь, не в успеваемости... — Анна внезапно запнулась, решив, что не стоит вновь поднимать эту тему и, через силу улыбнувшись, перевела взгляд на Максима, — Тем более, что мы больше не конфликтуем... Правда, Максим?

...Анна физически ощутила, как внутри неё разливается неприятная, почти болезненная волна презрения к самой себе... Она едва смогла удержать улыбку, ей казалось, что мышцы лица отказываются подчиняться импульсам мозга... Внезапно заныли щёки — так, как будто она насильно улыбалась уже много времени, возможно, несколько часов подряд... Наверное, это напряжение почувствовал и её ученик, потому что, взглянув Анне в глаза, парень на мгновение изменился в лице. Это были доли секунды, но ей показалось, что она заметила что-то, похожее на благодарность... Усмехнувшись про себя, она тут же отмела эту мысль.

Какой благодарности можно ждать от этих людей?.. Они — новые хозяева этой новой жизни, в которой нет места чести, достоинству, благородству... А она... она — всего лишь вспомогательная единица, деталь механизма, при помощи которого происходит их восхождение на ещё более высокую ступень социальной лестницы... И, если эта деталь откажется работать, её тут же безжалостно заменят на другую. Поэтому всё, что ей остаётся — доказывать, что она не подлежит замене... Доказывать и улыбаться... улыбаться и корчиться в душе от невыносимой ломки...

— Правда, — кивнув ей в ответ, парень перевёл взгляд на отца. Анна не ожидала услышать то, что он произнёс в следующий момент. — Пап, а ты знаешь, что Анна Сергеевна — самая красивая учительница в нашем лицее...

— Максим... — неожиданно залившись ярким румянцем, Аня укоризненно посмотрела на своего ученика — тот не уставал преподносить сюрприз за сюрпризом, при чём, было заметно, что сегодня он находится в каком-то непонятном напряжении, как будто выжидает удобного момента, чтобы воплотить в жизнь какой-то, им же придуманный, сценарий. Она поняла это сразу, как только перешагнула сегодня порог этой квартиры.

— А что я такого сказал? — Максим непонимающе пожал плечами и сделал невинное лицо, — Разве я сказал неправду?

— Я думаю, что обсуждать мою внешность совершенно неуместно, — смущение сменилось справедливым гневом, — и поэтому я в присутствии твоего папы прошу больше эту тему не поднимать.

— В данном случае я согласен с... — Казаков нахмурился, как бы вспоминая имя, — с-с-с... э-э-э...

— Анна Сергеевна... — Анна решила ему помочь.

— С Анной Сергеевной... — мужчина медленно кивнул и, развернувшись, направился к двери.

— Пап, ну, подожди... — Максим неожиданно громко окликнул отца, — Подожди... объясни мне тогда...

— Что я должен объяснить?.. — тот нехотя повернул голову.

— Объясни, пожалуйста, что я сказал плохого?

— Максим, перестань... — на лице Евгения Максимовича появилось страдальческое выражение, будто подобные выходки сына ему не в диковинку и порядком поднадоели.

— Нет, ну, подожди... — сын, напротив, проявлял завидное упрямство, не желая прерывать разговор, — Объясни мне тогда... Разве сказать красивой женщине о том, что она красивая — это плохо?!

— Наверное, мне пора, — Анна стремительно встала из-за стола и с нескрываемым достоинством посмотрела сначала на старшего, потом на младшего Казакова. — Максим, текст переведёшь в тетрадь, а в следующий раз я проверю... хотя, можешь принести перевод завтра в школу.

— Ну, что ты тут устроил?! — остановив её жестом, Евгений Максимович сердито сверкнул глазами на отпрыска, — К чему сегодня этот балаган?!

— Я просто хочу понять!.. — Максим говорил дерзко, повысив тон, — Почему одним женщинам можно говорить, что они красивые, а другим — нет?!

— Кого ты имеешь в виду? — неожиданно побагровев, Казаков проговорил это тяжело, как будто заранее зная ответ.

— Твою Стеллу! — парень выбросил руку в сторону двери, — ты же говоришь ей, что она красивая?! А почему я не могу сказать это своей учительнице?!

— Именно потому, что она учительница! — не справившись с собой, Евгений Максимович перешёл на крик.

— А что, учительница — не женщина?! Она не может быть красивой?!

...Анна совершенно не знала, что ей делать. Ещё минуту назад она была готова немедленно покинуть квартиру Казаковых, но, увидев, что Максима буквально бьёт истерика, не смогла уйти, и сейчас беспомощно наблюдала отвратительную сцену между отцом и сыном... сцену, невольной причиной которой стала она сама.

— Что здесь происходит?! — внезапно появившаяся на пороге молодая женщина, жена Евгения, недовольно обвела взглядом всех присутствующих, — Женя, между прочим, я тебя жду!

— Сейчас, Стеллочка... — увидев жену, Казаков заговорил неожиданно мягко и как-то извинительно, — Мы тут немножко... э-э-э... поспорили...

— Поспорили?! — женщина нахмурила брови, — Так громко?! О чём?!

— О женской красоте, — Максим вызывающе смотрел на мачеху.

— О чём?! — так как будто не поняла ответа и нахмурилась ещё больше.

— Я сказал, что Анна Сергеевна очень красивая, — сверля глазами мачеху, парень чуть прищурился, — ведь она, правда, красивая?..

Подхватив свою сумку, Анна почти бегом направилась в коридор. Участвовать в назревающих семейных «разборках» никак не входило в её планы. Всю дорогу домой она вспоминала неожиданный приступ истерики у своего ученика, размышляя, что послужило его причиной — нежелание Максима заниматься дома или его неприязнь к мачехе.

На следующий день, после уроков, она встретила его в коридоре и попросила зайти в её кабинет.

— Зачем вчера ты это сделал? — она смотрела на парня без напускной строгости,

абсолютно спокойно.

— О чём вы, Анна Сергеевна? — тот насмешливо улыбнулся уголком рта.

— Ты нарочно спровоцировал скандал. Зачем?

— Вам не понравилось то, что я сказал?!

— Мне не понравилось то, что ты сказал, — чувствуя, как спокойствие уступает место раздражению, Анна внутренне собралась, чтобы не выдать своего состояния. — И давай договоримся так. Я понимаю, что тебе не хочется заниматься со мной дополнительно. Но я раскрою тебе одну тайну... Я тоже делаю это без удовольствия. Поэтому давай как-то терпеть друг друга... У нас с тобой запланировано десять занятий, три из них уже позади... Осталось всего семь... не так уж и много. А, если ты рассчитываешь, что я разозлюсь и не буду с тобой заниматься, то я тебя огорчу. Я всегда выполняю свои обещания. Так что, жди меня в среду.

Покупка пианино для Димы пришлась на последнюю неделю декабря. Появление в квартире долгожданного инструмента было сродни настоящему торжеству. Дождавшись, когда полированное, цвета орехового дерева, музыкальное сокровище будет установлено у отведённой ему стены, Димка прочно уселся за клавиши. Анна с трудом заставила его поужинать, но, едва успев проглотить несколько ложек, мальчик тут же выскочил из-за стола и умчался в комнату — через несколько секунд раздались очередные аккорды....

Отметить покупку было решено в воскресенье, и, позвонив Лапиным, Александр пригласил их всем семейством в гости.

— Часа в четыре приезжайте, — довольный Морозов не мог скрыть улыбки, — можно было бы раньше, но у Ани репетиторство с двенадцати до часу, пока придёт, пока приготовит...

— Что за репетиторство?! — Лапин изобразил шутливое возмущение, — Отменить все дела!

— Да тут такое дело... — Саша невольно замялся, — Нельзя отменять... там такой ученик проблемный...

— Ладно, ладно, не оправдывайся... — рассмеялся Леонид. — Всё понимаю. Давайте сделаем так... Я Аню на машине встречу, если в магазин какой нужно — завезу... Потом домой доставлю в лучшем виде. А к четырём как раз со своими и приеду. А то неловко получается — хозяйка и на урок, и на кухню... а потом ещё и гостей встречать...

— Я всегда знал, что ты настоящий друг!

...Настроение было замечательным, и Анна решила «навести красоту» прямо с утра — благо, встать пришлось очень рано. Воскресный день начался с привычных уже со вчерашнего вечера аккордов — ещё ни свет, ни заря, не умывшись и не позавтракав, Димка уселся за свой инструмент, и квартира огласилась торжественными звуками.

Спать не было смысла, и оба родителя были вынуждены встать. Кое-как загнав сына в ванную, а потом усадив за стол, Аня принялась украшать свою и так красивую внешность. Сегодня она делала это с особенным удовольствием — неприятности, кажется, остались позади, и временный простой на Сашиной фирме сменился интенсивной работой: Леонид всерьёз занялся своим новым клубом, заодно решив закончить отделку загородного дома. Неожиданно Александру позвонил и бывший заказчик, отказавшийся от его услуг в ноябре — ему срочно понадобилось возобновить контракт. Александр не придавал значения этим совпадениям, он весь ушёл в работу — с головой, но проницательная Анна несколько раз

мысленно возвращалась к недавним событиям... Впрочем, теперь не стоило строить свои подозрения, ведь всё налаживалось наилучшим образом. Возможно, она и зря паниковала месяц назад. Тогда ей казалось, что тучи сгустились над их семьёй, и просвета не видать... Наверное, если бы Леонид раньше сказал им о своих планах, то Анна спокойно бы пережила это тревожное время. Но Лапин почему-то молчал, он тогда вообще отошёл куда-то в сторону, и они почти не общались. Но потом он снова внезапно «объявился» — как всегда, уверенный в себе, готовый помочь решить любые проблемы...

...Сейчас об этом лучше забыть... Ведь сегодня, действительно, радостный день... Дела пошли на лад, а в комнате стоит новенькое пианино, о котором так мечтал их с Сашей сын.

А ещё... вечером к ним приедут гости — Мила, Кристина и Леонид... И, если быти откровенной самой с собой, то она, Анна, ужасно волнуется... волнение это приятное и радостное...

Сегодня она снова увидит Леонида. Она не может назвать свои чувства к нему любовью... Нет, это не любовь в чистом виде. Но несомненно одно: Лёнька ей нравится. Его общество приятно, в его взгляде нет ни похотливого интереса, ни глупого обожания — всем этим грешили многие мужчины, которым нравилась сама Анна...

Нет, Леонид смотрит как-то особенно — его острый, пронизательный взгляд наполняется серьёзным интересом... Этот взгляд она отметила ещё тогда, в юности... Он смотрел на неё именно так в день их с Сашей свадьбы... Он смотрел на неё так совсем недавно, в доме его друга...

Она не забыла тот поцелуй...

...Уложив волосы, Анна сделала лёгкий макияж, затем надела брюки и новый нарядный джемпер. Леонид должен был отвезти её к Казаковым, а потом забрать обратно — он сам предложил такой вариант вчера, и Анна не нашла причин отказаться от этого предложения.

...И это тоже добавляло хорошего настроения... Она даже не испытывала чувства вины перед мужем. В конце концов, она не собирается ему изменять... Саша — её мужчина, надёжный и верный. Несмотря на отсутствие пылких чувств, за все годы их супружества Анна ни разу не пожалела, что вышла за него замуж. Александр не дал ей ни одного повода для сожалений...

...А Леонид... Это совсем другое. Рядом с ним она испытывает неведомые раньше импульсы... скорее, это идёт не от духовной близости, а имеет чисто физиологическое объяснение... Но разве это важно?.. Она никогда не испытывала подобных чувств... её женское начало как будто просыпается рядом с ним... Она и боится, и хочет этого одновременно.

Нет, она не собирается изменять Александру, об этом не может быть и речи...

Но мысли о другом мужчине заставляют её сердце биться чаще... Она помнит это неведомое ранее томление, охватившее её в сауне, в объятиях мужа... Но не Саша был тому причиной... Потом, дома, во время редких теперь близостей с супругом, Аня не раз пыталась представлять себе Леонида... Но тех ощущений, как в жаркой парилке, больше не возникало. В глубине души крепла крамольная мысль, что повториться они могут только в объятиях самого Леонида...

...Но ведь она не собирается изменять Саше...

— Ань, Лёнька звонит, — Морозов заглянул в ванную, где Анна перед зеркалом в очередной раз поправляла макияж и причёску. — Он уже подъезжает!

— Скажи, что я уже выхожу... — положив расчёску, Аня вышла из ванной в

прихожую, по пути заглянула в комнату, откуда с самого утра раздавались звуки музыки. — Дима, выйди хоть на улицу, подыши воздухом!

— Потом! — не переставая увлечённо играть, мальчик кивнул тёмно-русой головой.

— Саш, прогони его на улицу, ладно? — Анна уселась на низкую банкетку и натянула сапожок, — А то он теперь сутками будет играть...

— Попробую... — с сомнением усмехнувшись, супруг присел рядом и взялся за женскую ножку. — Давай, помогу...

— Только осторожно... — Аня дождалась, когда он застегнёт молнию на сапоге и вытянула другую ногу. — Колготки под брюками не зацепи...

— Только и осталось, что колготки цеплять... — застегнув вторую молнию, Александр с сожалением проехался ладонью вверх по бедру жены, — Похоже, воскресенья у нас будут «в пролёте», даже когда твоё репетиторство закончатся...

Глава 22.

Стоя в прихожей квартиры Казаковых, Анна удивлённо смотрела на молодую супругу хозяина. Холёная, красивая, с идеально уложенными белокурыми локонами женщина лет тридцати пяти, в дорогом, изумрудного цвета, пеньюаре, впустила её в дом, но дальше приглашать не стала. Напротив, загородив собой часть пространства, Стелла стояла как вкопанная и буравила глазами гостью. Сложив на груди ухоженные, в стильном маникюре и золотых кольцах руки, она говорила иронично, подкрепляя свои слова очередным кивком.

— Максим больше не нуждается в дополнительных уроках, поэтому мы отказываемся от ваших услуг.

— Отказываетесь? — Анна удивлённо приподняла брови. — Совсем?.. Или это касается только воскресных занятий?

— Совсем, — Стелла изобразила на лице самодовольную улыбку. — Можете быть свободны... Ах, да... — что-то вспомнив, она слегка нахмурила красивое лицо, — Сколько мы вам должны?

— Нисколько, — Анна чуть улыбнулась, — до свидания.

— То есть?.. — теперь удивилась Стелла. — Как это — нисколько? Евгений Максимович вам денег пока не платил, иначе бы я знала.

— У нас с Евгением Максимовичем свои расчёты.

— Какие расчёты?! — вмиг изменившись в лице, супруга Казакова подозрительно прищурилась. Не сводя глаз с Морозовой, она довольно грозно окликнула мужа, — Женя! Немедленно подойди сюда!

...Выйдя, наконец, на лестничную клетку, Анна негромко рассмеялась. Допрос с пристрастием, который учинила Стелла своему лысому высокопоставленному супругу, её очень позабавил. Выйдя на зов жены, тот совершенно не характерным для него, умильным тоном попытался объяснить своей драгоценной половине, что, действительно, оплата за уроки не была предусмотрена. При этом, на вопрос «почему», он дал абсолютно невразумительный ответ, затем ужасно покраснел и смутился, ещё больше рассердив супругу.

Наблюдая за этой сценой, Аня едва сдерживала улыбку. Насколько Казаков домашний отличался от Казакова — чиновника... Из невольно услышанного ею диалога можно было сделать вывод, что Стелла переживает вовсе не за то, что учительница пасынка не получила заслуженного вознаграждения. Её откровенное недовольство носило совершенно другой характер: судя по репликам, Стелла заподозрила, что у Анны и «Жени»

есть какие-то общие, неизвестные ей цели, и что «самая красивая учительница» посещает квартиру высокого чиновника лишь прикрываясь статусом репетитора, а на самом деле «что-то здесь нечисто».

При этих словах Стелла смотрела на «расфуфыренную» по случаю вечернего домашнего праздника Анюту откровенно испепеляющим взглядом...

...На улице было довольно морозно, и, натягивая на ладони тёплые рукавички, Анна слегка поёжилась. Леонид должен был подъехать за ней лишь через час, делать было нечего, и она решительно направилась в сторону троллейбусной остановки. Она не успела сделать и двух шагов, как услышала откуда-то сбоку знакомый оклик.

— Аня! — приоткрыв дверцу своего автомобиля, Леонид махал ей рукой. — Я здесь!.. Иди сюда!

Развернувшись на девяносто градусов, Анюта охотно прибавила шаг и уже через полминуты была на автомобильной стоянке.

— Я думала, ты уехал, — усевшись в салон «лексуса», Анна радостно улыбнулась Лапину.

— Я решил подождать, — он тоже посмотрел на неё с улыбкой, — заодно сделать несколько звонков, чтобы не терять время...

— И что... ты собирался ждать целый час?!

— Собирался, — он кивнул и, заметив, что она никак не может пристегнуть ремень безопасности, сам защёлкнул замок.

— Спасибо... — Анна смущённо опустила глаза. — Никак не научусь...

— Я могу тебя и сам пристёгивать... — взяв из её рук рукавички, Леонид чуть потянулся вправо и, открыв бардачок, положил их внутрь. — А вот это — сюда...

— Ухаживаешь за мной, как за королевой...

— Почему — как?.. — плавно вырвав со стоянки, Лапин повернул на проспект и чуть прибавил скорость. — Ты и есть королева...

— Скажешь... — Анна смутилась ещё больше и слегка покраснела. — Королева-репетиторша...

— Думаю, что это временно, хотя... — на его лице на мгновение отобразилось странное выражение — как будто в голову пришла какая-то мысль, но он тут же решил переменить тему, — Кстати, почему так быстро? Урок не состоялся?

— Представь себе... — вспомнив сцену в прихожей Казаковых, Анна рассмеялась. — Мне отказали от дома!

— Какая потеря... Да?.. — Леонид шутливо хмыкнул и бросил на женщину весёлый взгляд, — А почему?

— О, это целая история... — Анюта приняла его тон. — Представь, отказали категорически и навсегда. Я сейчас разрыдаюсь...

Она со смехом рассказала Лапину всю историю своего неудавшегося репетиторства, как будто совершенно не замечая, что едут они совсем не по тому маршруту, по которому должны были возвращаться домой. И, лишь когда спустя двадцать минут Леонид затормозил возле своего ресторана, Анна изобразила удивление.

— А зачем мы сюда приехали?.. Мы же собирались в магазин, за продуктами... Тем более, что времени теперь больше...

— Всё хорошо... — Лапин загадочно улыбнулся и, заглушив машину, отстегнул ремни безопасности — сначала свой, потом Анны, — Идёмте, ваше величество!

Поднявшись вместе с ним на служебное крыльцо, Анна процокала каблучками через длинный коридор до большой, массивной двери с надписью «Директор». Раньше она бывала здесь вместе с Милой, во время какого-то торжества, тогда они зачем-то заходили сюда, в служебный отсек... Но сейчас Аня почувствовала себя неловко, чего нельзя было сказать о её спутнике.

Уверенно открыв дверь, он кивком головы пригласил её пройти в кабинет, и сам шагнул следом.

— Добрый день! — невысокого роста мужчина, в строгом костюме торопливо привстал из-за стола, за которым сидел.

— Привет, Гриша, — Лапин уверенно прошёл вперёд и первым подал руку своему директору. — Ну, что, готово?

— Так вы ж только что звонили, буквально двадцать минут... — тот растерянно пожал ладонь, — Леонид Борисович, думаю, что ещё не успели...

— Я же просил — срочно! — Лапин нарочито свёл брови, — Гриша, ты же знаешь, срочно — это в ту же секунду!

— Понял... — Гриша немедленно вылез из-за стола и направился к выходу. — Сейчас всё будет готово...

— Да уж теперь не торопись... — Леонид усмехнулся ему в след, — А то сырое накидаете, как в прошлый раз...

— Ну что-о-о вы... — мужчина в дверях развёл руками, — Леонид Борисович, обижаете!

— Ладно, ладно, пошутил... Давай там, лично проследи, и чтобы всё в термоупаковку завернули, да скажи Тамаре, чтобы не жадничала, заворачивала как следует, в несколько слоёв. И кофе нам сюда, с десертом.

— Может, в вип-зале столик накрыть?.. — директор многозначительно скосил глаза на Анну.

— Григорий Павлович, — вдруг перейдя на официальный тон, Леонид посмотрел на того исполненным терпения взглядом, — у моих друзей сегодня большой праздник, при чём, семейный. Если бы они захотели, то сразу бы заказали вип-зал. Но они хотят отпраздновать в домашней обстановке. Так что кофе нам — сюда.

— Всё понял! — угодливо кивнув, Гриша исчез за дверью.

Расстегнув кожаную чёрную куртку с меховым воротником, Лапин снял её и повесил на вешалку, затем подошёл к скромно стоящей в стороне Ане и взялся за пуговицу её пальто.

— Мы что, здесь задержимся?.. — она удивлённо приподняла брови, но сопротивляться не стала — мужские руки ловко расстегнули все пуговицы, затем взяли за застёжку молнии.

— Совсем недолго... — он снял с неё пальто и повернулся к вешалке. — Меньше, чем хотелось бы мне...

Аня не стала переспрашивать — чего именно хотелось бы Леониду. Она и так понимала всё без слов. И то, что она безоговорочно подчинилась его рукам, было вовсе не удивительно... Во всяком случае, весь вчерашний вечер и всё сегодняшнее утро она то и дело мысленно представляла себе их встречу... Правда, встреча намечалась в дружеском кругу, и по этой причине недолгое, но неожиданное уединение с Лапиным было воспринято ею как некий подарок судьбы...

...В конце концов, они не делают ничего плохого... Леониду понадобилось заехать в

свой ресторан, а ей... не стоять же ей на декабрьском морозе, ожидая, пока он уладит свои дела?!

Усадив женщину в глубокое, мягкое кресло, сам Лапин устроился напротив — в точно таком же кресле, и рукой подкатил стоящий неподалёку сервировочный столик.

— Добрый день! — в открывшейся двери показалась хорошенькая девушка в фирменном фартучке и, пройдя вперёд, поставила на столик поднос с двумя чашками кофе и пирожными. — Приятного аппетита!

— Спасибо, — улыбнулась ей в ответ Анюта.

— Угощайтесь, Анна Сергеевна... — проводив глазами официантку, Лапин придвинул к своей гостье чашку, затем, откинувшись на спинку, вальяжно раскинул руки по боковым валикам. — Вы сегодня, наверное, ещё не завтракали?

— Мы уже на вы? — Анна не смогла сдержать смех. Ей стало как-то легко и весело...

— Мы пока ещё — на вы...

Анна не поняла, чего было больше в этом его загадочном ответе — шутки или известной только им двоим правды... Несмотря на то, что в любой момент в кабинет мог кто-нибудь войти, она ощутила интимность этой встречи... Ей показалось, что сам Лапин сегодня какой-то особенный — в его сером пронизательном взгляде чувствовалась едва заметная напряжённость, и, в то же самое время, нескрываемый интерес — к ней, как к женщине. Это было прописано в каждом его жесте — она заметила это ещё в машине, когда он забирал у неё рукавички и укладывал их в бардачок.

Настроения добавлял и тот факт, что больше не нужно было ездить на занятия с Максимом Казаковым — судя по растерянному виду папаша, решение его супруги обжалованию подлежать не могло, а, значит, с Анны снимались все обязательства.

— Я рад, что тебе больше не нужно заниматься с этим малолетним придурком, — как будто угадав её мысли, Леонид сам затронул эту тему. — Тем более, ездить к нему на квартиру.

— Вообще-то, положено ученику приходиться к репетитору... Но мне были поставлены условия. Я решила их выполнить... Ты же сам меня учил принимать обстоятельства.

— Учил... — Леонид задумчиво посмотрел куда-то вниз, потом перевёл взгляд на Анюту, — Но, если совсем честно... То, будь ты моей женой, я бы запретил тебе подобные посещения.

— Почему?.. — Анна неожиданно смутилась от его слов и слегка покраснела.

— Потому, что папаша — наглый тип... И сынок у него — придурок.

— Знаешь, он не придурок, — чтобы скрыть смущение, Анюта сделала небольшой глоток и поставила чашку на место. — Это типичная ситуация. Отец недостаток воспитания и внимания замещает денежным довольствием и видимостью заботы. А результат — налицо. Кстати, говорят, что он снял свою кандидатуру с предстоящих выборов.

— Если честно, то надо быть полным идиотом, чтобы с таким сынком куда-то баллотироваться. Он же папашку ниже пояса бьёт, — усмехнулся Леонид. — Ты, кстати, могла бы на этом сыграть, пока он в кандидатах ходил.

— Играть — это точно не моё. Хотя... зачем ему это депутатство... не понимаю... — Анюта пожала плечами, — Сидит в своём кабинете, пользуется благами... чего ещё желать?

— А вот тут ты Аня, не права... — Лапин снова на мгновение призадумался, — Депутатство даёт незыблемый статус, по сути — броню, а к этому стремится каждый чиновник... просто не у каждого хватает сил, и материальных в том числе.

— Ну, а ты... — Анна бросила на него взгляд исподлобья и чуть улыбнулась уголком губ, — Пошёл бы... в депутаты?..

— Возможно, — Леонид тоже потянулся за своей чашкой, — но не сейчас.

— А когда?

— Позже. Гораздо позже... — он снова откинулся на спинку и положил ногу на ногу, — Сейчас я ещё никто, бизнесмен очень средней руки.

— Разве? — Аня удивлённо приподняла брови.

— Аня, — Лапин посмотрел на неё шутливо-укоризненно, — если ты думаешь, что вот этот ресторан, пара кафешек и игровой клуб — есть настоящий бизнес, то ты очень ошибаешься. Настоящий бизнес — это намного больше...

...Всё время, пока шла их неторопливая беседа, Анна не могла отделаться от мысли, что ждёт совсем другого... В кабинете, кроме неё и Леонида не было никого, они сидели друг напротив друга... Лапин что-то рассказывал ей, она смотрела ему прямо в глаза, читая в них абсолютно не прикрытый призыв...

...Он призывал её взглядом, а сам рассказывал и рассказывал о том, что такое «настоящий» бизнес... Анна всё меньше понимала суть его слов... В какой-то момент ей даже показалось, что она готова кинуться к нему и зажать ему рот ладонью...

Или — губами?..

Она испытала настоящее раздражение, когда в дверях снова появился Григорий.

— Леонид Борисович, всё готово! — директор кивнул головой в сторону коридора. — В багажник загрузить или в салон?

— В багажник, — Лапин бросил ему ключи от машины. — Мы подождём.

Когда за Гришей вновь закрылась дверь, Анна в который уже раз залилась краской — ей показалось, что директор мог прочесть по лицу её мысли...

«А Леонид?..»

Надевая с его помощью пальто, Аня едва ощущала прикосновения мужских рук — то ли нарочно, то ли нет, но Леонид едва касался её плеч... Вспомнив, как бесцеремонно он расстёгивал пуговицы и молнию всего час назад, она мысленно усмехнулась... Ей показалось, что Лапин нарочно её дразнит... Увидел, как она была взволнована, и — дразнит...

...Они стояли так близко друг от друга, что ей казалось, что она слышит стук его сердца...

...Усевшись в автомобиль, она старательно потянула на себя ремень безопасности — почему-то не захотелось, чтобы Леонид подумал, что она нарочно делает вид, будто не умеет его пристёгивать...

...Продукты для вечернего стола Анна собиралась купить в магазине, расположенном на первом этаже своего дома, поэтому маршрут их следования вслух не уточнялся. В душе она почему-то надеялась, что Лапин предложит заехать куда-нибудь ещё... Но он уверенно вёл машину привычной дорогой.

Обратный путь они проделали молча. Аня чувствовала, как радостное волнение, не покидавшее её в последние часы, вдруг сменяется на растерянность. Она изо всех сил кусала губы, справляясь с непрошенными слезами, готовыми вот-вот выкатиться из её красивых глаз... Она снова не понимала своего состояния. Кажется, нет причин для слёз...

Тогда — откуда они берутся?..

Лапин тоже как-то странно молчал. Ей хотелось, чтобы он заговорил, спросил о чём-

нибудь, пусть о каком-нибудь пустяке... Но за всю дорогу он так и не проронил ни слова, и, лишь подъехав к дому, где жили Морозовы, повернул к ней лицо.

— Ну, вот и приехали... — её поразила печаль, с которой он произнёс эти слова. Взглянув ему в глаза, Анюта ещё больше пришла в недоумение — они были абсолютно серьёзны, без привычных весело-дерзких искорок...

— Спасибо, Лёнь, — Анна быстро отвела взгляд и, отстегнувшись, взялась за ручку двери. — Дальше я сама... Ждём вас... с Милой...

— Аня!.. — он окликнул её, когда она уже собралась идти в сторону крыльца магазина, — Ты не туда пошла!

— А куда?! — обернувшись, она удивлённо смотрела, как Лапин открывает багажник своего автомобиля.

— Иди домой! — впервые за всю обратную дорогу Леонид улыбнулся. — Ни в какой магазин ходить не надо...

— Как — не надо?.. — Анюта медленно вернулась на стоянку, — А продукты?!

— Всё уже здесь, — Лапин кивнул на содержимое багажника — там лежали несколько закрытых картонных коробок, от которых в морозном воздухе исходил аромат чего-то кулинарно-изысканного.

— А что здесь?

— Здесь уже готовый ужин. Тебе даже не придётся стоять у плиты. Просто разогреешь, и всё... Спиртное тоже здесь, — Леонид хлопнул ладонью по одной из коробок.

— Ну, зачем?! — Анюта растерянно округлила глаза, — Лёнь, ну, зачем?! Мне же неловко...

— Это мне будет неловко, если ты оставшиеся часы убьёшь на кухню. А мне это ничего не стоит. Иди, отдыхай... Я Сашке сейчас позвоню, он спустится, поможет всё занести... Иди, Ань...

Весь вечер Анна чувствовала себя не в своей тарелке. Она даже не могла подумать, что, пока они с Лапиным сидели в его ресторане, повара готовили для неё заранее заказанные Леонидом блюда...

Стол был уставлен полностью — меню Лапин предусмотрел разнообразное, так что Анне оставалось только разогреть горячие закуски и разложить в салатницы салаты. Со спиртным он тоже не проделшевил — коньяк, виски, белое вино для дам, безалкогольные напитки для Димы с Кристиной и Сашки Говорова, которого Димка тоже пригласил в гости...

От денег Леонид отказался наотрез, напрасно Анна просила Людмилу выведать у мужа, сколько стоят все деликатесы — та только смеялась в ответ и уговаривала Анну принять всё, как неизбежное: хлебосольство всегда было отличительной чертой Лапина.

— Но ведь это наше торжество, — Анюта приводила аргумент за аргументом, — и мы должны вас угощать, а не наоборот.

— Аня, успокойся, — Лапина потянула её за стол, — пусть мужики сами разбираются, кто и кому должен. А наше с тобой дело — тарелки расставить и рюмки протереть. А торжество у нас общее, Дима нам уже как родной. Я всегда радуюсь его успехам, он очень талантливый мальчик.

— Если честно, то я не знаю, как воспримут соседи нашу покупку, — немного успокоившись, Анна рассмеялась. — Мы ведь почти целый год обещали Диме пианино.

Сначала хотели купить подержанное, их столько продаётся по объявлениям! Но посмотрели несколько штук — натуральное старьё, разбитое и расстроенное... А те, что получше, как назло громоздкие, в одну комнату некуда ставить. Так что оставался только вариант купить новый, подходящий по габаритам инструмент.

— Нет худа без добра, — кивнула Мила, — немного задержались, зато теперь пианино новое и своё.

Посидев совсем немного за общим столом на кухне, все подростки устремились в комнату, и весь вечер оттуда, вперемешку со смехом, раздавались то торжественные аккорды, то откровенная какофония. Воспользовавшись тем, что мужчины заговорили о чём-то своём, Аня и Мила решили заглянуть к детям. Мальчишки сидели на полу, что-то разглядывая в нотной тетради, а Кристина устроилась на стуле у нового пианино — делая вид, что ей совершенно неинтересно, чем там увлеклись пацаны, девочка пальцем трогала клавиши, одновременно бросая на Димку с Сашкой незаметные взгляды.

— Не, Димон, вот эту надо оставить... — перелистнув несколько страниц, Сашка тыкнул пальцем в нотную запись. — Вот эта классная мелодия... давай её сначала попробуем обработать...

— Ну, давай, — Дима охотно кивнул головой и, потянувшись рукой, взял другую тетрадку, раскрыл и, найдя нужную страницу, показал товарищу. — Вот, кстати, можно этот текст взять...

— Чё за текст... — Сашка нахмурил тёмные брови на смешливом лице, пробежался глазами по строчкам. — Чё за стихи дурацкие... ты где взял?

— Сам ты дурацкий! — соскочив со стула, Кристина выхватила у мальчишки тетрадь.

— Твои, что ли?.. — Сашка удивлённо поднял на девочку глаза.

— Не твоё дело! — надув губы, Кристина уселась назад, раскрыла свою тетрадь и сделала вид, что читает.

— Чё, правда, её стихи?.. — скосив на неё глаза, Сашка незаметно толкнул в бок Диму.

— Угу... — кивнув, тот ответил почти беззвучно. Судя по тому, что мальчик отчаянно кусал губы, ему хотелось рассмеяться, но он сделал над собой усилие и придал лицу серьёзное выражение.

— Ну дай, ещё посмотрю... — Саша протянул руку за тетрадкой, но Кристина ловко увернулась. — Ну, дай, жалко тебе, что ли?!

— Жалко! — отрезала девочка.

— Да ладно тебе... — поднявшись, Сашка схватил тетрадку и потянул на себя. — Ну, дай!

— Кристин, дай, пожалуйста, тетрадь... — теперь в разговор вступил Дима. — Он больше не будет обзывать твои стихи.

— Ему — не дам! — Кристина упрямо не отдавала тетрадь.

— А мне? — Димка тоже встал с пола и подошёл к друзьям — те изо всех сил старались отобрать тетрадь друг у друга, — Мне отдашь?

— Тебе?.. — покрасневшая от возни Кристина подняла на него обиженный взгляд. — Тебе — отдам...

— Ну, что вы тут, ссоритесь? — Анна, улыбаясь, шагнула в комнату. — Уже наигрались?

— Тётя Аня, они мои стихи обзывают... — вырвав своё бумажное сокровище из рук противника, Кристина шлёпнула им Сашку по голове.

— Кристиночка, не обращай внимания! — Анюта весело обняла девочку, — Дело в том, что мальчишки дразнят только тех девочек, которые им нравятся!

— Да это вон — дразнится... — Кристина бросила на Говорова недовольный взгляд, — Сами сочиняйте, если такие умные...

— Кристин, дай, пожалуйста, свою тетрадку, — не вступавший в спор Дима поставил на пюпитр ноты, — ты же мне обещала отдать...

— Обещала, и передумала! — девочка демонстративно уселась на диван и поджала губки. — Перебьётесь!

— Ну, хорошо, тогда пока без текста... — устроившись за инструментом, Димка положил пальцы на клавиши и обернулся к Саше. — Саня, пробуй ритм отбивать на подушках...

— Ну, и отбивайте на своих подушках... — Кристина ехидно прищурилась. — А у меня дома синтезатор есть!

— У тебя?! — Говоров моментально обернулся, — Синтезатор?!

— Угу...

— Так чё ты, Димон, — Сашка перевёл взгляд на Димку, — можно на синтезе аранжировку сделать...

— Кто вам ещё его даст... — Кристина бросила на мальчишек победный взгляд, задержавшийся на Морозове. — Перебьётесь!

...Вернувшись в кухню к мужчинам, Анна и Людмила снова присоединились к застолью. Александр и Леонид всё ещё обсуждали свои проблемы, и женщины невольно завели свой разговор.

— Подумать только... — Анюта положила подбородок на ладонь, — Скоро новый год... в этом году Диме исполнится четырнадцать лет! А давно ли было четыре...

— Он у вас уже сейчас выглядит на все пятнадцать, — Мила задумчиво улыбнулась и, приглушив голос, чуть придвинулась к собеседнице. — Знаешь, Аня, ведь он Кристинке нравится... даже несмотря на то, что она его старше больше, чем на год.

— Серьёзно?! — Анна удивлённо округлила глаза, потом прыснула, — С ума сойти...

— А что ты удивляешься... наши дети растут... взрослеют... А Дима — серьёзный мальчик, красивый... Весь в тебя...

Последние слова Мила произнесла как-то странно, и Анна невольно напряглась. Её интерес к Леониду только разгорался, и она боялась, что его жена сможет о чём-то догадаться.

— Да, возраст опасный... — Анюта нарочно вздохнула, — Первые чувства... как правило съезжает успеваемость... Дима вон троек нахватал... да ещё по английскому, представляешь?!

— Аня, аналогично! — Мила неожиданно махнула рукой, — И наша по иностранному умудрилась двойку получить! Я с ней всегда сама занималась, если что, но тут не могу ничем помочь. Я французский изучала.

— А преподаватель? Попроси позаниматься дополнительно...

— Дело в том, что они с Кристиной никак не могут найти общий язык... — Лапина нахмурилась, — Вот невзлюбила она Кристинку, и всё... понимаешь?.. А Кристина её невзлюбила! Просто демонстративно не хочет заниматься. И я ничего не могу поделать... Ну, не переводить же её в другой класс?!

— Ну, давай, я с ней позанимаюсь, — Анна охотно ухватила за эту тему, — пусть

приходит к нам в любое время после занятий, да хоть в выходной. Мне не составит труда... Могу и я к вам приезжать, если что...

— Неловко, Аня...

— Что тут у вас неловко, девчонки? — Александр оторвался от разговора с товарищем и весело обернулся к женщинам. — Что за проблемы?!

— Мила считает, что будет неловко, если я буду заниматься с Кристиной английским языком, — Анна с готовностью озвучила мужу «проблему».

— Почему — неловко?! — тот бросил на Людмилу деланно-возмущённый взгляд. — А, по-моему, очень хорошая идея! Будем ещё чаще ходить друг к другу в гости!

— Нет-нет, — та отрицательно покачала головой, — у вас и так одна комната, вам такие гости очень скоро надоедят!

— Тогда предлагаю такой вариант, — невозмутимо слушавший весь разговор Леонид неожиданно подал голос. — Раз в неделю я привожу Аню к нам домой... Она занимается с Кристиной, и я возвращаю её обратно... Оплату гарантирую!

— Господи, какая оплата?! — от вырисовывающейся перспективы ещё более тесного общения с Лапиным Анна покрылась румянцем, — Перестань, Лёня... Да мне за счастье будет вам хоть чем-то отплатить...

...Оставшись в квартире одна, Аня пошла в кухню. Гости ушли... Саша вышел проводить Лапиных, Дима — своего друга Говорова... Внезапно наступившая тишина как будто обострила охватившее её смятение.

Правильно ли она поступила, согласившись на эти визиты в сопровождении Леонида?.. Конечно, их общение будет происходить только в машине и только ограниченное дорогой время... Это будет происходить раз в неделю, в будние дни — так решили все, чтобы не занимать законные выходные другими обязанностями...

Конечно, она не собирается с ним даже флиртовать... Но разве она может дать гарантию, что его очередной призывный взгляд оставит её равнодушной?..

Внезапный звонок в дверь заставил её вздрогнуть. Решив, что это вернулись Саша и Дима, Анна торопливо пошла в прихожую.

— Ты?.. — увидев на пороге Леонида, она растерянно отступила назад. — Что-то случилось?!

— Кажется, я забыл у вас перчатки... — закрыв за собой дверь, он шагнул к женщине и неожиданно обнял...

— Что ты делаешь?! — едва переведя дыхание после его поцелуя, Аня и не думала вырываться. Она смотрела на него во все глаза снизу вверх...

— Теперь ты мне должна две пощёчины...

Глава 23.

Когда Виталий говорил Олегу, что тот никогда не найдёт свою жену, он прекрасно понимал, что его слова — лишь блеф. Олегу Дзюбе было под силу найти даже иголку в стоге сена, а не то, что женщину с двумя детьми-школьниками, которым особо-то и деваться было некуда, разве что уехать на родину Татьяны, в небольшой северный городок, где жила её мать.

Сначала Таня так и хотела сделать, но потом передумала. Она боялась, что Олег будет её преследовать, а больной матери были противопоказаны отрицательные эмоции. К тому же, она не хотела расставаться с Виталием даже на время.

Второпях убегая от мужа, Татьяна смогла забрать лишь самые необходимые вещи, в

основном, для детей. В самый первый вечер она не поехала на квартиру к Виталию — зная, что Олег в первую очередь кинется искать её у Мясникова, она сняла гостиничный номер, и уже оттуда позвонила любовнику, чтобы сообщить о своём решении.

Нельзя было сказать, что этот поступок обрадовал самого Виталия. Несмотря на чувства к Татьяне, ситуация застала его врасплох. Проблемы бизнеса, вернее, того, что оставалось от него на этот день, вытесняли все прочие проблемы, в том числе и личные. Однако, дело было сделано, и он был обязан предпринять какие-то действия...

На следующий день после визита Дзюбы, Мясников забрал Татьяну с детьми к себе. Прятаться не было смысла, поэтому было решено довериться обстоятельствам. Олег больше не звонил и не приезжал, казалось, что он затаился на время, но через несколько дней, приехав по просьбе Тани к школе, где учились её сыновья, Виталий неожиданно увидел там Олега — тот тоже ожидал своих детей.

Увидев отца, мальчишки кинулись к нему со всех ног, и Мясникову ничего не оставалось делать, как лишь наблюдать эту встречу.

«Куда ты собираешься везти детей?» — он понимал, что его вопрос звучит, по меньшей мере, глупо.

«Тебе-то что? — зло прищурившись, Олег открыл перед сыновьями дверь своего внедорожника — те привычно, весело забралась на заднее сиденье. — Ты кто такой?»

«Не глупи... — Виталий приблизился к своему бывшему партнёру, — Отдай детей Татьяне».

«А кто такая — Татьяна?..»

«Давай поговорим по-мужски...»

«По-мужски говорят с мужиками. А ты...» — Олег грязно выругался.

«Им будет лучше с матерью...»

«У них больше нет матери. Так ей и передай...»

Проводив взглядом машину Дзюбы, увозившую детей, Виталий вернулся к своему автомобилю. В этой ситуации он был бессилен. Он — никто и Тане, и её сыновьям, а Олег — родной отец и пока законный муж. У неё нет претензий к нему, как к отцу, своих сыновей он любит... он занимается с ними, покупает им подарки, возит на дорогие курорты...

Виталий вспомнил, с какой гордостью Олег всегда рассказывал о своих близнецах... он даже завидовал ему в такие минуты, ведь у него, Виталия, не было родного сына... Да, Миша ему не чужой... он вырос на его глазах, он зовёт его отцом... Но что-то всегда мешало ему проявлять свои отцовские чувства... что уж говорить о гордости...

«Что-то... — он мысленно усмехнулся уже в который раз. — Слабо сказано...»

...Узнав, что муж забрал детей, Татьяна впала в истерику. Она весь вечер порывалась поехать на свою прежнюю квартиру, чтобы «поговорить с Олегом», и Виталию стоило немалых усилий, чтобы уговорить её остаться дома. Таня рыдала, пила успокоительные лекарства и всё время повторяла, что она «ни за что не отдаст детей».

Мясников, как мог, успокаивал бедную женщину, обещал «что-нибудь сделать» и «разобраться». В душе он понимал, что дети — главный козырь в руках Олега, и что в данной ситуации у того есть все основания представить Татьяну как плохую мать — нашла себе любовника, сбежала к нему, у детей нет подходящих условий для жизни, а теперь, когда дети вернулись домой, она не возвращается ради них в семью... Да мало ли что можно приписать женщине в данном случае? Дзюба постарается, чтобы при разводе у суда были все основания оставить сыновей ему...

На следующий день Таня сама поехала к школе, но, обрадованные встречей с ней мальчишки всё же предпочли вернуться в свой родной дом вместе с отцом: тот, оказывается, купил им очередную электронную игру, которой в квартире дяди Виталика не было...

«Мама!.. — их глазёнки смотрели на неё так просяще, что сердце едва не разорвалось от боли, — Ну, поехали домой!.. Мы хотим домой, к папе!.. Поехали с нами, мама!»

Татьяна снова рыдала и упрашивала Олега отпустить детей с ней, но он был непреклонен.

«До развода дети будут жить со мной. И не вздумай их никуда заманивать. Я всё равно найду, а вот ты больше не увидишь их никогда», — его небольшие глаза смотрели жёстко, так, что у Тани не оставалось сомнений — выбора у неё нет. Она совершенно одинока в этой ситуации. Виталий, конечно, поддерживает её, но... у него свои заботы, и он почему-то твёрдо уверен, что пока нужно идти на условия, которые поставил Олег. Главное — отсудить детей при разводе, а пока не стоит дразнить зверя... Тем более, Олег прав в одном: в родном доме детям пока намного лучше. У них своя, шикарно обставленная комната, целых два компьютера, всевозможные развивающие игры... Теперь к ним приходит бабушка, и они под присмотром.

Конечно, потом они с Виталием всё это купят сами для мальчишек, главное — найти очень хорошего адвоката, способного утереть нос самому Олегу Дзюбе. А пока Таня может видеться с сыновьями в своём бывшем доме — Олег оставляет ей такую возможность до развода.

Вступление в новую должность заместителя генерального директора «Агропродторга» пришлось на самый новый, 1999 год. Все предыдущие недели планы держались в тайне — это было условие, поставленное Изабеллой. Иногда Виталию казалось, что Лозинская играет с ним, как с котёнком — заполучив его акции, она оставила его на должности директора завода, но как будто забыла о своём обещании. Она каждый день связывалась с Мясниковым, присылала своих юристов для переоформления документов, отменяла предписания, росчерком пера улаживала проблемы, созданные ранее с её же помощью. Изабелла Юрьевна вела себя по-хозяйски, требовала отчёта о деятельности «приобретённого» ею предприятия, и Виталий впервые за много лет чувствовал себя, как мальчик на побегушках.

Мысленно он уже несколько раз пожалел о принятом им решении... Получалось, что он ошибся?.. Он больше — не акционер своего предприятия, не хозяин, а вот Олег, напротив, так и остался «при делах» — его пятьдесят процентов акций до сих пор при нём...

Почему же Лозинская не спешит забрать и этот лакомый кусок?.. Этот вопрос не давал покоя Мясникову, однако, делать было нечего — он с прежней старательностью исполнял обязанности руководителя, пока в последних числах декабря она не пригласила его в свой офис.

Разговор Изабелла начала, как обычно, без обиняков.

«Ну, что, готов?» — поздоровавшись, она кивнула ему головой на стул напротив.

«К чему?»

«Так... — она слегка склонила голову и чуть нахмурилась, — Вот только без прелюдий. Или ты опять скажешь, что решил, что я пошутила?»

«Понял... — он, действительно, понял, что с ней нужно быть предельно искренним — неискренности Изабелла не прощала никому. — Готов».

«Вот так и впредь, — она удовлетворённо кивнула. — Я спрашиваю — ты отвечаешь. Но

не вопросом на вопрос».

«Я понял».

Приказ о своём назначении он разглядывал недолго — Лозинская буквально вырвала его из рук и швырнула на стол.

«Да хватит уже... Ты не девушка, а это не свидетельство о браке, чтобы его так разглядывать. На четырнадцать я назначила совещание, на нём представлю тебя, как заместителя, будь готов».

«А ничего, что я больше не акционер?»

«Мальчик... — чуть улыбнувшись, Изабелла прищурила свой стальной взгляд, — Здесь только я решаю, кто чего достоин... Ты — наёмный руководитель. У тебя будет огромная зарплата. А твои акции... Ну, считай, что они у меня на хранении. Будешь себя хорошо вести — верну тебе часть... Может быть...»

«А как с акциями Дзюбы?..» — Виталий тоже в ответ слегка прищурился.

«О, ты уже вошёл в роль?.. — Лозинская неожиданно рассмеялась. — Не волнуйся. Он принесёт их сам».

«Не знаю... — Мясников усмехнулся, — В отличие от меня, у него теперь нет мотивации. Завод работает на полную мощность, с кредитами мы рассчитались, оборудование закуплено... Зачем ему продавать свои акции, если он, как и раньше, полноправный хозяин половины всей прибыли?»

«А вот это пока не твоё дело...»

...В этот вечер он снова оказался в доме Изабеллы — сначала за столом, накрытым по случаю его назначения, затем, как следствие — в кровати...

Лозинская вела себя с ним запросто, не акцентируя внимания на особенностях их отношений, ни о чём не спрашивая и ни к чему открыто не принуждая. Казалось, что обязанности любовника безоговорочно входят в перечень обязанностей её заместителя.

В этот раз Виталий выпил немного, но в постель пошёл добровольно, как только уловил в настроении женщины романтические нотки. Высшего пилотажа Изабелла не показывала, напротив, давала понять, что намерена получать наслаждение сама, независимо от желаний партнёра. Впрочем, Виталий уже не удивлялся — весь стиль жизни этой женщины указывал на то, что она привыкла к подчинению во всех сферах, в том числе и в интимной...

Домой в ту ночь Мясников не попал, и поэтому на следующий день лихорадочно придумывал, что соврать Татьяне, которая прождала его до самого утра, так и не дозвонившись — он нарочно отключил сотовый телефон.

«Господи!.. — увидев его после работы, Таня буквально рухнула в его объятия, — Живой!.. Я думала, он тебя убил!..»

Ему едва удалось её успокоить — Таня и без его исчезновения была на грани нервного срыва. Сразу после нового года должно было состояться заседание суда по иску Олега Семёновича Дзюбы к ней о разводе... Муж первым подал заявление, и Таня ужасно боялась, что ему удастся отсудить у неё обоих сыновей. Она почти каждый вечер плакала, и сам Виталий уже нешуточно извёлся, успокаивая свою любимую женщину. Он нанял хорошего адвоката для Татьяны, и без конца созванивался с ним по поводу ведения дела, получал консультации и рекомендации.

Они с Таней полностью переоборудовали одну из комнат в его квартире: купили детскую мебель, компьютер, много различных развивающих игр... Если дойдёт до крутого разбирательства, то все должны увидеть, что в новой семье мальчишек ждёт жизнь не хуже,

чем в прежнем доме...

Узнав о том, что Виталий неожиданно получил высокую должность, Татьяна не знала, радоваться этой новости или нет. С одной стороны это сулило крепкое будущее... Но, с другой стороны... где-то в глубине души роились сомнения и тревоги... Она ещё не осознавала природы этих сомнений, но они крепко засели внутри и множились день ото дня...

...В один из вечеров в квартире Мясникова появилась Вероника Григорьевна. Было заметно, как немолодая уже женщина осунулась за последнее время. Неприятности, навалившиеся на её детей, невольным грузом оседали и на её сердце.

«Что же вы наделали-то, а?! — пройдя в квартиру, Вероника скорбно посмотрела на зятя, потом перевела взгляд на невестку, — Таня-Таня... как же ты могла?! Ведь обещала мне... А детки как же?! Не отдаст их тебе Олежек... Ведь не отдаст!.. Как потом?! Мы с отцом не вечные!..»

Скандалным этот визит назвать было нельзя — Вероника Григорьевна сама плакала, и её речь была похожа, скорее, на материнские причитания. Таня тоже заливалась слезами, а Виталий, как мог, уговаривал обеих женщин... Он показал бывшей тёще и детскую комнату, и одежду, которую они с Таней накупили для мальчиков... Как бы там ни было, но Вероника Григорьевна была единственным человеком, с которым ему было бы жаль расстаться навсегда.

«А как же Миша, Виталик?..» — тёща смотрела на него печальным, с долей укоризны взглядом.

«Мишке помогал, и буду помогать... пусть приходит ко мне в любое время, — Мясников произнёс эти слова абсолютно искренним тоном. — Я уже это ему говорил».

«Сколько ты уже дома не появлялся?» — вытирая слёзы носовым платком, Вероника недоверчиво усмехнулась.

«Давно не появлялся, — честно признался Виталий. — Но я звоню ему. Разве он не говорил?»

На самом деле Виталий не обманывал. Он, действительно, иногда звонил сыну, чтобы узнать, как дела. Его не заботила Александра, ему уже давно было всё равно, как она живёт и даже с кем. В данном случае он, и правда, вспоминал о Мише. А ещё — о квартире, которая принадлежала лишь ему одному...

«Что же вы наделали... — уже прощаясь, Вероника в очередной раз всхлипнула и покачала головой. — Нельзя так было... нельзя...»

...Чем ближе была дата развода, тем тяжелее становилось Татьяне. Она с огромным напряжением перенесла новогодние праздники. Она с трудом сдерживала слёзы, когда издалека смотрела, как её любимые мальчики в карнавальных костюмах, надетых бабушкой, водят хоровод вокруг новогодней ёлки на школьном утреннике... Ей не хотелось встречаться с Олегом, но не увидеть сыновей она не могла. Все остальные дни каникул она с тоской представляла, как её дорогие сыночки посещают различные детские мероприятия — без неё...

...Забывалась она лишь ночами, в жарких объятиях Виталия... Он целовал её желанное тело и горячо шептал, что «всё будет хорошо»...

...Во время бракоразводного процесса Тане стало так плохо, что пришлось вызвать скорую помощь. Речь адвоката Олега била по самому больному. Они отлично подготовились... Даже соседка, с которой Таня никогда не ссорилась, выступила в качестве

свидетельницы со стороны истца. Таня была представлена суду как никудышная мать, променявшая двух сыновей на любовника. Все аргументы Татьяны, что она готова создать новую семью, в которой её дети будут окружены заботой и любовью, разбились о неожиданный вопрос адвоката.

«А ваш новый избранник готов создать с вами семью? Или это лишь плод вашего воображения?» — наглого вида, крупный мужчина с громким, низким голосом насмешливо смотрел на ответчицу.

«Конечно, готов, — уверенно кивнула Татьяна. — Мы давно любим друг друга».

«А почему же он в таком случае до сих пор не разведён?»

Напрасно Таня пыталась доказывать серьёзность чувств Виталия... Напрасно напоминала, что сам Олег и вовсе собирается воспитывать детей один, без женского вмешательства — все её доводы тонули в раскатистых контраргументах наглого защитника. Речь её собственного адвоката тоже не возымела действия. Судя по выражению лица Олега, тот был абсолютно уверен в исходе дела, и даже окажись, что Таня с Виталием уже завтра готовы заключить брак, её оправдания не имели бы решающего значения. Таня чувствовала себя как на сражении — одна против целой армии противника...

Самого Виталия на суде не было, и вечером, рыдая, Татьяна рассказывала ему о том, что Олег всех купил — и свидетелей, и суд.

Согласно решению суда, дети остались на попечении отца, а ей разрешалось видеться с ними раз в неделю, на его территории. Адвокат, нанятый Виталием, был крайне возмущён и собирался опротестовать несправедливый вердикт.

Через несколько дней он составил апелляцию, и Татьяна немного воспрянула духом. Однако, после очередного посещения сыновей, она вернулась домой в слезах...

— Что случилось, Танюш?.. — Виталий ждал её на стоянке, и, когда она уселась в его машину, сразу заметил её состояние.

— Представляешь... — всхлипнув, она вытерла ладонью мокрую щеку. — Он взял для них няню...

— Н-ну... и что здесь плохого? — Мясников непонимающе нахмурился, — Это естественно, ведь их нужно отводить в школу, потом забирать... У него не всегда это может получаться, и потом, они не могут находиться дома одни, пока он на работе. По-моему, это нормально...

— Да ты бы видел эту няню... — Таня грустно усмехнулась, — Фотомодель... Думаешь, ей мои дети нужны?.. Клинья к Олегу подбивает... или уже спит с ним.

— Ну, это тоже не самый худший вариант... — Виталий пожал плечами, — В конце концов, он о тебе быстрее забудет. Ну, что ты, Таня...

— Как ты не понимаешь... — она подняла на него полный боли взгляд, — Виталик... да мне всё равно, с кем он будет спать... Но там — мои дети... Они этой длинноногой кобыле не нужны! Если она сумеет женить на себе Олега, то мои дети будут самыми несчастными на свете...

— Танюш, не утрируй... — он сжал в руке её ладонь, — В конце концов, он — родной отец.

— Нет... нет... — она отчаянно замотала головой, — Как только у него появится любовница, мои мальчишки будут бедными... Я это чувствую... Я — мать, Виталик... сердце не обманешь...

— Что ты предлагаешь?..

— Я не знаю... — новая порция слёз хлынула из глаз, и Таня до боли прикусила губу. — Я вообще теперь не знаю, что делать...

...Обжалование решения суда плодов не принесло. Вышестоящая инстанция оставила его в силе.

Тане ничего не оставалось делать, как видеться с сыновьями раз в неделю, но вскоре на неё обрушилась новая беда. На работе её обвинили в разглашении служебной тайны — история, действительно, имела место около года назад, когда Татьяна по просьбе Олега помогла одному его хорошему знакомому, передав некоторую секретную информацию. Серьёзных последствий этот поступок не имел, но теперь неожиданно вскрылся... Узнав, в чём её обвиняют, Таня не сомневалась: это было дело рук её бывшего мужа.

Олег любил растягивать удовольствие, он никогда не мстил сразу... он выжидал, а потом обрушивал удар на противника в самый неподходящий момент...

...Увольнение было громким, со статьёй в городской газете, так, что Таня несколько дней боялась выйти на улицу — ей казалось, что все прохожие в курсе того, в чём её обвиняют. Воспользовавшись ситуацией, Виталий уговорил её съездить к матери — той стало хуже, и она нуждалась в уходе.

С в кровь израненным сердцем Таня уехала в конце апреля... А уже в начале мая Виталия вызвала Лозинская.

Они виделись утром, на планёрке, и Виталий решил, что у Изабеллы к нему производственные вопросы. За эти несколько месяцев он успешно вошёл не только в курс, но и во вкус нового для него дела, всё чаще ловя одобрительный взгляд своей непосредственной начальницы. Такой же взгляд он ловил и по утрам, после очередной, проведённой вместе с ней ночи...

Он ловил себя на мысли, что привык не только к новой должности, а и к статусу штатного любовника — забытые ощущения романтической игры возвращались к нему приятными импульсами... Он научился довольно правдиво врать Татьяне, оправдывая свои отлучки внезапными командировками. Удивительно, но она ему верила...

Его уже не смущал возраст Изабеллы, это было даже интересно... вначале казалось, что она не питает к нему особых чувств, используя лишь как мужчину — по назначению... Он старательно соблюдал субординацию в офисе — называл её на вы, и не переходил границ дозволенного даже когда оставался с ней наедине в кабинете.

Но в последнюю их «интимную» встречу Виталий явно ощутил некие перемены, произошедшие с его «взрослой» партнёршей — она была с ним и мягче, и ласковей, чем обычно... Ему даже показалось, что она не хотела его отпускать от себя, когда утром им пришлось расстаться — он уехал от неё на своём автомобиле, а за ней пришёл служебный.

...Спешно оставив свой кабинет, Мясников прошёл в приёмную. На ходу кивнув секретарше, взялся за ручку двери...

...Судя по выражению лица, Изабелла вовсе не собиралась вести деловые разговоры... Указав Мясникову не на стул, а на кожаное кресло в углу кабинета, сама устроилась напротив. Закинув ногу на ногу, она смотрела на него как-то странно — испытующе и слегка настороженно.

— Ты ведь не разведён?.. — вопрос прозвучал не сразу, а спустя лишь полминуты.

— Нет... — покачав головой, он выжидательно уставился ей прямо в глаза.

Вопрос удивил... Конечно, Виталий мог предполагать, что Лозинская в курсе всех его личных дел... И, всё-таки, было бы логичнее услышать от неё что-то вроде «Ты ведь женат?»

Однако, женщина сформулировала вопрос именно таким образом...

— А почему не разводишься?.. — второй вопрос шокировал ещё больше. Вместо ответа Виталий только театрально развёл руками.

Он продолжал с удивлением наблюдать за Изабеллой в ожидании продолжения странного разговора, когда секретарша принесла две чашки кофе. Дождавшись, пока за девушкой закроется дверь, Лозинская встала и, пройдя к столу, вытащила бутылку марочного коньяка и две рюмки. Виталий уже знал, что так она делала только в случае, когда их общение переходило деловые рамки.

Взяв налитую рюмку, он не спешил её выпить, а грел в руке, не спуская с начальницы глаз. Она же, напротив, сразу опрокинула в себя коньяк и тут же потянулась за кофе.

Мясникова удивила не только формулировка вопроса, но и место, где он был задан. Естественнее было бы услышать его у Лозинской дома — в её постели. Но, несмотря на уже устоявшуюся за эти месяцы любовную связь, Изабелла Юрьевна никогда не затрагивала тем личной жизни, даже когда Виталию приходилось у неё ночевать. Она как будто нарочно обходила их стороной, чему он был искренне рад: не озвученная тема была вне доступа... оставляла личностную свободу.

— Так почему всё-таки не разводишься?.. — Изабелла повторила вопрос.

— Да мне как-то не мешает...

— А мне — мешает...

— То есть?.. — Мясников удивлённо приподнял брови.

— Я тебя тут поощрить хочу... за хорошую работу... — Лозинская чуть прищурилась, как будто пытаясь разглядеть реакцию Виталия на свои слова. — Но не хочу, чтобы моё поощрение позже досталось твоей жене...

— В каком смысле?

— В виде поделенного при разводе имущества. Господи! — она нетерпеливо хлопнула ладонью себя по бедру, — Ты что, и правда, такой дубовый?!

— А что за имущество?..

— Пока секрет. Но советую подать на развод, пока ты практически нищий. Всё равно вы с женой не живёте... — Изабелла откинулась на спинку, сложила руки на груди, — Мальчик... я ведь всё про тебя знаю. И что ты у Дзюбы жену увёл — тоже знаю... Удивлён?..

— Да нет... Просто раньше мы этих тем не касались...

— А мы и впредь касаться не будем. Вот сейчас решим все проблемы, и — не будем.

Глава 24.

Известие о том, что Виталий подал на развод, Александра восприняла спокойно. Они давно уже не были супругами в общепринятом смысле, а несколько месяцев назад Виталий и вовсе перебрался в другую квартиру и не появлялся в поле зрения законной жены. Её собственный роман со студентом Ромой оказался более серьёзным, чем могла предполагать сама Сандра — именно так звал её молодой любовник. Попытка «отомстить» мужу незаметно перелилась в довольно крепкое чувство — Александра откровенно влюбилась в мальчишку, несмотря ни на разницу в возрасте, ни на его статус приезжего студента, и, как следствие — ограниченные материальные возможности.

Неожиданно нагрянувшее чувство настолько украсило её тусклую до этих пор жизнь, что Аля абсолютно отказалась от алкоголя. Она не употребляла его уже много месяцев — любовный трепет и волнение полностью заменили ей пьяную эйфорию. Она не строила никаких планов, просто сполна отдавалась своей страсти — в снятых ею гостиничных

номерах, а позже — в собственной квартире, когда Миша уходил ночевать к бабушке с дедушкой. Она не боялась, что Виталий «застукает» её с любовником — Мясников дома больше не появлялся, а, если бы даже появился, у него не могло быть морального права в чём-то упрекать свою всё ещё законную супругу.

Несмотря на то, что муж резко сократил её «финансирование», Александра не испытывала недостатка в деньгах — у неё совершенно неожиданно оказались собственные средства, скопленные ранее с помощью Вероники Григорьевны. В пору «запойных» периодов дочери той удавалось втихомолку класть некоторые суммы на счёт Александры — из тех денег, что Виталий ежемесячно давал «на семью». О существовании этого счёта Аля узнала случайно, увидев в квартире родителей сберкнижку на своё имя. Оскорбившись вначале, позже она поняла, что это — настоящий подарок судьбы, ведь тех денег, что давал Мясников теперь, едва хватало, чтобы иногда пополнять свой гардероб, что уж говорить о походах в ресторан с любовником, и, тем более, о предстоящей двухнедельной поездке с ним на море в конце июня, после летней сессии.

Эту поездку она давно обещала Роману. В глубине души Аля догадывалась, что совместные ночёвки, с хорошим ужином, в номерах отелей раз в неделю — слишком мало, чтобы удержать возле себя двадцатилетнего мальчишку, которому хочется отрываться не только в постели, но и в танцзалах ночных клубов, под гремящую музыку в кругу друзей... Рома не был наркоманом, он умеренно употреблял алкоголь, что очень устраивало саму Александру — парня нельзя было упрекнуть в том, что он тянет из неё деньги на свои дурные привычки. Он не просил в долг, не требовал дорогих подарков, и поэтому на первый взгляд не попадал под категорию откровенных альфонсов. Они встречались раз в неделю, изредка — два, и вскоре Аля стала ощущать недостаток общения... Она была готова видиться с Романом чуть ли не ежедневно, но его держала учёба. В то же самое время он постоянно жаловался, что в общежитии сложно жить, он не высыпается и ему тяжело готовиться к зачётам.

Аля жалела парня всем своим женским, любящим сердцем... иногда она ужасно ревновала его, представляя, что к нему в комнату приходят юные длинноногие соседки, а ведь он такой хорошенький... эти его шальные карие глаза могут свести с ума кого угодно...

Она была готова позвать Романа жить к себе, но ей пока было стыдно перед сыном. Тот уже был в курсе увлечения своей матери, но разговоров на эту тему никогда не заводил, лишь упрямо поджимал губы, когда слышал, как Аля разговаривает по телефону с любовником.

Роман ночевал у Александры лишь в те дни, когда не было самого Мишки... Теперь перед ней стояло две задачи: уговорить сына принять её выбор и смириться с тем, что Рома переедет жить в их квартиру... а ещё — удержать самого Рому, который в последнее время вдруг начал вызывать беспокойство своим едва наметившимся охлаждением. Аля почувствовала его интуитивно, по-женски... Поездка к морю могла укрепить их отношения — она была в этом почти уверена.

Она не собиралась так легко упускать своё счастье... счастье, которое настигло так неожиданно... и имя которому было — долгожданная, взаимная любовь...

...Повестку в суд она расценила как знак, посланный свыше... Действительно, чего она всю жизнь цеплялась за этот неудачный брак?! Неужели только сейчас, когда она окончательно освободилась от прошлого, стала понятна абсурдность всех этих, прожитых впустую, лет...

К чёрту!.. К чёрту Мясникова и всю его убогую семейку... жаль, что он раньше не

сошёлся со своей любовницей... Жаль, что она, Александра, сама не подала на развод ещё тогда, много лет назад... Как говорится, не было бы счастья...

...Однако, приехав сегодня в квартиру родителей, Аля почувствовала, как внутри неё закипает злорада вперемешку с обидой: в гостиной Вероники Григорьевны и Семёна Ильича, вытирая платком заплаканные глаза, сидела бывшая жена Олега и нынешняя сожительница Виталия — Татьяна...

— А это что за явление?.. — застыв от неожиданности в дверях, Александра неприязненно посмотрела на бывшую невестку, затем перевела взгляд на мать. — Что она здесь делает?

— Аля, успокойся... — Вероника шагнула к дочери, — Таня приехала по делу...

— Какое у неё здесь может быть дело?! — та возмущённо округлила глаза, — Зачем вы её впустили?!

— Аля!.. — мать укоризненно покачала головой и незаметно показала глазами на отца, который сидел в своём любимом кресле, строго поджав губы и сведя брови над переносицей. Судя по всему, разговор, который происходил до прихода Александры, был не из приятных, и Семён Ильич хмурился неспроста.

— Что — Аля?! — дочь пошла в наступление, — Мало, что они наделали с Мясниковым?! У неё ещё хватает совести прийти сюда — к вам?!

— Пойдём со мной... — опасаясь за здоровье супруга, Вероника Григорьевна потянула её за руку, — Пойдём... Таня приехала к папе, им нужно поговорить...

Затащив Александру на кухню, мать усадила её за стол и сама присела напротив.

— Зачем она пришла? — Аля хмуро глядела исподлобья. — Что ей надо?

— Олег не разрешает видеться с детьми... — Вероника тяжело вздохнула. — Таня уезжала к своей матери, та болела... А две недели назад умерла. Позавчера Таня вернулась, приехала к детям, а её не пустили... няня сказала, что Олег запретил. Она пробовала с ним встречаться, но он и слышать не хочет. Сказал, что, если она будет искать встречи с детьми и обратится в суд, он увезёт их за границу, и она вообще их никогда не увидит. Таня пришла просить, чтобы мы поговорили с Олегом...

— А что она хотела?.. — Александра удовлетворённо улыбнулась уголком губ. — По любовникам таскаться, и чтобы дети при ней были?!

— Аля... — мать бросила на неё скорбный взгляд, — Лучше не говори так... ты сама знаешь, почему...

— Я ребёнка не бросала! — лицо Али было исполнено справедливого возмущения. — Пусть получает, что заслужила!..

— Таня, конечно, виновата перед Олегом... — Вероника Григорьевна неожиданно встала из-за стола и, достав из шкафчика небольшой флакон, накапала в чистый стакан несколько капель — по кухне сразу распространился резкий запах сердечного средства. — Она виновата, но он... он, ведь, тоже перед ней виноват...

— В чём?! — наблюдая, как мать разбавляет лекарство водой, Александра чуть сбавила тон. — В чём он-то перед ней виноват?! В том, что пылинки сдувал?! «Танюша-Танюша»... А Танюша — такую благодарность...

— Ты не всё знаешь... — залпом выпив лекарство, Вероника чуть поморщилась, затем на секунду застыла, как бы прислушиваясь к тому, что происходит в гостиной и слегка приглушила голос. — Вернее, ты вообще ничего не знаешь... и вообще никто не знает, кроме меня и Олега...

Вероника Григорьевна была заметно взволнована... Она то и дело бросала испуганные взгляды в сторону двери, прижимая к губам ладонь. Она как будто чего-то ждала — со страхом и обречённостью.

— Что там знать, мама?! — Александра недовольно поджала губы, — Что Танька не любила Олега?! Так я это знаю! Не любила — зачем встречалась?! Не встречалась бы, не залетела... Не залетела бы, и замуж бы не пришлось выходить. В крайнем случае, могла бы и аборт сделать.

— Ох... — казалось, что мать полностью сосредоточилась на том, что происходило в гостиной. — Сейчас Таня всё ему расскажет... Ох, расскажет...

— Да что расскажет-то?!

— Как всё было... Это же я виновата... моя вина...

— Ты-то при чём? — Аля нахмурилась. — Ничего не понимаю.

— Да, пожалуй, так будет лучше... — Вероника Григорьевна скорбно сдвинула брови и закивала головой, — Так лучше... пусть...

— Да что лучше-то?! — Александра нетерпеливо прихлопнула ладонью по столу, — Мама, ты с кем сейчас говоришь?! Вообще-то я пришла, ты ещё не заметила?! И у меня новости...

— Новости?.. — мать бросила на дочь растерянный взгляд. — Какие ещё новости?..

— Мясников подал на развод. Я пришла к тебе, мама... а вы тут — с этой...

— Это — расплата, Аля... расплата...

— Это пусть им будет расплата. А я хочу начать новую жизнь. Мама!.. — решив, что мать её не слышит, Аля потрепала ту за рукав платья. — Ма-ма!

— Это расплата, Аля... Чтобы начать новую жизнь, нужно избавиться от лжи...

— От какой лжи?.. — покосившись на дверь, Александра перешла на громкий шёпот. — Если ты опять про Мишкиного отца, то не вздумай!.. Даже не заикайся!.. Мясников подал на развод, ты что, хочешь, чтобы я осталась без алиментов?!

Договорить они не успели... Вздрыгнув от стука входной двери, Вероника Григорьевна испуганно подняла глаза: в дверном проёме стоял супруг. Судя по тяжёлому взгляду, предстоящий разговор не обещал ничего хорошего...

— Так это — правда?.. — здоровье генерала в отставке в последнее время очень сильно пошатнулось, но, несмотря на это, вид он имел довольно грозный. — Ты всё знала?

— О чём ты, Сеня?.. — Вероника Григорьевна даже не попыталась изобразить удивление — вопрос прозвучал как-то тускло и обречённо.

— О том, что сейчас рассказала Таня. Ты же всё знала... Или, скажешь, нет?

— Что тебе рассказала Таня?..

— О том, какой подонок наш сын.

— Что ты такое говоришь, Сеня?.. ну, какой же Олег подонок?!

— А ты ведь всё знала... я уверен, что ты много чего знала, и не рассказывала... Ты его покрывала!.. ты... — Семён в ярости потряс сжатыми до побелевших косточек кулаками, — Ты!.. Ты пользовалась моим служебным положением... моими связями... и всё это — за моей спиной!.. Ты... ты — сводница!.. Старая сводница!..

...Скорую в этот раз пришлось вызывать Веронике Григорьевне. Александра суетилась вокруг матери, а после приезда врача испуганно наблюдала за его манипуляциями. Вернувшегося из школы Мишу тут же отправили в аптеку, покупать бабушке лекарства по выписанному доктором рецепту. Проводив медиков, Аля, наконец-то, бросила взгляд на

отца.

Приступ ярости закончился приступом раскаяния — тот сидел возле больной жены и держал её руку в своей ладони.

— Прости меня, Вера... прости... я больше тебя виноват...

Из дальнейшего монолога Семёна Ильича можно было понять одно: старый генерал, который всю жизнь ловил за руку преступников, выводил на чистую воду самых отъявленных мошенников, был абсолютно раздавлен... оказывается, он и мысли не мог допустить, что его обманывают самые близкие и любимые люди...

— Мама тебе не врала... — Александра тревожилась теперь не только за мать, но и за отца — тот с отрешённым видом уставился в одну точку. — Папа, ты пойми... она ограждала тебя от бытовых проблем... тем более, Олег потом остепенился, ты же сам видишь, каким он стал.

— Если бы Вера от меня ничего не скрывала, всё было бы по-другому... Хотя... теперь поздно говорить о чём-либо. Да и ни к чему... ты прости меня... — он в который раз виновато погладил руку жены, — прости, Верочка... не сдержался...

От бывшей невестки Семён Ильич узнал о том, как развлекался его старший сынок в пору своей молодости... Поступив на первый курс университета, тогда ещё восемнадцатилетняя Таня попала в поле зрения старшекурсника юрфака Дзюбы... Девушка была приезжая, а, значит, беззащитная, и Олег, по своему обыкновению, начал «обрабатывать» красивую первокурсницу — встречал её после занятий, вылавливал между парами в коридоре университета, приезжал в общежитие на дискотеки, подсылал своих дружков... Но Таня никак не хотела отвечать взаимностью, и тогда Олег решил применить обычный способ — однажды, когда Таня была одна в своей комнате, он вошёл к ней без стука и закрыл за собой дверь на ключ, торчавший в замочной скважине... Таня кричала на него, плакала, просила её отпустить... Как назло, секция в тот момент была пустая — все студенты разъехались на каникулы. Танин поезд был на следующее утро, и эту ночь она провела в слезах... Дома она ничего не рассказала матери, а, вернувшись, решила молчать и с подругами — боялась огласки. Она надеялась, что Олег больше её не потревожит — он добился своего, она теперь не представляет для него ценности... Но, к её ужасу, тот возобновил свои визиты — Таня ему, действительно, нравилась, и не так, как остальные девчонки. Она и боялась его, и ненавидела... Олег был ей противен, но она теперь шла к нему добровольно — из страха, что он воплотит в жизнь свою главную угрозу — отдать её на растерзание своим товарищам... А она их уже видела, и не раз, и слухи о том, как сынок милицейского начальника обращается с девушками, не добавляли ей оптимизма. Не борец по природе, Татьяна просто откупалась от угроз Олега — своим телом... а после рыдала в подушку — от омерзения и стыда. Она боялась признаться даже своим двум соседкам по комнате, и на все вопросы только отмалчивалась. Так продолжалось почти три месяца, до тех пор, пока Таня не поняла, что беременна. Вернее, догадались сами соседки — Таню по утрам тошнило, и, вначале шутившие по этому поводу, девчонки спустя неделю забили тревогу.

Сходив по их наставлениям к врачу, девушка вернулась бледная, в состоянии истерики. Догадки о беременности подтвердились, и она в отчаянии во всём призналась своим подружкам... Взяв с них слово никому ничего не говорить, она впала в депрессию. Мнительная от природы, Таня очень боялась огласки, а ещё больше боялась аборта... Олег приезжал за ней всё чаще, и девчонки уговаривали её обратиться к его отцу.

«Сделаешь аборт, а потом снова забеременеешь... — вечерами они пытались «вправить мозги» своей соседке. — так и будешь каждые пол года аборт делать?! Он же тебя насилует, ты что, не понимаешь?! Пригрози, что напишешь заявление!»

Но Таня боялась и этого... Отношение к ней Олега уже не было похоже на насилие — напротив, он стал говорить ей о любви, делать дорогие подарки... Она уже слышала, что у Олега Дзюбы было много девчонок для утоления прихотей, но ведь ни одна не добилась правды... Может, они тоже боялись?.. Или он откупался от них, вот как от неё — красивыми словами и презентами?..

Соседки не выдержали сами. За несколько дней до назначенной даты аборта, две храбрые девушки отправились домой к генералу милиции Семёну Дзюбе. Пробравшись через кордон консьержки, они с волнением и страхом остановились у массивной металлической двери и нажали на звонок... Открывшая им дверь красивая, темноволосая женщина оказалась супругой генерала. Пригласив нежданных гостей в квартиру, она тревожно выслушала их пламенную речь и пообещала всё передать мужу — того не оказалось дома, и принять незамедлительное участие в судьбе несчастной девушки, которую вот уже который месяц истязает её сын...

Но, как оказалось позже, об этом визите генерал Дзюба так и не узнал — до сегодняшнего дня...

— Что тебе рассказала Таня?.. — Вероника Григорьевна мужественно решила продолжить разговор, несмотря на то, что ей было всё ещё плохо.

— Давай об этом потом... — супруг заботливо поправил на ней пушистый плед. — Теперь всё это неважно... мне главное, чтобы ты поправилась.

— Нет... — женщина медленно покачала головой. — Давай лучше сейчас... Вдруг со мной что случится... у меня душа потом не успокоится. Грех на мне, Сеня... перед тобой грех... облегчи мне душу... Давай, поговорим...

Александра хотела вмешаться в разговор родителей — она видела, что визит врача облегчения не принёс. Она уже хотела возразить матери и заставить ту уснуть, но Вероника Григорьевна посмотрела на неё так красноречиво, что Аля нехотя замолчала. Усевшись неподалёку, она сложила на груди руки и нахмурилась. Весь её вид выдавал напряжение, она предполагала, что разговор может коснуться не только брата, но и её самой. Вернувшийся из аптеки Миша выложил на журнальный столик лекарства и уже хотел было удалиться в свою комнату, но бабушка остановила его жестом.

— Чего, бабуль? — внук остановился напротив.

— Сядь... ты уже большой, и имеешь право знать всё.

— Мама!.. — Александра укоризненно посмотрела на мать. — Ну, ещё его не хватало посвящать в семейные тайны... тем более, что это всё полная ерунда.

— Это не ерунда... А тайны... от них только зло... — женщина слегка качнула головой. — Это я теперь знаю точно... Остаётся, Миша... разговор и до тебя дойдёт.

— Тебе нельзя волноваться... — сама взволнованная, как никогда, от предстоящих откровений матери Аля вдруг резко вскочила и, пройдя к дивану, на котором лежала Вероника, присела рядом на корточки. — Мама... эти разговоры ни к чему хорошему не приведут, ни тебя, ни папу. Зачем ты и его волнуешь?!

— Вера... — в знак согласия с дочерью Семён Ильич закрыл и открыл глаза. — Оставь... Алька права...

— Нет, Сеня!.. — Вероника Григорьевна в отчаянии приподнялась с подушки, но тут же

снова опустила на неё голову. — Я только сейчас... вот именно сейчас поняла... Этот разговор должен был состояться уже давно... Может, многих бед бы не было... но, случилось так, как случилось, и теперь я хочу успеть его закончить. За меня не беспокойся... всё-таки я — жена генерала... Говори... всё говори, что рассказала тебе Таня... а потом расскажу я...

Видимо, на лице жены была написана такая решимость, что Дзюба больше не стал отнекиваться... он понял, что ей, действительно, необходим этот разговор. Необходим, несмотря ни на её слабость, ни на её эмоциональное состояние.

Как бы нехотя, он пересказал всё, что узнал от своей бывшей невестки...

— Неужели это правда, Вера?.. — Семён Ильич устало поднял взгляд на супругу. Он уже не сомневался в её ответе... — Таня не соврала?..

— Нет, Сенечка... — Вероника Григорьевна скорбно прикрыла глаза. — Таня не соврала...

— Я всё-таки думаю, что она немного приукрасила... — желая, скорее, избавить жену от излишнего самоистязания, Семён сделал вид, что готов оправдать и её, и сына. — Всё-таки замуж она добровольно пошла... её никто не заставлял, значит, не всё так трагично...

— Я заставила... — Вероника Григорьевна сморгнула накатившую слезу и шмыгнула носом. — Вернее, не заставила... а уговорила... но так уговорила, что у неё не было шансов отказаться...

...Ответную исповедь супруги Дзюба слушал молча, поджимая губы и уставившись в одну точку. Оказывается, Таня многого не знала, принимая все возникшие обстоятельства за чистую монету.

После визита её соседок, Вероника решила ничего не рассказывать мужу, а на следующий день сама нашла Таню и, услышав из её уст подтверждение этой истории, вечером вызвала сына на откровенный разговор. Узнав, что девушка, которой он «оказывает знаки внимания», беременна, Олег выразил искреннее изумление — он этого не знал... В своё оправдание он признался матери, что Таню он и в самом деле любит, и что запугивал с одной единственной целью — добиться её расположения. Понимая, что, если эта история дойдёт до ушей отца, то тот не будет церемониться даже с родным сыном, Вероника Григорьевна предложила Олегу либо жениться на Тане, либо оставить её в покое навсегда. К её удивлению, тот вполне искренне выбрал женитьбу, и теперь уже пришлось обхаживать саму Таню — та даже слышать не хотела о замужестве... Она твёрдо решила сделать аборт, а, в случае, если Олег не прекратит свои притязания на её личность, Таня мужественно пригрозила вынести эту историю наружу — так научили её соседки, ведь теперь они являлись свидетельницами её нравственных и физических мучений. Возможно, Таня откровенно блефовала, но Вероника Григорьевна вполне допускала такой исход дела — зная своего сына, она могла не сомневаться, что в покое Татьяну он не оставит.

Ей ничего не стоило «поговорить» с Таниным врачом — уже в следующее посещение женской консультации девушка с удивлением и ужасом узнала, что у неё осложняющие обстоятельства в виде обнаруженного заболевания, и что аборт ей делать нельзя категорически...

Во время следующего визита к предполагаемой невестке Вероника приложила максимум усилий к уговорам, рассказывая расстроенной девушке, как тяжело одной воспитывать ребёнка, и как огорчится её мама, узнав, что дочь принесла в подоле... Она красноречиво расписывала Тане, как любит её Олег, и делала она это вполне искренне — Олег, и правда, влюбился не на шутку. Простое происхождение Татьяны вовсе не пугало

будущую свекровь, которая сама была из рабочей-крестьянской семьи, и прошла со своим грозным супругом весь его нелёгкий путь от простого участкового до главы целого ведомства. Она была уверена, что и Семён не станет требовать родословную невестки, а покладистый, уступчивый характер Тани будет залогом мира и спокойствия в их семье.

Таня была не просто уступчивой... она шла на поводу у обстоятельств, совершенно не противясь им, а принимая с обречённой покорностью... Через пару недель после того, как в её судьбе начала принимать участие Вероника, она поддалась на её уговоры и смирилась с участью... Перспектива вернуться в родной городок с нагулянным ребёнком показалась ей страшнее, чем перспектива стать любимой женой будущего юриста, сына всемогущего отца, к тому же, вполне обеспеченного уже сейчас — молодым сразу дарились новая квартира и ключи от автомобиля...

Ни Семён Ильич, ни Александра тогда так и не узнали всех подробностей — для них история женитьбы Олега сводилась к одному: невеста беременна, и он, как честный человек, не может бросить её на произвол судьбы.

Под венец Таня шла уже немного повеселевшей, и все последующие десять лет супружества честно пыталась полюбить своего мужа... до тех пор, пока попытка не закончилась любовью совсем к другому человеку.

...Рассказав сейчас всё это, Вероника Григорьевна с внутренним содроганием наблюдала за реакцией супруга. Казалось, тот превратился в каменное изваяние... Они оба сейчас представляли довольно драматичную картину: убитый откровениями жены старик и раскаявшаяся пожилая женщина... Всегда такие бодрые, сейчас они выглядели ещё более постаревшими...

— Знаешь, Вера... — Семён, наконец, нарушил тяжёлое молчание, — Если мой сын был таким подонком, как рассказала Таня... то сейчас я не имею права тебя осуждать. И, наверное, скажу... что ты его спасла... Кто знает, что было бы с ним, не женись он на Тане...

— Я думала так же, Сеня... только, видишь, как всё вышло...

— Тане я помогу... — Семён Ильич попытался встать, но супруга схватила его за руку и слабо потянула назад.

— Это ещё не всё, Сеня...

— На сегодня — всё, — чуть пожав её ладонь, Дзюба решительно поднялся с дивана. — Достаточно и с меня, и с тебя...

— Я хотела поговорить о Мише...

— В следующий раз... — покачав головой, супруг направился к двери тяжёлой походкой. — Отдохнёшь, придёшь в себя... у нас ещё будет время обо всём поговорить...

— Сеня!..

— Отдыхай, Верочка...

...Этой ночью Семёна Ильича не стало. Оставшись из-за плохого самочувствия матери в квартире родителей, Аля долго сидела рядом с Вероникой Григорьевной. Думая, что отец в соседней комнате спит, она не тревожила его, раздумывая, как уговорить мать не возобновлять тяжёлого разговора. Александра понимала, что речь теперь пойдёт о ней и о Мишином родном отце... Судя по решительному настроению, Вероника была настроена исповедаться перед мужем до конца, открыв ему неизвестные до сих пор тайны их детей, в которых она принимала рьяное участие...

Аля даже подумала, что мать собралась умирать — об этом говорили и её настроение, и

самочувствие... Александра всю ночь не отходила от больной, устроившись в кресле напротив... и лишь под утро забылась тревожным сном.

Проснувшись оттого, что затекли ноги, она убедилась, что Вероника Григорьевна спокойно дышит во сне, и отправилась в свою бывшую комнату, чтобы ещё немного поспать, но уже лёжа на кровати. Заглянув по пути в спальню, где находился Семён Ильич, Александра машинально скользнула взглядом по кровати и уже собралась закрыть за собой дверь, как почувствовала неясную тревогу...

Свет... спросонья она не поняла, почему в спальне горит свет, ведь отец должен был его выключить ещё вечером... Да и сам он — почему-то лежит как-то неестественно, безжизненно свесив ноги...

Бросившись к отцу, она тщетно пыталась привести его в чувство... разбудив Мишу, вдвоём с ним отчаянно делала массаж сердца, искусственное дыхание...

Но было поздно...

...После похорон деда Миша окончательно перебрался к бабушке — она нуждалась в уходе и внимании, как никогда. В один из вечеров, незадолго до своего шестнадцатилетия, Миша присел напротив Вероники Григорьевны — та рассматривала семейные фотографии, на которых они с Семёном Ильичом были ещё молодыми и полными сил...

— Знаешь, бабушка... — парень взял у неё из рук фото деда в форме капитана милиции. — Я решил... после армии буду поступать в школу милиции...

— Почему не в университет, Мишенька? — смахнув со щеки слезу, та удивлённо посмотрела на внука поверх очков.

— Я так решил.

— А военным... Тебе никогда не хотелось стать военным?.. — Вероника Григорьевна задала этот вопрос неожиданно для себя самой, и уже в следующий момент пожалела, что вовремя не прикусила язык.

— Почему — военным?.. — внук поднял настороженный взгляд, потом, как будто о чём-то догадавшись, едва заметно усмехнулся. — Мой родной отец — военный?..

— Как ты повзрослел... — нарочито громко вздохнув, вместо ответа Вероника провела ладонью по русой, коротко стриженной макушке внука. — Как же ты повзрослел...

— Бабуль... ты не ответила.

— Да, Мишенька... — понимая, что от случайно начатого ею же разговора не уйти, женщина нехотя кивнула. — Твой родной отец... он учился в военном училище...

— А сейчас?.. Где он сейчас?.. — Миша бросил на бабушку пытливый взгляд.

— Я не знаю... — Вероника вдруг поняла, что пока не готова открыть абсолютно всю правду вот так — без подготовки... Неопределённо пожав плечами, она невольно отвела глаза. — Мы о нём ничего не знаем.

— Как его зовут?

— Его зовут Александр... так же, как и твою маму.

— А фамилия?.. Фамилию-то хоть ты знаешь?..

— Морозов. Его звали Саша Морозов. Я его никогда не видела... Так сказала твоя мама...

— Почему они не поженились?.. — резко опустив голову, Миша сделал вид, что старательно разглядывает очередное фото.

— Так получилось... Такое бывает...

— Он что... маму бросил?..

— Ну, как тебе сказать... — слегка замявшись, женщина на ходу придумывала варианты нелёгкого ответа. — Они встретились, когда она была на первом курсе... потом их пути разошлись...

— А потом?..

— А потом... потом — всё... Больше не встречались. Мама вышла замуж за Виталия...

— Выходит, он её бросил?..

— Ну, как тебе сказать...

— Значит, бросил...

— А почему ты хочешь пойти именно в школу милиции? — Вероника Григорьевна решила переменить тему разговора, чтобы уйти от ненужных, на её взгляд, подробностей появления внука на свет. — Почему не на юрфак, как дядя Олег?

— Нет, — Миша медленно покачал головой. — Я — в школу милиции... как дедушка...

Глава 25.

— Уважаемые пассажиры... — голос дежурной по вокзалу доносился из всех динамиков, вывешенных вдоль длинного перрона. — Скорый поезд... номер... прибывает на третий путь второй платформы... Нумерация вагонов — с головы поезда... Стоянка поезда десять минут... Будьте внимательны и осторожны...

Поднимаясь по лестнице подземного перехода на нужную ей платформу, Анна невольно усмехнулась про себя. Последнее предупреждение дежурной почему-то эхом отозвалось в голове.

«Внимательны и осторожны...»

Поздно... слишком поздно быть внимательной и осторожной... Правда, она и так слишком долго крепилась, противилась своим тайным желаниям... Много месяцев... А вот — случилось... Случилось то, чего она так боялась и хотела одновременно...

Наверное, это её рок. И никакие предупреждения бы не помогли, даже если бы они звучали каждый день с утра до вечера... Видимо, всё было предрешено. И теперь поздно переосмысливать свои поступки и чувства... тем более, что делать этого совсем не хочется. Зачем переосмысливать то, что раскрасило её жизнь в невиданные доселе цвета, принесло неведомые, непознанные доселе ощущения?..

Не познать их — не меньший грех, чем познать... пусть так, украдкой, с привкусом вины и стыда... но с непреодолимой радостью невероятного полёта, заглушить которую не смогли никакие угрызения совести.

...Так она думала ещё вчера вечером, утопая в жарких объятиях чужого мужчины... Проводив его около полуночи, вдруг впервые явственно осознала, насколько зыбко это ворованное счастье... Сегодня же, приехав на вокзал, к поезду, который должен был увезти её к семье, Аня почувствовала растерянность и щемящую тревогу.

...Завтра ей понадобится всё её мужество... наверное, это будет мужество на грани цинизма.

...Завтра она встретится с Сашей и Димкой — сразу после последнего звонка они вдвоём уехали на родину Морозовых... Сашин отец сильно болел в последнее время, и, дождавшись, когда сын окончит седьмой класс, Александр тут же отправился за билетами.

Это было три недели назад. Сегодня Аня уезжала вслед за ними, чтобы провести свой отпуск вместе с семьёй... От Сашиних родителей они собирались поехать в гости к её маме — Елена Ивановна уже больше года не видела ни дочь, ни внука, ни любимого зятя.

...Всего три недели... Но они разделили её жизнь на «до» и «после»...

— Аня, подожди!.. — она уже выходила на перрон, когда откуда-то снизу услышала знакомый до боли голос.

Оглянувшись, она так и застыла, перегородив собой проход... глядя, как Леонид взбегает к ней по крутым ступеням.

— Мы же договорились... — дождавшись, когда он приблизится вплотную, она подняла на него глаза. Анюта смотрела растерянно, но в её взгляде проступала нескрываемая радость от встречи. — Я же просила тебя не приходить... Увидит кто-нибудь...

— Я не смог... — подхватив её сумку, Лапин увлёк женщину в сторону. Остановившись под навесом, поставил сумку на землю и схватил Анну за руки. — Я не знаю, как я буду без тебя... Аня... Я с ума сойду...

— Ты уже сошёл... — стараясь не оглядываться по сторонам, Анюта тщетно пыталась высвободить свои ладони. — Нас увидят...

— Нас и так часто видят... ты забыла, что мы — друзья...

— Не надо, Лёнь... не говори так... — боясь, что он вот-вот обнимет её, Анюта невольно отступила назад. — Я теперь боюсь этого слова...

— Почему? — он смотрел на неё во все глаза, кажется, не понимая смысла их торопливого разговора. — Аня... целый месяц без тебя...

— Послушай... — Анна глубоко вздохнула, как будто приготовилась произнести что-то очень важное для них обоих. — Лёнь, послушай меня... Я сегодня думала всю ночь...

— Обо мне?.. — улыбка чуть тронула его губы.

— И о тебе... и обо мне... о нас... и не только...

— Ну, и что же ты надумала?.. — его руки скользнули вверх по её предплечьям, едва защищённым тонкими рукавами светлой блузки.

— Нам... нам нужно всё прекратить... — она как-то беспомощно проводила взглядом локомотив своего поезда — плавно тормозя, тот тащил за собой длинный состав из новеньких синих пассажирских вагонов. Шум поезда почти заглушил её слова, и казалось, что Анна не в силах их повторить.

— Я ничего не слышал... — не сводя с неё глаз, Лапин медленно покачал головой. — Я ни-че-го не слышал!..

— Всё... — судорожно сглотнув, Анюта закрыла глаза и тут же почувствовала его губы на своём лице. — Всё... Лёня, всё... это — неправильно...

— Что — неправильно?.. — не обращая внимания на толпу пассажиров, он целовал её губы, глаза, волосы...

— То, что мы делаем... Это неправильно... Нельзя... Надо прекратить...

— Ты сможешь?.. — он смотрела на неё пристально, пронзительным взглядом серых глаз...

— Смогу... Я — смогу... Этого — не повторится...

...Усевшись в вагоне на своё место, Анна боялась посмотреть в окно — она знала, что Леонид стоит напротив. Она выглянула лишь, когда поезд медленно тронулся... Не сводя с неё глаз, Лапин шёл рядом с вагоном...

Когда он, наконец, остался вне поля её зрения, Анюта вновь прислонилась спиной к перегородке купе и прикрыла глаза...

...Завтра... уже завтра она встретится с мужем...

Она не знает, как посмотрит ему в глаза... Она не знает, как посмотрит в глаза сыну... Всё, что происходило между ней и Леонидом все эти три недели, теперь оседало

невыносимо тяжёлым грузом в душе...

...И, всё равно... она не знает наверняка, жалеет она о случившемся, или нет...

...Она до сих пор не разобралась в себе... Она не собиралась изменять Александру — в этом Анна могла поклясться наверняка. Да, она была равнодушна к его другу... даже более, чем равнодушна. И, всё же, измена вовсе не входила в её планы.

...Не входила... Но ведь произошла. Или она лукавит сама с собой?.. Ведь с чего-то всё началось...

...Не то слово, что началось. Все эти полгода Аня мужественно сопротивлялась своим чувствам. Она пыталась не думать о Леониде... она отметала все мысли о нём — тщетно, но всё же отметала... Она старалась уделять больше внимания собственному супругу, но Саша, как назло, в последнее время с головой погрузился в свой бизнес — тот, кажется, пошёл в гору.

Анна вспомнила, как сразу после Нового года начала заниматься с дочерью Лапина — Кристиной. Занятия проходили попеременно — то в квартире самих Лапиных, до дома у Анны, а со временем окончательно переместились в дом к Морозовым. Так хотела сама девочка — она всё время подчёркивала, что «дома у тёти Ани материал усваивается намного легче». И Анна вначале честно радовалась такому обстоятельству — в такие дни ей не приходилось оказываться наедине с Леонидом в его автомобиле... Такие ситуации были откровенно провокационными, Аня каждый раз ждала, что Лапин вновь переступит известную черту — то ли со страхом... то ли с надеждой...

Но он, казалось, тоже прилагал все усилия, чтобы больше не обнаруживать своего увлечения. Во время нечастых теперь встреч он разговаривал с Аней, шутил, о чём-то спрашивал, бросая на неё непривычно печальный взгляд... Дальше этого взгляда дело, естественно, не шло. Те два поцелуя оставались в прошлом, а новых больше не было.

Аня ловила себя на мысли, что ужасно хочет повторения пикантной ситуации.

Восьмого марта, оказавшись вместе с Лапиными в ресторане, Анна ожидала от Леонида каких-то слов, а может, и действий — они, как всегда, танцевали, но в этот раз красноречие изменило мужчине... Вопреки обыкновению, он молчал во время танца, и лишь незаметно вздыхал, бросая на неё пронзительные взгляды... В тот вечер они неожиданно оказались наедине — Мила ушла в дамскую комнату, а Саше вдруг захотелось позвонить кому-то из своих новых партнёров, и он отправился на улицу: новый сотовый телефон не ловил сеть в здании ресторана...

Оставшись один на один с Лапиным, Анна внутренне замерла... Ей почему-то казалось, что он только и ждал этой ситуации... Но — увы... и в этот раз Леонид ограничился только взглядом — в нём был уже знакомый призыв, но летел он к Ане с противоположной стороны стола.

У неё сложилось впечатление, что Лапин больше не смеет выражать свои чувства ей, как жене лучшего друга.

Анна была и рада, и не рада... Она мучилась, старательно скрывая эти мучения за внешней весёлостью... Глядя на Леонида, она по его лицу пыталась угадать, что происходит в его душе... Иногда ей казалось, что он страдает... Иногда — что ему всё равно, что они видятся всё реже... Эта игра в «любовь на расстоянии» так увлекла Аню, что она не заметила, как сама стала искать встречи с Лапиным.

Она нарочно поощряла дружбу Димки с Сашей Говоровым — те постоянно пропадали дома у Морозовых, вместе сочиняли музыку, записывали ноты — фортепианные и

барабанные партии придуманных ими композиций. Однажды к ним присоединился ещё один мальчик — Витя Мазур. Витька учился по классу бас-гитары, и приходил сразу с двумя инструментами — шестистрункой и «басухой», как говорили сами мальчишки. Несмотря на их довольно юный возраст, все трое были не на шутку увлечены музыкой, и Анна, несмотря на беспокойство и шум, откровенно радовалась таким вот музыкальным «посиделкам» в своей однокомнатной квартире. Особенно в те дни, когда к ней должна была приходиться Кристина. Девочку привозил отец, но он не всегда поднимался к Морозовым, чаще всего сразу уезжал, а потом, вернувшись за дочерью, звонил на домашний телефон — Анна была рада и его голосу...

Заниматься английским языком на фоне музыкальных экспериментов мальчишек было невозможно, и Аня предложила снова перенести занятия в квартиру Лапиных... но, несмотря на все благоразумные доводы, Кристина проявила присущее ей упрямство. Она твёрдо настаивала на уроках дома «у тёти Ани»...

Анна в шутку пожаловалась Миле, в надежде, что та уговорит дочь заниматься у себя дома. Но Мила со смехом «открыла глаза» непонятливой репетиторше...

«Аня, да ей Дима нравится! — Мила заговорщически приглушила голос. — Она же мне все уши уже прожужжала, как у вас интересно!.. так что, боюсь, я её не уговорю... Если только вместе с остальными мальчишками!»

Вскоре занятия с Кристиной подошли к концу, и поводов чаще видеться с Леонидом не осталось вовсе.

...Она уже смирилась с тем, что внезапно вспыхнувший интерес Лапина к ней, как к женщине, так и останется всего лишь интересом. Сама Анна не могла бы назвать свои чувства к нему любовью. Нет, это не была любовь... она помнила ещё, что такое — любить по-настоящему... так она любила лишь одного на свете человека, много лет назад... Та любовь прошла, и больше не возвращалась...

С Лапиным всё было по-другому. Это была, скорее, попытка вернуть волнующие ощущения, вновь испытать импульсы, идущие от тела к телу... При встречах с Леонидом на неё по-девичьи накатывала горячая волна, отзываясь приступами внезапной радости и замиранием сердца.

Однажды Аня проснулась посреди ночи, от незнакомого восторга, охватившего всё её тело... Мысль о том, кого она видела во сне, проколола сознание одновременно с пробуждением...

Леонид... она вспомнила его руки, его губы... там, в глубинах сна, её тело полностью подчинилось воле этого мужчины, отзываясь на каждое его прикосновение, на каждый поцелуй...

Повернувшись к мужу, Аня ещё с минуту испуганно прислушивалась к его ровному дыханию — она не на шутку испугалась, что Александр мог проснуться и догадаться, кто и как привиделся его жене.

Теперь, вечерами, укладываясь в постель, Аня с замиранием сердца вспоминала все подробности этого сна...

Масла в огонь подлила врач-гинеколог при очередном профосмотре. Довольно пожилая, небольшого роста, полноватая женщина, несмотря на серьёзность профессии никогда не лезла за словом в карман, и своих пациенток нередко шокировала собственным, довольно щекотливым юмором.

«Профилактические процедуры бы вам, Анна Сергеевна, не помешали... — записывая

результаты осмотра в карточку, врачаха пробурчала себе под нос. — Возраст уже не девичий, проблемки могут возникнуть вот-вот».

«У меня что-то не так?..» — нахмурившись, Анна машинально попыталась заглянуть в запись.

«У нас у всех это — «не так»... — громко хмыкнув, женщина взглянула на неё поверх больших, в роговой оправе, очков. — Синдром отсутствия оргазмов».

«Вообще-то я замужем...» — Анюта густо покраснела — она не была привычна к подобным разговорам.

«Замужество оргазмов не гарантирует. А все женские болезни именно от этого. Сама запомни, и мужу передай. Будешь выходить — скажи остальным, пусть подождут, не заходят. У меня перекур...»

Мужу Аня, естественно, передавать ничего не стала, и о разговоре этом старалась забыть — грубоватая тётка, с солдатским юмором, чего с неё взять. По словам других преподавательниц, она всем так говорит... Однако, как ни старалась Анюта выбросить из головы все шальные мысли, они невольно возвращались и возвращались...

Чувствовала себя Аня хорошо, и ни о каких «проблемках» не могло быть и речи, и она боялась признаться самой себе, что мысли эти — не что иное, как попытка оправдать свои запрятаные в глубины подсознания желания...

...Она уже привыкла к мысли, что тех двух поцелуев больше не повторится... в недрах души зрела уверенность, что так оно и в самом деле — лучше.

В последних числах мая, проводив мужа и сына, Анна вернулась домой с намерением провести этот вечер за чтением — у неё в последнее время было столько работы и забот, что она давно ничего не читала... Сегодня же представлялась такая возможность, тем более, что, по старой традиции, привитой ей Еленой Ивановной, в день отъезда близких никаких домашних дел не намечалось.

Устроившись с книгой в уголке дивана, Анюта с предвкушением наслаждения от любимого занятия открыла первую страничку томика стихов. Она очень любила поэзию... слушая стихи Кристины — по-детски наивные, она даже пыталась объяснять девочке все тонкости стихосложения, которые знала теоретически... Считая, что юная поэтесса просто обязана знать о жизни любимых классиков, Анна подсовывала той нужные книги. Но, оказавшись в доме Морозовых, Кристина посвящала своей наставнице лишь немного времени, а потом с откровенным интересом присоединялась к мальчишкам — «трио», которое собрал Дима из своих друзей, интересовало её гораздо больше, чем биография Александра Блока или его тётки Пушкина.

...Услышав звонок в дверь, в первый момент Анна испугалась. Был уже поздний вечер, и она не ждала гостей. Выйдя в прихожую, осторожно посмотрела в глазок... Почувствовав, как по телу разливается горячая волна, на мгновение застыла... затем отчаянно повернула дверной замок...

«Нет... нет... — она сопротивлялась слишком слабо для того, чтобы оттолкнуть его окончательно, — Нельзя... Здесь — нельзя... Только не здесь...»

...Лапин был абсолютно трезв, но от его губ почему-то пахло коньяком — как будто он выпил только что, перед тем, как войти в её дверь...

Впоследствии она узнала — так оно и было...

«Я боялся... — позже, расслабившись, он чуть касался губами её лба, виска, шеи, — Я боялся, что ты меня выгонишь... взял с собой бутылку коньяка, отпил из горлышка прямо в

подъезде...»

Анюта не знала, что говорить ему... Она просто наслаждалась долгожданным блаженством... Она долго не могла прийти в себя... То, что приснилось ей совсем недавно, не шло ни в какое сравнение с тем, что она испытала сегодня — впервые в жизни оказавшись на грани настоящего и запредельного... Она даже не почувствовала вполне естественных в её положении угрызений совести, настолько была потрясена своим состоянием.

Совість заговорила намного позже... но в ту ночь её сознание и тело существовали отдельно друг от друга...

На следующее утро, придя на работу, она с удивлением ловила взгляды своих коллег — те сразу заметили перемены, произошедшие с Анной Сергеевной в одну ночь.

«Аня, если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты завела себе любовника, — уже в конце рабочего дня шепнул ей физрук. — Ты прям вся светишься...»

«А у меня был рыбный день, — отшутилась Анюта. — Фосфору наелась...»

Вечером, дома, закрыв глаза, она снова вспоминала — и теперь уже не сон, а вчерашние события... Сердце сладко замирало в груди — как давно она не испытывала этого замирания... С Сашей такого точно не было...

...Она вновь и вновь по крупинкам собирала в памяти всё, что происходило вчера здесь, на этом самом диване... Она даже не думала о том, что это — супружеское ложе, осквернённое ею вчера так вероломно... Нет, то, что заставил испытать её Леонид, вовсе не может быть скверным... Разве могут быть скверными расправленные крылья?..

...Он не оставил на её теле ни одного квадратного миллиметра, которого бы не касались его губы... Она, такая сдержанная в интимных отношениях, вчера сбросила все оковы, так неожиданно для самой себя...

Сбросила — с мужчиной, не связанным с ней никакими узами...

...Внезапный телефонный звонок если не опустил с небес на землю, то довольно резко отрезвил.

Звонил супруг — они с Димой благополучно доехали до места, и уже находились в родительском доме. Эйфория от вчерашнего свидания закончилась слезами. Поговорив с мужем, Анна плакала... Теперь она казнила себя почём зря... Казнила, а потом оправдывала... Оправдывала и — казнила...

Чувства непоправимости, как в случае с Виталием, уже не было... Может быть, потому, что полученное ею физическое удовольствие перевешивало все морально-нравственные устои... И, всё-таки, теперь, вспомнив о муже, Анна не знала, как быть дальше... Она не собиралась бросать Сашу... но она не представляла, как теперь встретится с ним, ведь через три недели она должна будет поехать к нему... Саша на полтора месяца оставил свою фирму на заместителя — теперь он мог позволить себе такую роскошь... тем более, у него была для этого причина — больной отец.

Леонид на удивление не звонил, и Анна, в конце концов, уговорила себя, что так даже и лучше...

«Ничего не было!.. Всё приснилось... Ничего не было...»

Но уже на следующий день он пришёл снова... В этот раз она даже не пыталась его оттолкнуть.

Отпуск прошёл на удивление спокойно. Ещё по дороге в северный посёлок Анна

старательно настраивалась на встречу с Александром. Она вспомнила свою давнюю квартирную хозяйку, и её слова...

«Хочешь семью сберечь — молчи! Как рыба молчи!..»

Хорошо, что тогда, почти пятнадцать лет назад она смолчала, ни в чём не призналась Саше... У них получилась хорошая семья, Саша искренне счастлив, у них замечательный сын... Счастлива ли была сама Анюта? Все эти годы она старательно избегала этого вопроса...

По сути, для счастья у неё было абсолютно всё: семейный покой, любимый сын, любящий, заботливый муж, любимая работа... Трудности?.. но у кого их не было в эти годы?..

Нет, конечно... она всё сделала правильно. Она и сейчас всё сделает правильно. То, что произошло у них с Леонидом, навсегда останется их тайной... Она почувствовала, что такое — быть настоящей женщиной... Но это не повод рушить две семьи... И, если Леонид что-то такое себе задумал, она не позволит ему...

Ни за что не позволит!..

В доме свёкра и свекрови, и потом, в гостях у своей матери, Анна как будто впервые наблюдала за тем, как дружны её муж и сын. Вдали от повседневных забот, Саша не отходил от Димки — рядом с ним супруг как будто пытался вернуться в собственное детство. Он дурачился, подшучивал над сыном, с удовольствием подпевал — найдя в доме деда и бабушки старую гитару, Димка частенько наигрывал разные мелодии, за неимением пианино.

Анна смотрела на их тихое — громкое — счастье, и старательно укладывала на дно души все свои чувства — вину, стыд, боль... Никак не желая укладываться, они всё вылезали и вылезали наружу, царапая до крови тонкие перегородки... но Аня мужественно утрамбовывала «самозванцев», с ужасом для себя обнаруживая, что среди этих самых чувств нет ещё одного... Самого, пожалуй, главного.

Среди них не было раскаяния.

Глава 26.

Как оказалось, самым сложным было — вернуться домой. Всё время, что она провела в отпуске вместе с мужем и сыном, Анна проявляла завидную выдержку. Иногда ей казалось, что она — стальной клинок, который проходит закалку. Она невероятным усилием воли подавляла в себе приступы вины и рассуждений на тему «что же будет дальше», так, что к концу отпуска уже вполне спокойно упоминала в разговорах с Сашей имя своего любовника и даже шутила с Димой по поводу его дружбы с Кристиной.

Приехав к матери, в свой родной город, где прошло её детство, она вместе с мужем рассказывала Елене Ивановне о супругах Лапиных, о том, какое участие в их судьбе принял Леонид, какой он верный друг, какая замечательная женщина — Мила, и какая интересная у них дочь — красавица Кристина...

Судя по тому, что с каждым днём она чувствовала себя всё уверенней в роли изменницы, Аня твёрдо решила принять эти три недели как неизбежный подарок судьбы... принять — и забыть...

Она не знала, насколько у неё это получится — образ Леонида преследовал её по ночам, так, что она нешуточно боялась однажды назвать супруга его именем... Она не могла сказать с уверенностью, что жизнь без Лёни для неё невыносима... Да, ей хотелось видеть его, видеть как можно чаще... Но этот интерес был сродни интересу потребителю. Она его

не любила, но была очень им увлечена.

Анне откровенно льстило, что где-то есть мужчина, который думает о ней, пылает страстью и ждёт новой встречи... В то же самое время, ей было уютно и в объятиях супруга — соскучившись, Саша осыпал её ласками, не уставая удивляться, как похорошела жена за три недели их разлуки... Несмотря на его пылкость, ответных чувств Анна, как и раньше, не испытывала. Того, что она познала с Леонидом, в отношениях с супругом не было и в помине...

Как и прежде, Аня старалась не отказывать мужу в близости, но накатывающие время от времени порывы загладить вину какими-нибудь особыми ласками заглушала безжалостно. Внешне в их отношениях с Александром ничего не изменилось. Саша был счастлив, она — спокойно-сдержанна.

Анна, действительно, не играла. Она просто принимала обстоятельства.

...Отпуск закончился, Аня почти успокоилась, но впереди её ожидало новое испытание — возвращение домой. Поднимаясь по лестнице вместе с Сашей и Димой, она вдруг почувствовала, как ноги становятся ватными, а в сердце закрадывается предательский холодок. Ей на мгновение представилось, что, войдя сейчас в квартиру, Александр сразу всё поймёт...

Ему расскажут обо всём вещи в их доме... И это зеркало в прихожей — оно было самым первым свидетелем их свиданий с Леонидом... их жарких объятий и поцелуев... Стол в кухне — там они пили и чай, и кофе, и даже коньяк... А этот диван в комнате?! Он помнит всё, до последнего движения, до последнего сладостного стога...

Анна вдруг подумала, что перед отъездом не догадалась сменить постельное бельё...

— Ань, да брось ты это мокрое дело... — глядя, как жена торопливо снимает с подушек наволочки, чтобы бросить в стиральную машину, Александр добродушно усмехнулся. — Отдохни с дороги, успеешь!

— Да я совсем не устала! — Аня старательно изобразила на лице бодрое выражение. — Сейчас, Саш... я быстро...

Наполнив машинку горячей водой, Аня насыпала туда как можно больше стирального порошка — ей показалось, что постельное бельё сохранило запах парфюма Леонида...

...Она не успокоилась, пока не выкрутила последнюю простыню... Страсть — страстью, но семья — это святое.

Саша, который сразу начал обзванивать своих работников, вскоре уехал на строительные объекты, так, что до вечера у Анны появилось время, чтобы перевести дух и прийти в себя окончательно. Оказалось, что это не так уж и сложно, если не заикливаться на воспоминаниях и угрызениях совести.

Супруг ничего не заметил и не заподозрил... А это — самое главное. Измена — не повод рушить жизнь. Главное, чтобы и Леонид думал точно так же...

Поздно вечером Анна с замиранием сердца слушала телефонный разговор мужа с Лапиным — тот извинялся, что не смог встретить семью своего друга, так как был в отъезде... Аня, как никогда, была искренне рада этому обстоятельству.

Оказалось, что и теперь испытания не закончились — предстояла встреча с любовником в компании его жены и её собственного мужа... Она была почти уверена, что выдержит и это... но чуть позже.

...Пусть это случится завтра.

В любом случае, между ней и Леонидом больше не будет никаких отношений — она

решила это твёрдо, и от слова своего не отступится...

— Моя дочь влюбилась в тебя не на шутку... — на следующий день, разуваясь в прихожей Морозовых, Леонид обдал Анну многозначительным взглядом — в нём были и неприкрытая страсть, и радость от долгожданной встречи, и откровенное нетерпение. — С самого утра требует, чтобы я привёз её к вам.

— Я тоже люблю её, как родную... — старательно отведя глаза, Анюта обняла Кристину и чуть прижала к себе. — И очень соскучилась...

— И я соскучилась... — девочка жеманно улыбнулась и опустила глаза. — Вас так долго не было...

Проводив Кристину в комнату, Анна мужественно шагнула в кухню, куда отправился Леонид — за неимением других комнат, кухня теперь служила не очень надёжным, но всё-таки убежищем от музыкальных экспериментов Димы и его друзей — узнав, что Димка вернулся из отпуска, Витька с Сашкой тут же примчались к товарищу.

Встретившись после долгого перерыва, мальчишки вначале громко делились впечатлениями, а теперь сидели на полу в гостиной и подбирали мелодию на гитаре. Вернее, подбирал Витька, а Дима и Саша ему в этом помогали. Несмотря на уверение, что она соскучилась «по тёте Ане», Кристина сразу же предпочла присоединиться к компании ребят.

...Александра ещё не было дома, он должен был подъехать с минуты на минуту, и Анюта испытывала нешуточное волнение. Она не переживала за Лапина — тому всегда замечательно удавалось играть равнодушие и отстранённость. Она переживала за себя — ещё не произнеся ни слова в присутствии обоих мужчин, Анна предчувствовала, что её голос обязательно должен дрогнуть.

— Почему без Милы? — стараясь не глядеть на любовника, который так и поедал её глазами, Анюта нарочито громко загремела посудой, доставая чашки и блюдца. Она решила, во что бы то ни стало, держать дистанцию...

— А ты не догадываешься?..

— Нет... — отвернувшись к плите, где стоял чайник, Анна неожиданно почувствовала его руки — обхватив сзади, Лапин изо всех сил прижал к себе женщину. На секунду замерев, Анюта не очень охотно попыталась высвободиться из его объятий. — Прекрати... Ты с ума сошёл...

— Анечка... — он дышал ей куда-то в шею, — Я безумно соскучился по тебе...

— Лёнь... ну, ты что?! — ей удалось, наконец, вырваться, и она тут же отошла к окну. — Сейчас кто-нибудь из детей войдёт!..

— У меня всё под контролем... — посмотрев на неё с укоризной, Леонид, тем не менее, уселся за стол и положил перед собой локти. — Да и не зайдут они... Слышишь, играют?..

— Почему ты без Милы?.. — едва сдерживаясь, чтобы самой не броситься к нему в объятия, Анюта приложила прохладные ладони к пылающим щекам и повторила вопрос.

— У неё теперь вторая смена... — чуть наклонив голову, он пристально смотрел на неё исподлобья пожирающим взглядом. — Врачи по отпускам... приходится замещать... Ты думаешь, я только из-за Кристинки приехал?..

— Я ничего не думаю... — Анна энергично покачала головой, — Лёнь... пока Саши нет... я хочу тебе сказать...

— Не надо ничего говорить... — он снова вскочил со стула и, в секунду оказавшись

рядом, оттащил Анну от окна, в угол кухни. — Аня... Я знаю, что ты хочешь сказать... Не вздумай так говорить... Ты же знаешь, что это — выше моих сил...

...Ответить на его лихорадочные поцелуи Анна не смогла, по одной единственной причине — всё её внимание было приковано к происходящему в соседней комнате. Она ужасно боялась, что кто-то из ребят, особенно её сын, вдруг, по какой-то причине, захочет заглянуть в кухню...

...Леонид целовал её неистово, казалось, что он потерял над собой контроль, и забыл, что в соседней комнате находится и его собственная дочь... Это было настоящее безумие — целоваться вот так, рискуя быть застуканными в любую секунду... Держать дистанцию никак не получалось...

Звонок в дверь показался Анюте настоящим спасением. Оттолкнув от себя Лапина, она торопливо шагнула в прихожую... Как будто пытаясь стереть с губ следы от чужих поцелуев, провела по ним тыльной стороной ладони... На ходу поправила волосы и блузку, мимолётно посмотрелась в зеркало — отпечаток взволнованности на лице был настолько откровенным, что его не взял бы ни один, самый лучший на свете, грим...

Секунду подумав, Аня щёлкнула выключателем — прихожая погрузилась в полумрак. — Ты что, без ключей? — впусив мужа, Аня нарочно тут же отвернулась и сделала вид, что ей что-то понадобилось в ванной.

— Да, я же тебе звонил, ты забыла? — закрыв за собой дверь, Саша моментально разулся и, не обращая внимания на манипуляции жены, сразу двинулся в сторону кухни. Он на ходу протянул руку Лапину — услышав голос хозяина, тот вышел ему навстречу. — Лёнька!.. Здорово!.. А я смотрю — машинка знакомая у подъезда!..

Дождавшись, пока утихнут все приветствия и закончатся рукопожатия и дружеские похлопывания по плечам, Аня, наконец, вернулась к мужчинам. Стараясь ни на кого не смотреть, она накрыла на стол — Саша достал из холодильника бутылку коньяка и уже разливал его по рюмкам. Немного посидев за столом, она нашла себе занятие — поить чаем Димкиных гостей. Выставляя на журнальный столик в гостиной конфеты и пирожные, она шутила с ними и старательно улыбалась, как будто пыталась прогнать с лица последние остатки волнения.

Её не так смущала пикантность сегодняшней ситуации, как то, что эта ситуация теперь обещала повторяться довольно часто...

...Ничего... Всё, что произошло — в прошлом... и это ничего ровным счётом не значит ни для неё, ни для Леонида... Она ясно дала ему это понять... Сегодняшние поцелуи — не в счёт.

— Тётя Аня!.. — увидев её, Кристина тут же подбежала к Анне и ласково прижалась, как-то по-детски. Почувствовав какую-то щемящую нежность к девочке, Аня обняла её и погладила по тёмным волосам.

Она и сама была неравнодушна к дочери Лапина. Красивая уже довольно взрослой, какой-то дерзкой красотой, Кристина вызывала у Анны материнские чувства — то ли оттого, что у неё самой не было дочери, то ли оттого, что девочка была так похожа на своего отца...

— Ребята, чай остывает... — Аня обвела взглядом мальчишек — Сашка и Витка старательно следили за тем, как Димка что-то записывает в нотную тетрадь. — Дима, угощай друзей.

— Сейчас, мам... — подняв на мать синий взгляд, Димка тут же снова уткнулся в

страницу.

— Тётя Аня, — Кристина заговорщически приглушила голос. — Я Димке предлагаю песню написать на мои стихи... А он не хочет...

— А почему? — Анна удивлённо уставилась на сына. — Дим, почему не хочешь?..

— Потому, что текст — девчачий... — сморщив лицо, Сашка решил ответить за друга.

— Сам ты — девчачий! — девочка обиженно надула хорошенькие губки, потом снова обернулась к Анне, — Вот скажите им, тётя Аня!.. Если бы Димка написал музыку, я могла бы на конкурсе под его аккомпанемент своё стихотворение прочитать! Это был бы дебют, и мой, и его!

— А что... очень хорошая идея... — Аня с готовностью ухватилась за эту мысль. — Дима, это же очень хорошая идея!

— Мы вообще могли бы выступать вместе! — Кристина кивнула в сторону кухни, — И папа то же самое говорит! Просто нужно каждый день репетировать, а он не хочет.

— Дима, ты слышишь?.. — Анна снова окликнула сына.

— Мама, я слышу... — увлечённый своим занятием, мальчик, наконец, подал голос. — Но у меня нет времени... Мы своё выступление готовим...

— Всё равно у вас ничего не получится! — Кристина неожиданно изменилась в лице — из обиженного оно вдруг стало сердитым. Девочка резко повернулась и, громко топая, вышла из комнаты. Немного постояв в коридоре, направилась в кухню и с ходу уселась на свободный стул рядом с отцом, всем своим видом выражая недовольство.

— Кристина, что случилось? — тот сразу заметил плохое настроение дочери.

— Дима не хочет мне аккомпанировать! — капризно пожаловалась Кристина и тут же перевела взгляд на вошедшую вслед за ней Анну. — Тётя Аня тоже сказала, что это — хорошая идея. А эти дураки Диму отговаривают...

— Я с ним обязательно ещё поговорю, — Аня невольно улыбнулась: дочь Леонида привыкла получать всё по первому требованию, и теперь, столкнувшись с упрямством мальчишек, решила подключить к проблеме и свою любимую «тётю Аню».

Она ещё какое-то время сидела за столом, пока не услышала в прихожей привычный шум — Витька с Сашкой собирались уходить. Решив проводить мальчиков, Анна вышла следом.

— Мама, можно мы и завтра у нас соберёмся? — несмотря на то, что родители никогда не препятствовали его занятиям, Дима каждый раз спрашивал у них разрешения — заранее уверенный в ответе.

— Ну, конечно, можно, — Аня ласково посмотрела на сына. — Мог бы и не спрашивать. Главное, чтобы соседи не жаловались. А мы с папой уже привыкли.

— Мама... — сын ненадолго замялся, — А можно, завтра ещё одна девочка к нам придёт?..

— Девочка?..

— Да, её зовут Лена, она будет на соло-гитаре играть... нам как раз гитариста не хватало, мы решили позвать Лену... Мы недолго, всего несколько дней...

— А потом? — Анна удивлённо приподняла брови. — Потом где будете собираться?

— Мы уже договорились, у нас, в музыкалке... нам обещали время выделить для репетиций.

Проводив ребят, Анна снова присоединилась к мужчинам. Видимо, подслушав разговор Димки с матерью, Кристина сидела с каменным лицом. По девочке было видно, что её

переполняют эмоции, и она еле сдерживается, чтобы не выдать себя.

— Кристиночка, бери пирожные, — Анна подвинула к девочке тарелку с безе. — может, ещё чего-нибудь хочешь?..

— Не хочу... — та едва покачала головой, потом подняла глаза на отца. — И вообще... Папа, нам уже пора...

— Куда это ты собралась? — Александр добродушно улыбнулся. — А кто пирожные будет кушать?.. А ну-ка, бери... сейчас ещё Димка придёт... Димка!..

Видимо, не услышав отца, Дима не отозвался, и Александр ненадолго вышел в комнату, чтобы позвать сына к столу.

— Кушай, Кристиночка, — Анна продолжала угощать юную гостью. — домой всегда успеете. Мы и так с тобой долго не виделись!

— Да вам уже все гости надоели, наверное, — Кристина по-взрослому вздохнула и покачала головой. — а завтра их ещё больше будет... Лена придёт...

Многозначительность, с которой девочка произнесла имя гитаристки, наводила на мысль, что это и есть причина её резко испортившегося настроения.

— Ничего страшного, — успокоила её Анна, — нам они не помешают. Дядя Саша будет на работе, я тоже, так что пусть занимаются, и Лена пусть приходит.

— Ну, да... — Кристина недвусмысленно усмехнулась уголком губ. — Лена... Видела я эту Лену...

— Ну, и что это за девочка? — Анна снова улыбнулась — на этот раз про себя.

— Если честно... — Кристина поджала губы, — Я бы с такой девочкой не дружила. Во-первых, у неё родители — пьяницы.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю... А ещё она курит... и, вообще... про её такое говорят...

Увидев вернувшегося Александра, девочка замолчала и вскоре, услышав звуки фортепиано, вышла в комнату.

Дождавшись, пока дочь скроется из поля зрения, Леонид откровенно расхохотался.

— Ты чего, Лёнька?.. — Александр удивлённо смотрел на друга.

— Видали?.. — тот весело кивнул на дверь, за которой скрылась дочь. — Не будет никакой Лены, даю гарантию! Пусть Димка сразу другого балалаечника ищет!

— Почему?.. — Анна тоже негромко рассмеялась, заразившись его весельем. — Почему не будет?!

— Если Кристинка закусил удил... — Лапин отчаянно махнул рукой, — Своего добьётся, чего бы ей это не стоило. Моя порода! Сейчас Димке полную обработку сделает!

— Ну, Димка тоже не лыком шит, — подначил его Александр, — моя порода!

Анна не могла не заметить, как при этих словах лицо Леонида на мгновение исказила усмешка... Она внутренне сжалась, но Саша, кажется, ничего не заметил...

— Папа!.. — Кристина, уже заметно повеселевшая, заглянула в кухню. — Можно, Дима будет к нам приезжать, заниматься на синтезаторе?.. Ему очень надо...

— В чём вопрос?! — Лапин довольно кивнул и тут же обернулся к Морозовым, — Ну, что я говорил?! Обработала!.. Моя порода...

К концу вечера Анна уже весело смеялась вместе с мужчинами, шутила как ни в чём не бывало и даже разбила их спор — выпив ещё по рюмке коньяку, Саша с Леонидом решили потягаться, кто первым станет дедом.

— Значит, договорились, — Саша весело прихлопнул ладонью по столешнице, — если

первый внук — мой, ты стрижёшься налысо!

— А, если — мой, ты пол года не бреешься! — Лапин выкинул вперёд указательный палец правой руки.

— А, если вы станете дедами в один день... — Анна хитро прищурила свои красивые глаза, — Тогда оба стрижётесь на лысо и отращиваете бороды! Согласны?!

— Согласны! — Александр отчаянно махнул рукой, — Тут можно на любые условия соглашаться, вероятность почти нулевая!

— Ну, почему... — Леонид пристально посмотрел на Анюту, — Вероятность вполне определённая...

— Ну, если только наши внуки там договорятся, — Морозов многозначительно воздел куда-то вверх указательный палец.

— Почему — внуки... — Анюта смущённо отвела взгляд от Лапина, — Внук...

— В смысле — внук?.. — не понял Александр.

— Сашка... — Лапин снисходительно похлопал друга по плечу. — Аня имеет в виду одного внука...

— Как это — одного?..

— Одного на двоих... Видишь, я сразу догадался! А ты, Сашка, совсем не догадливый...

Двадцать пятого июля, в день Сашиного тридцатилетия, Морозовы уже смогли снять небольшой банкетный зал ресторана и пригласить новых коллег и партнёров Александра, и, конечно, Леонида с Людмилой. Как ни отказывался Лапин брать деньги, Александр вручил ему плату — он просто оставил конверт с нужной суммой у Лапина дома, и лишь потом позвонил и сообщил, что тот находится в тумбочке для обуви в прихожей.

Весь вечер Аня чувствовала себя королевой бала — в новом вечернем платье, новой бижутерии, с причёской, сделанной в новомодном салоне красоты... Она то и дело ловила на себе взгляды Лапина — тот буквально не сводил с неё глаз, но Анна сегодня не боялась, что кто-то догадается об их отношениях — слишком шумным был вечер, слишком много было внимания, слишком много посторонних взглядов, чтобы в них бесследно мог затеряться один-единственный... Тем более, что самих отношений между ней и Леонидом не было с тех самых пор, как она уехала в отпуск в середине июня...

Лапин несколько раз пытался вызвать её на откровенный разговор и назначал свидания, но Аня мужественно отказывалась... Одно дело, когда любовник приходил к ней сам... Другое дело — бегать к нему украдкой.

Как бы там ни было, это — не её случай.

Она так и сказала ему во время последнего частного разговора...

Решив в разгар вечера посмотретья в зеркало, Анна незаметно прошла в подсобное помещение, служащее раздевалкой для персонала, которое сегодня было отдано в её распоряжение — там переодевались приглашённые артисты и поправляли макияж сама Анна и Мила.

Она едва успела закрыть за собой дверь, как та распахнулась снова...

— Я же сказал, что найду тебя везде... — Лапин, изрядно выпивший, стоял на пороге.

Анюта ничего не успела ответить, как оказалась в его объятиях. Безжалостно стирая тщательно нанесённый макияж и рассыпая причёску, он пьяно целовал её лицо, шею, волосы... Его руки бесцеремонно шарили по её телу, стараясь забраться под высокую шлицу длинной юбки.

— Лёнь, прекрати... слышишь?! Перестань!.. — отчаянно сопротивляясь, Анюта пальцами цеплялась за его кисть, чтобы убрать её со своего бедра, — Лёня!.. Сейчас увидит кто-нибудь!..

— Я всё равно тебя не отпущу... слышишь?.. Всё равно... ты никуда не денешься... Я всегда добиваюсь своего... Анька...

...Лапин шептал ей в прямо в ухо, и за его громким шёпотом, Анюта не услышала звука открывающейся двери... Она только в ужасе застыла с широко раскрытыми глазами, когда, выглянув из-за плеча Леонида, увидела в дверном проёме незнакомого мужчину...

Она видела его всего несколько секунд... Из последних сил оттолкнув от себя любовника, она снова бросила испуганный взгляд на дверь...

Но там уже никого не было.

Анюта была настолько напугана, что не сразу смогла выйти к гостям. Выскочив из раздевалки, она добежала до дамской комнаты и, закрывшись, просидела там добрых пятнадцать минут.

Несмотря на то, что в этот раз она всего лишь пыталась вырваться из пьяных объятий Лапина, со стороны могло показаться всё, что угодно. Мужчина, случайно заставший сцену с Леонидом, не числился среди приглашённых. Анна не видела его раньше, и не знала, кто он такой. Спрашивать о нём Лапина было бесполезно — в тот вечер он, как никогда, был пьян, так, что Миле пришлось его увезти домой раньше времени...

Загадочный человек исчез так же неожиданно, как и появился, и Аня даже подумала, что он ей всего лишь привиделся... Но потом, вспомнив все подробности, она отказалась от этой спасительной мысли...

Нет, это был реальный человек... Она помнила выражение его лица...

В нём были и насмешка, и какая-то непонятная угроза...

Вернувшись домой, Анюта долго не могла уснуть, не в пример своему супругу, который провалился в счастливый сон, как только добрался до постели. Слушая его не совсем трезвое по случаю торжества дыхание, Аня мучительно думала, чем может обернуться это неожиданное происшествие.

Конечно, это могла быть совершенно случайная встреча, и этот человек мог случайно оказаться в ресторане в это время... Ну, мало ли что бывает в жизни?..

Эта версия была бы похожа на правду, если бы не это его странное выражение лица... Аня подумала, что будет помнить его всю оставшуюся жизнь.

...Визит Леонида на следующий день она восприняла со смущением. Налив им с Сашей по чашке кофе, Анюта уже собралась выйти, но Лапин попросил её остаться.

— Аня... — он, казалось, совершенно не помнил о вчерашнем, и выглядел довольно бодро, но озабоченно. — У меня к тебе есть разговор...

— Что-то случилось?.. — Анна нехотя присела за стол.

— Не случилось... Но есть человек, которому очень нужна твоя помощь...

— Анютка, ты сегодня нарасхват... — Александр рассмеялся и, приобняв жену, весело посмотрела на Лапина, — Я с утра её тоже о помощи просил...

— Ну, и как? — усмехнулся тот.

— Не налила!

— Ну, я не за этим... хотя... — Леонид почесал макушку, — С утра и я от такой помощи бы не отказался... Но сейчас не об этом.

— Говори, Лёня, я слушаю... — вспомнив его вчерашнее поведение, Аня невольно

нахмурилась.

— У меня есть товарищ... Недавно он развёлся с женой, она уехала жить в Англию, бросив на него сына. Пацану десять лет, учится в школе с уклоном на иностранные языки... Но вот с самими языками — проблема. Ну, не получается, хоть убей. Еле перевели в следующий класс, условно... Ань, ты понимаешь, к чему я клоню?..

— Понимаю. Но у меня сейчас времени будет в обрез...

— Аня... — Лапин чуть подался вперёд, — Там оплата будет такая, что тебе и не снилось. Заниматься на квартире, но туда тебя будет отвозить и привозить обратно служебная машина... Все условия — твои... нужно лишь, чтобы к первому сентября пацан хотя бы что-то усвоил...

— Понимаешь, Лёнь... — Аня слегка покачала головой, — Если его не смогли ничему научить в спецшколе, то я не могу гарантировать результата... А, если твой крутой товарищ потом предъявит мне счёт?..

— Не предъявит... — Лапин перевёл взгляд на Морозова, — Сашка, даю гарантию... Знаю, что говорю... Ребята, очень надо помочь... Как за себя прошу...

— Ну, хорошо... — Аня нехотя кивнула, — Я попробую...

— Спасибо... — Лапин с демонстративной благодарностью приложил к груди руку. — Только у меня к вам будет ещё одна просьба... Милка не должна знать...

— Почему?.. — Анна удивлённо приподняла брови.

— Понимаешь... Это — мой старый знакомый, бывший партнёр по бизнесу, но она его терпеть не может... Я ей пообещал больше с ним не поддерживать отношений, но... — Лапин недвусмысленно усмехнулся и по очереди посмотрел на Морозовых, — Сами понимаете... Пообещать — не значит жениться...

...К новому ученику, которого звали Артём, Анна ездила уже вторую неделю. За ней, действительно, приезжал чёрный внедорожник — в субботу и в воскресенье, а после занятий привозил её назад, к самому крыльцу.

...Жил Артём вместе со своим отцом, которого звали Игорь Фишер, в загородном доме, в тридцати минутах езды от города. Попав впервые в огромный, шикарно обставленный дом, Аня растерялась от количества комнат, богатой обстановки, непривычного интерьера... а так же наличия прислуги.

Отца мальчика она видела лишь в самый первый день — познакомившись с репетиторшей, тот окинул её довольно цепким взглядом, и, оговорив все условия, оставил наедине с сыном. Мальчик был избалованным, это Анна поняла сразу, но ей с первого занятия удалось найти с ним общий язык. Занимались они в течение полутора часов, сразу после чего горничная приносила ей вознаграждение в конверте, приглашала пообедать, а затем звонила водителю — уже через несколько минут во дворе стоял автомобиль, и Аня уезжала домой.

Суммы, которые платил ей Игорь Фишер, были поистине баснословными. Она совершенно не ожидала, что её однодневное вознаграждение будет равняться чуть ли не трети её месячной зарплаты...

...С отцом Артёма они договорились, что занятия будут проходить в течение месяца, и их продление будет зависеть от того, как Артём будет усваивать материал.

...Сегодня было четвёртое по счёту занятие, и, дождавшись, когда за ней придёт машина, Аня уже привычно уселась в дорогой салон. Всю дорогу она дремала под

негромкую музыку, и проснулась, когда автомобиль въехал в ворота загородного дома.

Она привычно процокала каблучками по дорожке, взошла на широкое крыльцо и взялась за ручку двери. Немного удивило, что сегодня её не встречала горничная — та обычно поджидала Анну у входа, а затем провожала в комнату мальчика. Сегодня же ей пришлось самой входить в дом...

Оказавшись в знакомом уже холле, Аня растерянно постояла с минуту, решив, что горничная просто не успела к её приезду, и вот-вот выйдет навстречу... но она всё не показывалась.

Услышав, наконец, звук шагов, Аня обернулась в сторону двери одной из комнат — шаги звучали именно оттуда...

— Ты?! — в первый момент Аня замерла от неожиданности...

— Ты не рада меня видеть?.. — непонятно, откуда взявшийся здесь Леонид шагнул к ней навстречу и, подхватив, как ребёнка, уткнулся лицом в грудь, — Аня... Я же говорил, что не смогу без тебя...

— Господи... — Анна невольно обняла его за голову, — Лёнь... Что ты делаешь?! Нас увидят... Артём увидит... Он же расскажет отцу...

— Никто не увидит... — Лапин говорил глухо, чуть хрипло, — Никого нет... и долго не будет...

— Как — не будет?! А где все?! Где ребёнок?!

— Они улетели...

— Куда?!

— В Англию... прилетят нескоро... Аня... — он поднял на неё затуманенный чувствами взгляд, — Этот дом — в нашем распоряжении на целый месяц...

Опустив её на пол, он дал полную волю рукам и губам...

— Ты с ума сошёл... — его слова доходили с трудом, и Аня говорила первое, что приходило ей в голову, сквозь жаркие поцелуи, — Ты с ума сошёл...

— Сошёл... и уже давно...

— Но Саша... он же теперь догадается...

— Ты забыла... Он — не догадливый...

Глава 27.

Пол в доме был с подогревом, поэтому, встав с кровати, Виталий не стал надевать тапки. Он вообще предпочитал ходить по всему особняку Изабеллы босиком — особенно с утра. Он уже вполне освоился в этом фешенебельном строении, и хождение без обуви — когда босые ступни утопают в мягком ворсе ковровых покрытий спальни, а затем прикасаются к приятной, тёплой поверхности открытого пола других помещений, всё это придавало не только ощущение комфорта, но и глубоко запрятанное, тайное чувство «хозяина».

Ему очень нравился дом, в котором жила Лозинская — благодаря великолепному дизайну, он был светлым и невероятно уютным, обставленным по всем канонам новоевропейской моды.

Свою новую квартиру, где они жили с Татьяной, Виталий ещё не успел обустроить с подобным комфортом, но, если ещё полгода назад всё это входило в его планы, то теперь все намерения отодвинулись до лучших времён. Это не было связано с финансовыми возможностями самого Мясникова — с этим был полный порядок, новая должность позволяла жить на широкую ногу... Просто не было нужного настроения.

Каждый раз, приезжая к Изабелле, Мясников чувствовал себя всё увереннее, тем более, что сама Изабелла эту самую уверенность поощряла — перед тем, как лечь в постель, «доверяла» убирать свои драгоценности, то и дело посылала в любой уголок дома — «найти» какую-нибудь вещь в недрах секретера или комода, а так же приучила его «хозяйничать» на кухне в отсутствие прислуги.

Мясников очень быстро научился ориентироваться в многочисленных комнатах, в ящичках и полочках... Он даже знал, где лежит нижнее бельё Изабеллы, и куда вчера она закинула свои чулки... Если его визит приходился на выходной, то утром он варил ей кофе и готовил завтрак — Лозинская как-то сразу ненавязчиво дала понять, что ей это очень нравится.

Вместе с тем, она умела руководить его действиями так, что Виталий вовсе не чувствовал себя в роли служанки. Скорее, он чувствовал себя полноправным членом её семьи — почти хозяином, правда, без определённых материальных прав.

Но он и не претендовал на эти самые права, это сквозило в каждом его действии, каждом слове и поступке. Кажется, и сама Изабелла привыкла к нему настолько, что воспринимала его присутствие как что-то естественное и, более того — необходимое...

Она никогда не спрашивала о его личной жизни, но Виталий был уверен: Лозинская знает о нём абсолютно всё, вплоть до мелочей.

После того, как два месяца назад Мясников развёлся с женой, Изабелла, действительно, сделала ему подарок — вернула часть акций. Правда, это была слишком малая часть по сравнению с той, которую он уступил ей в своё время... Но, судя по выражению лица Изабеллы, у него был шанс получить гораздо больше... При каких условиях — пока оставалось тайной, и Виталий терпеливо ждал, когда Лозинская соизволит эти условия озвучить.

Они неплохо изучили друг друга за это время, и, по мнению всего персонала, составляли вполне спевшийся дуэт. Об их интимной связи догадывались, но давно уже перестали обсуждать: Изабелла жила одна, детей у неё не было, своего прежнего любовника она выгнала за измену с молоденькой фотомodelью ещё год назад... Виталий же перестал быть предметом сплетен сразу, как только женская часть персонала поняла — у нового заместителя нет намерений заводить служебные романы, а есть лишь одна цель: работа на благо корпорации и удовлетворение всех потребностей гендиректрисы. А с гендиректрисой, как известно, соперничать было весьма чревато...

...Спустившись со второго этажа, Виталий прошёл через большой, светлый холл в огромную, обустроенную по последнему слову техники, кухню. Достав из огромного, под потолок, трёхкамерного холодильника бутылку минеральной воды, налил полный широкий стакан и выпил. Закурив, прошёл к большому овальному, со стеклянной столешницей, обеденному столу и, присев на высокий стул, придвинул к себе пепельницу.

В последний раз он был здесь около трёх недель назад — после этого Лозинская уезжала и приехала только вчера вечером. Встретив, Виталий привёз свою любовницу в её особняк, и, конечно, остался до утра.

...Он не был влюблён в свою бизнес-партнёршу, но за время её отсутствия несколько раз ловил себя на мысли, что не против провести здесь очередную ночь. Это стало уже привычным — Мясников ночевал здесь всё чаще и чаще. Несмотря на свою грубоватость и барские замашки, Изабелла оказалась очень интересной собеседницей, к тому же, их крепко связывали интересы бизнеса. Зная её манеры и установки, с Лозинской было довольно

несложно общаться. Она никогда не впадала в панику, все проблемы решала легко, как бы играючи, и даже присущий ей цинизм вызывал некоторое уважение: все свои решения, какими бы они ни были, Изабелла принимала исходя из интересов не личного, а делового плана.

Она была настоящей деловой женщиной. Её нельзя было упрекнуть в алчности: созданная ею корпорация кормила не только свою хозяйку, а и всех, кто был причастен к этому бизнесу. Все предприятия, которые в своё время «подгрребла» под себя Лозинская, теперь работали в полную мощь, давали качественную продукцию и обеспечивали рабочими местами огромную армию населения. Она установила драконовские правила поведения на рабочих местах, и любого нарушителя этих правил ожидало немедленное и безжалостное увольнение. Однако, такая жёсткость вполне компенсировалась хорошими заработными платами и приличными условиями работы сотрудников. Попасть на работу на одно из её предприятий считалось большой удачей.

Лозинская и сама не знала покоя, и не давала его своим подчинённым — при её появлении те вытягивались в струнку. Заняв место заместителя, Виталий сразу же вошёл в нужный ритм: он сразу понял, что хочет от него гендиректриса, и уже через короткое время научился понимать её с полувзгляда, с полуслова, и даже предугадывать нужные решения.

Судя по тому, что Изабелла выбрала его на должность не только заместителя, но и постоянного, штатного любовника, она по достоинству оценивала деловые и личные качества Мясникова. Она полностью руководила его действиями — и в офисе, и в постели, оставляя ему лишь одно право: самому выбирать способ улаживать возникающие в связи с этим проблемы в его собственной семье...

Таня не могла не заметить его частых «командировок», и всё чаще и чаще устраивала сцены ревности.

— Ты опять куришь натошак? — появившись в дверях кухни, Лозинская довольно лениво прошла к холодильнику — по примеру Виталия, босиком, и, достав баночку с йогуртом, уселась напротив.

— Я не натошак, — выпустив тонкую струйку дыма, Мясников бросил на женщину короткий взгляд. — стакан минералки выпил... Тебе налить?

— Кофе хочу... Поухаживай за мной?

Затушив сигарету, Виталий неторопливо встал из-за стола. Изабелла приучила его варить для неё кофе. Она постоянно подчёркивала, что у него это получается гораздо лучше, чем у повара.

Наблюдая за ним, женщина закинула ногу на ногу — полы короткого пеньюара разъехались в стороны, обнажив стройные для её возраста бёдра. Тряхнув шикарной гривой волос, чуть повела плечом — шёлковая ткань соскользнула вниз, оголив загорелую, бронзового отлива, кожу. Она не сводила с мужчины пристального взгляда, как будто чего-то ожидая, но он увлечённо наблюдал за тёмной пенкой, вот-вот готовой перелиться через край турки...

— Ну, всё?.. — она нервно постукивала пальцами по стеклянной столешнице. — Или ещё нет?!

— Ты сегодня слишком нетерпеливая...

— А ты слишком невнимательный... — небрежно отодвинутая пластиковая баночка скользнула по гладкой поверхности стола и мягко свалилась на пол.

— Не понял... — Виталий на секунду обернулся. — Невнимательный — в чём?

— Не в чём... — женщина смотрела на него чуть исподлобья, — А — к кому...

— К кому?.. — он вполне искренне изобразил удивление.

— Я ведь обижусь...

...Он и вправду уловил в её взгляде отблеск обиды... Не понимая, в чём дело, оставил турку и вернулся к столу. Изабелла редко играла с ним, их интимные отношения были сродни деловым — встретились, получили удовольствие, и дальше — только о бизнесе... Но, то ли после долгой разлуки, то ли по другой, пока ещё непонятной ему причине, сегодня Лозинская откровенно капризничала... Он почувствовал это, ещё когда проснулся — ему уже тогда показалось, что она чем-то недовольна.

— Ну, что случилось?.. — он даже не знал, как себя вести. Вроде, нужно проявить нежность, как и положено в таких ситуациях... Но, с другой стороны, он не знает, как она воспримет его порыв. Она, и правда, вернулась какая-то не такая, как раньше...

...Грудь подтянула — он почувствовал это сразу, как только лёг вчера с ней в постель... Будь на месте Изабеллы какая-нибудь другая женщина, Виталий бы про себя усмехнулся — молодится «бабушка»... Но, на удивление, к Лозинской это слово совершенно не подходило: несмотря на приближающийся «полтинник», фигура по-девичьи стройная, волосы не утратили блеска и пышности, осанка, походка — как у двадцатилетней девушки...

Теперь ещё и грудь — налитая, упругая, высокая...

...Присев рядом на корточки, он взял в руки её ладонь и заглянул в глаза... Обычно холодно-стальные, сегодня они смотрели на него как-то странно — обиженно и печально...

— Случилось?.. — она усмехнулась как-то нервно, — Возможно...

— Что?.. — заметив на её щеке ресницу, Виталий машинально протянул руку, чтобы убрать, но Изабелла неожиданно перехватила его кисть. Она с секунду держала её на весу, как будто размышляя, что с ней делать... потом просто сцепила свои пальцы с пальцами мужчины...

— Чёрт возьми... — опутив взгляд, Лозинская неожиданно покрылась непривычным для неё румянцем. — Впервые в жизни я не могу сказать прямо то, что хочу... Хочу... а — не могу...

— А ты скажи...

— А ты догадайся...

— Ну, не могу... — он смотрел на неё снизу вверх, умильно, по-детски, выпятив вперёд губы и шутливо сведя на переносице брови. — Ну, Белла... ну, скажи сама...

— Я тебя уволю, к чертям собачьим... — судя по тому, что Изабелла заговорила низким, чуть хрипловатым голосом, разволновалась она нешуточно.

— Хоть скажешь — за что?.. — он не оставлял попыток перевести всё в шутку, но, как бы ненароком скользнул свободной рукой по её животу — дойдя до груди, мужская ладонь чуть заметно сжалась.

— Ты и сейчас ничего не почувствовал?.. — она смотрела с нескрываемой обидой. Виталию даже показалось, что в уголке глаз женщины блеснула слеза.

Внезапная догадка чуть было не отозвалась коротким смешком, но Мясников невероятным усилием воли подавил в себе этот импульс.

— Ну, как же — не почувствовал... — он снова несколько раз чуть сжал и разжал ладонь. — У тебя потрясающая фигура... потрясающая грудь... Потрясающая... — теперь ладонь скользнула женщине за спину и плавно опустилась вниз, на ягодицы.

— Потрясающая грудь?.. — Изабелла как-то горько усмехнулась. — Да ты даже не

обратил внимания, что она только вчера стала потрясающей...

— У тебя всегда была потрясающая грудь... — он смотрел на неё пристально, как бы убеждая в правоте своих слов. — Я не заметил разницы...

— Ну, ты и льстец... Выкрутился...

Он никогда не видел Изабеллу такой — она казалась и рассерженной, и растерянной одновременно. Этим внезапным переменам была причина, и причину эту Виталий угадал на уровне интуиции...

Выходило, что, уезжая, якобы, на отдых, Лозинская на самом деле отправилась под нож пластического хирурга — тот не только придавал её формам пышный, юный вид, но и убрал морщинки, подтянул лицо... Вчера Виталий списал эти эффекты на действие грима, но сегодня, с утра, понял: и гладкость кожи, и блеск в глазах — всё натуральное...

Она решила сделать сюрприз — ему?..

— Зачем ты меня обижаешь? — он тоже изобразил лёгкую обиду. — Я не давал повода...

— Ты мог бы сделать мне хотя бы один комплимент...

— Я мог бы делать их тебе ежедневно... Но ты сама меня отучила... Кто говорил, что терпеть не может ухаживаний?..

— Опять выкрутился... — теперь усмешка была более доброжелательной. — Не зря я взяла тебя к себе... Ох, не зря...

— Я хочу остаться у тебя до вечера... — он понял, что должен предложить это сам. Несмотря на то, что дома уже ждала Татьяна... Несмотря на то, что у него на сегодняшний день были свои собственные планы...

...Он заранее был уверен в том, что скажет ему Изабелла... Но того, что произнесла женщина уже в следующую секунду, не ожидали ни он, ни, кажется, она сама...

— А как насчёт — остаться насовсем?..

...Она шокировала его не только этими словами... Постигая их смысл, он изумлённо вглядывался в её лицо — оно было смущённым, и именно это было самым настоящим потрясением... Он долго не мог ничего ответить, лихорадочно придумывая недвусмысленную фразу, освобождающую от моментального принятия решения. Как ни крути, а к такому повороту он был совершенно не готов.

Изабелла смотрела на него выжидательно, и, чувствуя, что пауза затягивается, Виталий придавал взгляду задумчивость и нарочито громко вздохнул.

— У тебя ещё и чувство юмора потрясающее... — едва улыбаясь уголками губ, он качнул головой.

Кажется, женщина боялась услышать что-то подобное... на её лице промелькнула тень сожаления и растерянность.

— Да, всё верно... — она вдруг деланно рассмеялась, и, легко отстранив его руки, резко встала. — Забудь.

— Бэл, подожди... — он поймал её за руку, — Ну, подожди...

— Мне нужно сделать пару звонков... — вырвав руку, она стремительно вышла из кухни.

Понимая, что ситуация накалилась, и попытка отмолчаться будет подобна смерти, Виталий кинулся следом.

— Бела!.. — он догнал её уже на лестнице, — Ну, стой!..

— Что? — она повернулась к нему всем корпусом. Мясников чуть было не отшатнулся,

увидев её взгляд: жёсткий, пронзающий насквозь. Он прекрасно знал этот взгляд...

— Я же тебя ещё завтраком не накормил...

— Я уже позавтракала.

— Чем?..

— Йогуртом.

— Да подожди ты!.. — она снова так стремительно повернулась и шагнула вверх, что он едва успел уцепиться за нижнюю оборку пеньюара. — Бела!..

Понимая, что только что Лозинская уронила себя в его глазах, и ни за что не простит ему этого «позора», Виталий сначала испугался... но уже через секунду почувствовал, как всё внутри наполняется непривычной для него злостью... Дурацкая ситуация. И неизвестно, чем она может закончиться для него — Изабелла баба крутая... Конечно, она может и «забыть», похоронить внутри себя его явный отказ... А может и отомстить — как ни крути, а тут задето женское самолюбие... И плевать ей, что она сама виновата — ну, кто бы на его месте бросился ей на шею в первую же секунду?!

Заполучить такого врага, как Лозинская — хуже не придумать...

...Он, видимо, не рассчитал силы... Она слишком быстро начала подниматься, а ему слишком не хотелось оставлять эту размолвку на такой драматической ноте...

Треск тонкой, шёлковой ткани заглушил вскрик Изабеллы — Виталий чересчур резко дёрнул за подол пеньюара, и женщина едва удержала равновесие. Обернувшись к нему, она ещё несколько секунд метала взглядом молнии, и лишь потом заметила, что оборка на подоле надорвана и её конец находится в руках Мясникова.

— Ты... — опешив от такой «наглости», Лозинская переводила возмущённый взгляд с куска ткани на лицо Виталия и обратно. — Ты что наделал?! Да ты знаешь, что это за фирма?! Ах, ты...

...Изабелла лупила его кулаками по голове, плечам, груди... Её довольно чувствительные удары сыпались на Виталия вперемешку с ругательствами совсем не литературного содержания. Стоя на пару ступенек ниже, Виталий зажмурился и какое-то время молча принимал её неожиданную, но довольно «милую» истерику, едва удерживаясь, чтобы не рассмеяться... Наконец, решив, что — «пора», ловко перехватил тонкие женские запястья...

Она уже к тому времени изрядно вымоталась — сказались выплеснувшиеся эмоции... поэтому особо и не сопротивлялась. Подхватив её на руки, Мясников поднялся на второй этаж и, открыв ногой дверь спальни, прошёл к кровати... На секунду замывшись, бросил на дорогое, стильное покрывало обмякшее в его руках женское тело и сам рухнул следом...

...Татьяна ждала его уже вторую ночь подряд. Виталий и раньше иногда не ночевал дома, а в последнее время это повторялось всё чаще... Правда, в последние три недели он, на удивление, никуда не уезжал, напротив, дома появлялся раньше обычного, чему Таня была несказанно рада. Но радость оказалась преждевременной: сославшись на очередную командировку, Мясников снова исчез на сутки, и, вместо того, чтобы появиться сегодня с утра, позвонил и предупредил, что задержится, и когда вернётся — не знает.

О наличии у Виталия любовницы она догадывалась давно, но проверить этот факт не представлялось возможным. У них теперь не было общих друзей и подруг, у которых можно было бы осторожно поинтересоваться жизнью Мясникова вне их дома. Сама Татьяна давно никуда не выходила. Её попытки найти работу по специальности успеха не принесли —

езде, куда ни обращалась молодая женщина, её ждал отказ, и даже диплом престижного вуза не играл никакой роли...

Она понимала, что всему виной история с её увольнением из налоговой... но, в конце концов, неужели даже должность бухгалтера в небольшой организации для неё тоже недоступна?!

Во всех своих неудачах Таня видела след своего бывшего мужа. За измену он решил платить долго и жестоко... Отобрал детей, лишил работы, наградил её «волчьим билетом»... Первое время её поддерживал Виталий — успокоив любимую женщину, что работать ей вовсе не обязательно, он водил её на спектакли и концерты, в начале лета отправил не две недели на морское побережье... Правда, поехала туда Татьяна одна — Мясников теперь был настолько занят новой должностью, что у него не хватало ни на что времени, какой уж тут отпуск?!

Вернувшись, Таня снова впала в привычное уже уныние...

Её жизнь постепенно превращалась в тягостное существование. Разлучённая с детьми, она никак не могла прийти в себя, и никакие земные радости её не трогали. Проводив утром Мясникова на работу, она целый день смотрела на часы — его возвращение вечером теперь было для неё единственным утешением.

Несмотря на решение суда, Олег совсем отлучил её от детей. Он игнорировал все заявления Таниного адвоката, а недавно, после размена квартиры, купил загородный дом и переехал туда вместе с сыновьями и их новой няней. И, если раньше Таня могла хоть издали видеть своих мальчишек, то теперь была лишена и этого — ездить за город, чтобы постоять возле высокой ограды, за которой гуляли её дети, было уже не под силу, тем более, что Олег пригрозил ей лишением материнских прав, если она не прекратит «преследовать и травмировать» сыновей. К матери их не подпускали, и, увидев её однажды, оба мальчика устроили истерику — они соскучились по маме, и хотели к ней... но длинноногая нянька тут же вызвала Олега и с его помощью утащила ребят в дом...

...Истерики была и у Тани... Вернувшись домой, она никак не могла успокоиться, пока Виталий не дал ей успокоительное лекарство, прописанное психотерапевтом. Наконец, от неё «отказался» и адвокат — непонятно, по каким причинам, он вдруг заявил, что больше не может вести её дела...

На просьбу найти другого адвоката Виталий сначала ответил согласием, но через несколько дней, усадив напротив себя Татьяну, вкрадчивым тоном предложил пока приостановить все её справедливые порывы... Он мотивировал это тем, что, пытаясь бороться с Олегом, Таня теряет своё здоровье, и ей нужно на какое-то время взять тайм-аут, чтобы привести в порядок нервы.

Отчасти Виталий был прав... Таня, действительно, выглядела очень плохо. Она сильно похудела, стала нервной, у неё начали выпадать волосы... Мясников предложил ей пройти курс лечения в санатории, на хорошем курорте, но Таня боялась покидать город.

Ей казалось, что, как только она уедет, Виталий её обязательно бросит... После смерти Семёна Ильича у неё не осталось никакой надежды — кроме отца никто не мог повлиять на её бывшего мужа... Мысль о том, что с потерей детей придётся смириться, посещала её всё чаще и чаще...

Виталий был единственным утешением, которое осталось у неё, и потерять его было равносильно смерти...

В то же самое время, она чувствовала, как ниточка, всё ещё связывающая их с

Мясниковым, неумолимо истончается — день ото дня... Виталий всё чаще не ночевал дома, а Таня теряла последние душевные силы.

Однажды, дождавшись его с работы и накормив ужином, она присела рядом и положила голову ему на плечо.

«Ну, что ты, Танюш?..» — Виталий чуть сжал её ладошку.

«Совсем я тебя измучила... Устал ты от меня».

«Не говори глупости... — он прикрыл глаза и глубоко вздохнул. — Это я на работе устал. При чём тут ты...»

«Я всё знаю... — Таня ещё теснее прижалась к нему. — Я тебя измучила. Но я знаю, что нужно сделать...»

«И что же?»

«Мне нужно родить ребёнка... Тогда у меня появится смысл жизни...»

Тане не было видно выражения лица Виталия, но его затянувшееся молчание тогда насторожило.

«Может, ты и права... — он, наконец, подол голос. — Ребёнок тебя отвлечёт...»

«Ты, правда, так думаешь?! — она подняла голову, заглянула ему в глаза. — Виталик!..»

«Правда. Ребёнок нужен... Только не сейчас».

«А когда?..» — она смотрела на него растерянно, видимо, не ожидая такого ответа.

«Попозже... — он притянул её к себе и поцеловал в макушку. — Где-нибудь через год...»

«Так долго?!»

«Ну, разве это долго?.. — он усмехнулся. — Всего год, Танюшка... Тебе в любом случае нужно поправить здоровье, прежде чем...»

«А я готова уже сейчас... — она смотрела ему в глаза умоляюще. — Виталик... Я готова... Я думала сегодня... Меня излечит беременность... я буду знать, для чего я живу...»

«А ты не знаешь? — он решил перевести всё в шутку. — Ну, хорошо, этот год ты будешь жить для меня! Вручаю себя тебе!»

«Конечно, я живу для тебя, но...»

«Всё, Танюш... — он снова поцеловал её. — Решили. Через год. И больше к этому разговору не возвращаемся...»

...Этот разговор был незадолго до развода Виталия и Александры. С тех пор прошло уже более двух месяцев, они оба были свободны, но Мясников ни разу не заговорил о женитьбе. Таня не спрашивала, но ждала...

Как оказалось — напрасно. Она утешала себя мыслью, что он не отказался иметь с ней общего ребёнка... но в то же самое время стала замечать, что Виталий всё реже и реже смотрит на неё, как на женщину... А его ночные отлучки вызывали у измученной обстоятельствами женщины подозрения и — как следствие, приступы ревности...

Понимая, что этим только отталкивает от себя Виталия, Таня пыталась брать себя в руки, но — увы...

Она несколько раз приезжала в гости к Веронике Григорьевне — бывшая свекровь была ей искренне рада, но у Тани была другая, тайная цель. Она надеялась, что однажды застанет в гостях у бабушки своих сыновей...

Разгадав её «хитрость», Вероника только горько вздохнула.

«Танечка... Лучше не провоцируй... Я тебя понимаю, но и ты меня пойми... Олег узнает, больше сюда их не привезёт... Лучше — не надо...»

...Сегодня вечером, возвращаясь из магазина, Таня заметила в почтовом ящике белый конверт. Удивлённо открыла замок, достала довольно плотное письмо — оно было адресовано именно ей, но не имело обратного адреса. Не было и штемпеля — видимо, письмо принёс не почтальон. Войдя в квартиру, Татьяна тут же, не раздеваясь, надорвала бумажный край...

...Уже поздно ночью, приехав, наконец, из «командировки», Виталий застал её сидящей на кухне. Отрешённо глядя куда-то в окно, она даже не повернула головы...

— Привет... — он удивлённо уставился на женщину. — Танюш, что-то случилось?..

— Привет... — она прошептала это бескровными губами, еле слышно.

— Что случилось?.. — Виталий шагнул вперёд, уставился на разложенные на столе фотографии. — Что это?..

— Это — ты...

Чуть сузив глаза, Мясников разглядывал снимки... Все они были сделаны возле особняка Лозинской — вот он и Изабелла выходят из автомобиля... Вот они вместе стоят на лоджии — она в халатике, он — в домашних шортах... А вот они вместе идут к автомобилю утром — на всех фотографиях пропечатаны дата и время... Это были дни его «командировок»... Но особенно удивила одна фотография — сделанная через открытое окно, она чётко запечатлела их с Изабеллой сплетённые в любовном порыве тела — вернее, небольшой фрагмент их тел, выхваченный из общего интерьера спальни...

Фотографии озадачили. Судя по ракурсу, сделаны они были из-за ограды дома, профессиональным аппаратом. Видимо, фотограф был мастером своего дела — его не заметила ни охрана, ни хозяйка, ни её гость...

Сомнений не оставалось — это было дело рук Олега. Он запросто мог нанять специалиста, в его окружении много подобных связей.

— Послушай, Таня... — понимая, что отпираться бесполезно, Виталий устало присел напротив. — Давай поговорим...

...Собственно, он уже давно был готов к этому разговору. «Семейная жизнь» с любимой женщиной явно не удавалась. Состояние Татьяны не располагало к взаимному счастью, и, учитывая сложность ситуации, счастье это казалось недостижимым. Его не зря в последнее время тянуло именно к Изабелле — там, у этой женщины, Виталий имел всё, что было ему необходимо для того, чтобы чувствовать себя вполне счастливым.

Оказалось, что он не приспособлен к семейной жизни... Её не было с Александрой — они много лет жили в разных комнатах... Её не получилось с Татьяной — оказалось, что обладание любимым телом лишь принесло неразрешимые проблемы, но не компенсировало отсутствия общих интересов... А интерес у Виталия всегда был один: бизнес.

С Изабеллой всё было по-другому. Секс и бизнес... Бизнес и секс — вот, что устраивало его полностью... Устраивало, несмотря на отсутствие чувств...

...Но ведь Таню он всё ещё любит... И он, действительно, не хотел, чтобы она получила новую порцию боли и страданий — вот так... благодаря своему бывшему муженьку...

— Я не хочу с тобой говорить... — она даже не пошевелилась с тех пор, как он вошёл в квартиру.

— Танюш, подожди... Выслушай меня. Это очень серьёзно...

— Не надо... Не оправдывайся... Я это заслужила...

...Разговаривать Таня не хотела. По дороге домой Виталий был готов к разным вариантам скандала, но он не ожидал, что, вместо обычной сцены ревности Таня лишь тихо

ляжет и будет молча лежать, не издавая ни звука.

Впрочем, это был наилучший вариант... во всяком случае — на сегодняшний день. Эту проблему будет легко уладить, он почти в этом уверен... А вот как быть с Изабеллой?..

Несмотря на бурно проведённый день и половину ночи, Мясников оставил свою любовницу в полной неуверенности в её истинном настроении. Внешне Изабелла была спокойна и даже довольна — Виталий прекрасно изучил все её слабые струнки и умело играл на них мелодию любви...

Но, будучи от природы осторожным, он вполне допускал вариант, при котором Лозинская затаит на него женскую обиду. При её характере было вполне естественным самой делать предложения мужчинам... и так же естественно принимать от них возможный отказ...

Однако, при всех своих «мужских» качествах, Изабелла всё-таки была женщиной... и женское начало вполне могло возобладать над всеми остальными началами... И тогда... Тогда — берегись, мужчина... не пожелавший такую спутницу жизни... Тогда — прощай карьера, и всё, чего ты добился, и чего мог добиться при твоём сегодняшнем положении...

...Лозинская должна была отыгаться... и помочь ей в этом обязан именно он — Виталий Мясников...

...Входя утром в офис, Виталий машинально здоровался с сотрудниками, снующими по этажам и коридорам. В голове крутились вчерашние мысли... в который раз прокручивался придуманный им план собственного спасения...

— Добрый день! — секретарша встала при его появлении в приёмной.

— Добрый! — машинально кивнув в ответ, он открыл дверь в свой кабинет, затем обернулся к девушке. — Ира, на одиннадцать назначь общий сбор... и — закажи мне к этому времени цветы. Самый шикарный букет...

— Хорошо... — секретарша удивлённо кивнула. — Сбор у вас?

— М-м-м... — он несколько секунд раздумывал, потом уверенно кивнул на кабинет напротив. — У Изабеллы Юрьевны. Я её сейчас предупрежу.

Пройдя в свой кабинет, он придирчиво осмотрел себя в большом зеркале: новый, с иголки, костюм сидел на нём великолепно. Чисто выбритый, с модной стрижкой, благоухающий элитным мужским парфюмом... В свои тридцать шесть лет Виталий выглядел как с картинки модного журнала.

...В таком виде не страшно будет получить «по заслугам»... Пусть Изабелла потешит своё самолюбие, вдавив его в пол каблучком своей туфли... Око — за око... Но его «око» будет публичным. И это будет его шансом «на спасение»...

...Сидя в кресле, Изабелла молча наблюдала, как её кабинет заполняется сотрудниками. О внеплановом совещании её предупредил Виталий — сославшись на какую-то внезапную срочность, он сказал Лозинской, что хочет сообщить что-то важное для всего коллектива. Она не стала его выспрашивать, лишь молча кивнула головой...

...Он не ошибся... Изабелла, действительно, затаила обиду... Об этом говорят и её взгляд, и едва заметная полуулыбка... И чем закончится его сегодняшнее «совещание» — неизвестно. Но он хотя бы попытается спасти их отношения... ведь без них ему, действительно, ничего не светит.

...Дождавшись, когда последний участник совещания займёт своё место, Виталий прошёл к окну и встал напротив Лозинской. Речь он заготовил заранее... Поэтому заговорил

уверенно, обращаясь и к ней, и к членам коллектива.

— Я попросил Изабеллу Юрьевну предоставить свой кабинет, поскольку то, что я хочу сообщить, имеет отношение непосредственно к ней... — Мясников на секунду замолчал и, слегка откашлявшись, продолжил. — Я не так давно в нашем коллективе... но хочу сказать, что я безумно рад, что в своей жизни встретил такую женщину, как Изабелла Юрьевна. Ей удалось сделать то, что не под силу многим мужчинам... Она не только создала наш холдинг... Она сплотила наш коллектив, так, что он стал одной семьёй... Я могу много говорить о том, какая прекрасная женщина — наша Изабелла Юрьевна, но, думаю, все и так об этом знают. Поэтому... — Виталий глазами отыскал свою секретаршу и едва заметно ей кивнул — девушка тут же подала ему огромный букет белых роз, которые до этого держала в руках. Приняв розы, Виталий снова вернулся на исходную позицию. — Поэтому сегодня, перед лицом нашего коллектива... как перед лицом семьи... я хочу сделать Изабелле Юрьевне предложение руки и сердца! — повернувшись под дружное «Ах!» лицом к Лозинской, Виталий театрально припал на одно колено и протянул той цветы. — Изабелла Юрьевна... будьте моей женой!

...Эффект был потрясающим! Все сотрудники стояли с открытыми ртами, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть неожиданное «видение»... Красавец-мужчина, о каком могли бы мечтать тысячи женщин, на коленях просит руки у своей избранницы, которая старше его более чем на тринадцать лет, да ещё на глазах у кучи народа...

Пристально глядя в глаза Лозинской, Мясников терпеливо ожидал её гордого отказа... Отказать ему — такому неотразимому — при свидетелях!.. Это была бы её справедливая месть и утешение... Она не могла бы не оценить его благородства...

Он ждал отказа, но Изабелла молчала. Он тщетно пытался прочитывать в её чуть прищуренном взгляде одобрение и прощение... Но она упрямо держала паузу, и пауза эта явно затягивалась. Чувствуя, как затекают колено и вытянутая рука с цветами, Виталий из последних сил олицетворял собой ожидание...

Наконец, медленно откинувшись на спинку кресла, Изабелла чуть склонила набок голову и скрестила на груди руки.

— Ну, что вы, Виталий Иванович... Встаньте... Я согласна.

Глава 28.

Татьяна исчезла вскоре после того, как узнала о страшном предательстве Виталия. Он сам рассказал ей обо всём, почти слово в слово повторив своё признание почти семнадцатилетней давности. Тогда «жертвой» его поворотов судьбы стала юная девушка Анечка... Теперь же на её месте оказалась Татьяна. И тогда, и сейчас Мясников предпочёл искренним чувствам собственные шкурные интересы, но при этом сам он страдал вполне искренне.

Его брак с Таней не был зарегистрирован, да и браком их отношения можно было назвать с большой натяжкой. Тем не менее, он понимал, что пересудов не избежать — весь персонал офиса был в курсе, что живёт он не один, и его отношения с Лозинской параллельны его домашней личной жизни. Но, исходя из того, что ни Виталий, ни сама Лозинская не придавали этому факту видимого значения, окружающие давно уже сделали вывод, что гражданский брак Мясникова завис в воздухе. Да мало ли что бывает в жизни — может, он живёт со своей женщиной из каких-то личных, никому не известных интересов и соображений.

Тем более, что в свет он Татьяну в последнее время не выводил. А вот с Изабеллой

Юрьевной всё чаще появлялся на светских тусовках — в качестве сопровождающего партнёра по бизнесу и мужчины — вообще.

После его шикарного предложения руки и сердца, оставшись с ним наедине в своём кабинете, Изабелла долго молчала, потом подняла чуть насмешливый взгляд.

«Ты надеялся на отказ?.. Можешь не оправдываться. Я всё поняла и... оценила тебя в очередной раз...»

Оправдываться он, и правда, не стал, с ней это было бессмысленно. Лозинская видела его насквозь. Она не только оценила, она щедро одарила его своим согласием — это он понял сразу. Жениться на такой акуле, как Лозинская и стать во главе созданной ею корпорации... Только ради этого можно было затевать этот спектакль со сватовством, даже рассчитывая на совершенно другой результат... Об этом можно было только мечтать... Если бы не одно «но».

Таня. Оставить её без поддержки в такой момент — это была подлость. Но эта подлость имела свою цену... слишком высокую, чтобы ею пренебречь. В конце концов, Мясников решил, что это — воля судьбы. Не он первым завёл речь о союзе с Изабеллой. Она первая влюбилась в него... железная баба, у которой вместо нервов — стальные нити. Может быть, она впервые в своей жизни позволила себе такую слабость... Ведь до сих пор у неё не было мужа, лишь временные «утешители», мужчины для интимного пользования. Они сам вначале был одним из них...

Виталий стал, пожалуй, первым, кто запал в душу Изабеллы настолько, что она сама решилась сделать ему предложение.

От таких предложений, и правда, не отказываются.

А Таня... С ней всё было слишком сложно. Оставить её в качестве любовницы получилось бы вряд ли. Изабелла чётко обозначила свою позицию и последствия подобных действий, да и какая из Тани сейчас могла быть любовница?.. Это была уже не та очаровательная женщина, которая много лет занимала место в его собственной душе... Сейчас от её красоты осталось мало, вернее, почти ничего не осталось, да и дело было вовсе не в красоте...

Татьяна превратилась в тень, в призрак, она полностью подчинилась своей внутренней боли... Её душа раскололась надвое, одна часть рвалась к детям, а другая всё ещё оставалась с Виталием... но оказалось, что этой, второй части ему самому уже было слишком мало.

«Я так понимаю, что тебе нужно уладить кое-какие дела... — Изабелла чуть поджала губы и сузила глаза. — Даю тебе время до вечера. Но учти... Ты теперь в новом статусе. А статус моего жениха не допускает никаких побочных связей. Я всё пойму лишь по одному твоему взгляду».

...Таня выслушала его молча. Она как будто была готова к этому известию — казалось, что новый удар вызвал у неё абсолютную апатию. Виталий даже испугался, что она потеряла слух — во время его «признания» Татьяна выглядела как изваяние. Он оставлял ей в пользование свою квартиру, хотя у Тани было жильё — после развода и размена ей досталась двухкомнатная «хрущёвка». Олег не очень-то был озабочен удобством жилья для бывшей жены, а Таня согласилась на первый попавшийся вариант. В тот момент она рассчитывала прожить свою жизнь вместе с Виталием...

«Я хотела уйти от тебя сама... — она, наконец, разжала сухие губы. — Так, наверное, лучше. Я виновата во всём... Больше — никто».

...Его подсознание прекрасно работало на своего хозяина. Вглядываясь в Танино

бескровное лицо, Виталий с ужасом для себя понимал, что чувство вины и собственного ничтожества, глодавшие его по дороге сюда, постепенно затихают... затихают... уступая место одному-единственному желанию: поскорее закончить и этот разговор, и это тяжёлое прощание...

Танино «нам лучше расстаться прямо сейчас» прозвучало как долгожданный финал унылой, надоедливой пьесы. Выходя из квартиры, Мясников почувствовал невероятное облегчение... Некогда пылкая любовь к Татьяне на глазах превратилась в тяжёлый, непосильный груз, от которого хотелось скорее избавиться... Его невозможно было сбросить, он всё ещё крепко цеплялся за его плечи, тянул куда-то вниз, в безысходную темноту... Но он знал, что там, в доме Изабеллы, ему будет не до самоистязаний и угрызений совести. Там — новые дела, новые перспективы, новые, наполненные ярким светом высоты, брать которые он будет уже в совершенно новом качестве.

...В качестве полноправного хозяина. Его усилия будут направлены не только на интересы корпорации. Теперь это будут его — личные — интересы. А, значит, будут новые, более чувствительные стимулы, вызывающие ранее неведомый прилив энтузиазма.

...Своим предупреждением Изабелла не оставляла ему возможности участвовать в дальнейшей Таниной судьбе... Хватаясь за эту мысль, как за спасительную соломинку, Мясников всё следующее утро убивал в себе все желания позвонить Татьяне и узнать — как она...

Вечером Изабелла «закрепила усвоенный материал».

«Ты зря так переживаешь, — за ужином она бросила на Виталия короткий взгляд и, заметив, что он хочет возразить, хлопнула ладонью по столу. — Не перебивай! Слушай лучше... — она на секунду замолчала, потом снова посмотрела на него чуть исподлобья, с долей цинизма во взгляде. — У вас не было будущего. Я всё знаю о ваших отношениях. Как видишь, я в них не вмешивалась долго... — на этих словах Виталий чуть сдвинул брови, как бы вдумываясь в сказанное, но Лозинская упредила его реакцию поднятым вверх указательным пальцем. — Да, я долго не вмешивалась. Пока не поняла окончательно, что там у тебя нет семьи. Есть общая квартира, общий стол, общая кровать... Эта женщина больна. Она никогда не успокоится, не забудет своих детей. А ты... ты слишком ценный для меня кадр, чтобы позволить тебе вот так, впустую, тратить свои силы на тщетные попытки сохранить то, чего у тебя уже давно нет».

«Подожди... — ему, наконец, удалось вставить слово. — Это фотографии... что... от тебя?!»

«Да... — приподняв брови, теперь Изабелла смотрела на него взглядом невинного младенца. — Фотографии, которые получила Таня... От меня. Ты удивлён?»

«Вообще-то — да... — он недоверчиво покрутил головой и хмыкнул. — Это же не твой метод...»

«Не мой, — она пожала плечиком. — Но я его применила. Сам бы ты ещё долго не решался, а у меня нет времени ждать. Ты мне нужен. Целиком. Со мной ты получишь абсолютно всё, чего заслуживаешь. От тебя будет требоваться только одно: служить мне верой и правдой».

«Служить?..» — Виталий усмехнулся. Его покорило это слово.

«Что плохого? Я ведь тоже не останусь в долгу... — немного помолчав, Лозинская продолжила как бы нехотя. — А за Таню не беспокойся. Уверена, что её заберёт бывший муж...»

«Кто?.. Дзюба?! — Мясников снова недоверчиво усмехнулся. — Вот уж это — вряд ли. Он её теперь ненавидит».

«Ты плохо знаешь своего бывшего партнёра».

«Да что там знать... По сути, он опустил её на самое дно...»

«Ты, видимо, не представляешь, что такое — «самое дно». Ты знаешь, что он мог с ней сделать, если бы захотел?.. И с ней, и с тобой... — Изабелла многозначительно ухмыльнулась уголком губ. — Зна-а-а-ешь...»

«Он бы побоялся, — Виталий покачал головой. — Хотя, если честно, я и сейчас боюсь, что...»

«Что он что-то сделает с Татьяной? — глаза Лозинской превратились в узенькие щёлочки, обрамлённые длинными пушистыми ресницами. — Не бойся. Он её не тронет... Он до сих пор её любит».

«Хороша любовь...»

«Ты думаешь, что любовь — это когда только гладят по головке? Нет, мальчик... Иногда и бьют любя... правда, не до смерти. И вот, когда остаётся последний, решающий удар, — она выдержала небольшую многозначительную паузу, — удар, после которого обидчик должен быть повержен... уничтожен... а чувство мести удовлетворено... — ещё одна пауза повисла не несколько секунд, — Вот в этот самый момент палач вдруг бросает топор...»

«И что это значит?»

«Это значит, что это — и есть настоящая любовь».

«Какая-то страшная любовь...»

«Бывает и пострашнее... когда жертва вовсе не ждёт удара, — Лозинская недвусмысленно усмехнулась, но потом вдруг резко изменилась в лице — из насмешливого оно стало строгим и слегка надменным. — Видишь? Я даже поговорила с тобой о твоих личных делах. И на этом закрываем тему. Или ты не согласен?»

«М-м-м... — он чуть качнул головой. — У меня, оказывается, ещё есть варианты ответа?»

«Чёрт... — она смотрела на него пристально, как бы тайно любуясь. — И уродился же такой... красивый чёрт... на мою голову...»

«Разве только на голову?.. — прекрасно зная её привычки, Виталий в два шага приблизился к Изабелле и, присев перед ней на корточки, скользнул ладонями под полы короткого халатика. — По-моему, ты ещё кое о чём забыла...»

Через несколько дней он отправил на свою квартиру водителя — тот должен был забрать кое-какие вещи и привезти в дом к Лозинской. Однако мужчина вернулся ни с чем — ему так никто и не открыл. Виталий попытался дозвониться на свой домашний телефон, но Таня не сняла трубку. Не отвечал и её сотовый...

Приехав домой лично, Мясников застал пустую квартиру и записку на кухонном столе.

«Меня не ищите. Таня».

Её сотовый был отключен все последующие дни. По словам соседей, не появлялась она и в своей «хрущёвке». Виталий опасался слишком открыто выказывать свою тревогу, но и спокойно воспринимать Танино исчезновение он тоже не мог. Рассудив, что лучше будет держать в курсе этой проблемы и Изабеллу, он обо всём рассказал ей, но в ответ получил довольно прохладный совет поручить розыск Татьяны кому-нибудь из семьи Дзюбы.

— Если с ней что-то случилось, ты уже ничем не поможешь. А если она просто где-то

прячется, то это уже не твои проблемы. У нас с тобой масса нерешённых задач, и производственных, и личных.

На следующий день, улучив момент, Мясников набрал номер Олега. Тот ответил сквозь зубы, но трубку, как вначале предполагал Виталий, не бросил. Объяснив цель звонка, терпеливо ждал, что ответит ему бывший партнёр.

— А ко мне какие претензии?» — Мясников как будто воочию увидел бледное, вытянутое лицо Олега, сморщенное в презрительной гримасе.

— При чём тут претензии... Таня куда-то пропала... Может, ты что-то знаешь?

— Я к ней не имею никакого отношения. Она пропала у тебя? Вот и ищи...

— Мы расстались. Я сейчас живу... — Виталий на секунду замялся. — Я живу отдельно.

— Меня эти подробности не интересуют, — Олег зло усмехнулся. — Так что выкручивайся сам.

Ни до чего не договорившись с Дзюбой, вечером того же дня Мясников звонил в двери квартиры Вероники Григорьевны. Он мог бы ограничиться телефонным звонком, но решил, что будет лучше поговорить с глазу на глаз, заодно увидеться с сыном, который теперь жил у бабушки.

Узнав о Танином исчезновении, бывшая тёща долго охала и ахала, расспрашивала подробности, и, услышав, что Виталий покинул свою любимую женщину, искренне расстроилась. Она ещё укоризненно покачивала головой, когда раздался дверной звонок.

— Здравьете, дядя Олег... — Мишин голос послышался из прихожей.

— Привет... — буркнув в ответ племяннику, Дзюба на минуту замешкался — видимо, раздеваясь, затем стремительно вошёл в гостиную. Увидев Мясникова, заметно опешил, но, справившись с первыми эмоциями, привычно сузил небольшие глаза. — Ты что здесь делаешь?!

— Олежек... — Вероника Григорьевна прижала к груди сложенные ладони. — Таня пропала... Виталик поэтому...

— Знаю, — зло отрубил сын. — Поэтому и приехал... А ты, — он снова бросил испепеляющий взгляд на Мясникова, — можешь катиться отсюда... Понял?!

— Олежек... не надо... — Вероника попыталась встать перед Олегом так, будто желая заслонить собой Виталия. — Вы как-нибудь потом разберётесь... Сейчас главное — Таню найти...

— Я с ним не собираюсь разбираться. И видеть его в этом доме больше не намерен!

— Виталик сам волнуется...

— Мама!.. — засунув руки в карманы брюк, Олег наклонился к матери. — Ты — о чём?! Волнуется?! Вот этот?! — он выбросил руку с оттопыренным указательным пальцем в сторону Виталия. — Да он просто на нас теперь свои грязные делишки пытается переложить!.. Ему сейчас совесть чистая нужна... он же теперь — жених!

— Олежек... — женщина умоляюще смотрела на сына, — Это всё потом... Надо с Тане...

Услышав в очередной раз имя бывшей жены, Олег невольно сжал кулаки... Виталию показалось, что он задохнулся и теперь не может вымолвить ни слова... Ещё больше побелев лицом, Дзюба плотно сомкнул челюсти, до скрипа зубов...

— Мама... — он заговорил, совершая над собой огромное усилие, выделяя ударением каждое слово. — Никогда... не произноси... при мне... это... имя... Слышишь, мама?! Его

нет больше в русском языке... Понимаешь?! Не-е-е-ет!..

— Олег... успокойся... — побледневшая женщина уже не знала, как усмирить вспышку ярости у сыны. — Олежек... Нельзя так... Вдруг с ней что-то случилось...

— А мне на-пле-ва-а-а-ать! — он кричал, потрясая руками, даже не задумываясь, что его истерика происходит на глазах его злейшего врага и соперника.

За криком и шумом никто из присутствующих не заметил, как, открыв своими ключами дверь родительской квартиры, на пороге возникла Александра. Не раздеваясь, она тут же прошла в гостиную и удивлённо застыла в дверном проёме.

— Что тут происходит?! — женщина обвела взглядом присутствующих и уставилась на своего бывшего мужа. — Ха!.. Явление Мясникова народу... Тебе-то что здесь нужно?..

— Аля... — Вероника Григорьевна как-то обречённо посмотрела на дочь, видимо, предчувствуя её реакцию на известие. — Таня пропала...

— Пропала?.. — Александра усмехнулась с заметным злорадством. — Как это — пропала?.. Впрочем... туда ей и дорога...

— Она оставила записку Виталику и ушла...

— А она что, думала на чужом несчастье в рай въехать?! — Александра кивнула на Виталия, — Думала, счастье себе отхватила?! Что, чужое-то горьким оказалось?.. Пропала... Да пропади она пропадом!..

— Аля, не надо так говорить... — мать вдруг приложила ладонь к глазам и громко расплакалась. — Да что же вы такие... чёрствыые?! Безжалостные какие-то!..

— А что нам теперь, плакать?.. — Аля расстегнула дорогое пальто и на минуту вышла в прихожую. — Мам, перестань!..

— Бабуля, не плачь... — войдя из соседней комнаты, Миша присел рядом с бабушкой и приобнял ту за плечи. — Ну, бабуль... ну, опять ведь давление поднимется!

— Мама, успокойся... — сделав над собой ещё одно усилие, Олег чуть понизил тон. — Не стоит так реагировать... каждый сделал свой выбор... каждый получит по заслугам.

— Послушай... — не выдержав, Мясников встал и устался на него чуть исподлобья. — При чём тут — по заслугам... Я обратился к тебе, как к человеку...

— Я тебе и ответил по-человечески! — окинув взглядом противника, Дзюба снова начал закипать. — Сюда ты зачем пришёл?! Матери нервы трепать?!

— Мальчики... перестаньте... — утирая слёзы, Вероника Григорьевна шмыгнула носом. — Прекратите!.. Был бы жив Семён...

— Так вот и благодари... свою Таню... — Александра перевела взгляд с матери на сына. — Миша, где бабушкино лекарство?..

— Сейчас принесу... — тот встал и направился в другую комнату.

— Уходи отсюда!.. — Олег злобно уставился на Мясникова. — Уходи, по-хорошему...

— Я уйду... — тот переступил с ноги на ногу и слегка откашлялся. — Только скажи... мне лучше обратиться в милицию, или ты...

— Что же ты сразу не обратился?! Побоялся репутацию испортить?! А, может, ты сам знаешь, где она?.. А?!

— Если бы знал, у тебя бы не спрашивал...

— А, может, ты сам с ней расправился?.. Чтобы под ногами не путалась...

— Мальчики... — приложив ладони к щекам, Вероника Григорьевна испуганно наблюдала за зятем и сыном: два высоких, одетых по последнему слову моды мужчины стояли друг напротив друга, готовые в любую минуту кинуться в драку. — Мальчики... не

надо...

— Дядя Олег... — вернувшись с бабушкиным лекарством, Миша укоризненно посмотрел на своего дядю. — Что вы такое говорите на отца?..

— Отца?.. — не сводя ненавидящего взгляда с противника, Дзюба недоверчиво усмехнулся. — Да какой он — отец, Мишка?! Он понятия не имеет, что такое — быть отцом!.. Он только гадить умеет... по чужой жизни топтаться...

— Кто бы говорил... — не выдержав, Виталий тоже повысил голос. — Уж как ты по чужим судьбам топчешься...

— Заткнись!.. — решив встать на сторону брата, Александра буквально заорала на бывшего мужа. — Заткнись, умник!.. Ты в нашей семье всем жизнь испортил! Всем!.. Вали давай отсюда, чего пришёл?! Тут тебе не уголовный розыск!.. Сам разыскивай свою шлюху!..

Услышав её последние слова, Олег неожиданно повернулся к сестре и довольно чувствительно тряхнул её за плечо.

— Ты сама заткнись! — он произнёс эти слова сквозь зубы, буравя Александру прищуренным взглядом. — Кто этого пи...ора в дом привёл?! Не ты ли?!

— Ты чего, придурок?! — Аля резко повела плечом, пытаясь стряхнуть руку Олега. — При чём тут я?!

— Да при том!.. — совершенно не обращая внимания ни на перепуганную мать, ни на племянника, теперь мужчина был готов обрушить весь свой гнев на сестру. — Если бы ты в своё время не захотела прикрыться этим...

— Что ты несёшь?! — Александра возмущённо округлила глаза. — У тебя крыша поехала?!

— Дядя Олег!.. — вскочив на ноги, Миша встал рядом с матерью. — Не кричите на мою маму!

— А ты сядь, Мишка... сядь... — Дзюба махнул парню рукой. — Ты же ничего не знаешь про свою семейку...

— Не говорите так о моих родителях!.. — Миша побледнел и поджал губы — совсем как Семён Ильич. — Замолчите, дядя Олег...

— Родители... — Олег повторил это слово с недвусмысленной усмешкой. — Ну, мать — да... она-то тебе — мать... А вот этот... — он бросил на Мясникова короткий злобный взгляд. — Вот этого лучше не называй своим родителем... от таких родителей бежать надо... Да и не родитель он тебе вовсе, так-то вот, Мишка!

— Заткнись! — Аля была готова вцепиться брату в глотку, лишь бы он замолчал. — Заткнись, придурок!..

— Олег, не надо!.. — Вероника Григорьевна смотрела на сына с мольбой. — Ну, пожалуйста...

— Мама, ну ты же сама хотела, чтобы Мишка всё узнал!.. — истерика только разгоралась, казалось, что уговоры женщин лишь подстёгивают его намерения, и, выбежав в прихожую, через секунду Олег вернулся со своим кейсом. Открыв, вытащил оттуда небольшой конверт, достал из него несколько фотографий и протянул Мише. — Вот, Мишка... смотри... во-о-о-т... Видишь?! Вот — твой родной отец!.. Нормальный мужик... А не этот ублюдок...

...В нависшей тишине было слышно, как громко стучат настенные часы... Все, кто находился в комнате, не сводили глаз с вытянутой руки Олега... Как будто не смея прикоснуться к снимкам, Миша со стороны смотрел на изображение незнакомого мужчины

— фотограф выхватил его в момент, когда тот садился в автомобиль.

— Кто это?.. — Миша, наконец, смог подать голос.

— Это — твой отец... Его зовут Морозов Александр Иванович...

— Это я знаю...

— Пошёл вон!.. — сорвавшись с места, Аля попыталась вытолкнуть брата из комнаты, но у неё это не получилось, и она обернулась к Виталию. — И ты — пошёл вон! Слышишь?! Немедленно — во-о-о-н!

В какой-нибудь другой момент Мясников ни за что не ушёл бы, пока не узнал всех подробностей, которые не давали ему покоя на протяжении всех этих лет. Но сейчас он вдруг вспомнил, что его отсутствие в доме Изабеллы слишком затянулось, и что миссию свою он выполнил — рассказал о Тане, и что, если не Олег, то Вероника Григорьевна не успокоится, пока не наладит поиски бывшей невестки... И что, вообще, пора покидать этот дом, в котором прошли не самые лучшие дни его жизни... Там, впереди, его ждут совершенно другие проблемы и интересы... а прошлое... Оно осталось в прошлом. И не стоит размениваться на выяснения отношений с людьми, которых он хочет поскорее вычеркнуть из своей жизни.

— Ну, я, пожалуй, пойду... — обернувшись к Мише, Мясников хлопнул парня по плечу. — Давай, Мишка... телефон мой помнишь. Жду звонка...

— Подожди... — обращаясь к нему, Олег многозначительно поднял вверх открытую ладонь. — У меня и для тебя есть подарочек... — Он снова открыл конверт и достал оттуда ещё несколько фотографий. Со злой ухмылкой протянул их Виталию. — Держи... Узнаёшь?..

— А это — кто?.. — Александра тут же попыталась заглянуть в снимки. — Что за баба?..

— Не баба... — наблюдая за выражением лица Виталия, который сосредоточенно разглядывал фото, Олег не оставлял своего тона. — Это — Морозова Анна Сергеевна... в девичестве — Свиридова... Помнишь такую?!

— Ну, помню... — Аля подозрительно посмотрела на брата. — И — что?..

— А то... — Олег не сводил взгляда с Мясникова. — Это — жена Саша Морозова... та самая Анечка... Вспомнил, Виталя?! Правда, там она с любовником... Что же ты так шлюхто любишь... А, Виталя?!..

...После ухода Мясникова все ещё долго молчали. Вероника Григорьевна плакала, Олег и Александра сидели с каменными лицами, думая каждый о своём.

— Зачем ты это сделал, Олежек?.. — мать, наконец, нарушила тягостное молчание. — Зачем?!

— Ты сама хотела, чтобы Мишка всё узнал... — Олег угрюмо разглядывал носки своих ботинок.

— Да разве же я хотела, чтобы — вот так?.. — Вероника подняла на него полный слёз взгляд. — Я же хотела, чтобы — по-хорошему...

— Н-ну, су-у-у-чка... — Александра медленно покачала головой. — Ну, тва-а-а-арь... И как это ей удалось?!

Уже поздно ночью, вернувшись домой, Олег сразу прошёл в кухню. Все просьбы матери организовать поиски Татьяны наткнулись на его холодное «нет»... Оставив Веронику Григорьевну в слезах, он всю дорогу пребывал в мрачном настроении, и сейчас, открыв

холодильник, уверенно достал бутылку коньяку.

...Первый стакан выпил залпом, без закуски... Шумно вдохнул в себя воздух и, положив локти на столешницу, уставился вперёд отрешённым взглядом. Через несколько минут налил ещё один стакан...

...Когда в бутылке оставалось не больше четверти содержимого, уронил голову на руки, но, посидев так совсем недолго, вновь распрямился...

...От обрушенного на столешницу кулака подпрыгнули и стакан, и, кажется, бутылка... Он не помнил, сколько ударов нанёс по пластиковой поверхности — яростно, вкладывая в каждый из них всю свою оскорблённую гордость... прекратил стучать лишь когда ребро кулака перестало чувствовать боль ...

...Движением руки смахнув со стола бутылку и стакан, ногой оттолкнул от себя сам стол и медленно сполз со стула на пол... схватив руками себя за голову, издал какой-то звериный рык...

...Он то выл, то рычал... покачиваясь из стороны в сторону, рвал на себе волосы... потом зачем-то ползал по скользкому покрытию пола, натываясь то на стол, то на холодильник...

— Ты чего тут натворил?! — уже далеко за полночь в дверях кухни показалась молодая женщина, исполнявшая роль гувернантки его детей. Щурясь на яркий свет, она изумлённо смотрела на устроенный Олегом погром — видимо, шум от происходящего достиг и её спальни, расположенной на втором этаже коттеджа. — Олег!.. Что происходит?!

— П-шла вон!.. — увидев её, Дзюба пьяно махнул рукой. — П-шла!.. Шлюха!.. Тварь!..

— Ты что, напился?! — она презрительно сморщилась. — Что ты здесь устроил?!

— Убирайся!.. — схватив валявшуюся на полу бутылку, Дзюба швырнул её в няньку — задев притолоку, бутылка звонко разлетелась по кухне прозрачными осколками. — С-сука!..

Фыркнув, женщина резко повернулась и вышла. Посидев на полу ещё какое-то время, Олег с трудом поднялся... Он не столько чувствовал опьянение, сколько был обессилен приступом ярости... Казалось, что из него ушли все жизненные силы... Почему-то жутко болела рука, и, осмотрев ладонь, он с удивлением заметил, что она посинела.

Пошатываясь, вышел в прихожую и долго вертел на вешалке своё пальто — искал нагрудный внутренний карман. Наконец, нашёл и, порывшись, вытащил оттуда сотовый телефон. Пальцы едва шевелились — казалось, что они стали деревянными, и никак не хотят набирать нужный номер.

...Комбинация получилась, наверное, лишь с десятой попытки... Приложив телефон к уху, долго слушал длинные гудки, и, дождавшись характерного щелчка, заговорил пересохшим языком.

— Виктор?.. Это Дзюба... Помощь твоя нужна... Срочно... Да, прямо сейчас... У меня жена пропала...

Глава 29.

— О!.. опять эту тётеньку показывают... — на ходу жуя бутерброд, Дима бросил короткий взгляд на экран телевизора. Пройдя быстрым шагом через комнату, уселся у открытого пианино и, одной рукой держа бутерброд, другой привычно пробежался по чёрно-белым клавишам. — Целый день сегодня показывают, во всех местных новостях...

— Какую тётеньку? — Анна выглянула из кухни. — Дима, ты опять?! А ну-ка, иди, поешь нормально! Фортепиано от тебя никуда не денется. Заодно звук включи, а то мне ничего не слышно, о чём передают.

— Я потом... — мальчик взял аккорд, но, вспомнив о вопросе матери, обернулся к ней. — Тётеньку какую-то разыскивают...

— А что она натворила?.. Не говорят?..

— Не знаю, — Димка пожал плечами. — Говорят, просто пропала, пять дней назад...

— Дим, давай, договоримся, что во время новостей ты будешь делать перерыв, хорошо? — услышав свист чайника, Анюта вернулась в кухню и говорила уже оттуда. — Я и так со своей работой ничего не успеваю ни читать, ни смотреть, так хоть новости на ходу послушать...

— Хорошо, мам! — сын крикнул вдогонку. — Если интересно, то её зовут Дзюба Татьяна Васильевна, тысяча девятьсот...

— Как?! — услышав фамилию, Анна снова показалась в дверях. — Как ты сказал?..

— Дзюба. Татьяна Васильевна. Я случайно запомнил.

— Татьяна... — как будто что-то вспоминая, Анюта слегка нахмурилась, потом кивнула. — Татьяна... угу... понятно.

— Ты что, её знаешь?..

— Нет, конечно. Просто фамилия знакомая...

На следующий день, в учительской, Анна случайно услышала разговор двух своих коллег. Преподавательница русского языка, муж которой работал штатным юристом на одном из предприятий, увлечённо что-то рассказывала завучу по внеклассной работе. Уже довольно пожилая завуч слушала, сведя над переносицей слишком ярко обозначенные чёрным карандашом брови и собрав в «гузку» узкие, в бледно-розовой помаде, губы и время от времени поводя головой из стороны в сторону.

— Это всё от слишком сытой жизни! — «русичка» многозначительно кивнула куда-то в сторону окна. — Жила бы она на одну свою зарплату, ни о каких любовниках бы даже не думала!.. Мой Коля говорит, её муж такими деньжищами ворочает, что мама не горюй! Так нет, не жилось... Вот и результат.

— Да, да, да... — завуч согласно закивала крашеной в пегий цвет головой. — С нашей зарплатой не то, что о любовниках, вообще ни о ком не будешь думать, я уже молчу про нагрузку...

— Доброе утро, девочки! — раздевшись, Анна прошла к столу и, открыв сумочку, достала небольшую косметичку. Поправляя помаду, посмотрела через маленькое зеркальце на беседующих дам. — Что обсуждаем?

— Здравствуй, Анечка... Да женщина пропала, может, видела по новостям?.. Весь день вчера говорили! — завуч обернулась к Анне. — Вот, Елена Викторовна говорит, что её супруг знает мужа этой самой Татьяны.

— Серьёзно?!

— Ещё как серьёзно!.. — судя по энтузиазму, с которым «русичка» произнесла эти слова, она была готова обрушить имеющуюся у неё информацию и на новую слушательницу. — Коля мой когда-то с этим самым Дзюбой вместе начинали юридическую практику, после университета. Только Коля мой не карьерист, как работал в своём юротделе, так и работает... А вот Дзюба, тот с амбициями, да плюс — связи, у него отец какой-то милицейской шишкой был, почву сынку подготовил... Он сразу вверх и пошёл, сейчас — очень крутой адвокат, работает только с vip-клиентурой, у простых обывателей на него денег не хватит.

— А... как зовут этого самого Дзюбу?.. — в ожидании ответа Анюта невольно замерла.

— Кажется... — «русичка» на несколько секунд подняла глаза к небу. — Кажется, Олег... Да, точно! Олег. Коля его всё по фамилии называет, но я теперь вспомнила... Олег. А вы что, его тоже знаете?

— Да так... — Анна неопределённо пожала плечиком. — Слышала просто... Ну, так что с этой Татьяной? Что-то уже известно?..

— Не знаю! — Елена энергично покачала головой. — Знаю только, что, как ни странно, розыск организовал сам Дзюба. Коля говорит, всех на ноги поднял, и милицию, и прессу, и телевидение...

— А почему — как ни странно? — Анюта положила косметичку в сумочку и повернулась к собеседницам. — Он же — муж...

— Бывший!.. бывший муж! — зачем-то перейдя на громкий шёпот, «русичка» машинально оглянулась по сторонам. — Они развелись! Она же сбежала к любовнику, ещё прошлой зимой!.. А любовник-то — лучший друг этого самого адвоката!.. Тоже крутой, гендиректор нашего местного ликёро-водочного завода! Представляете, Анна Сергеевна, что творится в тех... — указательный палец женщины многозначительно устремился вверх. — В тех кругах!.. Сплошной разврат и моральное разложение! С жиру бесятся, от роскошной жизни!

— Так это же — классический вариант, девочки! — завуч поправила на переносице очки в позолоченной оправе. — Богатый муж надоел, захотелось богатого любовника... Потом и сама любовнику надоела, а муж уже назад не принимает... Может, руки на себя наложила... а, может, и любовник избавился... В жизни ведь всё бывает!

— А-а-а... кто у нас директор ликёро-водочного завода?.. — спрятав за искусственной иронией неподдельный интерес, Анюта сделала вид, что хочет пошутить.

— Я фамилии не знаю... — Елена Викторовна легкомысленно махнула ладошкой. — может, Коля и говорил, да я не запомнила... Да он уже и не директор, вроде ещё куда-то выше пошёл. Но они какие-то родственники с самим Дзюбой, а тут ещё и жену делить надумали... Вот и получилось... Ой, да ну их, и правда... — взглянув на часы, женщина вдруг торопливо начала собирать разложенные на столе тетради. — Пусть сами разбираются со своими любовниками, правда, девочки?.. Нам в их шкуру не влезть... тут за своим бы мужем уследить, не то, что...

...Анюта уже давно перестала вздрагивать при слове «любовник». Удивительное дело, но с тех пор, как между ней и Леонидом возникла любовная связь, она как будто окрепла характером. Это было странно, но недолгие нравственные метания ей очень скоро удалось трансформировать в чувство уверенности. Было ли оно напускным — она и сама не могла понять, да и не хотела. С ним ей было и легче, и комфортнее. Имя же Олега Дзюбы и вовсе не вызвало никаких эмоций... Уже давно не было той перепуганной насмерть девушки, готовой бросить учёбу и бежать из города, спасаясь от наглых притязаний вип-сынка, ставшего теперь известным адвокатом... История с разыскиваемой женщиной вообще прошла бы мимо её внимания...

«А кто у нас директор ликёро-водочного завода?..»

Новый учебный год Анна Сергеевна начала в новом костюме, с новой причёской, новым макияжем и твёрдым намерением противостоять всем трудностям — как своей профессии, так и общения с коллегами. Видимо, заметив произошедшую с ней перемену, сами коллеги восприняли её новый имидж по-разному: кто с удивлением, кто с одобрением, а кто и с откровенной иронией. Однако, несмотря ни на что, её позиции в коллективе заметно

укрепились, и даже строгая Ираида Генриховна больше не «доставала» преподавательницу английского языка по различным поводам, а, наоборот, порекомендовала её «избранным» родителям как грамотного репетитора, ведь она занималась с «самим Казаковым»...

Анюта не знала, что на самом деле произошло в семье Казаковых, когда она согласилась заниматься с Максимом, и почему ей так неожиданно отказали «от дома», но, к её удивлению, сам Максим после тех нескольких персональных занятий вдруг изменил своё поведение, и на уроках английского вёл себя довольно сносно, а на выпускном балу даже пригласил на танец.

Сейчас, спустя год, Анна вспоминала начало того противостояния, и не могла понять, как могла она, преподаватель с довольно серьёзным стажем, позволить дерзкому парню одерживать над ней победу за победой... Она была уверена — случись такое сегодня, она выбрала бы совершенно другую тактику, вполне естественную для педагога такого уровня, как она.

«Неужели всему виной — состояние вынужденной лжи, при котором приходится делать над собой определённые усилия... ровно до тех пор, пока это состояние не становится чертой характера?..»

Смешно... но эти перемены произошли с ней именно после того, как...

Прошло совсем немного времени, и она уже не теряется в присутствии Милы... спокойно общается с Лапиным при посторонних, в том числе и при собственном муже, вполне искренне выполняет обязанности заботливой жены и матери...

...И не краснеет при случайно оброненном кем-то словом «любовница»...

Всё в её жизни происходит совершенно естественно... даже любовная связь с посторонним мужчиной — тоже естественная часть её жизни. Во всяком случае, ей удаётся себя в этом убедить.

...С тех пор, как Игорь Фишер вернулся со своим сыном из Англии, прошло около двух месяцев, занятий с мальчиком больше не было, но Леонид сумел устроить так, что теперь Анна приезжала раз в неделю в городскую квартиру Игоря — якобы давать новые уроки Артёму. Естественно, никакого Артёма в квартире не было, он так и продолжал жить с отцом в загородном доме, но легенда сохранялась. Несмотря ни на что, это была совершенно лишняя предосторожность. Александр был слишком занят по работе, к тому же у него не могло даже возникнуть мысли о том, что ему изменяет его любимая, верная Анюта... Она абсолютно свободно покидала свой дом, тем более, что свидания с Лапиным проходили в дневные часы — Анна приезжала к любовнику после занятий в лицее, в определённый день, а своё позднее возвращение домой оправдывала увеличившейся нагрузкой. Впрочем, нагрузка была, действительно, огромной, но Ане казалось, что после этих страстных свиданий она получает заряд бодрости и новых сил... Единственное, чего опасалась она в это время — принимая душ, случайно намочить причёску...

...Сегодняшняя встреча с Леонидом показалась Анюте скомканной — мужчина был явно чем-то озабочен. Расслабившись после любовных утех, Анюта решила осторожно поинтересоваться, в чём причина его плохого настроения. Она ожидала услышать что-то из ряда вон выходящее, но ответ Лапина прозвучал более чем банально...

— Представляешь, Кристинка двойку принесла по литературе...

— Двойку?.. — Анна искренне удивилась — девочка была способной, училась хорошо. — За что?..

— Говорит, дура эта, которая у них по литературе, задала одно, а спросила другое. Да

дело не в двойке... — Лапин зло поджал губы. — Я же им и ремонт класса организовал, и покупку пособий спонсировал... А они теперь моего ребёнка щемить вздумали?!

— Ну, может, надо было поговорить с преподавательницей?.. Может, Кристина, действительно, что-то не выполнила? — помня о собственных неприятностях, Аня решила занять пока нейтральную позицию.

— Может, и не выполнила... так не в этом дело, Аня... Знаешь, что самое плохое в людях?.. — Лапин смотрел на неё своим пронзительным взглядом, как будто хотел внушить собственные мысли. — Это, когда эти самые люди не помнят добра...

— Мне кажется, что ты просто слишком близко к сердцу принял эту ситуацию...

— Аня... это касается моей дочери. Тут по-другому и быть не может. Я сделал добро, я рассчитываю на «ответку»... В жизни ничего не даётся просто так, согласишься?..

— А... разве ты не получаешь добра?.. — чувствуя, что Леонид буквально переполнен собственной обидой, Анна заговорила осторожно, — Любой преподаватель делает добро — он даёт знания твоему ребёнку. К тому же, учебный год только начался, успеет она исправить эту двойку... У нас Димка тоже недавно отмочил, принёс кол по физике...

— Да не в оценках дело, Аня!.. Тут дело принципа... Сладкую жизнь я им, конечно, устрою... есть у меня такие рычажки, не зря водку с нужными людьми пьём... Меня возмущает само отношение этой дуры... Она, что, не понимает, что она — дура?! Ей в ноги надо кидаться, а она мне рассказывает, что я неправильно дочь воспитываю...

— Совсем, как я год назад... — опустив глаза, Аня невесело усмехнулась. — Тоже была — дура... Да, Лёнь?..

— Ну, вот... — догадавшись, наконец, что своей гневной речью задел за больное Анну, Лапин тут же обнял её и, притянув к себе, поцеловал в висок. — Ты всё поняла по-своему... Только, Аня, к тебе мои слова не имеют никакого отношения. Ты — умница. Ты тогда всё верно сделала... А я... я ведь тебе уже говорил... каждый человек выбирает для себя свою, собственную, тактику. Не можешь поворачивать ситуацию в свою сторону — значит, подстраивайся... иди на чужие условия... У каждого — свой потолок. У меня он — довольно высокий, и я могу диктовать условия... Понимаешь?.. Мне этот потолок даётся нелегко, поэтому я буду землю грызть, но то, что мне по статусу положено, получу.

— Например?..

— Например, особого отношения к моей дочери в её школе, взамен на мою собственную помощь этой самой школе.

— А я... — не выдержав, Аня подняла на него глаза — непрошенная слезинка скатилась по щеке, оставляя за собой влажную дорожку. — Я тебе тоже — по статусу положена?.. Ты ведь столько помогал Саше...

— Ты о чём?.. — он, кажется, совершенно не ожидал этого вопроса. — Анька... Что за глупости ты говоришь?!

— Ладно, забудь... — смутившись, Аня постаралась высвободиться из его рук. — Считай, что я этого не спрашивала...

— Ну, хорошо... — улыбнувшись, он неожиданно быстро согласился. — Буду считать, что ты этого не спрашивала.

— Лучше скажи мне... — она нарочно отвернулась к окну, чтобы он не увидел ещё одной слезинки, готовой вот-вот выкатиться из уголка века. — Ты, случайно, не знаешь, кто эта женщина, которую разыскивают?.. Ну, та, что показывают по телевизору?..

— А почему она тебя интересуется?.. — мужская ладонь легла на женское плечо, мягко,

лаская, скользнула по руке, задержалась на запястье, потом опять скользнула — вверх. — Ты её где-то видела?

— Нет. Мне фамилия знакома. Девчонки в лицее сказали, что она — жена какого-то крутого адвоката...

— А как ты говоришь фамилия?..

— Дзюба...

Единственной целью этого разговора для Анны было желание узнать что-нибудь о судьбе Виталия Мясникова... Ведь, судя по словам коллег, Татьяна Дзюба бросила своего мужа именно ради него... У Анюты не было определённого интереса... но всплывшие имена напомнили события пятнадцатилетней давности...

— Дзюба... Дзюба... — Лапин как будто вспоминал фамилию. — Да, есть такой адвокат... Я сам когда-то хотел к нему обратиться, была нужда... Но у него такие цены на собственные услуги, что мне было не потянуть... Он ещё со своим родственником наш ЛВЗ в своё время прихватизировал...

— Говорят, что эта самая Татьяна ушла к этому самому родственнику... — Аня произнесла эти слова многозначительно, сделав заметное ударение на слове «ушла». — В смысле, от мужа ушла...

— Я понял. Про это, если честно, ничего не скажу... не знаю.

— Это девчонки сказали... Ушла, а потом — пропала... Как ты думаешь... — слёзы высохли, и Аня снова повернулась к Лапину. — Мог её этот... новый муж... ну, например, убить?..

— А кто его знает... — Леонид пожал плечами. — В жизни чего только не бывает... Подожди!.. — как будто что-то вспомнив, он чуть нахмурился и слегка подался вперёд. — Подожди... Если это — Мясников... ну, да, Мясников... Он уже давно не на ликёроводочном... он сейчас покруче... и, что самое интересное, на следующей неделе мы с ним, возможно, встретимся в одной совершенно неофициальной обстановке.

— Ты?! С ним?!

— Ну, не только с ним... будет элитная тусовка, для мальчиков... — догадавшись, что Анна не совсем понимает, о чём идёт речь, Лапин снова чуть прижал её за плечи и рассмеялся. — Да баня, Аня... Банька!.. Я ж тебе говорил, где все важные дела решаются!.. Кстати, есть возможность и Сашку туда пригласить. Это я запросто устрою, а ему будет полезно «высокие» знакомства завести, по-моему, уже пора...

Услышав о такой «перспективе» знакомства своего супруга с важными персонами, среди которых будет и Виталий Мясников, Аня моментально изменилась в лице — увидев её испуганные глаза, Лапин и сам в первый момент испугался не на шутку...

— Нет!.. — она энергично потрясла головой. — Нет-нет... не надо туда Сашу... Даже не смей!

— Это — почему?.. — Леонид рассмеялся её неожиданной реакции. — Ты что, за его целомудрие боишься?.. Так я буду на страже... Не допущу нравственного разложения.

— Не надо ему на такие тусовки ходить... Тем более... — Аня отчаянно кусала губы, стараясь придумать правдоподобную причину, по которой Саше нельзя будет пойти на такое мероприятие. — Тем более, что вряд ли теперь этот Мясников туда заявится. Всё же его жена пропала, пусть и не законная...

— Аня... — теперь Лапин смотрел на неё снисходительно. — В этом мире нет и не может быть причин, по которым бы отменилась деловая встреча, а уж в бане — тем более...

Это — святое. Здесь даже на поминках вспоминают не о покойнике, а о делах... Придёт, как миленький... Хотя... — он чуть прищурился, — А при чём здесь Мясников?.. Там ведь и другие полезные люди будут...

— Ну, да... — понимая, что почти выдала себя, Анюта смутилась. — Слушай... а ты можешь узнать потом, что случилось с этой... Татьяной?.. Всё равно ведь всплывёт...

— Ну, конечно, Анечка... — наклонившись к женщине, Лапин зарылся в её волосы, — Если что-то узнаю... расскажу...

...Вечером, дома, накормив своих мужчин, Аня исподтишка наблюдала за Александром. Чувство вины перед мужем, которое она так успешно заглушала всё это время, вдруг вздумало вновь заявить о себе противной ноющей болью...

Уставший супруг после ужина быстро уснул, и, глядя на него, спящего, Анюта нехотя вспоминала сегодняшнее свидание с Лапиным... Она как будто впервые за эти месяцы осознала, что вовсе не является для своего любовника смыслом жизни — оказывается, его больше занимала двойка Кристины, чем встреча с ней, с Анной. Он часто говорил ей, какая она красивая, восхищался её лицом, фигурой, королевской осанкой и незаурядным умом... Но она ни разу не услышала от него слов любви... Он не сделал ей ни одного признания, ни одного намёка на то, что готов бросить к её ногам свою прежнюю жизнь. Он наслаждался её телом, но в это самое время, возможно, думал о проблемах своей собственной семьи — например, о новой шубке для Милы...

...Да, она и сама получала физическое удовольствие от этих встреч... Она тоже не собиралась соединять свою судьбу с судьбой Леонида... Но сегодня Анюта как будто впервые увидела себя со стороны — вот она, окончив уроки, вместо того, чтобы поспешить домой, к искренне любящему её супругу и сыну, едет на другой конец города, чтобы украдкой проникнуть в чужую квартиру, где её уже ждёт другой мужчина... чужой мужчина...

Мужчина, для которого она всего лишь трофей... красивая чужая вещица, которой хочется пользоваться лишь из чувства соперничества. А как иначе можно расценить его отношение — к ней?! Замуж не зовёт, планы на будущее не строит, в любви не клянётся. Он даже не дарит ей подарков — не потому, что жаль денег, а просто потому, что подарок — лишняя улика в их отношениях.

...Они оба всего лишь пользуются телами друг друга...

...А больше их ничего не связывает...

...Рано или поздно этой связи будет суждено прекратиться. Как это произойдёт у них... по обоюдному согласию?.. В результате грязной ссоры?.. Или — ужасного разоблачения, о котором даже страшно подумать...

А ведь приходят эти мысли в последнее время... И приходят не зря. Парень, которого она случайно увидела в ресторане на дне рождения Александра, вновь встретился на её пути... Она заметила его некоторое время спустя — неподалёку от дома, где проходили их свидания с Лапиным. Парень случайно встретился ей по пути к подъезду — увидев его, Аня сразу вспомнила э т о лицо... Незнакомец как будто не узнал её, но Анна до сих пор не была уверена, что так оно и было...

...Тогда ей пришла в голову мысль, что парень нарочно следит за ней. Она не стала делиться своими подозрениями с Леонидом... Но с тех самых пор стала оглядываться всё чаще.

...Её всегда считали счастливой женщиной — со стороны так и выглядело. Но только

сегодня, вернувшись домой, Аня впервые осознала, что это, действительно, так... Судьба уберегла её в своё время, и подарила такого замечательного человека, как Саша... Ни одного грубого слова, ни одного упрёка не услышала Аня за все годы их жизни...

А ведь заслужила... Ох, как заслужила!..

...Глядя на спящего Александра, Аня мучительно думала, стоит ли её тихое семейное счастье того, чтобы однажды потерять его так глупо... поддаваясь даже не чувству любви, а всего лишь плотским соблазнам...

А Дима?! Он уже достаточно взрослый, чтобы всё понимать... Как она посмотрит в глаза сыну, если их связь с Леонидом вдруг каким-то образом откроется?..

...Память об измене Саше с Виталием до сих пор лежит тяжким грузом на самом дне её души... Сомнения в Сашинем отцовстве нет-нет да напомнят о себе, царапнув по сердцу острым кошачьим когтем... А теперь ко всем этим тайным терзаниям неумолимо прибавилось ещё одно — любовная связь с лучшим Сашиним другом... И ведь никуда от этого уже не деться... Каждый сладостный миг с Леонидом тяжёлой гирей виснет на её совести... Сколько их уже, этих самых гирь?.. И они всё добавляются и добавляются... Никогда их не сбросить, не облегчить душу... Можно только остановиться «на достигнутом»...

...От очередного субботнего свидания с Леонидом Аня решительно отказалась. Он несколько раз звонил ей на мобильный телефон, но, окружённая коллегами, она отделялась коротким «не могу». Наконец, уловив момент, когда рядом никого не было, она сообщила Лапину, что решила прекратить их отношения.

— Ты на меня обиделась?.. — в голосе Лапина ей послышалось неподдельное недоумение. — Аня... Серьёзно обиделась?!

— Я не обиделась... — чувствуя, что с каждой секундой говорить становится всё труднее, Аня боролась с желанием отключиться от разговора. — Просто... мне кажется, наше время истекло...

— Подожди... Аня... — он чуть приглушил голос. — Ты обиделась... Нужно встретиться.

— Не нужно.

— Я заеду за тобой...

— Я уже дома.

— Неправда...

— Правда. Лёня... рано или поздно это должно было случиться. Пусть это случится сейчас...

— Но почему — именно сейчас?!

— Ты только что ответил на все свои вопросы...

Отключившись, Аня долго смотрела на падающий за окном снег. Он был белым, чистым...

...Если бы он сказал, что они не должны расставаться никогда... Но он просто спросил — «почему — сейчас»...

Он тоже не видит их будущего. Просто хочет продлить удовольствие как можно дольше... А, значит, она всё делает правильно.

В тот же вечер, прихватив с собой Милу и Кристину, Лапин появился в квартире Морозовых, деланно весёлый, шумный, с двумя коробками торта и двумя бутылками

коньяка.

Торопливо накрыв на стол, Анята как бы ненароком придвинула свой стул к стулу Саши — усевшись напротив, Леонид бросал на неё привычные, только ей одной заметные мимолётные взгляды.

— Кстати... — после обычного в таких случаях короткого обмена новостями Лапин решил переменить тему разговора. — Помните, неделю назад показывали розыск... Ну, женщину... Татьяну Дзюба...

— Я помню... — Мила кивнула мужу. — А что? Что-то уже известно?

— Ну... — тот слегка замялся. — Есть такая информация, из непроверенных источников... Говорят, нашлась, в каком-то монастыре.

— В монастыре?.. — Анята удивлённо подняла глаза. — Она ушла в монастырь?!

— Подробности не знаю, но — нашлась в одном из женских монастырей, живая и здоровая.

— Главное, что живая, — Саша с облегчением вздохнул. — Слава Богу... А то у меня на объекте даже искали, все дачные посёлки прочёсывали, все дома, все недострой...

— Конечно, слава Богу, — Мила обвела всех присутствующих взглядом, полным осуждения. — Но я всё-таки не понимаю... Ну, как это — взять, и исчезнуть... Ведь дети есть, наверное, они-то как?!

— Там такая история, — видимо, не успев дома рассказать супруге все подробности, Леонид чуть придвинулся вперёд и положил сложенные локти на столешницу. — Оказывается, эта самая Татьяна — бывшая жена адвоката Дзюбы... ну, ты знаешь... В своё время сбежала от мужа к его лучшему другу и соратнику... А недавно этот самый соратник её сам бросил. Мужа — нет, любовника — нет, детей у неё отобрали... Куда при таком раскладе?.. Правильно, или под поезд, или — в монастырь...

...Слушая Леонида, Анна не могла отделаться от мысли, что он говорит так нарочно, чтобы задеть именно её — ведь он обещал ей узнать подробности?.. Вот и исполнил обещание... Слушайте, Анна Сергеевна, безжалостное мнение мужчины — верногo семьянина — в обществе жены и вашего мужа... А могли бы услышать совершенно другие слова, наедине... на нежное ушко, вперемешку с жаркими поцелуями...

— Нет, Лёнька, я, конечно, всё понимаю... — выпив стопочку коньяка, Александр охотно продолжил начатый разговор. — Но ведь не просто так она от мужа-то ушла. Значит, что-то не устраивало... Ведь человек просто так не решится на измену, а особенно — женщина. Конечно, бывает всякое... но, чтобы — вот так, ни с того, ни с сего... Причина веская нужна, очень веская. А осуждать со стороны легко, особенно нам, мужикам...

— О-о-о!.. Сашка, да ты — дамский защитник!

Перехватив взгляд Лапина, направленный на её мужа, Анята внутренне сжалась... Была в этом взгляде почти неприкрытая насмешка... Или это ей показалось?.. Ей очень хотелось поддержать Сашу, но побоявшись, что эти слова прозвучат в её исполнении неискренне, Анята предпочла промолчать, тем более, что Леонид пьянел на глазах — ей даже подумалось, что приехал он к ним уже довольно подшофе.

— А, вообще, ты, прав, Сашка... — внезапно изменив выражение лица на деланно-серьёзное, Лапин согласно закивал. — Всё правильно... всё от мужика зависит. От настоящего мужика женщина никогда не загуляет... Значит, не мужик у неё был, а импотент! Просто этой бабе не надо было от мужа уходить, ну, погуляла бы на стороне, душу отвела... Ничего бы не случилось. И любовник бы никуда не делся... И дети бы при ней

были... Да чего там... Наливай, Сашка, ещё по одной, давай, за наших девчонок... Они у нас того стоят!..

...Анюта едва сдерживалась, чтобы не обрушить на Лёнькину голову недопитую бутылку. Она догадывалась, что в нём говорит оскорблённое достоинство — видимо, Лапин окончательно понял, что она не шутила, решив поставить в их отношениях точку.

Однако, она совершенно не ожидала, что её решение вызовет в нём такую бурную реакцию — ведь только она понимала истинный смысл его слов...

— Как батя? — после очередной стопки Леонид устался на Морозова нетрезвым, остекленевшим взглядом. — Не собираешься в гости?

— Неважно батя... — Саша грустно качнул головой. — Но пока не собираюсь, заказов слишком много, не вырваться. Надо расширяться... Договорились с матерью, она, если что, сразу позвонит...

— Смотри... вдруг не успеешь?..

— Да сам постоянно об этом думаю...

— Родителей беречь надо! — Лапин пьяно поднял вверх указательный палец. — Потому, что они — родители!

— Всё верно... — Морозов снова кивнул и, неожиданно повернувшись к Анюте, приобнял ту за плечи. — А мы вот, решили Елену Ивановну к себе забрать. Да, Ань?..

— Да... — Анна удивилась его словам, но решила не показывать удивления. Опустив глаза, она согласно кивнула. Ей совсем не хотелось видеть пьяного Лапина... Она каждую минуту ужасно боялась, что он скажет что-то лишнее.

— А куда вы её?.. — широко разведя руки, Лапин оглянулся вокруг, — Как вы тут — вчетвером, в одной-то комнате?..

— А мы квартиру купим... Да, Ань?.. — Саша говорил негромко и уверенно, так, что Анне вдруг захотелось спрятаться за его спину от всех выходов нежеланного сегодня гостя.

— Да... — Анна, наконец, подняла взгляд, но, лишь скользнув по лицу Леонида, перевела его на Милу. — Мы давно уже хотели квартиру поменять.

— И правильно! — Мила одобряюще кивнула. — Давно пора! И Диме комната нужна, да и вы ещё молодые, ну, что это — все в одной комнате?!

— Тогда надо выпить!.. — бутылка в руках Лапина буквально плясала — он едва наполнил рюмки, разливая коньяк, изрядная доля которого янтарными лужицами растеклась по поверхности стола...

— Всё, Лёня, хватит! — Людмила сердито вырвала полную стопку из руки мужа. — Ты и так уже хорош!.. — она посмотрела на Анну, как бы извиняясь. — Ничего не понимаю... Что с ним сегодня?! Никогда так не напивался, а, главное — с чего?!

— Я что, не имею права выпить за новую квартиру друга?! — не желая сдаваться, Леонид упрямо тянул ладонь за стопкой. — За каждую комнату будем пить!.. За каждый квадратный метр!.. Особенно — за супружескую спальню...

...Уезжать Лапиным пришлось на такси. Леонид не взял лыка, и всё приглашал Александра на «элитную тусовку», на которой обещал всякие нужные знакомства. Спорить с пьяным мужчиной Анюта не стала, но в душе очень переживала, что тот повторит своё приглашение в другой раз...

Убирая со стола, она то и дело исподтишка поглядывала на супруга: оседлав стул и положив подбородок на сложенные на спинке локти, тот не сводил с неё искренне счастливых глаз.

— Саш... — Анюта, наконец, решила нарушить молчание. — Ты про маму — серьёзно?..

— Конечно...

— А про квартиру?..

— И про квартиру... Ты же сама подтвердила...

— Я просто решила тебе подыграть... — Анюта улыбнулась. — Лёнька такой пьяный был, не стоило при нём споры разводить...

— Зачем споры? А квартиру я уже присмотрел...

— Присмотрел?! — Анюта удивлённо округлила глаза. — А почему мне не говоришь?!

— Хотел сюрприз сделать... да вот, проговорился...

— Что за квартира?.. Где?.. Сколько стоит?.. — ошеломлённая новостью Анна отставила в сторону тарелки и уселась рядом с супругом. — Саш, ну, рассказывай!..

— Три комнаты, лоджия, четвёртый этаж... Главное — центр города...

— Центр... Нам такую не потянуть... — Анюта разочарованно вздохнула. — В центре — это же бешеные цены... Знали бы, машину бы не покупали...

— Потянем... Я же говорю, Елену Ивановну заберём... Или ты — против?!

— Я?! Да я только об этом и думаю, чтобы маму — к нам, поближе...

— Так в чём проблема?.. — Саша не переставал загадочно улыбаться. — Я, между прочим, уже с Еленой Ивановной договорился... Она уже дала объявление о продаже своей квартиры.

— Когда?!

— Ещё в прошлую субботу... Ты на работе задержалась, а она позвонила... Ну, мы с ней всё обсудили... тебе решили пока не говорить... Только Димке...

— Значит, сговорились против меня?! — Аня шутливо нахмурилась. — Все — в курсе, а я — не в курсе?!

— Тебя же не было... — Саша хитро прищурил весёлый взгляд. — А вот надо вовремя домой приходиться!

— А я теперь всегда буду вовремя приходиться... — внезапно побледнев, Анюта посмотрела прямо перед собой. — Всегда-всегда...

— У тебя же нагрузка...

— А я отказалась...

...Всё произошло так стремительно, что Анюта никак не могла привыкнуть к мысли, что у них теперь новая, трёхкомнатная квартира в центре города. Елена Ивановна, действительно, быстро продала своё жильё и уже через две недели садилась в поезд, чтобы навсегда покинуть родные места. Ей было невыносимо грустно, но впереди её ждала жизнь среди самых любимых и близких людей, разлука с которыми с каждым годом становилась всё тяжелее.

На всё про всё ушло немного времени, и вещи Елены Ивановны, отправленные контейнером, выгружали уже в новую квартиру...

За неожиданно навалившимися хлопотами Анюта почти не думала о Леониде... Она не могла бы похвастаться лёгкостью, с которой рассталась со своим любовником... Сердце при воспоминании о проведённых с ним часах и даже ночах то и дело ёкало и принималось учащённо биться... Но решения своего Анюта поменять уже не могла...

Пьяная выходка Лапина, цену которой знала только сама Анюта, не прошла ему

даром... Аня всё ещё страдала душой... но простить Леонида уже не могла. Напрасно он звонил, просил прощения, пытался оправдать свои слова сердечной раной, которую нанесла ему сама Анна...

Она разговаривала с ним — ровно, как со старым приятелем... как будто между ними никогда не было никаких отношений... Разговаривала, но — и только.

— Наверное, ты права... — ему всё-таки удалось увидеться с ней наедине — приехав к лицу, он долго ждал, пока она выйдет из ворот, и, увидев, уговорил сесть в салон автомобиля. Аня согласилась — нехотя, и сразу предупредила, что ей срочно нужно домой. — Да, ты права... Наверное, так и нужно расставаться, пока свежи самые лучшие воспоминания... — перехватив её руку, Лапин поднёс её к своим губам. — Я только прошу тебя... Аня... прошу... Не отдаляйся!.. Помни, что... что ты для меня — самое светлое, что было в моей жизни...

Несмотря на театральность ситуации, Лапин говорил абсолютно искренне, и Аня стоило больших усилий, чтобы изобразить равнодушие...

— Да, Лёнь... лучше расстанемся друзьями... Я, действительно, не хочу терять тебя, как друга... тем более, что я очень люблю Кристинку...

— Мы всё равно всегда будем рядом... Обещай мне...

— Я не буду ничего обещать... — Аня глубоко вздохнула. — мы ведь взрослые люди... Но... в любом случае, Саша — твой друг... а ещё есть наши дети... так что...

— Вот на детей у меня самые большие надежды... — Лапин усмехнулся. — Если что, я и Димке помогу, можете на меня рассчитывать.

— Спасибо, Лёнь... Мы как-нибудь сами...

...Но, как оказалось, это были ещё не все перемены и не все новости в жизни Ани. Уже в новой квартире, за накрытым по случаю новоселья столом Елена Ивановна торжественно заявила, что у неё есть важное сообщение для дочери и внука.

— Анечка... — стоя с фужером шампанского в руках, женщина едва сдерживала радостную улыбку. — Анечка... И ты, Дима... Я не хотела говорить сразу, хотела сделать вам настоящий подарок... И, вот, время подошло... — Елена Ивановна на секунду замолчала, как бы собираясь с мыслями, но потом, слегка откашлявшись, обвела всех присутствующих многозначительным взглядом. — Ребята... Две недели назад мне пришло официальное письмо... Анечка... нашлись папины корни!

— Ой!.. — прикрыв ладошкой губы, Анна невольно ахнула. — Правда?! Мама?!

— Правда... — кивнув дочери, Елена Ивановна повернулась к Леониду и Людмиле, которые были не в курсе семейных тайн Свиридовых. — Анечкин папа, а мой покойный муж, в войну потерял своих родителей и воспитывался в детдоме. Он был слишком маленьким, и ничего не помнил о своей семье, кроме фамилии и города. Он едва выговаривал слова, но взрослые смогли разобрать, что его зовут Серёжа Свиридов, и живёт он в Ленинграде. Уже потом, когда он вырос, Серёжа посылал различные запросы, он искал всякие зацепки много лет, но... До самой смерти он так и не узнал, кем были его родители. Но вот недавно... — Елена Ивановна неожиданно всхлипнула, но, приложив к глазам носовой платок, тут же постаралась взять себя в руки. — Недавно, благодаря одной общественной организации, удалось, наконец, документально установить его происхождение... Оказалось, что Серёжины родители — коренные ленинградцы... перед самой войной они отправили его к родственникам в деревню, а потом, когда началась война, уже не смогли забрать. Немцы наступали, и родственники решили бежать, но по дороге

погибли, и Серёжа остался один. Его определили в детский дом...

— А его родители?.. — видимо, чувствуя, что главная новость ещё впереди, Анюта даже затаила дыхание.

— А вот тут... Тут — самый главный сюрприз... Хотя и с трагической ноткой. Дело в том, что родители Серёжи — очень известные ленинградские музыканты... — Елена Ивановна ласково посмотрела на внука. — Да, да, Димочка... Твой неожиданный музыкальный талант проявился не на пустом месте... Твой прадедушка был певцом, а ещё очень талантливым композитором. А твоя прабабушка была у него концертмейстером, он пел, а она ему аккомпанировала, и они часто уезжали на гастроли вместе с другими артистами...

— А что с ними стало?.. — Дима тоже слушал историю своей семьи, открыв рот.

— Они погибли во время блокады, при бомбёжке... Серёжа не мог найти о них никаких сведений потому, что он называл фамилию «Свиридовы»... А они — не Свиридовы! Они были — Назаровы...

— Как это?.. — вопрос прозвучал почти хором, с разных концов праздничного стола.

— Эти ребята... они раскопали все документы, все сведения, сопоставили сотни фактов... Нашли людей, которые ещё помнили Ваню и Лиду Назаровых... И установили, что Свиридов — это студенческое прозвище твоего дедушки, Аня! Он с детства сочинял музыку, и его так прозвали — сначала в школе, потом — в консерватории... И друзья его так звали, и даже Лида, жена! И маленького Серёжу в шутку дома называли Свиридовым, поэтому он и запомнил эту фамилию! Представляете?! — Елена Ивановна обвела всех счастливым взглядом, потом остановилась на внуке. — Димочка... Я всё привезла, все документы, все подтверждения, у меня есть письма твоего прадедушки его товарищу... Я всё потом тебе отдам, чтобы ты хранил и помнил, кому ты обязан своим талантом...

— Господи... — чувствуя вместе с гордостью за своих предков невероятное облегчение, Анюта не сдержалась — слёзы катились и катились из глаз... Она плакала, обнимая сына, и никто из присутствующих даже не догадывался, какая гора свалилась сейчас с её хрупких плеч. — Господи... Дима... Так вот — в кого...

— Теперь понятно, в кого он у вас такой аристократ! — Людмила под общий шум и поздравления подняла свой бокал. — Вот это подарок так подарок вам, Анюта!

— А аристократ он у нас по другой линии! — бабушка с гордостью посмотрела на внука, потом на дочь. — Да, Анечка!.. Пришло время и в этом признаться... Раньше я боялась... А теперь — можно...

— Интересно, интересно... — Александр удивлённо переводил взгляд с тёщи на жену и обратно. — Это какого моя Анютка роду-племени?!

— Княжеского, Саша... Самого что ни на есть — княжеского...

Глава 30.

Александра приехала к матери, не скрывая ужасного настроения. Причина тому была очень веская: Рома, её последняя и, как оказалось, очень большая любовь, не появлялся у неё уже целую неделю. Вначале Аля переживала, и даже обзвонила все больницы, предполагая, что с парнем могло что-то случиться. Поехать в институт, где он учился, она постеснялась, и решила сначала исключить все трагические варианты. Не найдя его даже в городском морге, она, наконец, догадалась позвонить в общежитие, где он проживал раньше, и спросить у вахтёра, не видел ли он Романа Павленко — вдруг, молодой человек приходил навестить кого-то из старых друзей. На что вахтёр откровенно поведал, что Ромка Павленко сейчас,

именно в эту самую минуту, находится в своей комнате, в компании своих друзей и подруг. На просьбу позвать к телефону «пропажу» вахтёр ответил отказом, что навело Александру на определённые подозрения. Одевшись, она уже через пятнадцать минут выходила из такси у центрального входа в институтскую общагу, а ещё через пять минут стучалась в знакомую дверь.

...Визит уже совсем не молоденькой, полноватой дамочки, в дорогой норковой шубе, с бриллиантами в ушах и на пальцах надолго остался в памяти весёлой студенческой компании, а заодно и на Ромкином лице — в виде следа от Алиных наманикюренных ноготков... Не поздоровилось и девице, наглым образом рассевшейся на коленях коварного возлюбленного и целующейся с ним врас — клок её обесцвеченных волос так и остался в руке Александры...

Но самое ужасное было уже потом, после того, как, перевернув накрытый по случаю неизвестного ей праздника стол, полная справедливого гнева Аля вlepила Роману очередную звонкую пощёчину...

«Пошла отсюда!.. — тот неожиданно перехватил её руку и изо всех сил оттолкнул от себя. — Чего тебе надо?!»

«Ах, ты, тварь! — Александра возмущённо округлила глаза. — Я же тебя столько времени кормила!.. Ты же у меня жил на всём готовом!..»

«Я тебе всё отработал!.. — вырвавшись «на волю», Рома изрядно напился, и теперь, перед лицом товарищей, пытался качать свои права. — Или — нет?.. Так давай, раздевайся... Пацаны за меня долг отдадут... — он обвёл недвусмысленным взглядом всю шумную компанию. — Чё, пацаны... отдадите за меня долг изголодавшейся тётеньке?..»

...Аля плакала всю обратную дорогу. Было больно и обидно... обиднее и больнее, чем тогда, много лет назад, когда её предал Виталий...

Вещей Романа в её квартире почти не было — он жил у неё несколько месяцев, но окончательно почему-то не переезжал, хотя она и настаивала. Он обходился минимумом гардероба, время от времени возвращаясь в свою комнату в общаге, которую так и не сдал, для того, чтобы взять что-то из одежды или учебников. От её подарков он не отказывался, но с собой их не забрал — теперь они казались Але бельмом на глазу... Роман как будто нарочно не желал прочно обосновываться у неё, каждый раз ссылаясь то на Мишу, которого он «стесняется», то на нежелание «быть зависимым» от женщины...

Ей нужно было догадаться уже давно, что Рома вовсе не собирается связывать с ней свою судьбу... Но любовь к молодому смазливому пареньку так одурманила голову, что Аля напрочь забыла все предрассудки и предосторожности...

Как оказалось — зря... Ромка больше не приезжал, и, если в первые дни Александра пылала гневом и была готова отомстить неверному, то уже к концу недели изрядно поостыла... Она ловила себя на мысли, что, если бы этот гадкий мальчишка пришёл и попросил у неё прощения, то она бы его простила... Помучила бы немного, но... простила...

Но гадкий мальчишка так и не пришёл.

Отчаявшись, она позвонила брату и попросила организовать слежку — ей так и чудилось, как та самая обесцвеченная девица охмуряет Ромку то в ночном клубе, то на общаговской скрипучей кровати... Но на все её просьбы Олег ответил отказом.

Обида кипела, но уже не на изменника... В один из вечеров, вконец измучившись ревностью, Александра не выдержала и, купив в магазине бутылку лёгкого сухого вина, устроила себе «праздничный» ужин на одну персону... В этот день обошлось двумя

бокалами, но уже на следующий вечер картина повторилась — допив вчерашнее вино, Аля взялась за более крепкий напиток... Долгое воздержание вылилось в бутылку водки и горькие «девичьи» слёзы...

...Обида была на всех — на брата, на мать, на Мясникова, на Рому... но больше всех — на эту стерву, Аньку Свиридову, которой совершенно непонятным образом удалось прибрать к рукам не только Виталия... но и этого самого Сашу Морозова — случайно подвернувшегося курсантика, благодаря которому на свет появился Мишка...

Такое могло быть только в индийском кино, а вот — надо же... произошло в реальной жизни, да не с кем-то посторонним, а именно с ней — с Александрой! Как так получилось, что она — генеральская дочь, у которой впереди могло быть только светлое и счастливое будущее, всю жизнь только и делала, что маялась — без любви, без маленьких женских радостей, без серьёзных признаний... ведь ни меха, ни бриллианты так и не смогли заменить одного единственного слова «люблю»... Разве ей говорил кто-нибудь — «люблю»?..

...Аля перебирала всю свою жизнь, но так и не вспомнила ни одного искреннего признания в свой адрес. Случайные романы — не в счёт...

...А Аньке, наверное, говорили... И Виталий говорил, и Саша говорил — иначе и быть не могло... Да и любовник, скорее всего, не остался в стороне...

В результате — Аля теперь одна... ни мужа, ни любовника... А вот у Аньки — и тот, и другой есть, Олег проговорился... У него и фотографии были, да он отдал их Мясникову, хотя — зачем сейчас Виталику Анькины фотографии с любовником?.. Олег просто распахнулся... Лучше бы он отдал их ей, Александре...

...Сейчас бы у неё был такой классный козырь... Она бы устроила сладкую жизнь бывшей сопернице! Ведь из-за неё всё так вышло — нелепо, глупо, бессмысленно. Не уведи она тогда Виталика, не наделала бы Алька ошибок... Не было бы того вечера в ресторане, а их с Виталиком брак совершился бы при совсем других обстоятельствах... Вон какая цепочка выстроилась, а всему виной — она, Анька Свиридова...

Но ничего, пусть не радуется... Она, Александра, откроет глаза её мужу... заодно и посмотрит в них — спустя столько лет... Нет, она ничего ему не скажет про Мишку... во всяком случае — пока не скажет... но вот эта гадина получит сполна...

...Одевалась Аля с нетрезвым энтузиазмом. Её состояние сейчас можно было бы охарактеризовать тремя словами: море по колено. Адрес Морозовых она запомнила ещё тогда, когда Олег в присутствии Виталия объявил Мишке о его родном отце, отдал фотографию и дважды повторил улицу, дом и номер квартиры.

Выйдя из такси возле указанного дома в одном из старых микрорайонов, она решительно двинулась к двери нужного подъезда. Острые каблочки модных сапог увязали в свежем рыхлом снегу, и Аля дважды едва не упала, но кое-как сумела удержать равновесие. В распахнутой шубке, с распущенными по плечам волнистыми волосами, со стильным, сделанным ещё с утра макияжем, она выглядела довольно воинственно...

...Она долго жала на кнопку звонка, но ей никто не открыл. Со злости она несколько раз пнула ногой обитую чёрным, в заклёпках, дерматином дверь, и уже собралась уходить, как из остановившегося лифта вышла пожилая женщина и направилась к соседней квартире.

— А вы к кому? — женщина не выглядела любопытной, судя по всему, за её вопросом крылся не праздный интерес.

— К М-розовым... — резко обернувшись к соседке, Аля попыталась сфокусировать на ней рассеянное алкоголем зрение. — М-розовы же тут живут?

— Уже не живут, — женщина покачала головой. — Они переехали.

— Куда?..

— Я не знаю, адреса не оставили. Они по обмену переехали.

— А кто тут сейчас живёт?.. — Александра из последних сил старалась придать голосу и лицу максимальную серьёзность.

— Тут мужчина живёт, но мы его почти не видим. Он наездами появляется... очень редко.

— А вы точно не знаете, куда М-розовы переехали?! — Аля окончательно перешла на тон следователя и для пущей важности свела брови и поджала губы.

— Точно — не знаю...

...Самочувствие с утра было неважным, и, приняв ванну, Аля в плохом настроении к обеду оказалась у Вероники Григорьевны. Едва переступив порог квартиры, тут же взяла быка за рога.

— Мама, ты знаешь, где работает Морозов? — не раздеваясь, она плюхнулась в глубокое, мягкое кресло. — Только не говори, что не знаешь.

— Не знаю, Алечка... — мать невольно отвела глаза. — Откуда же мне знать?

— Да ладно... Олег же не зря фотки привозил, значит, нанимал сыщика зачем-то. Зачем?.. Почему вы мне ничего не сказали?..

— Так у него и спрашивай... — после выходки Олега Вероника ужасно жалела, что затеяла все эти поиски Мишиного отца, и теперь, глядя на то, в каком состоянии находится её дочь, очень боялась, что та что-нибудь натворит. — Адрес он говорил, а где работает — я не знаю...

— Они уже не живут по тому адресу.

— Аля... — мать присела рядом, положила руку на плечо дочери. — Знаешь... я подумала... Не нужно сейчас никого тревожить... Пусть Миша сам решает, когда будет взрослым... А пока — не надо...

Ничего не добившись от матери, Александра попыталась узнать все подробности у сына — она подумала, что Олег мог рассказать Мише всё об его отце — и где живёт, и где работает. Но Миша и действительно не знал, чем занимается Александр Морозов... Он вообще не проявлял интереса к своему настоящему отцу, решив, что тот когда-то бросил беременную мать, а, значит, сделал свой выбор — они с Мишей чужие.

...Оставалось одно: расспросить Олега. Позвонив брату в тот же день, Александра попыталась вызвать его на откровенный разговор, но Олег решительно ничего не собирался ей сообщать. Это было странно, ведь он сам не так давно тряс фотографиями и Александра, и Анны, выкрикивал во всеуслышание их домашний адрес, а теперь... Теперь он почему-то хранил непонятное молчание.

— Скажи мне просто, где работает Морозов... — Аля нервничала и поэтому говорила на повышенных тонах. — Мне срочно нужно его найти!

— Ищи его дома... Адрес ты знаешь.

— Они переехали! Нового адреса соседи не знают...

— Ты что, уже к нему ездила?..

— Да, вчера...

— Ты уверена, что он тебе, действительно, нужен? — усмехнулся Олег.

— Нужен. А ещё мне нужны фотки его жены, те, что с любовником. У тебя остались?

— Ах, вот, зачем... — голос Дзюбы вдруг стал усталым. — Понятно... Ты что, решила

её шантажировать?

— Нет... Просто мне нужны эти фото... Ты мне дашь?

— Это — без меня.

— Почему?!

— Хотя бы потому, что я отдал их Мясникову. Если хочешь — спрашивай у него... А я больше в эти игры не играю...

Фотографии Анны с незнакомым мужчиной, которые Олег буквально всунул ему в руку, Виталий спрятал в кейс, который возил в машине — он почему-то боялся нести их домой. Можно было, конечно, увезти их в свою квартиру, но там он теперь почти не появлялся, и ехать специально из-за фоток не хотелось.

Он долго рассматривал их, уже сидя в автомобиле. Изабелла звонила несколько раз, он говорил, что уже в пути, но всё никак не мог тронуться с места.

Аня... Она почти не изменилась... Вернее, изменилась, но стала ещё красивее... Она приобрела ту, настоящую женскую красоту, которая наступает в определённом возрасте и держится на протяжении многих лет... Если, конечно, сама женщина заботится об этом...

Фото были не идеального качества, сделанные, что называется, на ходу... Но даже по ним можно было угадать очарование, которым обладала Анечка... Виталий смотрел и натурально любовался этой женщиной...

...А ведь она могла принадлежать и ему... И, возможно, у неё — его ребёнок...

Мысль о ребёнке уже в который раз обожгла сознание... Ведь сейчас ему или ей уже четырнадцать лет!.. Интересно было бы узнать — сын это или дочь... А ещё лучше — посмотреть... Если бы он увидел ребёнка, он сразу бы понял — его это ребёнок или нет...

...А у Анечки, оказывается, есть любовник... Ну, что ж, это только добавляет ей шарма... Прошло столько лет, и нет прежних чувств, но, несмотря на это, ему, Виталию, всё же приятно узнать, что этот курсантик носит ветвистые оленьи рога... Жаль, что Олег не сказал, где работает Анюта, а ведь должен знать... Его «следопыты» обычно выясняют все подробности...

Впрочем, при желании это будет нетрудно установить, зная имя и фамилию...

...С того дня прошло уже довольно много времени, но желания узнать что-то об Анне так и не наступило. И этому были очень веские причины — новые дела, новые заботы, подготовка к бракосочетанию с Изабеллой... Узнав, что с Таней всё в порядке, Виталий успокоился — наверное, её желание уйти от мирской жизни было вполне оправданным, и, что греха таить, освобождало его от многих неприятных моментов... Например — однажды встретиться с ней лицом к лицу.

Он полностью ушёл в новые бизнес-проекты, в них он чувствовал себя, как рыба в воде... Изабелла только довольно улыбалась, и это было высшей наградой за его праведные труды.

Видимо, желая поощрить своего будущего супруга, незадолго до назначенной для бракосочетания даты она сделала ему неожиданный «подарок».

— Как ты смотришь на то, чтобы я отпустила тебя на небольшой мальчишник?.. — закинув ногу на ногу, она смотрела на него загадочно, чуть исподлобья.

— Мальчишник под присмотром твоей охраны? — Виталий недоверчиво усмехнулся.

— Да ну тебя!.. — Лозинская изобразила искреннюю обиду. — Я ведь совершенно серьёзно... Мальчишкам положено перед свадьбой ходить на мальчишники... Впрочем, если

ты не хочешь...

— Ну, почему... — лихорадочно соображая, что будет лучше — гордо отказаться от предсвадебной оргии, или всё же согласиться — а, вдруг, Изабелла и правда не шутит, Виталий пожал плечами. — Я, в принципе, не против... Просто неожиданно...

— Ну, извини... не знала, что ты такой пугливый, — кажется, ей понравилась его растерянность, и она, пересев к нему на колени, шутливо взлохматила его волосы. — Можешь приглашать мужиков... ладно уж, оторвись напоследок...

...Оторваться он был не против, но чувство дискомфорта не покидало его ни на минуту — ни перед неожиданным застольем, ни во время его. Из старых друзей Мясников предпочёл никого не звать, все приглашённые были новыми партнёрами и коллегами по бизнесу, но среди них были несколько человек, с которыми он был знаком уже довольно давно.

Мясников решил устроить застолье в одном из домиков для отдыха, принадлежащих их холдингу. К услугам «отдыхающих» были и сауна, и бассейн, и банкетный зал с накрытыми столами, так что мальчишник удавался на славу. В самый разгар веселья в помещение заглянул охранник и сделал знак одному из гостей, который вместе с Мясниковым занимался организацией этой «встречи».

— Так, мужики, внимание!.. — уже довольно подвыпивший мужчина поднял вверх обе руки. — А сейчас — сюрприз!..

Вопреки всем неписаным правилам, девочек в этот раз Мясников не заказывал, но догадывался, что этот «десерт» обязательно обеспечит кто-то из коллег, поэтому он вовсе не удивился, когда под дружное «Оп-паньки!» в помещение одна за другой вошли несколько девушек, завёрнутых в тонкие простынки.

Общий гул одобрения заглушил голос «тамады».

— Так, друзья, это подарок всем вам от нашего будущего молодожёна! — размахивая рукой с зажатым в ней стаканом виски, мужчина обвёл девочек похотливым взглядом, затем перевёл его на Виталия. — Но сам молодожён у нас товарищ целомудренный, поэтому я предлагаю ему на время покинуть наше, увы, не целомудренное общество... — он повёл рукой куда-то в сторону входной двери. — Виталий Иванович, вас ждёт отличная, тихая комнатка... Можете пойти и отдохнуть, пока мы тут... гм... будем нравственно разлагаться...

Сделав вид, что заинтригован, Мясников чуть пригубил коньяку и, сказав что-то шутливое, сделал всем прощальный жест и вышел в небольшой коридор. Он чувствовал, что за всем происходящим кроется какой-то подвох, но решил соблюдать все правила игры... Изабелла хочет испытать его на верность?

Если это так, то она — набитая дура. Он не настолько глуп, чтобы воспользоваться одной из шлюх на глазах у такой толпы... Конечно, он был бы совсем не против молодого, девичьего тела... у него уже давно не было молодой любовницы, а силиконовые прелести Изабеллы, увы, слегка поднадоели...

...Пройдя в одну из комнат, на которую указал ему охранник, Виталий с огромным удовольствием упал на широкую, мягкую кровать... Он сегодня почти не пил, а какое веселье на трезвую голову? Одна усталость, и не более того...

Чёрт с ними, со всеми, пусть там развлекаются... И, если уж совсем положить руку на сердце — ещё никогда ему так не хотелось поскорее покинуть подобное мероприятие... Слишком уж оно театрализовано...

— Добрый вечер...

Ну, вот... чего-то подобного он и ожидал. Услышав негромкий девичий голос, Мясников лениво повернул голову в сторону двери... Что-то холодное ударило изнутри... прокатилось по всему организму...

Нет... этого не может быть...

— Юля?! — моментально поднявшись, он пристально смотрел на вошедшую девушку. Она сильно изменилась за то время, пока он её не видел...

...Выкрашенные в чёрный цвет волосы... кажется, раньше они были короче, а теперь... теперь рассыпаны по спине и плечам... изысканный макияж должен подчёркивать красоту... Но Юля никогда красотой не блистала... Тогда что же он подчёркивает — на самом деле?! Холодную каменность её когда-то такого трогательного лица?..

...Глаза... Всё те же — синие, яркие... только раньше в них светилась любовь к нему... А теперь?.. Теперь они смотрят холодно, колюче...

— Здравствуйте, Виталий Иванович.

— Как ты... — он смотрел на неё, как на привидение, — Как ты здесь оказалась?!

— Как и остальные, — она говорила негромко, спокойно, но каждое её слово колоколом отзывалось в его голове. — Меня заказали, я и приехала.

— Кто — заказал? — он понимал, что вопрос звучит глупо, но произнёс его машинально.

— Вам лучше знать, — пройдя в центр комнаты, девушка начала расстёгивать блузку — привычно, буднично, без эмоций. Кивнула на настенный светильник, — вы теперь как предпочитаете — со светом, или без?

— Подожди... — встав с постели, он сделал ей упреждающий жест рукой. — Юля, подожди... Ты же понимаешь, что...

— Что?.. — она продолжала раздеваться, как ни в чём не бывало.

— Что ничего не будет, — он вдруг смутился оттого, что на нём ничего не было, кроме купальных плавок. Захотелось что-нибудь надеть, но в этой комнате его одежды не было.

— Мне положено вас обслужить, — Юля говорила на одном тоне, не выражая ни тени эмоций.

Внезапная мысль пронзила мозг — это могла быть провокация Олега!.. Ну, конечно, как он сразу не подумал... Хотя, откуда Дзюбе знать о мальчишнике?!

«Эта крыса всё знает...»

— Одевайся... — в одну секунду переменившись в лице, Мясников довольно грубо одёрнул девушку. — И можешь уходить.

— Я не могу, я на работе, — она едва заметно усмехнулась. — За нами приедут, но только к утру.

— Как ты могла — вообще?! — его возмущение казалось искренним. — Если были проблемы, ты могла обратиться ко мне!.. Кстати... — он как будто о чём-то вспомнил. — А с кем ребёнок?! Ты же была беременна...

— Ребёнка нет, — она так же равнодушно начала одеваться. — А как я могла... об этом спросите у Олега Семёновича...

— Как — нет?.. А где — он?..

— Она... это была девочка. Она родилась мёртвой...

— Почему?..

— Потому, что на пятом месяце по-другому не бывает.

— Что-то случилось?..

— Об этом вам лучше не знать.

...Домой он ехал в непонятных чувствах... Если появление Юли на мальчишнике было с подачи Олега, то каким боком к нему могла быть Изабелла? Ведь то, что девочек организовала именно она, Мясников не сомневался. Она должна была предполагать, что он откажется от проститутки... Но подсунуть ему Юлю... Это был какой-то пока непонятный ему ход...

Выходит, Лозинская в курсе всех его связей... Или... она — в сговоре с Дзубой?! Ведь он до сих пор владеет половиной акций их завода... Если так, то его «жест» с фотографиями Анны становится понятен — вдруг Мясников захочет вспомнить старую любовь, и тем самым подставиться перед Лозинской?..

— Останови... — буркнув водителю, Виталий дождался, пока тот остановит автомобиль и, достав с заднего сиденья кейс, вышел из салона. Отойдя метров на десять, вытащил из кейса папку с документами, порывлся...

...Фотографии загорелись быстро, огонь от них был синевато-жёлтый, какой-то тусклый... Дождавшись, пока от снимков Анны останется только кучка пепла, Мясников вернулся в машину. Всю оставшуюся дорогу ехал молча, с закрытыми глазами. Ни к чему эти тени прошлого, когда на кону вся дальнейшая жизнь... У него не должно быть ни одной улики... ни одного намёка на параллельную жизнь, даже если этой самой жизни нет и в помине.

...Бывшие любимые женщины и их дети не должны его интересовать... иначе он рискует попасть в зависимость от собственных чувств... вон как сегодня ёкнуло при виде Юльки...

Нет... у него другая жизнь... в которой места прошлому — нет и быть не может.

— Ты?! — увидев его в дверях спальни, Изабелла удивлённо приподнялась на постели. — Почему так рано?! Что-то случилось?..

— Случилось... — Виталий раздевался нервно, зло, расшвыривая по сторонам одежду... Надев, наконец, домашний махровый халат повернулся всем корпусом к изумлённой Изабелле. — Проверку мне решила устроить?.. А чего только там?.. Ты уж присылай мне каждый день проституток, прямо в офис... Пусть народ любит, какой я олух...

Он был совершенно искренне зол — на Изабеллу, на Олега, на себя... Видимо, чувствуя это, женщина наблюдала за ним с неподдельным интересом. Размашисто выйдя из спальни, Виталий спустился вниз, громко хлопнул дверью кухни...

Передвигаясь по квартире, он производил много шума — то ли случайно, то ли нарочно... Так или иначе, остановиться он уже не мог — напряжение последних дней дало о себе знать... Сегодняшняя встреча с бывшей любовницей и вовсе выбила его из колеи.

— Ты рассердился?.. — Лозинская бесшумно появилась в дверях. — Ну, прости... я не думала, что тебе не понравится...

— Мне очень понравилось...

— Ну, подожди... — подойдя сзади, она положила ему руки на плечи. — Подожди... ты же должен понимать, что я... я просто перестраховываюсь... Я слишком много хочу тебе доверить... Ты даже не представляешь, сколько всего я хочу тебе доверить...

— Почему не представляю? — обиженно усмехнувшись, он пожал плечами. — Очень даже представляю...

— Дурачок... — Изабелла повернула его к себе. — Ничего ты не представляешь... Ты

думаешь, я имею в виду корпорацию?! Так вот, чтобы ты знал... Это — всего лишь часть твоих будущих активов...

— Не понял... — он моментально сбавил тон.

— Поймёшь... — она многозначительно улыбнулась. — Но чуть позже... Это будет мой свадебный подарок.

— Ещё один?..

— Нет... — Лозинская рассмеялась и потянула его за руку. — То, что было сегодня, то так... даже не аванс... И ты всё правильно сделал... А, чтобы ты не сильно расстроился... я сама покажу тебе высший класс... Не веришь?!

— Ну, почему же... — её загадочный намёк на будущие перспективы окончательно поднял ему настроение. — Верю...

— Тогда идём...

— Олежек, я позвонила Галине, у неё есть чудесное растирание, это деревенское средство, она сама делала... — Вероника Григорьевна хлопотала на кухне, угощая заехавшего в гости сына оладьями со сметаной. — Ну, что ты головой машешь?! Это очень хорошее средство, папа им всегда растирался, когда у него суставы болели...

— Мама, у меня суставы не болят... — привычно хмурый Олег, держа левой рукой оладий, правой пытался взять маленькую чайную ложечку, но это у него никак не получалось: раз и навсегда одеревеневшие пальцы почти не слушались. Решив оставить это занятие, мужчина просто придвинул поближе небольшую пиалу, наполненную густой аппетитной сметаной и обмакнул в неё оладий. — У меня другое...

— Но ведь с этим надо что-то делать! — мать тревожно наблюдала за манипуляциями сына. — Сколько времени прошло, а воз и ныне там... Ну, как тебя угораздило?! Тебе эта рука как воздух необходима, а она — не работает...

Мрачно усмехнувшись, Дзюба предпочёл не продолжать эту тему. Та ночная истерика, когда он кулаком вдребезги разбил кухонную столешницу, не прошла для него даром: наутро кисть посинела и распухла так, что пришлось обратиться к травматологу.

«Вы что, кулаком сваи забивали?.. — хмыкнул врач, разглядывая рентгеновский снимок. — Да у вас тут трещина на трещине...»

...Он ничего не стал отвечать. А что можно сказать, если и сам не знаешь ответов на свои вопросы. Разве кому-нибудь расскажешь, какой ад творится в душе, если там идёт постоянная, круглосуточная борьба любви с ненавистью, и признаков победы не видать — ни одной из них... Что мог сказать он своей матери, которая испуганно ахнула, увидев руку сына, облачённую в гипсовую броню?.. Что этой самой рукой он пытался убить одну из двух противниц, так нелепо поселившихся бок о бок в его оскорблённом сердце?.. И что он до сих пор он так и не смог понять — какую именно...

Жгучая, всё пожирающая ненависть к предавшей его жене никак не могла справиться с проклятым чувством, презираемым всей глубиной его души... чувством, которого он теперь стыдился и боялся одновременно, и имя которому было одно на все времена: любовь...

Днём он вынашивал и воплощал в жизнь планы мести, а ночью не мог избавиться от тяжёлых сновидений — в них неизменно была Татьяна, единственная женщина в его жизни, которую он любил по-настоящему... Он мстил, но облегчения не приходило, и даже попытки утешиться чужими объятиями не приносили никакого удовольствия.

...Узнав об исчезновении Тани, он не мог понять своего состояния... вот же оно —

возмездие, каким бы не оказалось на самом деле, а ведь — свершилось!.. А эта щемящая, волчья тоска — она лишь отголосок его бессонных, тягучих ночей, и скоро от неё не останется и следа...

...Его ночная борьба себя с собой закончилась разбитой столешницей, обездвиженной кистью и организацией розыска пропавшей Татьяны. Объявления в прессе, а так же по местным новостным каналам, опросы населения, прочёсывание территории не давали никаких результатов, но неожиданный звонок из другого города прояснил ситуацию. Звонил мужчина, случайно увидевший телевизионное объявление и узнавший в разыскиваемой женщине свою пассажирку — около десяти дней назад он приезжал в областной город к родственникам, и, возвращаясь, подобрал попутчицу. По дороге женщина ничего о себе не рассказывала, но интересовалась действующим женским монастырём, расположенным в окрестностях городка, в который они держали путь...

С помощью местного отделения милиции удалось установить, что Татьяна, действительно, находится в стенах монастыря. Связавшемуся с ней следователю она подтвердила, что приехала сюда добровольно, и что домой возвращаться не собирается.

Вероника Григорьевна умоляла Олега отвезти её к Тане... она надеялась уговорить бывшую невестку вернуться домой, но тот ответил категорическим отказом...

«Это её выбор, мама, — отрезал тогда Олег. — Она жива, здорова, так что успокойся. Я сделал всё, что мог...»

Вечером того же дня он снова пил коньяк, но бить столешницу уже не стал — не было желания, к тому же кисть под гипсом ужасно болела...

Сердобольная Вероника нет-нет, да возвращалась к этой теме, поэтому и сегодня, приехав к ней в гости, Олег был готов к подобному разговору.

— Заживёт рука, не волнуйся, мама... — перехватив её взгляд, Олег слегка пошевелил пальцами. — Врач обещает, что когда-нибудь восстановится...

— Я ведь за твоё здоровье волнуюсь...

— А я — за твоё... — Олег внимательно посмотрел матери в лицо — переживания последних лет отпечатались на нём скорбными морщинками. — Ты собираешься перебираться ко мне?

— Нет, сынок... — Вероника Григорьевна покачала головой. — К тебе я не пойду... Не хочу обременять.

— Ну, опять двадцать пять... — Дзюба хлопнул здоровой ладонью по колену. — Не будешь ты меня обременять! Наоборот, я хоть волноваться за тебя не буду.

— Ну, что ж за меня волноваться... Я с Мишей...

— Мишка через пару месяцев в казарме уже будет жить... — Олег недовольно покрутил головой. — Говорил же ему... иди на юрфак, зачем тебе эта школа милиции...

— Он хочет, как дедушка... — Вероника заступилась за внука. — У него будут увольнительные...

— Пару раз в неделю? — Дзюба хмыкнул. — А в остальные дни?.. Мама, пойми, я не могу приезжать к тебе ежедневно... У меня — гора дел, процесс за процессом, я и дома-то только к ночи появляюсь.

— Тем более, — мать смотрела на него грустно и ласково одновременно, и от этого взгляда ему становилось только тяжелее. — У тебя своего невпроворот... Пусть лучше мальчишки приезжают после школы ко мне. Во дворе погуляют, с другими детьми пообщаются... Что ты их как в темнице держишь?.. Школа — дом... дом — школа... Ни

друзей, ни уличных игр, машина и та с чёрными стёклами, они ж света белого у тебя не видят... И нянька у них — такая гадкая...

— Не забывай, чьи они дети, — Олег нахмурился — мать невольно наступила на его самую большую мозоль. — Им нельзя вот так, как другим, запросто ходить по улице. Они — в группе риска, мама. Так что, решайся, чтобы у меня ещё и за тебя голова не болела.

— Не поеду, сынок... Не обижайся... Не хочу, чтобы эта... твоя... ещё и меня со свету сживала, — говоря о гувернантке внуков, Вероника Григорьевна горестно сдвинула брови. — И где ты её только нашёл?!

— Её не будет, я обещаю. Как только ты переедешь ко мне, я её уволю.

Понимая, что исчерпан последний аргумент, мать на какое-то время замолчала. Наконец, подняв на сына взгляд, произнесла как-то жалобно:

— Если ты боишься за меня, то зря... Ко мне Аля будет приходить...

— Аля... — скептически усмехнувшись, Дзюба забарабанил пальцами левой руки по столу. — У твоей Али очередной запойный период...

— Ты её не осуждай... — мать заговорила тише. — Несчастливая она...

— Она знала, чем эта её «любовь» закончится.

— Так сердцу не прикажешь...

— Сердце... Она хоть знает, что такое — сердце?.. Ты про неё даже не вспоминай. Как только Мишка отправится на учёбу, ты переезжаешь ко мне. Других вариантов нет.

— Вариант есть... — Вероника Григорьевна сложила руки домиком на груди и подняла на сына умоляющий взгляд. — Олежек... Привези мне Таню?..

— Что?!

— Ну, какая из неё монахиня... Она же туда от отчаяния пошла, а не из-за веры. Плохо ей там, сердцем чую... Привези, сынок?..

— Мама... — едва сдерживаясь, чтобы не заорать, Олег стиснул зубы. — Чтобы я больше таких разговоров не слышал. Нету никакой Тани... И не было...

— Ну, тогда я сама за ней поеду. Не чужая она мне... что хотите со мной делайте... А — не чужая.

Тёплый июньский дождик, барабанивший всю ночь по крыше автомобиля, прекратился — тучи, так плотно окутавшие всё небо, вдруг рассеялись, обнажив бледно-голубую основу, по восточному краю плавно переходящую в розоватую канву, с каждой минутой поднимающуюся всё выше и выше...

...Приоткрыв дверцу своего внедорожника, Олег сидел, откинувшись на подголовник и закрыв глаза... Густой травяной аромат врывается в дорогой салон с каждым порывом летнего ветерка, заполняя всё пространство автомобиля. Казалось, что вот так можно сидеть бесконечно — вдыхая свежий рассветный воздух и наслаждаясь утренней прохладой, идущей от старых монастырских стен.

Он нарочно выехал из дома ночью, чтобы приехать на место рано утром. Он знал, что ему нужно ещё немного времени, чтобы окончательно утвердиться в своём решении...

Впрочем, это могло быть лишним... о том, что это самое решение принято им окончательно и бесповоротно, говорили цифры на спидометре — он даже боялся смотреть на них, когда мчался по ночной трассе... Этому решению не помешала даже всё ещё не поправившаяся кисть — пальцы шевелились уже веселее, но всё ещё с трудом держали предметы, поэтому рулить приходилось на свой страх и риск, практически одной рукой...

Что послужило толчком... печальные глаза тоскующих по маме сыновей?.. Неустанные мольбы его собственной матери?.. Или звонок настоятельницы монастыря — неожиданный, сделанный вопреки всем канонам...

«Я хочу поговорить с вами... — матушка Серафима, как представилась ему настоятельница, говорила приятным, грудным голосом. — Это не по просьбе вашей бывшей жены... Я звоню по собственной инициативе, а номер телефона узнала в справочном...»

...Он не был готов к этому звонку, поэтому воспринимал всё сказанное с трудом... и лишь потом, положив трубку, долго и мучительно вспоминал обрывки фраз, долетевшие до его сознания...

«Я знаю всю историю сестры Татианы. Я могу судить... Монашество — не её удел. Она этого не понимает, ею движет лишь чувство вины и желание замолить свой грех... Но это разные вещи. Я не призываю вас простить свою бывшую жену... Я лишь хочу сказать вам, что у неё не хватит сил... быть послушницей нелегко, а стать монахиней — для многих непосильная задача... К этому нужно прийти... А ваша жена — она слишком слаба для такого испытания. Она просто не дойдёт до конца... Вера излечивает души... Но такой веры у неё нет...»

После этого звонка он ещё долго боролся сам с собой... Решение пришло неожиданно, спонтанно... Отправив детей к матери, Олег тут же снова сел в машину...

...Если бы он увидел её в толпе на улице, то вряд ли бы узнал. Длинная, почти до пят, юбка... платок, покрывающий волосы до последней прядки... Лицо — исхудавшее, измученное, то ли тяжёлой работой, то ли непосильными думами... Глаза — они и раньше были большими, а теперь кажутся и вовсе огромными — печальные, потухшие... Даже ежедневные молитвы не смогли зажечь в них живой огонёк...

— Таня...

...Она не знала, кто зовёт её... Ей лишь сказали, что нужно выйти — с разрешения матушки Серафимы. Она ожидала увидеть кого угодно... только не его.

— Здравствуй... — она сказала это одними губами, почти беззвучно, не отрывая испуганного взгляда от его побледневшего лица... Она смотрела, как будто пыталась понять — с какой целью он здесь... какую новость привёз... какую ещё кару уготовил...

— Не бойся... — видимо, почувствовав её страх, Олег сделал осторожный шаг вперёд. — Я приехал за тобой...

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ. Продолжение следует.

Больше книг на сайте — Knigolub.net